[illegible]

О ЖИЗНИ И О СЕБЕ

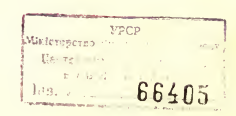

К. Е. ВОРОШИЛОВ

РАССКАЗЫ О ЖИЗНИ

(Воспоминания)

Книга первая

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1968

В75
ЗКП 1(092)

Ворошилов Климент Ефремович.

РАССКАЗЫ О ЖИЗНИ. (Воспоминания). Кн. 1. М., Политиздат, 1968.

368 с. с илл. (О жизни и о себе).

ЗКП1(092)

Редактор *Н. С. Гудкова*

Художник *М. И. Эльцуфен*

Художественный редактор
С. И. Сергеев

Технический редактор
Е. И. Каржавина

Сдано в набор 31 октября 1967 г. Подписано в печать 19 января 1968 г. Формат $60 \times 84^1/_{16}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 22,665. Учетно-изд. л. 18,29. Тираж 100 тыс. экз. А 11898. Заказ № 875. Цена 92 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

1-2-2
70-БЗ-50-67

В жизни каждого человека, особенно в преклонном возрасте да еще прошедшего долгий и трудный путь, наступает такой момент, когда хочется оглянуться на пережитое, воскресить в памяти и тяжелые, и славные годы.

Судьбы людей не похожи одна на другую, как не схожи и сами люди: у каждого свое лицо, свой характер, свои наклонности и привычки, свое призвание. Но в жизни революционеров-единомышленников, составляющих нашу партию,— а в ее рядах я имею честь состоять вот уже более шестидесяти лет — много общего: все мы бескорыстно служим интересам народа и неустанно боремся за улучшение его жизни. Поэтому те трудности и испытания, которые выпали на долю каждого из нас, неотделимы от нашей общей борьбы за торжество коммунизма. Рассказ о них может стать источником более ясного представления о той поистине титанической борьбе, которую провел наш народ под руководством великой партии коммунистов, партии Ленина в дореволюционный период, и о тех всемирно-исторических победах, которые одержаны нашей партией и народом после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Я не верю в предопределение, но я благодарен своей судьбе за то, что мне выпал именно тот путь, который мне довелось пройти. Нет выше доли рабочего человека и солдата революции! И я счастлив тем, что получил свою первую рабочую закалку в среде донбасских пролетариев, участвовал в трех революциях, видел и слышал великого Ленина, был лично знаком с ним и выполнял его поручения, защищал нашу Родину от белогвардейщины и иностранной интервенции в начальный период Советской власти, от гитлеровского нашествия в суровые годы Вели-

кой Отечественной войны, был и являюсь участником бурного социалистического, коммунистического строительства.

Вместе с народом прошел я великий и трудный путь восхождения страны от безграничного господства эксплуататоров к свободе и подлинному народовластию, от отсталости к прогрессу. Быть может, мои воспоминания о старом мире помогут читателю, особенно юному, глубже понять всю мерзость и гнилость этого мира, по достоинству оценить наши великие завоевания, нашу поистине прекрасную жизнь, ставшую маяком для всех свободолюбивых народов мира. Если мне хоть в какой-то мере удастся достигнуть этой цели, я буду удовлетворен тем, что и на склоне лет частица моего труда влилась в могучий поток всенародной борьбы за коммунизм.

Предлагая вниманию читателей первую книгу своих воспоминаний «Рассказы о жизни», считаю своим непременным долгом отметить значительную помощь, оказанную мне в осуществлении этой работы и в литературном редактировании рукописи другом и помощником моим В. С. Акшинским.

Одновременно хочу отметить работу по сбору материалов о гражданской войне моих бывших помощников и адъютантов, ныне покойных С. Н. Орловского, Г. И. Лецкого и Р. П. Хмельницкого, а также по сбору некоторых материалов о Великой Отечественной войне бывшего моего адъютанта и помощника Л. А. Щербакова. Эти материалы будут использованы мной в дальнейшем.

Выражаю сердечную благодарность всем товарищам и учреждениям, которые помогли мне в поисках архивных и иных материалов, имеющих отношение к моей жизни и революционной деятельности, и высказали свои замечания, советы и пожелания в процессе предварительного ознакомления с некоторыми главами этой работы.

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАЧАЛО ПУТИ

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ДЕТСКИХ ЛЕТ

Давнее-давнее время — последние десятилетия XIX века. Немеркнущие картины родной природы — степные просторы Украины, Северный Донец, совсем не похожие друг на друга берега этой живописной реки. Здесь, на стыке Харьковской и бывшей Екатеринославской губерний (ныне Луганская область), суждено мне было родиться в бедной трудовой семье и провести свои детские годы — такие холодные и голодные и в то же время такие светлые и радостные в моем ребячьем восприятии. Они оставили в моей душе неизгладимый след.

Чтобы более или менее точно определить это место, лучше всего найти на крупномасштабной карте населенные пункты Луганской области — Рубежное, Северодонецк, Лисичанск, Нижнее, Вороново и соединить их воображаемой линией. Этот контур охватит часть Северного Донца и примыкающие к нему с обеих сторон прибрежные участки земли. Вот на этом сравнительно небольшом пространстве открылся для меня впервые мир с его добром и злом, радостями и печалями. В этих местах и пролегли мои самые ранние жизненные тропки.

Правый берег Северного Донца в этом районе высокий, холмистый, во многих местах изрезан буераками и оврагами, заросшими лесом и кустарником. Здесь много хорошей земли, и на ней процветает земледелие. Левый берег реки, низкий и равнинный, выглядел совершенно иначе.

Хотя и здесь берег окаймляют чудесные рощи, состоящие из дуба, вяза, клена, березы, липы и других лиственных пород, но ширина этого леса была невелика — всего несколько сот саженей. А дальше на большие расстояния вдоль реки раскинулись желто-белесые пески. Их широкая полоса сливалась с Доном. Видимо, воды Северного Донца, упираясь здесь в Донецкий кряж, огибали его и, размывая более мягкие породы, выносили их на левый берег реки. Среди этих песков разбросаны большие и малые озера.

Есть в тех местах и еще одна особенность. На левобережных песках почти нет украинских сел — повсеместно здесь разместились русские поселения. Тут все свое, самобытное, истинно русское: свой уклад жизни, свои обычаи, свои песни. Одевались женщины и мужчины совершенно иначе, чем украинцы, и говорили на чисто русском языке. В праздники женщины появлялись на улицах в нарядных сарафанах, надевали звонкие мониста, украшали головы блестящими кокошниками. Особенно ярко выглядели молодицы — прямо царевны из древнерусских сказок.

Хочется хотя бы вкратце рассказать о селе Боровское, о хуторе Воронов Старобельского уезда Харьковской губернии — местах рождения моей матери и отца. Это волостное село и примыкающие к нему хутора никогда в крепостной зависимости не состояли. Населяли их государственные крестьяне.

На песках было весьма трудно заниматься сельским хозяйством, но здесь все же кое-где сеяли рожь, хотя и снимали низкие урожаи. Больше выращивали картофель и различные овощи. Чтобы хоть как-то свести концы с концами, русские крестьяне занимались различными ремеслами. Особенно широко был распространен колесный промысел; изготовляли также телеги, сани. Лес на эти цели покупали у помещиков и добывали кто где и как мог. Иногда совершались тайные порубки, за что помещичьи лесники жестоко расправлялись с мужиками.

Однажды, как рассказывали старики, лесники в зимнее время поймали с поличным пожилого крестьянина: он только что срубил большое дерево. Его избили, заломили ему руки и связали их за спиной, а затем надкололи сваленный дуб, расщепили конец его клином и в образовавшуюся щель засунули бороду несчастного. После этого выбили клин, раздели и разули крестьянина и ускакали прочь. В роще не было ни души, никто не мог выручить по-

павшего в беду человека — он так и замерз у сваленной им лесины...

Как случилось, что на левом берегу Северного Донца, в глубине украинской территории, оказались русские поселенцы, я долгое время ничего не знал. Не могли что-либо сказать об этом и самые древние старожилы. Только однажды, когда я уже вступил на путь революционной борьбы, мне встретился человек, который высказал свое суждение по этому поводу. Это был помощник волостного писаря села Боровское.

Он сказал, что мои земляки — это избежавшие казни и высланные из Москвы стрельцы, потомки тех бунтарей, головы которых после известного стрелецкого бунта торчали на крепостных стенах в разных местах Москвы.

— В наказание за непокорность сослали их на эти пески,— сказал он.— А может быть,— добавил он после некоторого раздумья,— нашими предками были сыны казацкие. Много казачьих полков стояло когда-то на Украине...

Позднее я не раз пытался выяснить что-либо достоверное о заселении левобережья Северного Донца, но среди многих прочитанных исторических книг не встретил об этом ни строки. Одно было ясно: добровольно на этих песках никто бы не поселился. Очевидно, было какое-то серьезное принуждение, и это заставило людей смириться со своей судьбой и забыть былое. Но они не разбежались, не растворились в окружающей среде и с каким-то самоотверженным упорством жили компактной группой, ревниво оберегая свою самобытность, родной язык.

Начав работу над этой книгой, я более глубоко ознакомился с архивными документами и различными печатными источниками, так или иначе освещающими истоки развития Донбасса, и в частности той его части, которая стала местом моего детства. Передо мной открылись многие подробности, которые позволяют мне еще в большей степени гордиться родиной и теми своими предшественниками, кому довелось открывать и обживать эти милые сердцу степные просторы.

Когда-то, в старину, эти места были почти безлюдной степью, где лишь вдоль рек оседло жили местные аборигены — славяне, булгары и другие этнические группы. Именно отсюда совершали свои набеги на Русь кочевые орды печенегов и половцев.

Со времен монголо-татарского нашествия все эти степ-

ные просторы были частью так называемого дикого поля — огромного пространства, раскинувшегося от верховьев рек Воронеж, Хопер, Медведица до Азовского моря и от Донецкого кряжа до низовьев Волги. Здесь укрывались все, кто спасался от царских, княжеских, боярских и воеводских притеснений в глубине России,— беглые крестьяне, холопы, посадские и работные люди, стрельцы, бунтари — всякого рода вольница. Они обживали эти места и, защищая родную землю, первыми принимали на себя удары кочевников.

В XVI веке река Северный (Северский) Донец являлась границей между Московским государством и Крымским ханством. Для охраны этой границы сюда и в другие южные районы царское правительство переселяло некоторую часть жителей из Центральной России и Украины. Русская и украинская колонизация создавала уже тогда своеобразный смешанно-национальный колорит населения этих мест. И когда в более поздние времена приток украинцев усилился, русские остались здесь в меньшинстве.

Выход России к Черному морю, успешные войны русской армии против турок и освобождение от турецкого владычества южных украинских земель и Крымского полуострова потребовали хозяйственного освоения и укрепления этих мест, изыскания здесь полезных ископаемых, железной руды и прежде всего каменного угля — главным образом для создания литейной промышленности, а также и для снабжения им кораблей Черноморского флота. С этого времени усиливается приток сюда рабочего люда из центральных областей, начинается более или менее быстрое заселение этих мест.

Первым открыл месторождения каменного угля в восточной части донецких степей, в Лисичьем буераке (ныне город Лисичанск), русский рудознатец, подьячий Григорий Капустин. Это было в 1722 году, в последний период жизни Петра I. Найдены были здесь, в районе сел Белое и Городище, и железные руды. Однако широкая разработка угольных и рудных залежей началась значительно позже — в конце XVIII века.

Наличие угля и железной руды предопределило создание в 1796 году на берегу реки Лугань первого в Донбассе казенного чугунолитейного завода. В дальнейшем вокруг завода вырос город Луганск, в котором в самом начале XX века провел я свои молодые годы.

В связи с освоением территории в здешние места с середины XVIII века наряду с русскими и украинцами царское правительство направляло также выходцев из соседних стран — болгар, сербов, венгров и других, спасавшихся от турецкого ига в балканских государствах. В 1753 году здесь была образована так называемая Славяносербия, а с 1754 года сюда началось переселение иностранных колонистов с территории Турецкой и Австрийской империй. Однако следует сказать, что численность выходцев из других стран здесь всегда была незначительной.

Именно в эти годы на Северный Донец были направлены находящиеся в составе русской армии воинские подразделения сербов во главе с полковниками И. Шевичем и Р. Прерадовичем. Они были размещены на правом берегу реки и основали здесь ряд сел, которые были названы по номерам рот. С тех пор сохранились в этих местах двойные названия некоторых сел: Вергунка (Вторая рота), Верхнее (Третья рота), Красный Яр (Четвертая рота) и так далее — до Пятнадцатой роты. О поселениях западных славян напоминало название Славяносербского уезда в составе бывшей Екатеринославской губернии.

В начале XVIII века, когда в этих отдаленных от центра местах процветала вольница, состоявшая в основном из крестьянских и городских низов, бежавших от крепостного гнета помещиков и царской администрации, Петр I принял жестокие меры к розыску и возвращению беглых, непокорных людишек. В 1707 году он приказал переписать беглых во всех казачьих городках на Дону и его притоках, а затем всех их выслать на места прежнего жительства. Тогда же в бассейн Дона был послан карательный отряд князя Ю. В. Долгорукого, который чинил дикие расправы с непокорными.

Возмущенные жестокими репрессиями, беглые крестьяне и казаки напали на карательный отряд и разгромили его, при этом был убит и его начальник — князь Ю. В. Долгорукий. Так началось знаменитое восстание Кондрата Булавина (1707—1708), выразившее гнев, боль и ненависть всего угнетенного русского крестьянства к феодально-помещичьему строю.

В документах того времени упоминается и Боровской городок. В Старо-Боровском городке в самом начале восстания Булавин обратился к народу с речью, и по его призыву ряды повстанцев пополнились свежими силами. В этом

городке восставшие уничтожили все царские указы и переписку, хранившуюся в так называемой крепостной избе. В одном из документов царские слуги писали: «...тот вор Булавин, после убития княжего, стал еще многолюднее собиратца в Боровском и уже де набралось их бунтовщиков тысячи з две» [1].

Руководитель этого казацко-крестьянского восстания Кондратий Афанасьевич Булавин рос, набирался сил и стал ярым защитником бедноты на той же самой земле, где протекало и мое детство. Он был родом из Трехизбянской станицы, расположенной всего лишь в двадцати верстах от Боровского, был станичным атаманом донских казаков, а в годы, предшествовавшие восстанию, являлся атаманом солеваров в Бахмуте (ныне город Артемовск Донецкой области).

В свое время село Боровское носило название слободы и было приписано к Старобельскому уезду существовавшей тогда Слободско-Украинской губернии. Но это, как говорится, к слову.

Литературные источники упоминают старый и новый Боровской городок, а какой из них послужил основанием для нынешнего Боровского, сказать трудно. Да и не задавался я такой целью: какое это, в конце концов, имеет значение...

Булавинское восстание было подавлено железом и огнем. Тысячи его участников и сочувствовавшей восставшим голытьбы — беглых крепостных крестьян, солдат, матросов и работных людей — были повешены, четвертованы, посажены на кол. Дотла был уничтожен и сам старый Боровской городок, а его жители, принимавшие активное участие в восстании, почти полностью истреблены. Часть боровчан сослали на каторгу в Азов. В одном из дошедших до нас списков азовских каторжан указаны имена и некоторых казаков «Боровской станицы» — Фирс Дивавин, Агафон Севученин, Карп Леонов, Тимофей Абариков, Федор Остахов, Фома Трегубов, Лавер Фролов, Андрей Корнеев, Правотор Иванов, Микифор Шестопалов, Самойла Лабызов, Гаврила Аблаухов, Филипп Зыбин, Максим Топоров, Герасим Сасов, Степан Яковлев, Леон Струков, Филипп Мамонов, Василий Алисов, Иван Чекмарев, Федор Лупоглаз, Михайла

---

[1] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 9, кабинет Петра I, отд. 2, кн. № 7, л. 894—895.

Березин, Филипп Малунев, Козьма Алисов, Леон Пожерихин [1]. Вот они, достойные предки моих родителей, всех нынешних боровчан!

В те стародавние времена и были оттеснены за Северный Донец русские люди, образовавшие здесь свои поселения. Во всяком случае, все говорило тут о принудительном заселении этих малопригодных к земледелию мест, о стойкости людей, сумевших на песке выращивать хлеб. Они не роптали, не хныкали, а мужественно боролись за свое существование. Такими я и помню их в дни моего детства.

Русские-боровчане и украинцы из близлежащих сел жили дружно, хотя общались не очень часто. Однако в этой близости была все же заметна определенная грань, и как-то само собой получалось, что жители соседних сел не перемешивались — в украинских и русских селах был почти полностью однородный национальный состав.

Будучи малочисленны, русские — без всякого умысла, а скорее по какой-то внутренней интуиции — сохраняли свои национальные особенности, оставаясь теми, кем были они сами и их предки испокон веков. И если, бывало (а это случалось лишь с солдатами, и то редко), русский женился на украинке, то и она через какое-то время все реже изъяснялась на своей украинской «мове». Затем она и вовсе как бы забывала свой язык и говорила лишь на русском языке.

Обо всем этом, разумеется, не думалось в детские годы. Но зато много лет спустя, в пору скитаний и ссылок, мысли мои невольно тянулись к родным местам, к этому русскому островку на украинской земле.

Да и как могло быть иначе! Ведь многое здесь связано с жизнью нашей семьи. В хуторе Воронов Боровской волости родился мой отец, в самом Боровском — моя мать. Недалеко от этих мест, вблизи села Верхнее Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, в железнодорожной сторожевой будке началось и мое существование.

Будка стояла на линии Екатерининской (ныне Донецкой) железной дороги, между станцией Переездная и разъездом Волчеяровка. Отсюда с правого берега Северного Донца было рукой подать до Боровского.

Родился я в 1881 году 4 февраля (22 января по старому стилю). Мой отец работал в то время путевым обходчиком

---

[1] См. «Булавинское восстание 1707—1708 гг.». Сборник документов. М., 1935, стр. 359.

на железной дороге. Я был третьим ребенком в семье. После меня появились еще дети, но это было уже в иных местах: отцу приходилось довольно часто менять работу. Старше меня были брат Иван и сестра Катя, моложе — сестры Анна и Соня.

Тяжелые условия жизни и частые, в том числе и повальные, болезни косили тогда детвору. Не избежала этой участи и наша семья: в раннем возрасте умерли Иван и Соня.

Мои родители, как и все простые люди в то время, были совершенно неграмотными. Характеры их были своеобразные — различные, несхожие. В отце жил беспокойный, бунтарский дух, он был горяч, вспыльчив, самолюбив и нередко защищал свое человеческое достоинство от всяких обидчиков весьма примитивным способом — кулаками. Он не мог переносить незаслуженных обид, несправедливости и именно поэтому часто кочевал с места на место. Мать была его прямой противоположностью. Спокойная, набожная, она безропотно трудилась всю жизнь, молча сносила все невзгоды и лишения. Мне очень дорога их память, и я не могу не сказать о них теплых слов сыновней признательности, не выразить им своей глубокой, сердечной благодарности.

Отец мой, Ефрем Андреевич Ворошилов (1844—1907), происходил из крестьян. Он был шестым сыном в большой семье моего деда Андрея, которого я никогда не видел. Братья отца — Свирид, Василий, Иван и другие — были привязаны к земле и никогда не отлучались из своей деревни. Судьба отца сложилась по-иному.

В свои детские годы он, как и все члены их семьи, крестьянствовал, а с 17—18 лет пошел отбывать солдатчину. Призван он был в царскую армию не в свой срок, а вместо одного из своих старших братьев (такие замены тогда допускались законом). Чем это было вызвано, я не знаю, и отец никогда об этом не рассказывал, да, скорее всего, он и сам не знал этого.

Солдатская служба в ту далекую пору продолжалась более десяти лет, и, кроме того, по существовавшему в те времена закону крестьяне, призываемые в армию, исключались из так называемой ревизской сказки и тем самым лишались земельного надела по месту жительства (этот порядок был отменен лишь после 1867 года, когда, по военной реформе, вернувшимся с военной службы стали предоставлять землю). Однако мой отец, Ефрем Андреевич, возвра-

тившись после военной службы в родное село, оказался без земельного участка — основного средства существования. Ему ничего не оставалось, как пойти скитаться в поисках работы, пробиваться случайными заработками. Такова была тогда доля любого безземельного крестьянина. И отец испытал ее до конца.

Братья отца, видимо, не оказали ему помощи, и он начал кочевать с места на место. Работал в помещичьих имениях, на шахтах и рудниках, путевым обходчиком на железной дороге. Впоследствии отец весьма редко вспоминал о братьях и не особенно интересовался их жизнью. Следует сказать, что и они, в свой черед, не пытались выяснить судьбу младшего брата, а она у него была нелегкой, и во многом оттого, что он выручил одного из них.

Женившись на такой же, как и он сам, беднячке, отец стал постоянным наемным рабочим. Он не гнушался никаким трудом. Вскоре, однако, пришла новая беда — он опять угодил в солдаты: шла русско-турецкая война 1877—1878 годов. И только спустя более двух лет отец снял солдатскую шинель и вернулся к семье. Но и после этого положение его ни в чем не изменилось: ему предстояло шагать все по той же трудной дороге батрака-чернорабочего.

Мать моя, Мария Васильевна Ворошилова, урожденная Агафонова (1857—1919), была потомственной крестьянкой и в девичестве никуда не выезжала из своего родного села Боровское. Знала лишь свой дом, поля да выгоны. Зато после замужества жизнь ее потеряла устойчивость, и ей вместе с моим отцом приходилось часто менять местожительство. Нужда, невзгоды и беспокойный характер отца тяжело отзывались на ее жизни, но она не склонила головы и, будучи обремененной семьей, работала и по дому, и в наймах — была и прачкой, и кухаркой.

Особенно трудно приходилось во время очередной ссоры отца с хозяином или с приказчиками. Тогда он сам бросал работу (что бывало довольно часто) или его увольняли, и он на долгое время оставлял семью, пропадая в поисках хотя бы случайного заработка.

В это время все заботы о семье сваливались на плечи матери. Надо было хоть как-нибудь накормить нас. Об одежде и обуви думать не приходилось — мы ходили полубосые и полураздетые.

Мать оставалась спокойной и ровной. Только темнела лицом и была более молчаливой. Когда было совсем лихо,

матушка посылала меня и старшую сестру Катю по миру — просить милостыню. И хотя это случалось довольно редко, она мучилась, переживая это, как великое горе.

В 6—7-летнем возрасте я уже многое повидал и многое по-детски перечувствовал. Разумеется, я не мог еще понимать, почему так происходит, но эти и другие впечатления откладывались где-то в подсознании. Этому способствовали частые переезды семьи с места на место.

В селе Смоляниново Старобельского уезда отец определился чернорабочим в имении богатого помещика — генерала Суханова. Помещик жил в Петербурге и редко наезжал в свое имение. И без него жизнь здесь шла своим чередом: батраки-поденщики и постоянные рабочие гнули спину на полях, пасли коров и большие отары овец (это был все наемный люд, но местные жители, видимо по старой дореформенной привычке, называли их дворовыми, а иногда и того хлеще — дворянами). А когда являлся «сам», тут все преображалось. Задолго до приезда генерала все в доме мыли, расчищались и подметались дорожки в большом барском саду с тремя прудами и многими беседками.

Мы, детвора, хорошо знали эти места, куда не раз в отсутствие хозяев забирались для своих детских игр. В тенистых аллеях парка было особенно хорошо. Хотелось побегать, пошалить, но страх перед сторожами и садовниками не давал сделать этого.

Генерал Суханов жил на широкую ногу. Он имел роскошные конюшни, хороших верховых лошадей, был большим любителем охоты. Его выезды в лес к местам охоты обставлялись с большой торжественностью. Группа охотников во главе с хозяином выезжала кавалькадой, их сопровождали большие свиты слуг, своры собак и специальная команда егерей-музыкантов.

Эти охоты-увеселения продолжались целыми днями и чаще всего заканчивались вечером большими балами, проходившими в барском саду-парке. К этому времени сюда приезжали гости из разных мест, звучала музыка, кружились в танцах разодетые господа и дамы.

Мы, «дворовые» дети, наблюдали все это из укромных мест в гуще садовых кустарников и через ограду. Слушая игру оркестра, обменивались восторженными замечаниями. Может быть, эти первые впечатления детства и заложили в мою душу любовь к музыке, которой я верен и поныне.

Вспоминается одна встреча с людьми из этого далекого от нас барского мира. Было это в тихий и погожий летний день. Моя мать, работавшая тогда в имении генерала, вела меня как-то по барскому саду. Я был еще очень мал, и она часто брала меня на руки. В это время нам встретились две господские барышни. Они были очень веселы и стали расхваливать меня:

— Какой здоровый, крепкий мальчик!

Потом одна из барышень спросила матушку:

— А как тебя зовут?

— Мария,— ответила мать, смущенно улыбаясь.

— Какое простое и хорошее русское имя — Маша,— сказала одна из девушек.

А другая добавила:

— Пойдемте с нами.

Помнится, мы поднялись на второй или даже на третий этаж господского дома. Все, мимо чего мы проходили, поражало своим великолепием: ковры, красивые занавески, блестящие канделябры. Особенно живописно было в комнате барышень. На их кроватях были яркие покрывала, груды подушек. Пахло духами. Все было для нас необычно, поразительно красиво. Мы боялись сделать лишний шаг, чтобы не задеть за что-либо нашей простой и грубой одеждой.

Видимо, мы попали барышням на глаза под хорошее настроение. Они угостили нас конфетами, пряниками. Коечто завернули еще в бумагу — с собой. И мы ушли.

Посещение барского дома надолго сохранилось в памяти. Это и понятно: ведь все, что мы увидели там, было резким контрастом по сравнению с тем, что каждый день окружало нас. Особенно больно все это напомнило о себе вскоре после того, как мы переехали в село Васильевка Славяносербского уезда Екатеринославской губернии. Здесь мы поселились в землянке с глиняным полом и крохотным оконцем, в которое едва пробивался свет.

Из этой поры раннего детства в памяти сохранилось два события.

Одно из них связано с ребячьей шалостью. Как-то в землянке мы затеяли игру не то в жмурки, не то в пятнашки. И когда одна из сестер хотела схватить меня, я попытался увернуться и резко кинулся в сторону. Споткнувшись, я упал и при этом очень сильно ударился лбом об угол плиты. Все мое лицо залила кровь, и мы едва уняли ее. Рана вскоре

зажила, но на лбу у меня на всю жизнь осталась отметина — небольшой шрам. В дальнейшем, когда я уже вступил на путь революционной борьбы, по этому шраму старались опознать меня сыщики и полиция.

Другое памятное событие тех лет — болезнь и смерть самой младшей и горячо любимой всей семьей моей сестренки Сони. Не знаю почему, но оспа, вспыхнувшая тогда в уезде, свалила в нашей хатенке только ее, хотя ни у кого из членов нашей семьи не было противооспенной прививки.

Соня болела долго и мучительно. Ни о какой врачебной помощи и лекарствах мы, конечно, не могли и помышлять, только горестно сокрушались, глядя на больную. Она металась в жару, таяла на глазах, часто стонала и что-то неслышно бормотала пересохшими губами. В такие минуты мы всячески старались облегчить ее страдания. Но что мы могли сделать? Потеплее укрыть, поднести лишнюю кружку воды — вот и вся наша помощь несчастной.

Когда Соня скончалась и ее попытались обмыть, то с нее даже не снялась рубашонка: материя прилипла к струпьям на теле. Страшно было смотреть на все это.

Так горестно началась для нас жизнь на новом месте. Но такова уж участь бедняков — им и горевать-то долго не дает нужда: надо снова в поте лица добывать кусок хлеба.

Здесь, на новом месте, мне пришлось испытать и увидеть много такого, чего я прежде еще совсем не знал. Семилетним мальчуганом я стал пастухом. Все это явилось еще одной ступенькой в моих детских представлениях о жизни, в познавании мира. Но об этом хочется рассказать подробнее.

ПАСТУШЬЯ ДОЛЯ

Село Васильевка, хотя и было волостным центром, все же представляло собой весьма скромный, небольшой населенный пункт. Недалеко от него находилась железнодорожная станция Юрьевка Екатерининской железной дороги. Тут же, за большой сельской площадью, расположилось богатое поместье Алчевского. Рядом с поместьем возвышалась церковь, а в низине, близ сельской околицы, на радость местной ребятне, был пруд.

В то время я, разумеется, ничего не знал о том, что вся территория вокруг Васильевки и далеко за ее пределами

долгое время принадлежала крупному помещику И. И. Гладкову. Лишь много позднее я узнал, что после отмены крепостного права, в 1861 году, многие гладковские крестьяне, как и миллионы других по всей стране, оставшиеся без земли и без средств к существованию, стали уходить куда попало в поисках заработка. Помещик-крепостник не смог приспособиться к новым условиям, хлебопашество и скотоводство на его полях и выпасах стали хиреть, и он был вынужден в 1878 году заложить свои земли в Харьковский земельный банк. Через год их выкупило Алексеевское горнопромышленное общество, ведущая роль в котором принадлежала харьковскому банкиру и промышленнику Алчевскому. Позднее все эти земли перешли в его полную собственность.

Прокладка в 1887 году железнодорожной линии от станции Миллерово Екатерининской железной дороги до Луганского литейного завода привела к тому, что вновь приобретенные земли Алчевского оказались в полосе оживленного железнодорожного движения. В 1890 году Алексеевское горнопромышленное общество начало здесь сооружение коксовых батарей. Вскоре это строительство было соединено железнодорожными ветками с Юрьевским, Павловским, Селезневским и другими рудниками. Все уже тогда предвещало бурное промышленное развитие этих мест.

Наличие железной дороги, близко расположенных к ней угольных и рудных залежей, а также соседство крупных источников водоснабжения привели к тому, что именно здесь в конце XIX века был построен огромный металлургический завод, сыгравший заметную роль и в моей судьбе. Но в те годы, о которых идет речь, когда я был желторотым юнцом, в селе Васильевка еще царила обычная деревенская тишина. Эту тишину лишь изредка нарушали пронзительные паровозные гудки, доносившиеся со станции Юрьевка, или грохот проходящих невдалеке поездов.

Когда-то в селе была церковноприходская школа, но ее по неведомым причинам закрыли еще года за два до нашего переселения сюда. Поэтому в момент нашего приезда дети здесь не учились, хотя кое-кто из них уже умел читать и писать. А что касается взрослого населения, то оно было поголовно неграмотным. В нашей семье тоже никто не знал ни одной буквы.

Как уже было сказано, почти все земли в этой округе

принадлежали одному человеку — крупному помещику, промышленнику и банкиру Алексею Кирилловичу Алчевскому. Здесь все от него зависели, почти все на него работали. Местные крестьяне имели и собственную землю, но их узкие полоски терялись в просторах помещичьих черноземов, которые окружали не только это село, но и соседние — Селезневку, Ящиковку и другие.

Бывший чумак, водивший когда-то соляные обозы от Черного моря в Петербург, Алчевский в свое время быстро разбогател, а затем выветрил из поместья дух старины и патриархальщины, завел в хозяйстве чисто капиталистические порядки — наемную рабочую силу, машины, высокоразвитое животноводство, широкую торговлю сельскохозяйственной продукцией. На его землях в большом количестве выращивались яровая и озимая пшеница, овес, ячмень, гречиха, но больше всего — кукуруза. Обильные урожаи кукурузы заполняли вместительные хранилища. Это были огромные — до ста саженей в длину — дощатые амбары с просветами между досками для проветривания початков. В этих недорогих и довольно простых сооружениях кукуруза очень хорошо сохранялась, иногда лежала на месте год или два, и я не помню, чтобы когда-либо говорилось о ее порче.

Из складов в селе Васильевка кукурузу по железной дороге вывозили в Одессу, а оттуда на пароходах отправляли в другие страны. Как назывались эти государства, никто не знал, да и не особенно интересовались этим. Вокруг амбаров постоянно обитало множество крыс.

Постоянных рабочих в этом имении было сравнительно немного: скотники, конюхи, машинисты, кочегары, кучера, сторожа. Зато с весны и до осени здесь скапливалось более сотни так называемых сроковых рабочих и работниц, или, попросту говоря, батраков-сезонников. Они прибывали из разных мест, иногда из дальних районов. Чаще всего это были курские, воронежские и тамбовские крестьяне. Особенно большой наплыв их был в уборочную пору — в осеннюю страду.

В большом и сложном хозяйстве Алчевского нашлось место и для моего отца. Его определили на «постоянное» место, чередником (так называли здесь пастухов). Никаких квартир работникам не полагалось, да и не было их тут. Приходилось каждому устраиваться как кто сумеет. Нашей семье удалось снять для жилья за довольно скромную сумму

захудалую хатенку во дворе у одного из местных крестьян — Тимофея Крамаренко. В этих «хоромах» наша семья прожила несколько лет.

Хочется отметить, что Тимофею Крамаренко недолго удалось сохранять свою хозяйственную самостоятельность. Он не смог прокормить жену и детей на имевшемся у него клочке земли и вынужден был стать, как и мой горемыка-отец, наемным рабочим. Вначале он определился сторожем на железнодорожную станцию, а затем перешел на ту же должность в экономию Алчевского. Дочери его Евгения и Елена тоже хлебнули лиха на всякого рода черной работе, пока не вышли замуж, а сын Михаил, мой ровесник, стал заводским рабочим — настоящим пролетарием. Так размывались тогда многие крестьянские семьи, и выходцы из них постоянно пополняли собой пролетарские ряды.

Как и другие находившиеся в таком же положении люди, мы жили очень бедно. Отцу была положена нищенская плата — 60 рублей в год, или 5 рублей в месяц. Как и у генерала Суханова, ему выдавали небольшую приплату натурой: муку, пшено, постное масло, а иногда и свиное сало — в весьма ограниченном количестве. Всего этого не хватало — пошла внаем и мать, стала кухаркой.

Я хорошо помню это время, и у меня до сих пор сердце обливается кровью, когда я вспоминаю, какие тяготы обрушились тогда на мою матушку. Чтобы накормить утром рабочих завтраком, ей приходилось вставать чуть свет. Затем ей надо было готовить обед, ужин и каждый раз после еды мыть гору посуды. Возвращалась она домой позднее всех, усталая, измотанная. Но она была чрезвычайно довольна тем, что имела самостоятельный заработок,— не так страшно, если отец снова останется без работы. Кусок хлеба детям она зарабатывала.

Однако жить становилось все труднее и труднее. Пришлось определить на заработки старшую сестру, тринадцатилетнюю Катю, а затем и меня — совсем еще несмышленыша. Я должен был вставать вместе с матерью еще затемно и вместе со своим напарником Васей, который был года на три старше меня, гнать на пастбище стадо телят.

Хотелось спать, мы с Васей зябли спозаранку от росистой травы, утренних туманов. Стараясь разогреться, мы бегали за телятами или просто размахивали кнутом. Незаметно сон проходил, и мы втягивались в свой трудовой ритм. Становилось теплее, и мы отогревались на солнышке. Но

нежиться не приходилось: все время надо было смотреть, как говорится, в оба, чтобы наши подопечные не забрели на помещичьи поля или огороды, за что нам изрядно попадало от приказчика.

Особенно трудно было в знойные летние дни, когда начиналась так называемая дроковица. В это время коров и телят одолевают пауты, шмели, оводы и другие насекомые. Но больше всего неприятностей приносили скоту особые крупные мухи, которые в просторечье назывались дротами (я и сейчас не знаю их научного наименования). Они пробивали жалом шкуру животных и откладывали под ней свои яички. На этом месте затем набухал бугорок, из которого впоследствии через образовавшийся свищ пробивались личинки. Все это, видимо, причиняло животным страшные боли, и они выработали в себе какую-то необыкновенную чуткость в отношении этих насекомых: даже их приближение вызывало у коров и телят панический ужас, и они бежали куда попало. Мы гонялись за ними как угорелые, чтобы они не разбежались совсем и не натворили бед.

Особенно страдали крестьяне: если их коровенки или телята попадали на барские поля, управляющий имением и приказчик штрафовали за потравы.

Хозяин поместья Алчевский слыл либералом и был в общем более или менее прогрессивно настроенным человеком. Он жил постоянно в Харькове вместе со своей женой Христиной Даниловной, известной в то время деятельницей по народному образованию (ее перу принадлежал ряд критических сборников о книгах для массового чтения — «Что читать народу», «Книга взрослых» и другие). Она занималась благотворительной деятельностью и, видимо, имела доброе сердце, оказывая положительное влияние на мужа. Под ее воздействием было создано несколько так называемых народных домов, в которых обучались как взрослые, так и подростки. Х. Д. Алчевская помогла многим талантливым выходцам из простых семей получить образование, стать инженерами, учителями, приобрести иные специальности.

Семья Алчевских выделялась из многих других богатых семей своим демократизмом и высокой образованностью, из ее среды вышли одаренные люди. Один из сыновей Алчевских — Иван Алексеевич — стал известным певцом императорских театров и в своем артистическом искусстве спорил со знаменитым Собиновым. Дочь Алчевских —

Христина Алексеевна — известная украинская поэтесса. В дальнейшем эту семью постигла жесточайшая трагедия, но об этом придется рассказать несколько позже.

Вспоминается приезд в имение Ивана Алчевского. Он был тогда студентом и носил студенческую форму. Всем он понравился: был прост, обходителен в общении с рабочими и служащими, часто окружал себя детворой. Мы, ребята, вились около него, и как-то раз он усадил нас и стал петь вместе с нами украинские песни. Голос у него был чудесный, и пел он с огромным воодушевлением. Мы старались подпевать ему кто как мог, и он никому не сделал ни единого замечания. Мы совсем забыли о том, что с нами барин, взрослый человек: было легко и радостно от нахлынувших чувств, от задушевного пения. И где-то в закоулке души остался с тех пор на всю жизнь еще не осознанный тогда вывод: искусство сближает людей, обогащает человека, оно способно творить чудеса.

Все дела в имении вел уполномоченный Алчевского — управляющий Илья Иванович Суетенко, его ближайшим помощником был приказчик Цыплаков. Оба эти господина были злы и свирепы невероятно. Они-то и вершили свой суд над крестьянами за всякого рода оплошности.

Никогда не забуду одну из сцен, свидетелями которой пришлось стать нам, малолетним пастушатам. Помню, нас привлек громкий говор за высоким забором барского двора. Мы с Васей, крадучись, отлучились от телят и прильнули к забору. В щели нам была видна дикая картина. На высоком крыльце буйствовал Суетенко, а перед ним без шапок стояли мужики, чьи коровы побывали на барском поле. Управляющий размахивал кулаками и кричал:

— Я вам покажу, как хлеба портить! Вы у меня узнаете!..

Какой-то бородатый крестьянин попытался было объяснить, как все произошло:

— Так мы ж, Илья Иванович...

Но Суетенко не дал ему договорить и ткнул кулаком в грудь. Бородатый тяжело качнулся и начал оседать. Его поддержали. А разъяренный помещичий холуй сбежал с крыльца и принялся наносить удары направо и налево. Мы с Васей в страхе убежали и долго еще не могли успокоиться. Прижавшись друг к другу, мы тихо сидели под кустом и лишь вздрагивали от доносившихся ругательств и стонов.

Этот случай не только запомнился мне на всю жизнь, но и помог совсем по-новому оценить моего товарища Васю. Он был большим мастером на все руки, умел делать свистки, украшать какими-то необыкновенными вырезами простые таловые палочки, иногда лепил из глины фигурки различных животных. И если он лепил миниатюрное изображение какого-либо теленка из тех, которых мы пасли, то я сразу узнавал, какого именно,— так умел он передавать в глине особенности живой натуры.

Чтобы соорудить что-либо интересное, Вася обычно уединялся, ссылаясь на головную боль, и, тихонько посвистывая, делал свое дело. Я старался не мешать ему, да и не любил он этого. После буйства Суетенко, свидетелями которого мы были, он стал задумчивым, дольше засиживался в одиночку. И через несколько дней показал мне целое художественное произведение — драматическую сцену «Васильевские крестьяне и управляющий Суетенко И. И. у дома Алчевского». Вася расположил эту скульптурную группу на откуда-то раздобытом обрезке доски и принес свое изделие под наш заветный куст. Я так и ахнул от изумления.

Мой товарищ воспроизвел в глине все подробности так поразившей нас расправы управляющего с бедными крестьянами. Вылепленная из глины фигура Суетенко свирепо размахивала кулаками, злобно искаженное лицо этого миниатюрного слепка было удивительно похоже на оригинал. Перед грозным начальством понуро, в различных удрученных позах стояли мужики, и впереди них тот самый, который первым попал под кулачный удар.

От этого незамысловатого произведения веяло такой глубокой правдой, все изображенное было так просто и естественно и в то же время так совершенно, что я, несмотря на мальчишеский возраст и всю свою незрелость, понял вдруг, что это что-то необыкновенное, как бы мы теперь сказали, подлинный шедевр искусства. Я хотел показать его всем, но Вася не позволил. Изображенная Васей группа стояла под кустом, и мы часто рассматривали ее, вновь и вновь переживая увиденное. Куда исчезло потом это чудо моих детских лет, я не помню. Может быть, его уничтожил сам его творец, потому что он часто говорил мне:

— Если узнают, за это не поздоровится.

Несомненно, моего друга, совсем неказистого на вид

пастушонка Васю, природа одарила богатым талантом. Но что с ним произошло позже и кем он стал, мне неведомо. Наверное, его, как и многие тысячи других, таких же, как он, задавила нужда, и, скорее всего, так и погиб, не раскрывшись, его удивительный дар. К сожалению, моя память не сохранила его фамилии.

После этого я смотрел на Васю новыми глазами, видя в нем не просто своего сверстника, а борца за справедливость, и сам старался в чем мог проявлять нетерпимость ко всему несправедливому.

Как-то вечером мы, «дворовые» ребята, собрались возле близлежащей балки, где находились дрова, заготовленные для господской кухни. Там, среди дровяных поленниц и штабелей кругляка, нам было всегда уютно и весело. Мы сидели на бревнах, на траве или рылись в песке, рассказывая друг другу всякие разности. Иногда играли в соловья-разбойника, прятались в кустарнике и за штабелями. Все мы были почти ровесниками, и никто никого не обижал. Исключением был лишь сын господского приказчика Цыплакова — его звали, кажется, Колькой.

Уверенный в своей безнаказанности, он держал себя нахально и высокомерно, любил поиздеваться над малышами и часто ни за что ни про что совал им кулаком в лицо или под бок. И все мы терпели эти унижения, чтобы не накликать беду на самих себя и своих родителей. Но в тот раз, о котором я веду сейчас речь, Колька вздумал «пошутить», как он потом говорил, и над нами, его одногодками. Он взбирался на штабель и оттуда прыгал на кого-либо из нас и, свалив жертву, долго смеялся над нею.

В этот вечер он выбрал для своей «шутки» меня. Я хоть и не упал, но решил проучить Кольку и навсегда отвадить от дурацких шуток. Подобрав небольшое полено, я выбрал удобный момент и затем сильно огрел обидчика по затылку. Я, видимо, перестарался: Колька упал и начал кричать и корчиться от боли. Видевшая все это женщина, несшая воду из родника, воскликнула от испуга:

— Ой, батенька, парнишку убили!..

Подбежав к нам, она окатила Кольку водой. Он очнулся и, размазывая по лицу грязь, поднялся с земли.

— Кто меня ударил? — злобно спросил он у ребят.

— Можешь не спрашивать,— ответил я как можно спокойнее.— Ударил я и сделал это для того, чтобы ты понял, бывает ли больно другим, когда ты бьешь их. И еще

запомни: если кому-нибудь пожалуешься или еще раз тронешь кого-либо из малышей, я тебе еще не то сделаю.

— А что ты мне можешь сделать? — заносчиво огрызнулся уже пришедший в себя Колька.

— Вот тогда и узнаешь,— ответил я, едва сдерживаясь, чтобы не ударить наглеца еще раз. Чтобы избежать драки, я решил уйти, но все-таки мне хотелось до конца объясниться с сыном приказчика, и поэтому уже на ходу я бросил ему в лицо еще несколько слов:

— А если не исправишься — убью.

Не знаю, поверил ли Колька Цыплаков в эту угрозу, но с тех пор его как подменили. Он стал, как и все мы, простым и естественным, лишь иногда косился на меня с каким-то заячьим страхом. Между прочим, следует сказать к чести наших ребят, они впоследствии никогда и ничем не напомнили Кольке об этом печальном для него уроке, и в этом я вижу высокое благородство ребячьих душ.

Запомнился и еще один факт, тесно связанный с пастушеской долей и с моим товарищем Васей. Как я уже отмечал, он был старше меня и стремился подчеркнуть это тем, что понемногу покуривал. Как-то раз он нашел в выемке каменной ограды целую пачку махорки и несколько листов курительной бумаги. От нечего делать мы стали крутить цигарки и наготовили их целую кучу. У Васи от такого богатства разгорелись глаза. Будучи по натуре добрым и щедрым, он решил поделиться этим богатством и со мной.

— Одному столько не выкурить,— сказал он.— Давай, Климушка, помогай. Вместе будет веселее.

Я согласился. И мы, удобно расположившись под кустом, стали блаженно потягивать табачную отраву. Вскоре курение приняло характер состязания — кто больше выкурит, и поскольку цигарок было много, мы так увлеклись, что оба, накурившись до одурения, свалились чуть не замертво. Наши телята остались беспризорными, и их пригнали в сарай другие люди. Нас же, одурманенных никотином, нашли лишь на второй день.

Этот печальный случай стал для меня уроком на всю жизнь. После этого я никогда больше не курил и стал ненавистником курения вообще. Иногда мне напоминают об одной фотографии, на которой я, будучи уже наркомом обороны, изображен с папиросой во рту. Но это был шуточный снимок, а в действительности мое отношение к курению всегда и везде было резко отрицательным.

Вскоре я получил небольшое повышение: стал подпаском в большом стаде коров. Это стадо пас мой отец, и поэтому мне стало полегче. Да и опыт пастьбы у меня к этому времени стал более солидным — как-никак, а я уже более двух лет гонял телят, кое-чему научился.

Мы пасли скот на большом выгоне недалеко от имения. Это было ровное место с хорошей травой, с трех сторон его охватывали невысокие курганы. Здесь хорошо было мечтать, глядеть в бескрайнее небо, палить костер или просто любоваться степными просторами.

Один старый чабан-украинец, пасший рядом с нами большой гурт овец, сказал как-то, что в курганах похоронены предводители древних рыцарей, жившие много веков назад, и что во время захоронения на их могилы каждый воин приносил шапку или горсть земли. Их было так много, сказал он, что могильные холмики поднимались все выше и выше,— вот так и образовались эти курганы. Эти рассказы еще больше привлекали мое внимание к родным местам, окружали их ореолом романтики.

Обязанности подпаска на первый взгляд были несложны: следить, чтобы коровы спокойно паслись и ни одна не отбивалась от стада. Но в целом это был тяжелый, беспокойный и изнурительный труд: большое стадо требовало постоянной заботы, работать приходилось от зари до зари и все время на ногах. Всякая оплошность грозила неприятностями: кругом поля и овраги, и, как только зазеваешься, так и знай, что коровы или забрели на посевы, или ускользнули в заросший кустами овраг. Особенно большой приманкой для коров были скирды хлеба и стога сена. Несмотря на все наши старания, потравы все же бывали, и за это отец получал от управляющего или приказчика выговоры, а то и более строгие наказания — вычеты из заработка.

Отец долго крепился и терпеливо нес свой тяжелый крест, но взрыв все же произошел. Как-то раз, возмущенный несправедливостью приказчика, отец обругал его самыми последними словами и, не взявши даже расчета, ушел из имения — искать новой, лучшей жизни.

Мне тогда шел десятый год. К этому времени успела выйти замуж моя старшая сестра Катя, хотя ей не исполнилось еще и семнадцати полных лет. Ее мужем стал хорошо мне известный помощник кучера в имении Иван Щербина. Он часто брал меня с собой, когда ухаживал за лошадьми или ехал за сеном. Будучи крепким малым, он легко

подбрасывал меня на сложенное в арбе сено — на высоту четырех-пяти аршин. С ним было весело и легко. Он любил петь и обладал хорошим голосом. Я заслушивался и частенько подпевал ему.

Наши молодожены были хорошей парой, все желали им счастья и почтительно называли — Екатерина Ефремовна, Иван Иванович. Мне это нравилось, хотя я и не мог понять, какая моя Катя Ефремовна. Для меня они были по-прежнему Катей и Ваней. Поп не хотел их венчать: сестре не хватало каких-то месяцев до положенного возраста. Но она была стройная, сильная. И мне было жалко, что за венчание, чтобы подмаслить, попу дали целых три рубля!

Между нашими семьями установилась крепкая дружба, хотя они вскоре уехали из имения в другое место. Однако молодые навещали нас, и мать часто советовалась с зятем. Он помогал нам чем мог.

Когда отец бросил свое стадо и ушел неизвестно куда, искать затерявшееся счастье, нам стало совсем худо. Семья лишилась Катиного и моего скромного заработка. Все заботы вновь легли на одни мамины плечи.

— Не знаю и жить-то как дальше, Ваня,— говорила она зятю.— Видно, вновь ребят по миру пущу.

— Не печальтесь, Мария Васильевна,— успокоил Иван.

— Вы ведь знаете моего брата Артема — он у нас здесь, в имении, машинистом на молотилке работал?

— Знать-то знаю, а он тут при чем?

— Как при чем! — весело возразил Иван.— Это он меня на рудник переманил. Был я помощником кучера, а теперь машинистом стал — по воздушно-канатной дороге грузы гоняю. Найдется у нас на руднике и для Клима место.

Мать не хотела расставаться со мной, но надо было както выходить из положения. И она согласилась.

— Жалко мальчонку, да что поделаешь.

Так начался новый этап моей тогда еще малолетней жизни — путь рабочего человека. Но и после этого мне не раз приходилось вновь и вновь обращаться к крестьянскому труду.

НА РУДНИКЕ

Голубовский рудник, где поселились Катя и Иван, был довольно крупным каменноугольным предприятием. Здесь все казалось необычным: шахтные постройки, подъездные

пути, жилые бараки рабочих; но особенно поражала подвесная двухканатная дорога. По одному канату этой дороги от рудника к соседней железнодорожной станции непрерывным потоком ползли вагончики, груженные углем, а навстречу им по другому канату возвращались пустые.

В первое время я внимательно наблюдал рабочий люд на шахтах. Усталые и запыленные расходились шахтеры после работы по баракам и землянкам. Глаза и зубы у них блестели, и мне казалось, что им очень радостно вновь видеть зеленую земную поверхность, ясное солнце и чувствовать себя отважными покорителями земных недр. Приходилось мне, и довольно часто, видеть их пьяными, поющими песни, а иногда и в драках. Все здесь было не так, как на полях и в усадьбах. Там было тяжело, но здесь несравненно тяжелее. Очень скоро я понял, что шахтерам не до веселья, что их давит беспросветная нужда, непосильная работа.

По молодости лет меня, как и других таких же ребятишек, использовали на шахтах только для выборки колчедана. Это было своеобразное приобщение к шахтерскому труду — нам приходилось очищать выданный из шахты уголь от посторонних примесей. У каждого из нас был специальный ящик, куда мы складывали колчедан и пустую породу. По количеству наполненных и сданных ящиков каждый получал свой заработок. Такие малолетки, каким был в то время я, обычно зарабатывали в день по 8, изредка — по 10 копеек, а ребята постарше — по 12—15 копеек.

Работа наша была не только тяжелой, но и опасной. Приходилось вместе с ящиком подниматься по крутым откосам на высокие штабеля угля; при неосторожном движении можно было сорваться самому или выпустить из рук тяжелый ящик. Были мы постоянно мокрыми и грязными, угольная пыльная масса пронизывала одежду, въедалась в кожу. И так каждый день — с шести часов утра и до вечера. За весь день полагалось лишь две передышки — получасовая на завтрак и часовая на обед. После работы мы еле-еле волокли ноги. Вот тут-то я и понял, какой ценой достается людям уголек.

О том, что мне хочется побывать в шахте, я не раз говорил Ивану и знакомым ему рабочим. И вот однажды, в день отдыха, когда я еще спал, к нам зашел один из друзей Ивана и нарочито громко, чтобы разбудить меня, заявил:

— Ну, где у вас тут Климка-шахтер прохлаждается? В шахту пора.

Меня словно ветром сдуло с постели.

Как мы шли к шахтному стволу, как спускались вниз, с кем встречались под землей и как возвратились на-гора, я уже не помню. В памяти осталось лишь тягостное впечатление от того, что забойщики, скорчившись и припав на бок, обрушивали обушками куски угольного пласта, а саночники, изгибаясь и напрягая все свои силы, ползком волокли на лямках небольшие короба-санки, наполненные углем. Они задыхались, истекали потом, но упорно продолжали свой тяжелый труд.

Все увиденное в шахте произвело на меня очень тяжелое впечатление, но я до сих пор храню глубокое уважение к мужеству и отваге шахтеров и восхищаюсь их единоборством с сокровищами недр: какими бы неприступными и неподатливыми ни были эти сокровища, они все же покоряются и подчиняются воле человека. Давно это было, очень давно. Сейчас, конечно, все в корне изменилось на шахтах, особенно в нашей стране: уголь добывается машинами, многие шахты полностью механизированы. Но то, что я увидел в забоях тогда, в свой первый спуск под землю, навсегда вписалось в память.

В те годы я еще не понимал, что шахта и весь рудник были лишь малой частицей Донецкого бассейна — угольной кочегарки всей России. Именно здесь, недалеко от Лисичанска, ставшего одним из центров Донецкого угольного бассейна, уже в то время были заложены и действовали многие частные предприятия — шахта «Капитальная», рудники Орловский, Матросский, Исаевский и другие.

С начала 90-х годов XIX столетия началось оживление лисичанской угольной промышленности. В 1892 году акционерное общество содового производства («Любимов, Сольвэ и K^0») арендовало шахту «Дагмара», а через пять лет ввело в строй шахту «Константин Скальковский». Только эти две крупнейшие по тому времени шахты давали 55—60 процентов угля, добываемого во всем Лисичанском районе. Фактическим хозяином предприятий был бельгийский инженер миллионер Эрнест Сольвэ, а также его иностранные компаньоны — Богау, Лутрейль и Торнтон [1].

Здесь, в этих местах, разгорелась в свое время упорная борьба за овладение решающими позициями в металлургии

---

[1] См. *Н. В. Лопатин.* У колыбели Донбасса. Луганское областное издательство, 1960, стр. 43.

между русским и иностранным капиталом. Победу, не без помощи чиновной верхушки царского самодержавия, одержали иностранцы.

В самом начале 1870 года под руководством известного русского инженера-доменщика Ивана Ильича Зеленцова был построен и дал первую плавку Лисичанский государственный металлургический завод. По свидетельству видного специалиста-металлурга той поры, заслуженного профессора И. А. Тиме, завод с технической точки зрения представлял собой замечательное сооружение и был оборудован машинами, сделанными «домашними средствами, усилиями русских людей, без всякого участия иностранного элемента». Доменщики завода первыми в России провели большую часть выплавки чугуна на коксе — это было весьма прогрессивным в то время, так как все доменные печи тогда работали на древесном угле. Однако иностранные миллионеры и их агентура среди антипатриотических элементов в правящих кругах сделали все возможное, чтобы поставить этот завод в труднейшие условия и в конце концов добиться его закрытия. Особенно усердствовал ловкий английский делец, промышленник-металлург Джон Юз. Стремясь во что бы то ни стало проникнуть на заповедное поле русской металлургической промышленности, он через подставных лиц, всякого рода жульническими махинациями скупил за полцены у донских казаков и у помещика Смолянинова земельные участки с угольными залежами. На этих землях Юз и стал возводить свой металлургический завод и ввел его в эксплуатацию в августе 1872 года, то есть на два года и восемь месяцев позднее Лисичанского завода. При этом Юзовский завод афишировался, тогда как о Лисичанском металлургическом заводе почти никаких сведений в печать не попадало.

Была странной и еще одна вещь: государственному металлургическому заводу в Лисичанске был прекращен отпуск государственных кредитов, а частное металлургическое предприятие Юза непрерывно получало кредиты, и не только на строительство завода и непосредственные нужды производства, но и на многолетние заводские опыты. Все это окончательно доконало Лисичанский завод и открыло широкие перспективы для Юзовского металлургического завода — детища иностранного капитала. Это обстоятельство не осталось без внимания специалистов-металлургов того времени. «Действие завода Юза,— писал в 1880 году в

«Горном журнале» И. А. Тиме,— в экономическом отношении было бы тоже невозможно без субсидий правительства, исключительных только для компании г. Юза»[1].

Так всеми правдами и неправдами в молодую промышленность Донецкого бассейна проникал иностранный капитал. Такое положение складывалось тогда не только в металлургии, но и в угольной промышленности и в ряде других важнейших отраслей русской экономики.

Всего этого в то время я, разумеется, не знал, и мне просто было в диковинку все, что я увидел. Больше всего меня интересовало и поражало наличие здесь иностранцев — немцев, французов, англичан, бельгийцев, а также обилие всякого рода машин и механизмов, электрическое освещение и вообще использование электроэнергии в производстве.

Впервые я увидел электрические лампочки в шахте, а затем и на поверхности. Мне объяснили, что электрический ток идет по проводам от динамомашины, а затем накаливает угольную или металлическую нить в стеклянных колпачках электрических лампочек. Поначалу не верилось, как это вдруг, ни с того ни с сего лампочки горят без керосина, без горючего; ведь нигде в других местах такого еще не было, рабочие дома, бараки, землянки по-прежнему освещались керосиновыми лампами, а кое-где и самыми примитивными жирниками-коптилками или даже лучинами. Но постепенно я стал убеждаться, что ум и знание человека действительно творят чудеса, и удивление мое начало сменяться восхищением: какая же это великая сила ум человеческий!

Меня тянуло все осмотреть, все понять, до всего дойти своим умом. И мне повезло: не знаю почему, то ли потому, что зять был машинистом подвесной канатной дороги, то ли потому, что замечен был мой собственный интерес к машинам и механизмам, но меня как-то раз назначили смазчиком машины, подающей уголь на-гора. Мне мимоходом показали, как надо заправлять масленку, куда заливать масло. Я с удовольствием ходил между колес и шкивов, чтобы добавить смазки в тех или иных местах, где имелись специальные отверстия. Было приятно чувствовать себя возле машины, сознавать, что и от тебя в какой-то мере зависит работа шахты, добыча угля. Меня подбадривал машинист:

---

[1] «Горный журнал», 1880, т. I, январь, стр. 118.

— Эй, Клим! Все ли в порядке? Надо машину смазать!

Я немедленно брался за дело, наполнял масленку и отправлялся к теплому и весело ворочающему маховики двигателю. На главный вал и закрепленное на нем огромное колесо наматывался стальной трос, и я понимал, что именно он тянет, поднимает из шахты клеть — подъемное устройство, доставляющее на-гора уголь, людей, пустую породу.

Нас, колчеданщиков, было несколько групп. Нашу составляли в основном ребята хутора Шестая рота. Они держались несколько обособленно, и было среди них несколько пятнадцати-шестнадцатилетних подростков, которые уже знали себе цену и заметно выделялись среди нас, малышей. Они командовали нами, и мы покорно подчинялись их приказаниям.

Был в этой группе один бойкий, разбитной парень, которому тоже иногда поручалась смазка машины. Между нами возникло соперничество. Я старался изо всех сил и, наверное, этим заслужил благосклонность механика: он все чаще и чаще посылал меня выполнять нехитрую процедуру смазки подъемной машины. Однако это вызвало какую-то непонятную зависть у моих товарищей, особенно у моего напарника по смазке, и окончилось для меня большой неприятностью.

В группе с нами работал не совсем полноценный мальчик. Все звали его «дурковатый». Однажды во время завтрака у него не оказалось принесенного им из дома припаса — узелка с пищей. Как и все другие ребята, я недоумевал, куда мог исчезнуть его завтрак. В это время мой «конкурент» предложил обыскать все узелки, принесенные нами из дому. Мы, конечно, согласились и начали по очереди проверять содержимое своих скромных сумочек, мешочков и узелков. Я тоже горячо включился в эту работу и искренне жаждал узнать, кто же посмел посягнуть на завтрак товарища.

Дошел черед до моего узелка. Я смело начал его развязывать, отлично зная, что в нем не может быть ничего иного, кроме того, что положила мне на завтрак и обед моя сестрица Катюша. Но вдруг я заметил, что некоторые ребята как-то особенно строго смотрят на мой узелок, и мне стало не по себе.

Развернув платок, я ахнул от изумления: там лежали и чужие продукты — видимо, тот самый чужой завтрак, который все искали. Мне стало ясно, что все это кем-то

подстроено, в то время, когда я отлучался на смазку. Я хотел честно объяснить это ребятам, но мне не дали промолвить ни слова. Как по команде, они набросились на меня и стали избивать, нанося удары по чему попало: по груди, животу, голове. Меня свалили и начали топтать ногами. Что было дальше, я не помню, так как очнулся через несколько дней в рудничной больнице.

Я очень тяжело переживал все происшедшее — было стыдно и горько. Кто все это подстроил? Кому было нужно опозорить и изувечить меня? Наверное, это дело рук моего напарника-масленщика и его великовозрастных друзей. Но ведь другие ребята об этом не знают и думают, что именно я позарился на чужой завтрак. Хотелось кричать, плакать и рвать на себе одежду, но я отлично понимал, что этим делу не поможешь. Было жаль самого себя. Я казался себе самым несчастным и вспоминал различные беды, которые приключались со мной.

Вспомнился, в частности, такой случай. Как-то летом, в хатенке, моя мама и соседка занимались шитьем. Я, будучи еще совсем малым ребенком, крутился возле них, а затем залез на подоконник, чтобы посмотреть, что делается на улице. Потом, услышав, что скрипнула дверь, быстро спрыгнул на пол, задел шитье и вдруг почувствовал страшную боль в ноге.

Присев, увидел, что из пятки торчит нитка. Потянув за нее, я увидел лишь обломанное ушко иглы, испугался и закричал. На крик ко мне кинулась мама. Послали за бабкой-знахаркой, но и она ничего не смогла поделать; так и осталась обломанная игла в моей ноге...

Уже став взрослым, я неоднократно рассказывал врачам о случае с иголкой. По моей просьбе уже в советское время было проведено специальное рентгеновское просвечивание всего моего тела, но обломка иглы так нигде и не нашли. Однако как-то раз, уже в преклонном возрасте, при рентгеноскопии обнаружили давнюю мою «потерю»: обломок иголки как бы прирос к пяточной кости. Если бы это не случилось со мной самим, я ни за что бы не поверил, что такое возможно.

Вспоминается и другой неприятный случай из моего горемычного детства. Это произошло в деревне Смолянинино, где я впервые встретил господских барышень. Там было много хороших ребят, детей рабочих и служащих барского поместья, и мы часто целой гурьбой залезали в помещичий

сад и лакомились там смородиной, яблоками и другими плодами. Иногда мы увлекались и устраивали в саду бурные игрища.

Одной из увлекательных наших игр были своеобразные качели. Через большую колоду мы устанавливали неширокую, но довольно толстую доску и, сев на ее концы, весело раскачивались — вверх и вниз, вверх и вниз. Когда одному из нас не хватало места, он обычно вставал на центр доски и помогал ее раскачивать.

Так однажды хотел поступить и я. Но, как только я оперся на колоду, чтобы вскочить на нее, доской мою руку прижало к колоде, а когда я оперся другой рукой, то прищемило и ее. Я даже не успел вскрикнуть, так и осел от боли возле колоды. Обе мои руки были изуродованы, ногти сорваны.

Ребята унесли меня домой. Там началось мое лечение — примочки, гусиный нутряной жир, нашептывания бабок. Как ни странно, я стал выздоравливать. Видимо, выручила крестьянская живучесть.

Все это припоминалось в рудничной больнице. Особенно горько было оттого, что в моем несчастье были повинны люди, умышленно подстроившие все это. Как же им не стыдно, за что они так меня обидели?

Мне очень не хотелось вновь встречаться с моими обидчиками, и я не знаю, как бы все произошло дальше, если бы весть о моей беде не дошла до моей матушки. Она решила взять меня к себе насовсем.

Отец и мать переехали в это время на соседний с нашим Голубовским — Шепиловский рудник. Я занялся и здесь выборкой колчедана. Но продолжалось это недолго.

Шепиловские шахты были очень плохо оборудованы. Однако не это угнетало отца. Он снова встретил здесь грубость и несправедливость и решил вернуться в село Смоляниново. Мне же пришлось опять перебраться на Голубовский рудник, к старшей сестре. Так я невольно вновь очутился там, где был избит.

Снова выбирал колчедан и пустую породу, очищал, или, как говорили шахтеры, обогащал, уголек. К этому времени я уже изрядно наловчился и набирал по нескольку ящиков в день. Катя откладывала мой заработок и как-то несказанно обрадовала меня, объявив при соседках:

— Ну, Климушка, пойдем сапоги выбирать. Будешь сам покупать, на свои кровные.

Мы пошли в магазин всей семьей, и я не чуял под собой ног. Там было много всякого товара и разных сапог. Но мне понравились очень ладные, маленькие шевровые сапожки на высоком каблучке. Вряд ли они годились для каждого дня, но Иван и Катя не стали возражать. Так я стал обладателем первой собственной вещи — царственных сапожек, которые принесли мне еще одно горе, но об этом я расскажу позднее.

В тот же раз купили мне и другие вещи — рубаху, штаны, полотенце. Все это радовало, и я чувствовал себя вполне рабочим человеком. Однако тягостные и удручающие воспоминания о моем тяжелом избиении не проходили, напоминали о нем и постоянные головные боли. Поэтому я был очень рад, когда за мной приехала мама и сказала, что на этот раз уже навсегда заберет меня домой.

Это было, кажется, в начале 1891 года, и обратный путь в имение Алчевского в ту студеную зиму запомнился мне на всю жизнь. Только случай спас тогда меня и мою мать от гибели в завьюженной степи.

ДОРОЖНЫЕ ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ

От рудника Голубовского до села Смоляниново, куда нам предстояло добираться пешком, было километров тридцать. Идти надо было по заснеженной дороге, через несколько деревень. Мама хорошо знала дорогу, и, кроме того, на пути лежало село Боровское, где мама родилась и провела свои девичьи годы. Там можно было передохнуть у родных.

Зима стояла в тот год холодная, морозная и ветреная, метели и бураны продолжались почти непрерывно. Мама торопилась и не хотела задерживаться на руднике: дома ее ждали отец и маленькая Нюра, да и меня ей хотелось увезти отсюда как можно скорее, чтобы я навсегда забыл о драчунах.

Наши сборы были недолгими. Утро выдалось, на счастье, спокойное, и даже временами появлялось солнце. Моя одежонка была совсем ветхая, и к тому же, как на грех, порвались в паху штаны. О нижнем белье мы тогда понятия не имели.

Сначала все шло благополучно. Дорога была хорошо накатанной, и только местами ее переметали снежные заносы. Потом подул пронизывающий ветер, помела поземка и пошел густой снег. Мы продолжали идти. Мама подбадривала меня:

— Держись за меня, сынок, скоро снег перестанет, снова появится солнышко, все будет хорошо. Дойдем до деревни и там заночуем.

Но снег валил все гуще, а ветер становился все свирепее. Скоро метель закрутила вовсю и превратилась в воющую снежную бурю. Дорогу занесло. Мама взяла меня за руку и изо всех сил тянула за собой. Но я очень устал и наконец совсем ослабел и сказал, что дальше идти не могу. Меня сковала вялость, страшно хотелось спать, и я опустился в изнеможении прямо на снег.

Мама решила дать мне немного отдохнуть. Присела возле меня и прикрыла полой своего пальто. Я приник к материнским коленям и, немного согревшись, заснул. Сколько времени продолжался этот сон, трудно сказать, но вдруг я услышал мужской голос и, открыв глаза, увидел прямо над собой лошадиную морду. Оказалось, что это проезжий крестьянин, также застигнутый бураном, буквально наткнулся на нас. Осадив запряженную в сани лошадь, он воскликнул:

— О господи, та ще ж це таке?

Мы поднялись, и мама начала просить этого человека, чтобы он не дал нам замерзнуть в степи. Но мужик-украинец, стоявший возле нас, и сам был в тяжелом положении. Почесав затылок, он пожаловался:

— Що ж нам робыть? Коняка моя чуть тягне сани. Мороз та витер и у меня душу вытряс.

Но бросить нас ему не позволила совесть, да и мать слезно молила его о помощи. Она все время показывала на меня, скорченного, обессилевшего, еле стоящего на ногах.

— Совсем пропадет, замерзнет,— говорила она крестьянину.

Мужик, сокрушенно вздохнув, согласился:

— Ну, бог з вами, сидайте обое. Як-нибудь доберемось куда-нибудь.

Мы сели в сани-розвальни, и подвода тронулась. Меня укрыли какой-то дерюгой. Мама стала рассказывать нашему спасителю, кто мы и куда добираемся. На заносах сани подбрасывало, как лодку на волнах. Меня укачало, я забылся и задремал.

К вечеру мы увидели огни какого-то села. Крестьянин знал это село и назвал его. Ему надо было ехать дальше, в другую сторону, и он сказал маме:

— Отсюда до Боровского рукой подать. Переночуйте здесь у добрых людей, а утром, может, и погода улучшится.

Мать поблагодарила хорошего человека, и мы отправились искать ночлег. Село это было зажиточным, но добрых людей нам долго не удавалось найти. Сколько ни просила мама под окнами деревенских хат, всюду нас встречали окриком, грубыми отказами.

— Много вас таких шатается. Идите дальше!

Только в самой крайней, бедной хатенке нам улыбнулось счастье. Мать постучала в едва светящееся оконце и попросила разрешения переночевать. В ответ послышалось долгожданное:

— Войдите, бог с вами!

Мы вошли, и на нас пахнуло людским теплом и неимоверной бедностью. Но плохо одетые люди проявили к нам столько сердечной доброты, что мы сразу же почувствовали себя как дома. Хозяйка стала расспрашивать, кто мы и куда идем. Узнав о том, что мы держим путь в Боровское, она воскликнула:

— Так у меня же там хорошая приятельница — Елизавета Васильевна Агафонова. Не знаете такой?

Мама с радостным удивлением сообщила, что это ее родная сестра. Оказалось, что через Елизавету Васильевну хозяйка знает многое и о моей матери. После этого между женщинами завязалась задушевная беседа.

Но меня, изрядно продрогшего на морозе и едва не сгинувшего совсем, не покидала мысль о порванных штанах. Улучив удобную минуту, я шепнул матушке, что не могу раздеться; меня посадили на печку и оттуда я отдал в починку штаны.

Намаявшись за день, я, как говорят украинцы, «улаштувався» в уголке на печке и тут же крепко заснул. Проснулся утром бодрым и повеселевшим.

Только волнистые сугробы напоминали о вчерашнем буране. Добрая хозяйка покормила нас чем могла, и мы, благодарные ей, отправились дальше. Пройдя восемь километров, мы оказались в селе Боровское. Оно расположено как раз в черте того русского островка на украинской земле, о котором я уже упоминал. Село было волостным центром. Зажиточные крестьяне-боровчане не хотели мучиться на

своих песчаных пашнях, предоставляя это беднякам. Сами же они арендовали плодородные пашни за Северным Донцом, на его правом берегу, где широко раскинулись тучные помещичьи черноземы.

В Боровском мы остановились у Елизаветы Васильевны. До этого мне дважды пришлось бывать в этом гостеприимном доме, на самом краю села, у довольно большого озера. Здесь я вновь встретился со своими приятелями Домной и Власом, детьми тети. Они были старше меня и называли меня братиком. Вместе с ними я тогда, в летнюю пору, часто бывал на берегу Северного Донца и подолгу любовался его плавным течением, живописным прибрежным лесом, чудесной природой. Там я слушал песни боровчан — незабываемые русские мелодии, запавшие мне в душу и навсегда сохранившиеся в моем сердце и памяти.

В этом селе жили и другие наши родственники по материнской линии. Мама наведала всех их, а к своему брату Семену Васильевичу пошла вместе со мной. И тут я увидел вопиющую бедность. Семья у дяди была большая, питались очень плохо, одежды и обуви не хватало, и детворе приходилось по очереди бывать на улице. О том, чтобы учить ребят грамоте, Семен Васильевич не смел и мечтать, да ему, безграмотному человеку, это и в голову не приходило. Но у мамы была давняя мечта — научить меня читать псалтырь, сделать «грамотеем». Об этом она и сказала своему брату.

— А зачем тебе да и Климу все это? — ответил Семен Васильевич.— Книжки читать — занятие господское.

— Нет,— возразила мама,— испокон веку говорят: «Ученье — свет, а неученье — тьма».

— А нам все едино тьма — что грамотным, что безграмотным,— настаивал на своем дядя Семен. Он был старше мамы и, видимо, осуждал не только ее мечты о моем обучении грамоте, но и весь образ жизни нашей семьи.— Вы вот оторвались от земли, все маетесь с места на место, а что толку? — спросил он.

— Так ведь птица и та ищет, где лучше,— ответила мать.

Семен Васильевич посмотрел на мать грустным взглядом и стал убеждать ее в преимуществе крестьянской жизни перед жизнью рабочих.

— Ты подумай только,— говорил он,— семья у нас не меньше, а поболе, чем у вас, а вот с голоду не умираем, хотя и живем бедно. Не легко это — крестьянствовать на песках. Но если потрудиться как следует да унавозить землю, то

и сыт будешь всю зиму: своя капуста, картошка, огурцы. Чего еще надо? А вы пошли легкой жизни искать!

— Какая же это легкая жизнь — с утра до вечера спину гнуть на рудниках или в имении,— возразила матушка.— Каждый живет как может.

— Жить-то живем, да и подохнуть недолго,— сказал дядя.— Сама ведь рассказывала, как в степи чуть-чуть не замерзли. Ты бы хоть о Климе подумала — пристроила бы его к крестьянскому делу. А то заморозишь парня где-нибудь или он сам в каких-нибудь обвалах погибнет.

Мать не стала с ним спорить, но, как видно, запомнила этот разговор. В этом я убедился вскоре после нашего возвращения домой.

В Смолянинове мне выпала небольшая передышка. Не знаю почему, то ли работы не было, то ли родители хотели, чтобы я окреп немного после больницы, но я до самой весны ничем особенным не занимался, если не считать обычных домашних дел. Это помогло мне набраться сил, и хотя все еще ощущались сильные головные боли, я уже стал сам подыскивать себе какой-нибудь заработок, чтобы не быть обузой в семье.

В один из теплых весенних дней к нам из хутора Воронов приехал гость — мой двоюродный брат Потап Ворошилов, сын Спиридона Андреевича Ворошилова — родного брата моего отца. Это был уже семейный человек, лет примерно тридцати, но жил он вместе с двумя другими братьями одной семьей — под отцовской крышей. У него было двое детей: девочка лет десяти и мальчик моих лет.

Потап Спиридонович сказал моей матери, что он попал в Смолянинове проездом и что очень рад видеть всю нашу семью в добром здравии.

— Клим-то все еще не работает? — как бы мимоходом спросил он.

— Он ведь в больнице лежал — избили его колчеданщики,— ответила мать.— Сейчас отошел, скоро и к делу какому-никакому опять пристроится.

— Слыхал, слыхал,— перебивая мать, сказал Потап Спиридонович.— Может, Клим к нам съездит погостить? Как, Клим,— обратился он ко мне,— поедешь?

Мне понравилось это предложение, но сразу подумалось и о том, что без моей поддержки дома будет труднее.

— Я-то поехал бы,— ответил я,— да ведь и отцу с матерью помогать надо. Каждая копейка в доме на счету.

Но маме, видно, хотелось, чтобы я поехал с дядей. Она стала уговаривать меня, что они обойдутся и что в деревне, у дяди, мне будет хорошо.

— Может быть, и привыкнешь к крестьянскому труду,— добавила она. Я вспомнил Боровское и разговор, который вел с матушкой Семен Васильевич. И уступил настояниям мамы.

Попрощавшись со всеми, мы с Потапом Спиридоновичем поехали на хутор Воронов. «Вот погощу там немного,— думал я в дороге,— вернусь домой и уж по-настоящему возьмусь за дело — пусть матери и отцу будет хоть чуточку полегче. Разве не видно, как надрываются они из последних сил».

Но гостевание мое затянулось на многие месяцы. Оказывается, моему дяде Спиридону Андреевичу и его сыновьям попросту нужен был даровой работник.

Пребывание на хуторе Воронов стало для меня еще одним уроком жизни. Здесь я побывал в шкуре батрака, хотя и жил у родственников.

ГОСТЬ-БАТРАК

Поездка на хутор Воронов, обычная и ничем не примечательная, все же осталась в памяти. Потап Спиридонович прибыл к нам верхом на лошади, и нам пришлось ехать с ним вдвоем в одном седле — он впереди, а я сзади... Лошаденка уныло плелась по весенней грязной дороге. На спусках она иногда позволяла себе легкую рысцу, и тогда изпод ее ног выплескивались тяжелые брызги грязи, долетавшие и до нас. Потап Спиридонович при этом морщился и прятал лицо в воротник.

— Ишь разнеслась,— добродушно ворчал он, натягивая узду.

Мне хотелось поскорее попасть на хутор, но вовсе не потому, что меня кто-то там ждал. Просто одолевало нетерпение увидеть своими глазами место рождения моего отца, где я ни разу еще не был. Наконец мы издали увидели серые, приземистые хуторские дома, и Потап Спиридонович повеселевшим голосом обратился ко мне:

— Ну, вот и наш Воронов.

В доме Спиридона Андреевича нас встретили хорошо, угостили сытным обедом. Но мне показалось странным, что

дядя даже не спросил, как живет наша семья и как чувствует себя его родной брат — мой отец Ефрем Андреевич. «Наверное, у сына потом расспросит»,— подумал я и тут же увлекся каким-то разговором с другими родственниками.

Спиридон Андреевич был человеком более чем зажиточным. По тем временам он имел немалое хозяйство — три пары быков, несколько лошадей, коров, овец, довольно большой участок собственной земли. Кроме того, он арендовал значительные участки плодородной помещичьей земли на правом берегу Северного Донца, в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии.

Чтобы не распылять хозяйство, дядя и его трое взрослых женатых сыновей жили вместе, и вся эта большая семья упорно трудилась как на поле, так и во всем своем хозяйстве. Вставали чуть свет и сразу же брались за дело: кто доил коров, кто гнал скот на выпас, кто выезжал в поле. В избе оставались лишь хозяйка — тетя да малые дети, но и у них было полно хлопот, и особенно у хозяйки: надо было варить пищу, стирать белье и выполнять все другие обязанности по дому.

Дядя и его жена следили за тем, чтобы никто не слонялся без дела.

Меня, «гостя», тоже быстро приспособили к труду. Как бы мимоходом тетя однажды сказала:

— Ты бы, Климушка, отнес поесть чего-нибудь нашему Ванюше да и подсобил ему за быками присмотреть — они там, на пастбище, вместе с коровами пасутся.

Ванюша был младшим сыном дяди, и у него уже была своя семья — жена и ребенок. На людях его для солидности называли Иваном Спиридоновичем. Он обрадовался моему приходу, обошелся со мной весьма приветливо, но очень скоро все свои обязанности по уходу за скотом переложил на меня. Затем он и вовсе перестал заглядывать на пастбище.

И вот я снова с раннего утра до позднего вечера в степи, слежу за коровами и быками, как и в совсем недавние годы в имении Алчевского. Разница, пожалуй, была лишь в том, что прежде мне хоть немного платили за труд, а здесь приходилось работать совсем бесплатно; там были чужие люди, а здесь — родня. Но мне от этого не было легче.

Через два-три месяца я был у дяди уже вполне заправским работником, настоящим батраком. Меня посылали пасти скот, водить в ночное лошадей, ездить на мельницу.

Спиридон Андреевич распоряжался мною как хотел и нередко похвалялся перед другими членами семьи:

— Климка-то старательный!

Я действительно никогда его не подводил. И вовсе не потому, что он был дядей, близким родственником. Просто я с детских лет был приучен отцом и матерью да и всей обстановкой, в которой мне приходилось жить, к честному, добросовестному труду. Сказались в этом и особые материнские наставления. Она постоянно внушала нам, детям, добродетельные чувства, приучала быть честными, трудолюбивыми. В общем, так или иначе, но работал я, что называется, на совесть, и дядя был в полном удовлетворении.

Не было оснований быть недовольными мной и другим членам дядиной семьи — его сыновьям, их женам, младшему потомству. Я их не обременял никакими просьбами, заботами и старался безропотно приноровиться к их быту и образу жизни. С некоторыми из них у меня установились хорошие отношения, а с сыном Потапа Спиридоновича, моим ровесником, мы подружились. Хорошо относилась ко мне жена среднего сына Спиридона Андреевича, которой, как и мне, нелегко жилось в этом доме,— муж ее был в армии, и ее нередко донимали всякими попреками, хотя она работала не хуже других.

«Такая же батрачка, как и я, грешный»,— думалось мне, когда я был свидетелем подобных сцен.

Была у меня тогда одна радость: мои еще не изношенные сапожки на высоком каблучке — первое мое приобретение на личный заработок. В свободную, редко выпадавшую минуту я надевал их. Затем снова аккуратно завертывал в тряпку и прятал в укромное место. На пастбище я был по-прежнему босиком или в каких-либо опорках.

На хуторе жили еще два брата моего отца, в том числе и тот, за кого отец отбывал долгую солдатчину. Но ни один из них ни разу не позвал меня к себе, не расспросил о нашей семье. Меня это обижало, но гордость не позволяла унижаться, и я не напрашивался к ним в гости. «Как только им не стыдно,— думалось мне по-детски,— ведь мой отец служил в армии за них и с турками воевал, а они даже забыли об этом».

В семействе дяди я попробовал силы почти во всех видах крестьянского труда. Весной вместе с Потапом Спиридоновичем мы пахали поле. Было весело идти за плугом в свежей борозде и ощущать босыми ногами теплую, парную землю.

Когда земля была подготовлена, приезжал сам дядя, и начинался сев. С висевшим на перевязи лукошком он медленно шел по полю, разбрасывая золотое зерно. После этого землю боронили и ждали, что покажет будущее. Было особенно радостно смотреть на дружные всходы. Молодые зеленя, как ковры, покрывали пашни, и сердце от этого билось почему-то торжественно, радостно.

Никакой техники в крестьянском хозяйстве тогда не было, и все работы, как и этот сев, проводили вручную. Не было тогда и таких сравнительно простых сельскохозяйственных машин, как сенокосилки. Поэтому к сенокосу готовились заранее: отбивали косы, запасали точильные бруски, вилы, грабли и другой немудреный инвентарь. Выходили на сенокос всей семьей, особенно во время гребли и стогометания.

Дядя и на сенокосе держал особо строгий порядок. Вставали задолго до солнца: по росе было легче косить и не так тупились косы. Во время жары отдыхали, расположившись кто где может: в шалаше, под телегой или под соседними кустами.

Дядя и его сыновья любили подзадоривать меня. Подхваливали — и я старался работать еще лучше: косой размахнуть пошире, груз взять потяжелее. Иногда еле держался на ногах, глаза лезли на лоб, но не хотелось показаться слабым или уставшим. Это молодечество вызывало возгласы одобрения, улыбки, иногда смех, если не удавалось удержать на руках тяжелую ношу. Всем было весело. Одна лишь невестка, у которой муж был в солдатах (к сожалению, я забыл ее имя), смотрела на все это с укором, а иногда наедине грустно говорила мне:

— Надорвешься ты, Климушка, ненароком. Перестань выставляться — загубят они тебя. Совести у них мало, а может, и совсем нет.

Меня с детства приучали быть честным, не врать и не обманывать, не брать чужое. Поэтому мне трудно было воспринять, как это можно жить без совести, творить обман. Но скоро я воочию увидел, как это делается.

Однажды мои великовозрастные двоюродные братья взяли меня с собой в дальнюю поездку. Целым обозом — три пары быков и пара лошадей — повезли мы зерно в Лисичанск. Закончив рейс, братья не поехали сразу домой, а завернули на одну из мельниц близ Лисичанска. Там они быстро договорились с кем-то, погрузили подводы и свезли муку на соседние хутора.

На мои недоуменные вопросы к Потапу Спиридоновичу он лишь ухмыльнулся и дружески похлопал меня по плечу.

— Знай молчи, Клим. Слово — серебро, молчание — золото.

Но я, конечно, отлично понимал, что это темная махинация, и они, видимо, боялись, что я их выдам, расскажу в семье об их тайном заработке. Чтобы как-то ублажить меня, они купили мне конфет и обращались после этого со мной подчеркнуто ласково.

Этот грубый обман вызвал во мне неприятное, тяжелое чувство. Но братья напрасно опасались, что я могу рассказать дяде об их проделке. Я не только не любил Спиридона Андреевича, но и перестал его уважать за жадность и тяжелый характер. Кроме того, у меня, как и во всей нашей семье, не было привычки наушничать, сплетничать или даже попросту болтать что попало.

Тяжелой и веселой порой в деревенской жизни была осенняя страда — уборка урожая. В это время, как говорится, день год кормит. Крестьяне целыми семьями выходили в поле и с зари до зари, не разгибаясь, убирали хлеб. Жали серпами, овес и гречку косили косами, на которых были приделаны специальные грабельки для того, чтобы скошенные растения ложились ровнее, колос к колосу.

Завершение уборки было праздником. Но уже предстояла новая забота: надо было обмолотить хлеб, провеять, очистить, а затем убрать в амбар. К обмолоту тоже готовились заранее: чинили цепы и делали новые, латали прохудившиеся мешки. Особенно тщательно готовили тока — на ровной местности устраивались небольшие, хорошо утрамбованные площадки, на которых и обмолачивались снопы.

Вот в такую горячую пору и произошел со мной один незабываемый, неприятный случай, который едва не стоил мне жизни.

Семья дяди успешно завершила уборочные работы, все снопы сжатой пшеницы, ржи и других культур были уже свезены к гумну и сложены там в скирды. Оставалось только обмолотить их, но для этого надо было хорошо подготовить ток: площадка должна быть ровной и каменно-твердой. Эту искусную работу дядя не доверял никому, делал ее сам, с большим старанием и тщательностью. В связи с этим у всех дядиных домочадцев, и у меня вместе с ними, наступила небольшая передышка.

Под хорошее настроение я вновь обул свои сапожки, полюбовался ими. Настроение было приподнятое. Вспомнив, что дядя работает на гумне, я вздумал посмотреть его работу, потому что до этого мне не приходилось видеть, как готовят площадку для молотьбы.

На току был один Спиридон Андреевич. Босой, с подвернутыми штанами, ходил он по залитому глиной току и заглаживал эту глину специальной деревянной гладилкой.

«Как хорошо получается,— подумал я,— глина засохнет, и ток будет готов. Знай себе лупи снопы цепами!»

Мне захотелось похвалить дядину работу и сказать ему добрые слова, и я побежал к нему прямо по заглаженной глине. И тут со Спиридоном Андреевичем произошло что-то невероятное. Лицо его перекосилось, стало страшным. Он дико выругался и закричал:

— Куда прешь, вон, вон отсюда!

Я растерянно метнулся в сторону и только тут увидел, что каблуки моих сапожек оставляют на току глубокие вмятины.

А Спиридон Андреевич, видимо обезумев от ярости, схватил лежавшие около него большие деревянные вилы и метнул в меня. Вилы больно ударили меня рукояткой по плечу и руке. Я споткнулся, но не упал. Не помня себя, я убежал в кусты и долго не мог выйти из оцепенения от боли и страха.

«Неужели дядя хотел убить меня? Как же это так?» — мелькали в голове спутанные мысли. И мне уже виделось, как обряжают меня к похоронам, как плачут мои родные. Стало жалко самого себя, и я заплакал. Вспомнились слова сердобольной невестки: «Загубят они тебя».

Вскоре я успокоился, но ожесточение не проходило. К тому же рука и плечо еще долго болели. Но дядя, видимо, считал, что наказал меня недостаточно строго. В виде компенсации за неудовлетворенную свою злобу он отобрал у меня мою единственную радость — сапожки и отдал их своему внуку, сыну Потапа Спиридоновича. А мне сунул какие-то изодранные опорки.

— Вот, носи,— процедил сквозь зубы Спиридон Андреевич, бросив чуни к моим ногам,— да знай, что с тобой поступили милостиво.

«Милость» запомнилась мне на всю жизнь. Дядя после этого случая стал мне ненавистен, но деваться было некуда, жаловаться же я не мог и не хотел. Да и кому я мог пожаловаться?

Батрачил я у родственников уже год с лишним. Жить становилось невмоготу, и я решил бежать, бежать во что бы то ни стало. Но здесь снова появилась моя спасительница — матушка. Ранней весной она решила навестить своего горемычного сына, и, хотя я ей ничего не говорил о своей жизни, она все поняла своим чутким, материнским сердцем. Без лишних слов она твердо заявила Спиридону Андреевичу:

— Забираю от вас Климушку, погостевал и хватит.

Дядина семья не хотела отпускать меня, а Спиридон Андреевич прямо рассыпался в любезностях. Он говорил, что из меня выйдет хороший хозяин, что, когда я подрасту, он построит мне избу, женит меня на богатой невесте и буду я жить в деревне, как все Ворошиловы.

— А где же он грамоте научится? — спросила мать.— Жить-то без грамоты как будет?

— Из нас вот никто грамоты не знает,— гордо возразил дядя,— живем не хуже других. Так и он будет жить.

— А ты сам-то как, Климушка? — спросила меня мать.

Я, не задумываясь, ответил, что хочу быть грамотным, хочу домой.

На следующий день мы уехали. На прощание дядя отвалил мне три целковых.

Дорогой я все рассказал матери. И о сапожках рассказал. Она лишь тяжело вздохнула и сказала с рабской покорностью:

— Ну, что же, бог с ними. Не обеднеем мы от этого, да и беднеть-то нам больше некуда...

ШКОЛА! ШКОЛА!

За время моего пребывания у дяди наша семья сделала еще одно переселение — вернулась в село Васильевку. И вот я снова в родных местах. Отец по-прежнему пасет коров в имении помещика. Мать работает на кухне. Ей стало еще труднее: теперь она готовит на всех поденных рабочих. Накормить их всех, содержать в чистоте и порядке кухню нелегко.

Нужда, как и раньше, тяжело давила нашу семью, и мне сразу же пришлось браться за дело. Началась весна, и я пошел работать погонщиком волов. А там и лето. Летом возил снопы на тока, молотил хлеба. Дядины уроки не прошли даром: стал ловчей и сноровистей работать, никакой труд мне

был не страшен. Видимо, со стороны это было заметно. Мне стали доверять даже такую работу, как смазка локомотива и молотилки. По тем временам к этому делу допускали далеко не каждого.

По вечерам, несмотря на усталость, рабочие и работницы собирались в кружок, тихо о чем-либо переговаривались, а потом кто-нибудь затягивал хорошую украинскую песню, и «спивали» их много — одна за одной. Иногда появлялся гармонист — песни сменялись танцами. И мы, группа подростков, были хотя и на втором плане, но все же активными участниками этих сборов, пели, а иногда и плясали. Вспоминая теперь те годы, я невольно думаю, как облегчала тогда нам песня беспросветный труд, сколько она приносила радости и душевного успокоения...

Лето пролетело незаметно. К осени в селе Васильевка появился новый дом. Нас, подростков, он очень интересовал: в нем намечалось открыть школу. Не знаю, как у моих сверстников, но у меня к тому времени уже проснулась жажда к учебе, и я, еще не зная ни одной буквы, уже видел себя сидящим за партой, зубрящим уроки.

Школа, школа! — эти слова, кажется, не выходили из моей головы. Хотелось прямо бегом бежать в класс. Но одолевали сомнения: а отдадут ли меня учиться — ведь за это платить надо. Однако, как я уже упомянул, у моей матушки давно была не просто мечта, а упорное решение во что бы то ни стало научить меня грамоте, чтению Евангелия и других «священных» книг, и она уговорила отца не останавливать меня.

Наконец наступил и первый день учебы. Как и многие другие ребята, я пришел в школьный двор задолго до занятий. Здесь было просторно, и мы потом часто проводили тут свои перемены, играли и до, и после уроков.

Прозвенел звонок. Мы с непривычной робостью вошли в класс. Это была просторная светлая комната. Ученики заполнили ее почти до отказа. Было нас более сорока человек самых разных возрастов — совсем еще малыши и юнцы, у которых уже начал пробиваться пушок над верхней губой.

Наш учитель, Семен Виссарионович (фамилию его я запамятовал), спросил каждого из нас, кто умеет читать и писать, но таких нашлось немного — главным образом великовозрастные ребята, учившиеся когда-то в существовавшей здесь церковноприходской школе.

Все мы были разбиты на две группы: в одну включили совершенно неграмотных, в другую — умевших читать и пи-

сать. Учитель был один и занимался с нами одновременно.

В нашем, первом, классе программа была весьма несложной: азбука, русский язык, арифметика и закон божий. На уроки закона божьего к нам приходил местный священник — отец Василий. Он умело строил свои «священные» беседы, и то, что он рассказывал, было нам в диковинку, и слушали мы его с интересом. Кроме того, он внимательно и строго следил за порядком, и никто при нем не позволял себе никаких шалостей. Может быть, здесь сказался и авторитет церкви, к которой нам с детских лет внушалось почтение.

Семен Виссарионович вел остальные уроки. Он был средних лет, небольшого роста, с правильными чертами лица, спокойный и внимательный. Он увлекался предметом и почти совсем не обращал внимания на то, что делается в это время в классе. Эту его слабость ребята быстро усвоили, и кое-кто начал ею злоупотреблять. На уроках было шумно.

«Наведение дисциплины» тоже к добру не привело. Семен Виссарионович составил список ежедневных дежурных. За порядок в классе должны были отвечать все по очереди. Фамилии проштрафившихся записывались на доске. Таких иногда набиралось до десятка. Для них учитель установил весьма своеобразное наказание. Ставил их в круг, заставлял развести в стороны руки и брать за уши своих соседей — справа и слева, причем не рядом стоящего, а через одного. Получалось, что ребята стояли как бы в обнимку, держа друг друга за уши. Затем по команде «раз, два, три» провинившиеся должны были совершать друг над другом взаимную экзекуцию. И хотя попавшие в беду заранее договаривались не сильно драть уши, все же кто-нибудь вольно или невольно нарушал уговор, и тогда начиналась поистине дикая сцена. Кто-то хотел отплатить обидчику, но дергал за ухо совсем другого, тот — третьего, и так без конца. Дело доходило до слез. А у тех, кто не стоял в кругу, это вызывало смех и грубые шутки.

Авторитет учителя падал с каждым днем.

Однажды на улице перед самой школой застряли крестьянские сани, груженные сеном. Была оттепель. Лошадь остановилась перед лужей, и мужик никак не мог сдвинуть сани с места. В это время у нас была большая перемена, и ребята высыпали на улицу. Группа переростков под видом помощи стала толкать сани и, сговорившись, вдруг налегла изо всех сил и нарочно опрокинула воз прямо в лужу. Бедняга крестьянин, и без того измучившийся, вбежал в школу, стал жаловаться учителю:

— Смотрите, что наделали ваши разбойники! Креста на них нет!

Семен Виссарионович был сильно возмущен нашей выходкой. Рассвирепев, он приказал всем ученикам стать на колени и стал бить нас линейкой по рукам, не различая ни правого, ни виноватого. После этого заводилы немного попритихли, но не надолго. Учитель по натуре был тихим, интеллигентным человеком и никак не мог войти в роль деспота-устрашителя.

Ученики нашей школы резко разделялись не только по возрасту, но и по тому, где у кого работали родители. Деревенские ребята из Васильевки составляли компактную группу и как бы противостояли другой группе ребят, чьи родители работали в имении помещика Алчевского. Этих учеников хлопцы-васильевцы презрительно именовали дворянами. Неприязнь к помещикам переносилась и на нас, ни в чем не повинную детвору. Из-за этого нередко возникали распри и ссоры, а иногда и потасовки. Обо всем этом, разумеется, знал Семен Виссарионович, так как обидчики и обиженные не раз жаловались ему друг на друга. Но он проходил мимо этого.

Трудно понять, почему он поступал именно так. Он не пытался разговаривать с нами по этому поводу, примирить, сплотить. Быть может, ему было не до этого, так как он, наверное, глубоко переживал свои педагогические неудачи. Дотянув кое-как до конца учебного года, наш Семен Виссарионович сразу же уехал куда-то и больше не появлялся в наших местах.

Как ни удивительно, за зиму мы все-таки кое-чему научились: писать, читать по слогам.

Во время летних каникул я, так же как и раньше в эту пору, продолжал работать: пахал, убирал навоз, косил, участвовал в уборке урожая. Все это было обычным и привычным для меня делом, и мало что сохранилось в памяти от той поры. Запомнился на всю жизнь лишь один случай, в котором проявилась бунтарская жилка, наследованная мной, как видно, от отца.

Мы, двое взрослых рабочих и я, работали на молотилке, обмолачивали помещичью пшеницу. Работали с рассвета и дотемна. За все это приказчик платил нам жалкие гроши. И вот однажды мы не выдержали: бросили работу и ушли в степь.

В этой железнодорожной будке родился К. Е. Ворошилов.

Ефрем Андреевич Ворошилов — отец Климента Ефремовича.

Мария Васильевна Ворошилова — мать Климента Ефремовича.

Здание школы в Васильевке. О ней в книге К. Е. Ворошилова целая глава.

Дом в селе Васильевка, где прошли детские годы К. Е. Ворошилова.

— Пусть постоит молотилка, а мы малость отдохнем,— говорили мои товарищи.— Приспичит приказчику — как следует платить станет.

Забившись в скирду с сеном, мы закусили остатками принесенной из дому пищи, а затем уютно расположились на ночлег. Утром нас всех вызвали к управляющему. Он кричал, топал ногами, грозил, но в конце концов согласился увеличить нам оплату, а за простой молотилки приказал сделать вычеты из нашего заработка. Чтобы наказать меня сильнее других («Ишь ты, мелкота, тоже бастовать вздумал!»), управляющий приказал удержать с меня почти весь мой заработок — 1 рубль 20 копеек. Я возмутился несправедливостью, но он не обратил на это никакого внимания и еще раз повторил свое распоряжение приказчику:

— Как сказал, так и делай. Не будет в другой раз со смутьянами связываться.

И тут случилось нечто невероятное. Я потерял всякий контроль над собой. Крикнув что-то оскорбительное моему обидчику, я выскочил на улицу и запустил в окно конторы огромным булыжником. Меня пытались догнать и наказать, но я скрылся в ближней балке и с тех пор стороной обходил этот дом...

Осенью в школе появился новый учитель, тоже Семен, но Мартынович,— Семен Мартынович Рыжков. Он был уже семейным человеком, имел жену, двух дочерей и сына, с ними же жила сестра жены. Спокойный, энергичный, волевой, точный, он сразу покорил наши сердца.

Уже после я узнал, что Семен Мартынович не готовился быть педагогом. Он мечтал о дальних странствованиях, окончил морское училище. Но в первом же учебном, но большом плавании убедился, что его мечте не суждено сбыться: его организм никак не мог привыкнуть к морской качке. Он пытался побороть себя, стойко переносил морскую болезнь, но она изнуряла его, и в конце концов он был вынужден отказаться от морской службы. Он окончил учительские курсы, и работа в школе стала его вторым призванием.

Семен Мартынович был незаурядным человеком, обладал большими знаниями, беззаветно любил свою профессию. В 1906 году он избирался в Государственную думу по списку трудовиков и был одно время даже ее вторым секретарем.

Незаметно новый учитель выявил индивидуальные привычки и наклонности учеников, сумел чем-то заинтересовать, увлечь каждого из нас. Как-то сами собой прекратились ша-

лости, и вот уже, затаив дыхание, мы с увлечением слушали Семена Мартыновича.

При новом учителе и школа преобразилась: стала чище, светлее, и мы, ребята, хоть и в бедноватой одежде, стали более опрятными, подтянутыми. Тетради, книги теперь были не такими потрепанными. Как ему удалось добиться этого, я не знаю, но только все мы полюбили его и привязались к нему. Раньше, бывало, ребята с нетерпением ожидали последнего звонка, чтобы стремглав бежать из школы, а тут стали задерживаться в классе по своей воле и сами иногда просили Семена Мартыновича, чтобы он почитал нам что-нибудь еще. Он всегда читал нам только интересное — раскрывал нам глаза на мир, на жизнь, учил видеть человека с хорошей стороны, уважать его.

Когда Семену Мартыновичу было некогда, он поручал нам самим по очереди читать вслух какую-нибудь подобранную им книгу. Чаще всего это были небольшие рассказы и повести Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, проза и стихи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, басни И. А. Крылова. Постепенно чаще других чтение стали поручать мне.

— Давай, Клим! — выкрикивали ребята.— У тебя хорошо получается.

Мне было лестно доверие товарищей, и я старался читать, что называется, с толком, с чувством, с расстановкой, подражая Семену Мартыновичу. Часто приходилось брать недочитанную книгу домой и там, в углу, еще засветло или при керосиновой лампе, я с упоением зачитывался той или иной удивительной историей, пока мать не говорила:

— Кончай, хватит, нечего керосин жечь.

Учение давалось мне легко, многое я схватывал на лету, и поэтому увлечение чтением не мешало моей учебе. Вскоре я стал одним из первых учеников в классе. Товарищи стали обращаться ко мне за советами, просили объяснить непонятное, и я оставался заниматься с кем-нибудь после уроков.

Заметив это, Семен Мартынович стал поручать мне не только чтение, но и, если ему надо было куда-нибудь отлучиться, проведение отдельных несложных занятий. Это заставляло меня старательно выполнять домашние задания, твердо заучивать грамматические правила, читать дополнительный материал, который я доставал в семье учителя. Так возникло у меня чувство ответственности и начали вырабатываться некоторые организаторские навыки.

Семен Мартынович старался пробудить в каждом из нас интерес к родной природе, литературе, народным песням. Он искренне радовался, когда у кого-либо из нас проявлялись те или иные способности, старался поддержать и развивать их. По его инициативе мы стали проводить школьные вечера — нечто вроде нынешних выступлений художественной самодеятельности. На импровизированной сцене ребята выступали с чтением стихов, пением, плясками. Все это заранее готовилось, и каждый участник таких вечеров старался выступить как можно лучше. Нередко нашими зрителями были не только ученики, но и их родители.

По инициативе С. М. Рыжкова был создан школьный хор, и мы с увлечением ходили на спевки, разучивали русские и украинские песни. Весть об этом дошла до церковного регента Полякова, человека уже преклонного возраста. Он пришел к нам специально для того, чтобы послушать пение и отобрать голоса для церковного хора. В числе отобранных оказался и я, и должен сказать, что и сейчас не жалею об этом, потому что Фома Поляков научил нас понимать музыку; он сумел так развить наш слух и так поставить наши голоса, что пением нашего церковного хора заслушивались все прихожане. Нас приглашали на свадьбы и другие торжества, и мы были довольны тем, что приносим радость своим односельчанам.

Фома Поляков был незаурядным человеком. Он вышел из крепостной семьи и благодаря своим способностям очень рано проявил себя хорошим певцом и музыкантом. Он играл на нескольких инструментах: на скрипке, фисгармонии и флейте. Оценив все это по достоинству, барин послал талантливого юношу в Петербург. Там он окончил какое-то музыкально-церковное училище и после этого стал регентом барского, а затем церковного хора. Человек высокой культуры и мягкого общительного характера, Фома Поляков часто говорил нам:

— Наш народ любит песни и сам творит их. Учитесь у народа искусству пения и несите людям все лучшее, что у вас есть.

Участие в школьных вечерах и в хоровом пении способствовало нашему духовному развитию и в какой-то мере пробуждало наше самосознание. В этой связи вспоминается такой эпизод. На одном из наших выступлений кто-то из ребят должен был читать басню Крылова «Волк и Ягненок» в переводе на украинский язык. Там есть авторские слова, осуждаю-

щие волчий произвол: «Он вовк, он пан,— ему не слид» (раз волк силен, то ему все позволено). Я подсказал пареньку:

— Когда будешь читать эти слова, покажи пальцем на городового, который всегда бывает на наших вечерах.

Он так и сделал, и это вызвало большое оживление у всех зрителей. Вместе со всеми смеялся и аплодировал и сам городовой: он, видимо, так и не понял, в чей огород был брошен камешек. Семен Мартынович сделал вид, что ему ничего не известно о нашей проделке.

С. М. Рыжков был не только талантливым преподавателем и воспитателем, но и подлинным организатором народного просвещения. Особенно ярко это проявилось, когда вблизи станции Юрьевка и деревни Васильевка началось строительство крупного металлургического завода Донецко-Юрьевского металлургического общества (ДЮМО). Вблизи от этих мест открылись огромные каменоломни, и сюда съехались для перевозки камня сотни крестьян с подводами. Однако на эти работы принимались лишь грамотные крестьяне, потому что надо было учитывать объем перевезенного камня и расписываться на каких-то бумагах. У людей появилась неотложная потребность в грамоте, и они буквально повалили в школу и нашли там поддержку.

Вот как вспоминал об этом позднее С. М. Рыжков, находясь за границей [1]:

«Ко мне пачками посыпались просьбы взрослых крестьян научить их читать и писать. Пришлось работать в две смены: днем — с детьми, вечером — со взрослыми. Разумеется, все это даром. Через две недели мужики с грехом пополам выводили свои фамилии. Курс был закончен. Авторитет школы поднялся на недосягаемую высоту. Завелась библиотека, учебные пособия. Алчевская подарила школе волшебный фонарь — тогда большую редкость и в городских школах. Она же высылала из Харькова еженедельно, по указанию школы, новые серии картин.

...Смотреть картины и слушать рассказы приходило все село. Так как школьные классы не вмещали всех желающих попасть на картины, то я стал показывать их на улице, на стене сарая соседа» [2].

---

[1] В годы гражданской войны и иностранной интервенции он уехал в Чехословакию. Умер он после Великой Отечественной войны, будучи членом Коммунистической партии Чехословакии.

[2] «Последние новости» (Чехословакия), 7 июля 1933 года.

Именно в это время Семен Мартынович часто просил меня помочь ему в чтении или в показе картин через «волшебный фонарь» (светоскоп). Это был примитивный показ обычных диапозитивов — картин на стекле, и посвящались они, как правило, историческим, сказочным или практически-жизненным сюжетам. Изображения, увеличенные через линзы «волшебного фонаря», действительно проектировались прямо на белую стену соседнего сарая. Местные крестьяне никогда не видели ничего подобного и смотрели на все это с восхищением. Для них, забитых и темных, «волшебный фонарь» нашего учителя прорезал кромешную тьму, которая царила над нашей Васильевкой, да и над всей тогдашней Россией...

Вскоре школа пополнила свою библиотечку. В ней стало значительно больше произведений лучших русских писателей и поэтов — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Тургенева, Лескова, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Никитина, Кольцова. Постепенно большинство ребят пристрастилось к чтению, а для меня оно стало самым любимым, необходимым занятием.

Иногда учитель давал мне и свои личные книги, которые я по прочтении относил к нему домой. Семен Мартынович разговаривал со мной о прочитанном, подсказывал, что стоит почитать еще, иногда вспоминал свою жизнь. Он и его домашние просили заходить еще. Каждая встреча с этими культурными людьми все более расширяла мой кругозор, открывала передо мной что-либо новое.

Разница в возрасте не помешала нашему сближению. Я глубоко ценил Семена Мартыновича как педагога и человека. Однако уже в 1905—1906 годах мы по-разному оценивали политические события, а в 1915—1916 годах мы и вовсе разошлись с ним в политических убеждениях и почти прервали наши отношения. Но об этом более подробно будет сказано в другом месте...

Подходил к концу второй год моей учебы. Ранней весной, как это часто бывало в селах, в нашей семье стало особенно тяжело: все припасы хлеба, картофеля, овощей, заготовленных на зиму, иссякли, и наступила пора полуголодного существования. Мне да и всей нашей семье стало ясно, что без моей работы не обойтись. И я пошел к учителю за советом.

— Не могу я больше учиться, Семен Мартынович,— сказал я ему,— пойду на заработки.

— А куда? — спросил он.

— Кто его знает,— ответил я.— Может быть, в имении работа найдется — пахать я умею; не будет ничего другого — снова в пастухи наймусь.

Семен Мартынович тяжело вздохнул и положил мне на плечо свою теплую руку.

— Ну что же, Клим, раз надо, так надо,— ободряюще сказал учитель.— Только о школе не забывай. Учиться можно и самостоятельно. Читай книги, заходи к нам. Я и вся моя семья будем всегда рады тебя видеть.

Работать в ту пору приходилось много, но я, пользуясь любезным приглашением, успевал хоть на несколько минут забежать к Рыжковым. И кого бы я ни застал дома, все они искренне интересовались делами и моими, и нашей семьи, говорили со мной как с равным. И от этого я проникался к ним еще большим уважением. Каждый раз я уходил от них с новыми впечатлениями и обязательно уносил с собой какую-нибудь книгу.

Время шло. Наша Васильевка сильно изменилась. На землях Алчевского близ Васильевки и станции Юрьевка Екатерининской железной дороги ширилось строительство большого металлургического предприятия.

Там, где когда-то мы с моим дружком Васей пасли телят, сейчас лежали груды камня, кирпича, бревен, железа, поднимались заводские корпуса, прокладывались дороги. Сюда съехалось огромное количество землекопов, возчиков, каменщиков. Каждый из них делал свое дело: кто копал траншеи, кто подвозил груз, воздвигал стены. Постоянно, днем и ночью, кишел этот человечий муравейник, слышались удары молота, скрип телег, ржание лошадей.

На наших глазах поднимались в небеса заводские трубы, выросли две доменные печи. На большой площади раскинулись заводские цехи — литейный, модельный, кузнечный, столярный, ремонтный, здесь же разместились и вспомогательные службы. Несколько поодаль появились жилые дома. Но стройка не прекращалась. Недалеко от доменных печей, современных по тому времени сооружений, начато было строительство мартеновских печей, бессемеровского и пудлингового цехов. Мы, ребята, еще ничего не понимали в заводской жизни, но эти названия уже прочно вошли в наш обиход.

Строительство металлургического завода ДЮМО велось несколько лет. Готовые цехи и службы немедленно вводились в строй. Подлинным рождением завода стал день, когда дала плавку первая домна. Он был торжественно отмечен.

Вскоре и я пополнил ряды рабочих. Весной 1895 года я окончил Васильевскую школу с «похвальным листом». Как грамотного, меня приняли на завод, рассыльным в заводскую контору.

Так закончилась моя ученическая пора. Но я долго еще вспоминал эти два с половиной так быстро промелькнувших года, давших такой большой толчок моему умственному развитию.

Школа, школа! Как часто вспоминал я потом ее стены, небогатое убранство классных комнат, старенький глобус, по которому мы с Семеном Мартыновичем совершали увлекательные путешествия! Разбуженная школой жажда знаний не покидала меня потом всю жизнь, и я в меру своих сил и возможностей продолжал заниматься самообразованием, не расставался с книгами. Семен Мартынович, с которым я не порывал наших связей и после поступления на завод, умело направлял мое самообразование.

Книги и сама жизнь стали моими университетами, моей академией. И всем, что мне довелось познать и чего удалось достичь, я был обязан в основном книгам, чтению. Однако самой главной моей школой явилось общение с людьми, заводская выучка, пребывание в рядах донецкого пролетариата.

Началась моя заводская жизнь с работы посыльным на металлургическом заводе ДЮМО.

КУРЬЕР-РАССЫЛЬНЫЙ

Возникновение в 1896 году крупного металлургического завода ДЮМО близ железнодорожной станции Юрьевка было лишь одним из проявлений бурного развития молодого в то время Донецкого бассейна. На год раньше был построен Петровский завод в Енакиеве, годом позже вступил в строй металлургический завод в Краматорске, а спустя еще год начал работать Макеевский металлургический завод. Здесь, как и в других местах юга России, непрерывно увеличивалось производство металла и каменного угля, расширялась сеть железных дорог. Буквально на глазах создавался новый промышленный район страны, значительно отличавшийся от старого, горнопромышленного Урала, который возник еще в петровские времена.

Касаясь вопроса о создании горной промышленности на юге страны, В. И. Ленин писал в 1899 году в книге «Развитие

капитализма в России»: «Насколько Урал стар и господствующие на Урале порядки «освящены веками», настолько Юг молод и находится в периоде формирования. Чисто капиталистическая промышленность, выросшая здесь в последние десятилетия, не знает ни традиций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определенного населения. В Южную Россию целыми массами переселялись и переселяются иностранные капиталы, инженеры и рабочие, а в современную эпоху горячки (1898) туда перевозятся из Америки целые заводы. Международный капитал не затруднился переселиться внутрь таможенной стены и устроиться на «чужой» почве...» [1]

Сочетание отечественного и иностранного капитала в развитии природных богатств Донецкого бассейна накладывало свой отпечаток на весь облик промышленности этого края. Только за период с 1888 по 1902 год в Донбассе возникло 112 иностранных компаний с основным капиталом 316 миллионов рублей. Иностранная буржуазия стремилась укрепиться во всех отраслях промышленности, но особенно усердно прибирала она к рукам русскую металлургию и добычу угля. В ту пору из всех крупных металлургических заводов Юга только два принадлежали русским промышленникам, хозяевами же всех остальных были иностранцы [2]. В 1898 году в каменноугольной промышленности Донбасса в 88 процентах шахт господствовал иностранный капитал [3].

Именно в это время все большую силу набирают в стране монополистические объединения, концентрирующие в своих руках огромную массу капитала и промышленных предприятий. Крупнейшим из них стал синдикат «Продамет», объединивший в 1902 году большинство металлургических заводов юга России и ставший обладателем более 80 процентов производства и продажи русского металла на внутреннем и внешнем рынках. Главную роль в этом синдикате играл франко-бельгийский капитал. Несколько позднее (в 1909 году) возник здесь и другой империалистический спрут — донецкий синдикат «Продуголь».

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 488—489.

[2] См. *И. Берхин.* Луганская большевистская организация в период первой русской революции. Госполитиздат, 1947, стр. 6.

[3] См. *Г. Я. Емченко, В. И. Калашников, П. М. Шморгун.* Так начинались битвы. Большевики Луганщины накануне и в период первой русской революции (1900—1907), вып. I, изд. Харьковского университета, 1966, стр. 14.

Все это свидетельствовало о возрастающем в стране засилье иностранного капитала, о непрерывном вовлечении России в сферу влияния крупнейших империалистических государств.

Не был исключением из этого общего положения и металлургический завод ДЮМО. Здесь преобладал французский капитал, и во всех сферах заводской жизни весьма ощутимо чувствовалась рука иностранцев. Тут можно было встретить — и не только среди инженеров и мастеров, но и среди простых рабочих — бельгийцев и французов, немцев и англичан. Как правило, каждый из них получал за одну и ту же работу в несколько раз большую плату, чем русские. Жили они отдельными колониями. Среди них заметно выделялись инженеры и администраторы, которые в отличие от иностранных рабочих, более или менее простых и близких нам по духу, были особенно чванливыми и высокомерными.

Работа в заводской конторе, даже на такой второстепенной и даже третьестепенной должности, как курьер-рассыльный, давала возможность видеть все это в непосредственной близости. Кроме того, здесь сходились нити управления заводом, поступали различные сведения из цехов, иногда проходили деловые совещания,— все это раскрывало мне глаза на многое, о чем я раньше не имел ни малейшего представления.

Обязанности курьера-рассыльного были весьма просты. Вначале я должен был разносить по цехам приказы и распоряжения заводоуправления и доставлять оттуда сводки о ходе работы. Но вскоре основным моим занятием стала ежедневная доставка на почту всякого рода деловых бумаг, подготовленных конторой для рассылки по различным адресам как внутри страны, так и за границу. Одновременно с этим я должен был получать на почте и привозить в контору письма, пакеты и посылки, адресованные заводоуправлению и отдельным лицам, работающим на заводе.

Почтовая контора, или, попросту, почта, находилась в то время в восьми — десяти километрах от нашего завода, в селе Лозовая Павловка. Чтобы своевременно доставлять пакеты и письма, мне дали лошадь. С кожаной сумкой через плечо не без удовольствия восседал я на довольно бойкой лошадке, которая резво бежала по пыльной дороге. Мне, пятнадцатилетнему пареньку, приходилось возить не только официальную заводскую корреспонденцию и письма, нередко мне доверяли отправку и получение крупных денежных переводов и посылок.

Мне нравилась эта работа. К верховой езде я привык еще с малолетства. Было весело и приятно ехать по степи. Но, к моему несчастью, в это время у меня все чаще и чаще стали появляться головные боли. Особенно сильно я их чувствовал во время езды. Приходилось сдерживать лошадь, а иногда спешиваться. Где-нибудь под кустом я пережидал, пока боль хоть немного утихнет. Видимо, это были последствия избиения на Голубовском руднике.

Однажды, привязав лошадь к столбу близ моста, я прилег. На этот раз мне было так плохо, что я находился почти в полуобморочном состоянии.

В это время из Лозовой в Васильевку на паре лошадей, запряженных в экипаж, проезжал порожняком легковой извозчик. Заметив привязанную лошадь, он остановился и разыскал меня. Извозчик меня хорошо знал. Он помог мне подняться, усадил в свой экипаж. Солнце палило очень сильно, и он поднял кожаный навес (в те времена такой навес имелся на каждой карете, фаэтоне, экипаже).

Лошадь мою извозчик привязал сзади экипажа. Находясь как бы в полусне, я не смог предупредить, что она с норовом, не любит понуканий и окриков.

Мы тронулись. Непривычное положение, видимо, вызвало у лошади раздражение. Она встала на дыбы и обрушилась передними ногами на экипаж. Это произошло мгновенно. Почувствовав, как тряхнуло коляску, я открыл глаза и увидел около своего плеча лошадиные ноги. От неожиданности я вскрикнул. Извозчик, резко повернувшись, увидел страшную картину: навес смят и пробит, а лошадь застыла в необычной позе — как бы в остановившемся прыжке.

Извозчику пришлось изрядно повозиться, чтобы сперва высадить меня, а затем успокоить лошадь.

— Ну, брат, счастливый ты человек,— сказал он с облегчением,— ведь на волосок от смерти был. Представляешь, что было бы, если бы конские копыта ударили по тебе. Хорошо еще, что рысаки мои спокойные, а то и нас бы разнесли, и сами перекалечились.

Я попросил извозчика отвезти меня прямо в заводскую больницу, так как почувствовал себя еще хуже. Почту я передал под расписку пришедшему навестить меня конторскому служащему.

После этого случая мне дали другую лошадь — старую, спокойную, степенную. Этот крупный и сильный жеребец всю свою жизнь ходил только коренником в тройной упряж-

ке и никогда не был под седлом. Тем не менее заводские конюхи по указанию главного бухгалтера выделили мне именно этого коня. Делать было нечего, и я стал ездить верхом на этом «скакуне».

Главный бухгалтер завода, немец с довольно странной фамилией — Граф, был нервным, раздражительным, грубым. Сам чрезвычайно пунктуальный, он требовал того же от других служащих. Установив, что я стал ездить на почту дольше обычного и привозить почтовые материалы с некоторым, а иногда и со значительным опозданием, он стал особенно придирчив ко мне. Граф приказал возвращаться в контору к точно определенному времени и даже за малейшие просрочки кричал на меня и грозил всякими неприятностями.

Чтобы избежать этого, я все чаще и чаще стал понукать своего конягу, а иногда и стегал его плетью. Однако и это не помогало: конь упорно шагал своей размеренной поступью, и только изредка его можно было принудить к медленной и тяжеловесной рыси, и то на весьма короткий срок. В этих случаях он покрывался потом, отрывисто и надрывно дышал. Мне было жаль лошадь, немало потрудившуюся на своем веку, но поступать с ней столь жестоко вынуждали бесконечные придирки господина Графа. За это я однажды принял от моего четвероногого друга суровое возмездие.

Связанный с постоянными поездками на лошади, я ежедневно бывал на конюшне, был хорошо знаком с конюхами и считался в их среде своим человеком. Старший кучер Николай Берещанский, пожилой человек, относился ко мне очень хорошо: я дружил с его сыновьями Ананием, Иваном и Павлом, помогал им учиться. Однажды я, как обычно, пришел утром в конюшню. Старший кучер и его помощники, только позавтракав, дымили цигарками под навесом.

— Дядя Николай,— обратился я к Берещанскому,— можно седлать?

Один из конюхов заметил:

— А твой-то и с овсом, наверно, еще не разделался — совсем стар стал, уже не зубами, а языком пищу перетирает.

— Пойди посмотри,— подтвердил дядя Николай.

Войдя в стойло, я похлопал коня по гриве и заглянул в кормушку. И тут вдруг произошло такое, отчего у меня даже сейчас, при воспоминании, пробегают мурашки по телу...

Я почувствовал дыхание лошади на своем затылке и вдруг ощутил невыносимую, страшную боль. Конь захватил своими беззубыми, но еще довольно крепкими деснами мои волосы

и медленно тянул меня вверх. Несколько секунд он подержал меня в таком висячем положении, а потом начал так же медленно опускать. Я весь оцепенел от боли и ужаса. Мне казалось, что я отживаю последние минуты.

Выпустив мои волосы, конь смотрел на меня уже не злобным, а вопрошающим взглядом, как бы говоря: «Ну что, каково тебе? Вот так и мне бывает больно». А я, постепенно приходя в себя и опасаясь, что лошадь может еще и лягнуть меня, тесно прижавшись к стенке стойла, продвигался к выходу. Однако конь стоял спокойно и не спускал с меня своих умных глаз до тех пор, пока я не выскочил из конюшни.

Кучера, увидев меня, почти одновременно воскликнули:

— Что с тобой, Клим?

Я рассказал все, как было. Они сокрушенно качали головами. Потом старший кучер спросил:

— А не обижал ли ты своего конягу понапрасну?

Пришлось признаться во всем: и как ругал меня Граф за опоздания, и как из-за этого я старался ездить побыстрее.

— Вот оно что,— глядя на меня с укоризной, сказал Николай Берещанский.— Не знаешь ты, брат, лошадиных повадок. Хоть это и бессловесное животное, а все же оно очень многое понимает. Скажи спасибо, что так легко отделался. Видимо, конь все же любит тебя.

— Ты с ним обязательно помирись,— добавил один из конюхов и дал мне корочку хлеба.— Вот, угости его перед поездкой.

После этого я стал обращаться с лошадью более мягко и стал внимательно присматриваться к ее повадкам. А урок запомнил на всю жизнь: лошади — умные животные и надолго запоминают все — и хорошее, и плохое. За добро платят добром, а за обиды, да еще незаслуженные, стараются при первом же подходящем случае отомстить.

Работа курьером-рассыльным была своеобразной переходной ступенькой от школы к производству. Я по-прежнему был тесно связан с ребятами-подростками, с которыми вместе учился у Семена Мартыновича Рыжкова, да и с самим нашим учителем и его семьей. И в то же время круг моих знакомств расширялся. Встречаясь вечерами, во внерабочее время, со своими друзьями, молодыми рабочими Сергеем Сараевым, Павлом Пузановым, Иваном Придорожко, Епифаном Плуготаренко и другими, я все чаще ловил себя на мысли, что нас объединяет нечто большее, чем общее времяпрепровождение на танцах под гармошку или на скромных пирушках в суббот-

ний или воскресный день. Мы могли часами говорить о положении рабочих, заработках, штрафах, поведении заводских начальников, а также о событиях в стране или за ее пределами, вести о которых так или иначе доходили до наших мест.

В это время наряду с Васильевской земской школой открылась новая школа — для детей рабочих завода ДЮМО. В ней было больше учеников и учителей, и у меня с помощью Семена Мартыновича Рыжкова наладилось общение и с этой школой: там я бывал на репетициях драматического кружка, на спевках, а иногда и участвовал в качестве «артиста» в некоторых постановках. Молодые учителя и учительницы вовлекли меня в свой круг, снабжали интересными книгами, помогали мне лучше понять прочитанное, беседовали со мной на разные темы. Все это не проходило бесследно: я приближался к ним по своему развитию, не стеснялся высказывать собственное мнение, отваживался даже на спор с некоторыми из них.

Работа курьера-рассыльного позволяла мне детально ознакомиться с заводским и конторским бытом, расширяла мои представления о разных гранях производственной и обычной, будничной жизни заводских рабочих, постоянно сталкивала меня со многими интересными людьми.

Отправляя корреспонденцию во все концы России, а также и в другие государства и получая ответную почту, я узнавал новые города, расширял свои географические познания. Вручая письма и посылки, я знакомился с новыми людьми; иностранцы нередко разговаривали со мной, рассказывали о себе. Так углублялись мои представления об окружающих меня людях. Я знал кроме рабочих, начальников и мастеров работников конторы, врачебный персонал, учителей, начальника большой заводской лаборатории, его помощников и многих других.

Большая дружба завязалась у меня с конторским бухгалтером Волковым, имя и отчество которого я, к сожалению, не могу сейчас припомнить. Он был значительно старше меня, но всегда разговаривал со мной как с равным. Он уже многое повидал в жизни, побывал в различных городах, много читал, знал всякую всячину о множестве неведомых мне вещей и очень интересно рассказывал обо всем этом. Но, как я заметил, больше всего он любил поговорить о жизни людей, о трудном положении рабочих, о борьбе за справедливость. От него я впервые узнал о крепостном праве и его

отмене, о восстаниях Емельяна Пугачева и Степана Разина, о народовольцах, о покушениях на царей.

— Смотри-ка,— удивлялся я,— а мне об этом и слышать ни разу не приходилось.

— Бывает,— отвечал Волков.— Всегда так, чего-нибудь вначале не знаешь, а потом краем уха уловишь и стараешься узнать об этом подробнее. Ну, а раз сам узнал, постарайся другому передать, чтобы и у него глаза открылись. Все мы живем, как по лестнице идем: от незнания — к знанию, к просветлению разума.

Мне нравились эти рассуждения. С каждой такой беседой я все яснее понимал бедность моего умственного багажа. И я упорно взялся за чтение. Жадно читал все, что попадало под руку. А потом забрасывал Волкова вопросами. Он охотно отвечал на них и даже подстегивал мою любознательность.

Однажды Волков сказал мне как бы между прочим:

— Ты, Клим, думай не только о том, чтобы самому грамотным да развитым быть, а и о другом — как свои знания на пользу людям направить. Помнишь у Некрасова: «Сейте разумное, доброе, вечное...»

Я помнил эти строчки из Некрасова и в шутливом тоне ответил:

— Да мне еще и нечего сеять-то: семян нет.

Но Волков не склонен был шутить. Посмотрев на меня, тихо добавил:

— Люди за общее дело жизни не жалеют, а она ведь у человека одна. Подумай об этом. Только будь осторожен и не каждому доверяй свои мысли.

Я до сих пор не знаю, был ли причастен Волков к какой-либо революционной организации,— тогда все было строго законспирировано. Мне лишь сравнительно недавно стало известно, что еще в период строительства завода ДЮМО в Алчевске работали административно высланные из Петербурга после разгрома «Северного союза русских рабочих» слесари Семен Баканов и Александр Никольский. Они пытались создать революционный кружок, получали кое-какую литературу из Петербурга, но с отъездом Баканова из Алчевска кружок распался. Был ли Волков знаком с организаторами этого кружка, действовал ли в одиночку, сказать не могу.

Запомнился лишь один факт, относящийся к значительно более позднему времени. После того как вышла в свет ленинская «Искра», я, вновь попав в Алчевск после долгих скита-

ний, впервые увидел эту газету и получил ее под большим секретом именно от Волкова. Как и откуда она попала к нему, это для меня и по сей день является тайной за семью печатями...

Мне приходилось довольно часто бывать в двухэтажном доме главного бухгалтера завода господина Графа. У него была большая семья — одних ребят было восемь человек, и все мал мала меньше. Пока я ждал, когда их отец подпишет принесенные мной бумаги, эта детская ватага окружала меня и старалась вовлечь в свои игры. Постепенно у меня с ними установились самые сердечные отношения, и мне почему-то казалось занятным: дети немца были такими же милыми и бойкими шалунами и проказниками, как и наши «дворовые» мальчики и девочки.

В доме прислуживал русский старичок Иван. Он был небольшого роста, коренастый, еще очень крепкий и ко всему этому обладал исключительно мощным басом. И когда господин Граф кричал ему со второго этажа: «Иван, чаю!» (он в имени своего слуги всегда делал ударение на первом слоге) — Иван басил:

— Сейчас подам!

И хотя он произносил фразу, вовсе не форсируя звук, от его голоса в окнах звенели стекла.

Сохранились в памяти и другие люди.

Начальником заводской лаборатории был немец Блосфельд, культурный и образованный человек с добрым, чутким сердцем. Я часто заходил к нему, и хотя он плохо говорил по-русски, мы беседовали по душам, он задавал мне вопросы, внимательно и терпеливо слушал мои не всегда полные и точные объяснения. Рассказывал о себе, о Германии.

На заводе было много и таких начальников и мастеров из иностранцев, которые вели себя высокомерно, презирали рабочих и унижали их человеческое достоинство. Вот что, например, говорилось о мастерах-иностранцах в донесении департаменту торговли и мануфактуры старшего фабричного инспектора Екатеринославской губернии (апрель 1900 года): «...как совершенно некультурные, грубые, в большинстве случаев безнравственные, очевидно, худшие представители иностранных мастеровых, они чрезвычайно бесцеремонны, вместе с директорами своими, в отношении к русским рабочим, третируют их всячески, ругают и часто бьют их; в случае же протестов со стороны отдельных лиц мастера эти немедленно и нисколько не маскируя даже своего произвола, предприни-

мают ту или иную карательную меру: лишают рабочего сдельного заработка, переписав, положим, прошедшим числом рабочего из аккордных в поденные, штрафуют в произвольных случаях и нормах, увольняют со службы безусловно всех тех рабочих, которые обращаются с жалобами к фабричному инспектору и т. п. Примеров таких зарегистрированных в путевых журналах и в книгах записей жалоб рабочих фабричным инспекторам очень много...»[1]

Все это было. Мне же или везло на встречи с хорошими людьми, или я не очень разбирался в людях. Но сохранилось в памяти больше хорошее, светлое.

Очень хорошо помню начальника механического цеха господина Ганемана, начальника электроцеха Краузе, мастера чугунолитейного цеха Циммермана. Все они относились ко мне и другим рабочим просто и доброжелательно.

После бесед с мастерами и рабочими меня все больше тянуло на завод, туда, где из руды плавился чугун, варилась сталь, изготовляли листовое железо, трубы, проволоку и другую промышленную продукцию. Своим тогда еще незрелым умом я понял, что именно там, на заводе, творится главное дело, ради которого существует и заводская администрация, и контора, и почта, и бухгалтерия.

Знакомые мастера, их помощники, рабочие одобрили мое намерение.

ЗАВОДСКИЕ ТРОПЫ

И вот я на заводе. Работаю помощником машиниста на водокачке. Она находилась примерно в четырех километрах от завода, на берегу большого пруда. Отсюда вода подавалась в заводские резервуары, а затем уже шла на охлаждение доменных печей и на другие заводские нужды.

Работать приходилось посменно: неделю — днем и неделю — ночью. Дневная смена начиналась в семь часов утра, поэтому вставать приходилось очень рано. Дорога до водокачки мне была не в тягость и только приободряла. Труднее было пожилым рабочим. О том, чтобы организовать подвоз рабочих (а некоторые из них жили далеко), никто и не помышлял.

Моим непосредственным начальником был машинист поляк пан Сгожельских. Он показал мне машинное отделение,

---

[1] Луганский областной партархив, ф. 1, св. 3, д. 64, л. 1—4.

где стояли два больших паровых насоса, и спросил, приходилось ли мне когда-либо иметь дело с машинами. Я ответил, что бывал во всех заводских цехах, видел всякие машины: и паровые, и электрические.

— Смотри и учись,— назидательно сказал он.— Машина вежливое обращение любит. Вот хотя бы эти насосы. Только недогляди — враз разлетятся.

— Как это «разлетятся»? — возразил я.— Они ведь железные.

— Вот и видно, что ты ничего еще в этом деле не понимаешь.— Пан Сгожельских даже поморщился.— Такая сильная машина требует ровной и большой нагрузки. А если будет потеряна тяжесть всасывания — а это и есть ее нагрузка,— тогда что? — Он испытующе посмотрел на меня, подождал, не отвечу ли я. Но я молчал.

— Тогда,— продолжал он и, понизив голос и наклонившись к моему уху, чуть ли не шепотом закончил: — Тогда, брат, она сама себя разнесет и нас с тобой еще прихватит.

Он терпеливо и внимательно объяснил мне, что и как надо делать, и больше всего велел следить за водомерным стеклом и манометром, а также за всасывающими трубами. После этого требовательно добивался точного соблюдения своих указаний и сильно ругался по-русски и по-польски, если что-либо делалось не так.

Я быстро освоился со своими обязанностями, полюбил машины, постоянно держал их в образцовой чистоте. Это нравилось пану Сгожельских, но вначале он все же боялся оставлять меня одного и ревниво следил за каждым моим движением. Однако я понимал всю важность и ответственность нашей работы. «Случись у нас какая-либо оплошность,— думал я,— и весь завод останется без воды. Что тогда будет с домнами, с другими цехами?»

Начальник перестал меня опекать, оставлял меня на время одного, а сам шел отдыхать. Отпускал и меня; особенно передышка требовалась в ночную смену, когда дежурить было трудно: ведь наша рабочая вахта продолжалась 12 часов.

Несколько месяцев работы на водокачке сроднили меня не только с машинами, но и с товарищами по работе, со всем окружающим. Крепко подружился я с кочегарами, обслуживающими топки котлов, питающих паром наши насосы. Я часто заходил в котельную, хорошо знал все оборудование: три котла, из которых один постоянно находился в резерве или в ремонте.

Работа у кочегаров была трудной. Они, как и мы, работали по двенадцать часов, но их некому было подменить. У топок было неимоверно жарко. Кочегар истекал потом, а к концу вахты буквально валился с ног. Чтобы хоть как-нибудь облегчить свое положение, он снимал рубаху и мочил ее в холодной воде. Иногда работал без рубахи, периодически обливаясь водой.

Во время дежурства, когда машины работали исправно, я спускался на десять — пятнадцать минут в котельную и сменял кочегара у топки. Пока я шуровал уголь, кочегар имел возможность хоть немного передохнуть. Так продолжалось довольно долго, пока мой пан-начальник не засек меня. Он назвал мое поведение преступным, и я вынужден был внутренне согласиться с ним, так как из-за этой моей сердобольности чуть-чуть не случилось несчастье.

Произошло это в ночную смену. В середине ночи пан Сгожельских, дав мне очередной наказ, пошел немного вздремнуть. Осмотрев машины и убедившись, что все в порядке, я воспользовался отсутствием начальника и решил помочь своему товарищу — кочегару. В мое отсутствие что-то случилось с одним двигателем, и чуткое ухо машиниста быстро уловило это. Кинувшись в машинное отделение, он застал машины беспризорными. Устранив неполадки, он отправился искать меня.

Помню, влетел взбешенный пан Сгожельских в кочегарку и набросился на кочегара.

— Пся крев! — кричал он.— Вот они, на месте преступления. У тебя голова есть, ты почему парня с работы сманиваешь? Ты разве не знаешь, что может быть от этого?

Потом, путая польские и русские ругательства, он обрушился и на меня:

— Ты что, завод загубить хочешь, меня? Марш отсюда!

Я стремглав побежал в машинное. Долго меня мучили угрызения совести: бросил доверенные мне машины на произвол судьбы, могли произойти страшные вещи; мое воображение рисовало взорванные машины, разрушенную водокачку, погибшего от взрыва пана Сгожельских.

— Простите меня, пан Сгожельских,— говорил я.— Этого больше не повторится.

Но он и сам видел мои переживания.

— Смотри, чтобы это было в последний раз,— ответил он сурово. Но потом все же смягчился и уже совсем другим тоном объяснил мне, чем все это грозило заводу.

Вскоре меня перевели в электротехнический цех. Но и после этого я не забывал пана Сгожельских.

В электротехническом цехе все было для меня ново и интересно. Пришлось расспрашивать, читать книжки, до многого доходить своим умом. Работа здесь была еще более ответственной, чем у паровых насосов. Чуть оплошай — и электрический ток может убить наповал. Случись где-либо неполадки — останутся без света цехи, остановится весь завод.

Заметив мою любознательность, старшие старались помочь мне.

Основным моим занятием в электроцехе была слесарная работа, но я интересовался устройством динамомашин, электрических моторов и различных электроприборов, разновидностью электрокабелей, ремонтом электропроводки, изоляционными материалами, всякими новыми для меня терминами и понятиями, связанными с электричеством. Мне захотелось узнать побольше о жизни великих физиков и их открытиях в области электричества. Вскоре я уже знал кое-что о Фарадее, Ампере, Вольте, Оме, Эдиссоне, Яблочкове, Ладыгине, Ленце, Якоби и других иностранных и русских ученых, внесших огромный вклад в науку об электричестве.

По просьбе монтеров я выполнял простейшие работы: сращивал провода, менял перегоревшие электролампы, ремонтировал электропатроны и выключатели, а иногда вместе с ними участвовал и в более сложном деле: помогал инженеру ремонтировать тот или иной электромотор. И хотя мне доверяли при этом лишь самое простое: относить или подносить части, зачищать контакты, стирать грязь и пыль, я был доволен и этим. Все это открывало передо мной целую область знаний, о которой я раньше не имел никакого представления.

Я готов был проводить в цехе дни и ночи — так было мне все здесь интересно. И не только здесь. Я уже не мог жить без книг, без друзей. Их радости и беды становились все более и более близкими мне.

Пестрота национального и возрастного состава рабочих, разница в квалификации мешали сплочению их в единую семью, крепко связанную классовыми узами.

Жили рабочие со своими семьями в бараках, в крестьянских хатах, в заводском поселке, который назывался колонией. Первая, старая колония была полностью заселена рабочими и служащими, а вторая только строилась и заселялась по мере ввода в строй отдельных домов.

Бараки располагались в стороне от колоний. Были они какие-то приземистые, серые, мрачные. Чернорабочие и временно работающие поденщики жили здесь большими артелями, теснились семья к семье, спали вповалку на нарах.

Никаких учреждений культуры: ни школ, ни клубов, ни тем более театров — не было, и не только в барачных поселениях, но и в колониях. Единственным местом притяжения людей была казенная винная лавка — монополька, находившаяся в селе Васильевка. В дни получек и особенно в праздники здесь устраивались дикие попойки. Пили чаще всего с горя, с беспросветной своей нужды, на которую тяжко было глядеть.

Заводские рабочие резко отличались по своему заработку и жилищным условиям от сезонных строительных рабочих, чаще всего вчерашних крестьян или отходников. Между ними нередко возникали стычки, которые во время попоек переходили в большие кулачные побоища. При этом попадало и случайным прохожим, просто подвернувшимся под горячую руку.

Вспоминается один смешной и в то же время дикий случай. Мы, группа молодых рабочих, шли из Васильевки в старую колонию. По дороге наткнулись на такую сцену. Наш старенький литейщик, малюсенький, сморщенный дядя Осип, полупьяный и с синяком под глазом, сидел верхом на животе огромного пьяного мужика-отходника, не то каменщика, не то печника из строительных рабочих. Не в силах уже действовать каким-либо иным образом, он наматывал на палку волосы из бороды своей жертвы и, откидываясь всем телом назад, вырывал их с корнем. Тот, не сопротивлялся, лишь тихо постанывал. Едва развели мы этих пьяных обессилевших драчунов.

Все эти дикие нравы порождались мрачной действительностью, тяжелой, беспросветной жизнью, поголовным бескультурьем трудового народа. Насаждая монопольки и крупно наживаясь на спаивании населения, царское правительство ничего не делало для просвещения рабочих и крестьян. Никто и думать не хотел о каких-либо культурных развлечениях для них.

Однако, как бы ни был изнурителен наш труд, как бы ни был ужасен быт, наиболее сознательные рабочие хотя и слабо, но тянулись все же к знаниям, интересовались происходившими событиями, стремились проводить воскресные и праздничные дни более разумно.

Библиотеки на заводе не было, не существовало и продажи книг. Чтобы хоть как-то восполнить этот пробел, я выписал и стал регулярно читать газету «Биржевые ведомости» и ежемесячный литературно-публицистический журнал «Нива». По-прежнему моим чтением руководил Семен Мартынович Рыжков.

Именно в эту пору мне довелось познакомиться с лучшими образцами русской и мировой классики. Я прочел почти всего Гоголя, Льва Толстого, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Никитина, Шевченко, Данилевского, а позднее — Горького, Чехова, Сенкевича, Пруса, Диккенса, Бальзака, Байрона. Многое из прочитанного, особенно поэтические произведения, осталось в памяти на всю жизнь. Часто рассказывал о прочитанном своим товарищам. Читал на память стихи, иногда давал им ту или иную книгу, если они просили что-либо «интересное».

А когда на заводе был организован театральный кружок, я с радостью вошел в него. Мы играли небольшие пьесы и сразу же после первого спектакля завоевали популярность у наших нетребовательных зрителей. Это придало нам уверенности, кружок почувствовал почву под ногами и стал проводить свои любительские постановки почти каждую неделю. Требовались средства на грим, костюмы и другие предметы театрального обихода, и мы организовали продажу билетов. Сборы, конечно, были незначительными.

Однажды к нам обратились руководители уездного добровольного «Общества взаимопомощи учащих и учивших» с просьбой поставить один-два спектакля в их пользу. От моего учителя С. М. Рыжкова я знал, что общество, возникшее года два тому назад, кроме взаимопомощи, занимается и культурно-просветительной деятельностью. Пришлось рассказать об этом товарищам. Как-то незаметно получилось, что я стал выступать в роли организатора и обязательного участника почти всех спектаклей и сам вступил в учительское общество в качестве члена.

Уж не помню название пьесы, которую мы выбрали для проведения платных спектаклей в пользу учительского общества, но сборы оказались весьма приличными, и мы удостоились официальной благодарности от правления этого общества. У меня до сих пор хранится памятный документ того времени, который нельзя читать без улыбки. Вот что говорится в нем:

«Господину Клименту Ефремовичу Ворошилову.

Правление Общества учащих и учивших выражает Вам, милостивый государь, свою глубокую благодарность за горячее содействие в устройстве спектакля в Юрьевском заводе и активное в нем участие. Спектакль дал сто десять рублей шестьдесят восемь копеек чистого сбора, который и пойдет на пособие учителям, впавшим в крайнюю нужду.

Председатель *Е. Радаков.*
Секретарь *С. Рыжков*».

Театральный кружок стал для нас своеобразной вечерней школой. Он благотворно влиял на нас, расширял наш кругозор, помог многим из нас отрешиться от религиозных заблуждений, которыми так старательно затуманивали сознание народных масс служители церкви.

Освобождение от религиозного дурмана — сложный и длительный процесс, и у каждого он совершается по-разному и под влиянием самых различных обстоятельств.

Хочется рассказать, как это произошло у меня.

ПРОЩАНИЕ С БОГОМ

В старой, царской России религиозный дурман опутывал народные массы со дня рождения и до самого последнего, смертного часа. С детских лег в семье, церкви и школе человеку внушалось, что без веления божьего даже волос с головы не упадет. И для всех впитавших религиозные верования с молоком матери бог был чем-то всеобъемлющим, всевидящим и всезнающим, без чего нет и не могло быть жизни, всего того, чем мы дышали и что окружало нас повседневно и ежечасно.

Буквально с пеленок все мы, дети простых рабочих и крестьян, привыкли видеть в доме иконы, горящую лампадку, молящихся родителей, слышать ежедневно и неоднократно повторяемые слова: «с богом», «помогай бог», «бог накажет», «бог даст», «так богу угодно». С детских лет мы приобщались к церкви, приучались с благоговением взирать на лики святых, ставить перед ними свечи, бить поклоны, твердить молитвы, соблюдать посты, восхищаться мишурой церковных иконостасов, хоругвей, поповских риз, благоговеть перед

мерцанием свечей, взмахами кадила, запахом ладана, торжественно-величественным звучанием церковного хора. В этих условиях ни у кого и мысли не возникало о том, что во всем этом может быть какая-то ложь, обман.

Все казалось просто и ясно: есть бог и черт; бог делает добро и спасает людей от зла, а черт чинит людям всякие пакости, соблазняет их на греховные поступки. Бог создал небо и землю, создал Адама, а из его ребра сделал Еву. И так начался род человеческий. Есть рай и ад; будешь молиться и поступать по велению господа бога — попадешь в рай; если будешь грешить, не соблюдать «священных» заповедей, угодишь в ад, будешь там жариться на горячей сковородке или вариться в кипящем котле. И даже самые несусветные глупости, что бог един в трех лицах — бог-отец, бог-сын и бог — дух святой, не вызывали ни у кого ни улыбки, ни даже тени недоумения — как же все это может быть и какой смысл вложен в этого единого бога в трех лицах? Эти догматы веры сковывали мысль и застилали зрение, и люди видели все в жизни только в свете своих религиозных представлений и никак не иначе.

Я уже упоминал, что моя матушка, Мария Васильевна, была набожной, глубоко религиозной женщиной и постоянно прививала нам, детям, веру в бога, водила в церковь, постоянно следила за тем, чтобы мы знали и повторяли молитвы. Слушая наши детские песни и определив, что у меня неплохой голос, она настояла на том, чтобы я стал петь в церковном хоре.

Церковное многоголосое пение многим нравится, и в этом нет ничего удивительного: для составления псалмов и целых богослужений церковники разных стран привлекали лучших композиторов своего времени; в России для церковных хоров писали Чайковский, Глинка, Мусоргский и другие выдающиеся композиторы. Удивительно иное: во многих местах нашей страны недооценивается массовое пение, отсутствуют хорошо поставленные хоры, и в результате этого церковникам подчас удается перехватывать у нас хороших певцов, которые и не являются вовсе верующими, а попросту очень любят музыку, пение.

Будучи напичкан религиозными догматами, я, естественно, слепо следовал им и не сомневался в их незыблемости. Однако сама действительность, в том числе и все то, что доводилось видеть даже в церкви, постепенно подтачивала и расшатывала мою веру в бога.

Особенно помог этому священник Димитрий, сменивший у нас отца Василия. Сначала я не замечал за ним ничего особенного.

Когда я уже поступил на завод, мне доводилось (и довольно часто) быть свидетелем горячих споров по религиозным вопросам. В то время я все еще пел в церковном хоре, и мне казались странными всякие сомнения не только в существовании бога, но и во всем том, чему учит церковь. Однако в споры я не вступал. Но однажды в горячей беседе с одним из своих друзей я стал защищать религиозные догматы и, желая придать убедительность своим словам, добавил:

— Если хочешь все знать по-настоящему, послушай хоть раз проповеди отца Димитрия.

— Нашел кого слушать,— возразил мне мой друг.— Ты посмотри на него получше, может быть, кое-что поймешь.

Я задумался над этими словами, и мне припомнилось многое, чему я прежде не придавал значения.

Отец Димитрий, так же как и его предшественник, очень проникновенно произносил свои проповеди. Но был совсем непохож на отца Василия: веселый, не привыкший скрывать своих чувств, он любил выпить. Иногда он проносился на своей паре лошадей по селу, пугая зазевавшихся пешеходов. Я не видел в этом чего-то особо предосудительного. Но после разговора с товарищем стал осуждать священника. А потом стал свидетелем и такой безобразной сцены.

Произошла она в вечернюю службу накануне начала великого поста. В этот день все православные христиане просят друг у друга прощения за все вольные и невольные обиды и взаимно великодушно прощают друг друга. С покаянием в своих грехах перед молящимися выступает и священник. Так было и на этот раз.

Отец Димитрий был вообще замечательным оратором, говорил красиво, вдохновенно и убедительно. Но на этот раз он находился в особом ударе. Он обращался к молящимся с такой страстью и душевным подъемом, что многие женщины, да и мужчины, не могли удержаться от слез. В церкви царила благоговейная обстановка, верующие ловили каждое слово священника, и только иногда в его вдохновенную речь вплеталось чье-либо едва сдерживаемое всхлипывание. В самый кульминационный момент отец Димитрий, преклонив колена и подняв руки, обратился к слушателям с заключительной фразой:

— Азм, грешный, прошу у вас, православных, прощения за все мои прегрешения.

После этого полагалось, отвесив земной поклон, подняться, но священник этого сделать не смог. Все его попытки встать на ноги не удавались, и он только нелепо переваливался с боку на бок, не переставая твердить:

— Простите мои прегрешения. Простите, православные...

Молящиеся не сразу сообразили, в чем дело, и никто не решился подойти к нему и помочь подняться. Мы, певчие, стоящие на клиросе, видели все это и, испытывая неловкость, ждали, чем же все кончится. Шли тягостные минуты. Потом кто-то из хористов решил позвать сторожа.

Сторож, протиснувшись сквозь толпу, хотел было взять батюшку под руки и помочь ему подняться. Но тут случилось такое, о чем, наверное, и до сих пор вспоминают старожилы тех мест. Отец Димитрий оттолкнул сторожа и обругал его такими словами, что в церкви вначале воцарилось тягостное молчание, а потом раздался взрыв хохота. Смеялись все, даже самые благочестивые прихожане. Под общий хохот «покаявшегося» батюшку-грешника подняли и помогли ему добраться до места.

Подобное происходило с отцом Димитрием не один раз. Однако вот что удивительно: почти все верующие, особенно женщины, находили оправдания неподобающим поступкам священника и по-прежнему со вниманием слушали его проповеди. Они искренне верили, что их батюшку «попутал нечистый». У меня и других моих сверстников, молодых рабочих, все это вызывало если не прямое осуждение, то хоть и молчаливый, но вполне определенный внутренний протест.

Однако я все еще продолжал искренне верить в божественное происхождение всего окружающего. Но вскоре мне попалась небольшая книжка, которая буквально перевернула все мое сознание, я словно прозрел — настолько убедительной и доказательной была эта книга, не прямо, а косвенно опровергающая сказки о сотворении мира, о рае и аде, о святых и ангелах и прочей чепухе. Это была книга французского астронома Камилла Фламмариона «Популярная астрономия».

Многое из того, что я тогда прочитал, забылось, но никогда не забудется чувство новизны, охватившее меня: вселенная безгранична, Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца, а звезды, усыпавшие ночное небо,— далекие миры! Может быть, и там, в глубинах мироздания, существует жизнь, такая же, как и у нас на Земле. Смешной и глупой

показалась сказка о боге, о сотворении им мира, о рае и аде. Мне хотелось кричать об этом своем открытии, и я побежал к Семену Мартыновичу.

Наверное, у меня был очень возбужденный вид, потому что учитель почти испуганно спросил:

— Что случилось, Клим?

— Вы читали «Популярную астрономию» Фламмариона? — выкрикнул я ему. — Читали или нет?

— Ну конечно читал. А в чем дело?

Тут меня прорвало.

— Как же так? Вы, мой учитель, знали, наверное, не только об этой, но и о других таких же книгах, а их, очевидно, немало, и ничего мне ни разу о них не говорили. Вы слушали мои глупые рассуждения о боге и даже ни разу не намекнули мне о том, что это все выдумки, вы, вы — мой друг!

Семен Мартынович с трудом успокоил меня. Но и после этого я долго не мог забыть обиды.

Так совершенно неожиданно оказались в корне подорванными все мои прежние религиозные убеждения. Позднее я понял, что основой религии является темнота и невежество, что религия не терпит соприкосновения с наукой, так как при этом ее всегда и везде ждет неминуемый крах. Недаром знаменитый французский астроном Пьер Симон Лаплас на вопрос Наполеона I, почему при объяснении своей теории происхождения солнечной системы он ничего не сказал о всевышнем, ответил, что его выводы логически вытекают из научных данных и не нуждаются ни в какой иной гипотезе...

Я стал настойчиво искать любые научные книги по естествознанию, о происхождении человека и вселенной, о различных явлениях природы. Семен Мартынович открыл мне учение Чарлза Дарвина. Все это окончательно разрушало утверждения церковников о сотворении человека богом, о всемирном потопе и Ноеве ковчеге, всю выдумку о «семи парах чистых и семи парах нечистых».

Так я стал атеистом. (Интересно, что в дальнейшем разуверилась в боге и моя матушка. Но об этом более подробно я расскажу в свое время.) Теперь уж я не молчал, если речь заходила о боге. Серьезной поддержкой в этих спорах явилась для меня еще одна книга — французского географа и социолога Жана Жака Элизе Реклю «Земля». В ней было много сведений о природе нашей планеты, излагаемых с научно-атеистических позиций.

ПРИОБЩЕНИЕ К ИСКУССТВУ

Как-то в праздничный день мы, группа прогуливающихся молодых рабочих, натолкнулись на кучку людей, столпившихся вокруг чего-то, видимо, очень занимательного. Мы подошли и услышали музыку, доносившуюся из тесного круга. В центре толпы сидели гармонист и скрипач, бойко исполнявшие разные вальсы, мазурки, польки, народные песни. Они уже изрядно устали, а гармонист даже вспотел. Он умолк, и стал играть один скрипач. Чернявый, с блестящими глазами, он очаровал слушателей чудесной музыкой, каскадом мелодий, в том числе и таких, которые были известны лишь ему одному.

— Цыган это, Александр Васильев из строительной артели,— сказал нам один из слушателей.

После «концерта» мы пригласили скрипача с собой. Оказалось, что он уже около двух лет работает в артели каменщиков, а игре на скрипке научился с детских лет в родном таборе.

Через несколько дней Александр зашел к нам домой, но без скрипки.

Мы подружились. Я стал советовать Саше перейти из бригады каменщиков на постоянную заводскую работу, стать, как все мы, кадровым рабочим. Он согласился, но просил помочь ему устроиться.

Моя затея оказалась не из легких. Нужно было найти подходящую работу, упросить начальство, поручиться за цыгана. Помогли мои прежние знакомства. Через господина Краузе удалось устроить Васильева на завод. Веселый, общительный, он, поселившись в нашем бараке, вскоре стал любимцем обитателей этого густо заселенного теремка.

Барак располагался у самой дороги, по которой проходили на завод рабочие из новой колонии. Это были в большинстве своем бельгийцы — мастера, техники и рабочие прокатных цехов. Однажды, возвращаясь с работы, бельгийцы услышали доносившуюся из барака игру на скрипке. Они остановились, а затем один из них появился в дверях и на ломаном русском языке попросил разрешения войти. Мы пригласили их к себе. К сожалению, я сейчас не могу вспомнить, были ли это простые рабочие или же квалифицированные специалисты, но все они были, безусловно, интеллигентными и приятными людьми.

Игра цыгана поразила бельгийцев. Они засыпали его вопросами, просили играть разные вещи. Многих вещей Саша не знал и просил лишь напеть мотив. И тут же повторял любую мелодию. Расставаясь, гости просили Сашу приходить к ним в колонию.

Через несколько дней Васильев побывал у бельгийцев, а затем стал заходить к ним почти ежедневно. Иногда засиживался там так долго, что мы стали опасаться, как бы с ним чего не случилось. Он стал своим человеком у бельгийцев.

Однажды принес с собой большую трехрядную хроматическую гармонь.

— Для чего тебе гармонь? — спросил я.— Ведь ты и играть-то на ней не умеешь.

Цыган, тряхнув кудрями, широко улыбнулся.

— На время бельгиец дал, чтобы учился. Попробую.

— А ты ему что дал взамен?

— Ему ничего не нужно,— ответил Александр.— У него есть и скрипка, и гармонь. Но играет он неважно.

Прошло еще несколько дней, и вдруг наш цыган исчез. Сначала мы подумали, не переехал ли он на постоянное жительство к бельгийцам. Но и там его не было.

Стало ясно, что исчез Александр неспроста: позарился на трехрядку. А вскоре мы обнаружили, что вместе с ней он прихватил и некоторые наши вещи. Победила стихийная, бродячая натура. Остался нехороший осадок после этой неприятной истории. Мне пришлось краснеть перед господином Краузе. Он только покачивал головой, слушая мое сообщение.

После исчезновения Александра в бараке стало тоскливо. Все чего-то не хватало. Скрипач пробудил в нас тягу к прекрасному, именуемому искусством. Именно в это время и возник театральный кружок.

Мы, молодые рабочие, вместе с группой заводских интеллигентов считали себя артистами, нам льстила известность на заводе, как-никак, но мы все же «блистали» на подмостках нашего самодеятельного театра и наши друзья — доменщики, литейщики, сталевары, вальцовщики, электрики, слесари, строители и представители других профессий горячо аплодировали нашей игре.

Вспоминается и еще одно интересное знакомство с людьми из мира искусства.

Однажды, когда я еще служил в конторе завода, недалеко от станции Юрьевка появился передвижной цирк. В то время

такие цирковые труппы часто переезжали с места на место. Артистов в труппах было немного, и поэтому к участию в представлениях привлекались иногда и местные жители, конечно после некоторой подготовки. Публика, разумеется, этого не знала и все принимала за чистую монету.

Проходя мимо циркового балагана, я стал смотреть, как наряжается клоун и что делают остальные циркачи. Заметив меня, руководитель труппы поманил меня пальцем.

— Ты откуда, как тебя зовут, парень? — спросил он.

— Климом,— ответил я,— служу в конторе завода.

— Вот это и хорошо, Клим. Завтра я буду в вашей конторе, тогда поговорим подробно. Ты нам как раз и нужен. Хочешь заработать немного?

— А что делать-то? — осведомился я, предполагая, что нужно будет, очевидно, что-нибудь таскать или копать, так как они устанавливали какой-то помост и другие приспособления для предстоящего представления.

— А вот завтра узнаешь,— ответил он,— все подробно тебе расскажу. А сейчас мне некогда.

На следующий день хозяин цирка появился у нас, в заводской конторе, и просил нашего сторожа доложить о нем главному бухгалтеру.

«Господин циркач», как мы его назвали, попросил у бухгалтера разрешения распространить на заводе афиши о выступлении цирковых артистов. Затем он попросил меня зайти к нему вечерком.

Разговор с «господином циркачом» был весьма кратким. Он объяснил мне, что в цирковых номерах многое строится на секрете. Зрители не должны ни о чем догадываться, иначе у них пропадает всякий интерес. Спросив меня, могу ли я хранить секреты, он начал приобщать меня к делу.

— Тебе придется уснуть, конечно, условно. Ты просто притворись спящим, и, как бы тебя ни звали, ты не должен подавать виду, что слышишь.

Началась репетиция. Он вскрикивал, задавал вопросы, но я «спал». После этого он пошел за полог и вынес оттуда широкую ярко-зеленого цвета рубаху и синие шаровары. Под правым рукавом рубахи имелась незаметная прореха.

— Вот твой наряд, в котором ты будешь выступать. Но сначала я тебе покажу еще кое-что.

Сказав это, он принес небольшой стальной прут с приделанным к нему приспособлением в виде лошадиной седелки. Это сооружение, имевшее на сгибе мягкие шерстяные

прокладки, он прикрепил ремнями к моему правому боку, а второе, чуть поменьше, прикрепил на левой моей ноге, почти у самого колена.

— А сейчас одевайся,— скомандовал он,— и пойдем на арену.

Я надел штаны и рубаху, и он повел меня в другое помещение. На помосте, устроенном из довольно толстых досок, стоял тонкий железный шест и рядом с ним скамейка. Он велел мне стать на нее. Быстро и ловко зацепив надетое на меня приспособление за какой-то совершенно незаметный выступ на шесте, он сказал:

— Я буду сейчас говорить всякие слова, а ты постепенно «засыпай».

Он начал размахивать руками, что-то говорить; я, закрыв глаза, стал «засыпать». В это время раздались какие-то выстрелы, потом хохот, но я уже «ничего не слышал»: я «уснул».

После этого «господин циркач» развел в стороны мои руки, наклонил мое тело перпендикулярно шесту. Со стороны, видимо, казалось, что я вишу, ни на что не опираясь. Затем он «разгипнотизировал» меня и медленно поставил на ноги.

Пропрепетировав со мной все это несколько раз, он одобрительно посмотрел на меня и весело сказал:

— Вот так и будем делать во время представления. А теперь давай займемся еще одним номером.

Теперь он надел на меня медвежью шкуру со страшной медвежьей мордой и учил ходить на четвереньках, вставать на дыбы, откликаться на различные команды, смешить народ. После этого номера мне надо было незаметно появиться среди публики и, когда он начнет вызывать желающих загипнотизироваться, выйти на помост. Я согласился все это проделать.

Дав мне в задаток несколько копеек, он пообещал остальные деньги заплатить после представления.

В день представления на знакомую поляну, где расположился балаган, повалил народ. Я тоже побежал туда, но и виду не подал о нашем замысле, нарочно расспрашивал знакомых, что там будет.

— Ишь чего захотел — раньше времени все узнать,— говорили некоторые.— Вот подожди — увидим.

Незаметно я прошмыгнул за цирковой балаган. На импровизированной сцене честно выполнил все, что от меня требовалось: в медвежьей шкуре ревел, вставал на задние лапы,

плясал под губную гармошку. Все весело смеялись, а меня так и подмывало скинуть эту шкуру и выкинуть перед зрителями какое-нибудь замысловатое коленце — просто так, от себя.

Затем незаметно я проник в толпу. Но, увлекшись, забыл, что я должен сам вызваться и выйти на подмостки. Но хозяин увидел меня в толпе и, как будто мы с ним никогда не виделись, обратился ко мне:

— Эй, мальчик в зеленой рубахе, может быть, ты хочешь испытать счастье?

Те, кто были рядом со мной, весело заулыбались, стали подталкивать меня:

— Иди, иди, Клим! Нечего бояться. Валяй!

Получилось даже лучше, чем было задумано. Подталкиваемый знакомыми ребятами, я взошел на подмостки. Вначале я «заснул», потом повторял все, что мне «внушал» «гипнотизер». В заключение меня взяли на руки два цирковых артиста и поднесли к шесту, обвили мою руку вокруг него, и я «повис» в воздухе, а затем оказался и совсем в горизонтальном положении.

Зрители долго восхищались «чудесами» и не давали мне прохода, расспрашивая, как это я ничего не чувствовал, когда со мной творилось такое. Разумеется, я никому не выдал тайну и «удивлялся» не меньше их — неужели это было со мной на самом деле, уж не врут ли?

После, когда я уже играл в самодеятельном театре, я рассказал товарищам про этот случай, и мы долго смеялись над этой забавной историей. Когда же мне удавалась та или иная роль, ребята подшучивали:

— А что ему, Климу? Он и медведем стать может!

Участие в театральном кружке и в любительских спектаклях развивало нас, молодых рабочих, расширяло наши познания, приучало ценить силу и яркость мысли, живого слова, находить пути к сердцам людей. Все это пригодилось нам в нашей дальнейшей идейной закалке и в проведении агитационной работы среди заводских рабочих, в общении с населением, в политической борьбе против царских жандармов и полицейских ищеек, когда надо было перехитрить и обмануть врага.

Не знаю, как для других моих товарищей, а для меня особое значение имело общение в кружке и вне его с учителями, передовыми рабочими, заводскими служащими. У них я почерпнул очень многое, и не только знания, но и навыки

внешней культуры, умение за позой и одеждой человека видеть его ум, сердечность и другие человеческие качества.

Между прочим хочется сказать, что участие в любительских спектаклях и постоянное общение с учителями и с нашими зрителями — рабочей массой столкнули меня и с той стороной жизни, с которой мне до сих пор не доводилось встречаться. Я имею в виду знакомство с одним из представителей заводской полиции — приставом Грековым. Оно сыграло в моей жизни исключительную роль, и я расскажу об этом в следующей главе.

ВСТРЕЧА С ПРИСТАВОМ

Обычно мы, небольшая группа рабочих завода ДЮМО, встречались в школе, где работал С. М. Рыжков, или в новой заводской школе, где занимался наш драматический кружок. Нередко мы засиживались за полночь за чтением какой-нибудь новой пьесы или слушая устные рассказы кого-либо из учителей о жизни писателей и знаменитых артистов. Часто на этих сборах мы обменивались различными новостями, впечатлениями о прочитанных книгах. Учителя расспрашивали нас о заводской жизни, а мы их — обо всем, что интересовало наши любознательные души. Иногда учителя приглашали нас на школьные вечера, новогодние праздники.

Участие в любительских спектаклях и импровизированных вечерах отдыха, где были и песни, и танцы, и декламация, еще больше сблизило нас. Время от времени кто-либо из учителей приглашал нас на чашку чая. Туда приходили другие учителя, и мы долго и интересно беседовали на разные темы. Очень часто заходила речь о заводских делах и о различных событиях, происходивших в стране. Мне казалось, что учителя не случайно рассказывают нам об этом, а для того, чтобы мы передали все это другим — своим заводским товарищам. Время стерло из памяти фамилии и имена многих из них, но до сих пор как живые проходят передо мной веселый учитель и лихой танцор Гаврило Фесенко и молоденькая, задорная, совсем еще юная учительница Анна Романовна Шустова. Они были обычно душой любой дружеской вечеринки.

Учительские коллективы Васильевской и заводской школ и молодежь, общавшаяся с ними, видимо, давно привлекали внимание полиции, но я как-то не догадывался тогда об

Чугунолитейный цех металлургического завода ДЮМО в Алчевске. Здесь в 1897—1898 гг. работал К. Е. Ворошилов.

Общий вид завода ДЮМО.

К. Е. Ворошилов в группе рабочих завода ДЮМО. 1897 год.

этом. Не вызывали у меня никаких размышлений и посещения школьной библиотеки местным городовым. Он входил без стука, переминался с ноги на ногу, поеживался и, обращаясь к Семену Мартыновичу, смущенно говорил:

— Не найдется ли у вас чего почитать, ну... чтобы поинтереснее?

Затем он уходил и через какое-то время вновь входил без предупреждения и просил «переменить книжечку»: оказывается, уже «читал» раньше взятую книгу или в ней было мало картинок. Семен Мартынович усмехался и давал городовому новую книжку. Вслух эти визиты он не комментировал, а я по своей юношеской наивности не придавал им никакого значения и вообще относился к полиции как к чему-то неизбежному, призванному следить за порядком, задерживать буянов и отводить их в участок. Но вскоре случай свел меня с полицией лицом к лицу, и это событие явилось в какой-то мере поворотным в моей жизни.

Однажды во время летних каникул мы, группа молодежи, шли к школе, на репетицию. Были тут и заводские ребята, и некоторые парни из семей «дворовых» — работников поместья Алчевского, которых, как я уже отмечал, местные жители в шутку называли дворянами. Проходя мимо почтово-телеграфной конторы, мы поздоровались со знакомым почтмейстером и членами его семьи, расположившимися на террасе, примыкавшей к служебному помещению. Возвращаясь вскоре из школы, мы, естественно, прошли мимо, даже не взглянув в сторону отдыхавшей компании, чтобы не быть назойливыми. Однако за этот срок там, на террасе, появилось новое лицо, и его глубоко оскорбила и возмутила наша «непочтительность». Это был полицейский пристав Греков. Мы еще не знали его в лицо, так как он сравнительно недавно появился в наших местах. Он грозно выкрикнул какие-то ругательства и, поскольку из всей группы молодежи один я не обратил на это никакого внимания, обрушил весь свой гнев на мою, видимо показавшуюся ему особенно независимой, персону.

— Эй, ты,— закричал он еще более зычно,— остановись!

Остановились мы все сразу, так как никто не знал, к кому, собственно, относился этот окрик. Соскочивший со ступенек Греков уже бежал к нам и, ворвавшись в нашу группу, потянулся прямо ко мне. Он схватил меня за пиджак и рубаху у самого ворота. Рябое лицо его налилось кровью.

— Ты почему, мерзавец, не поздоровался?

Я попытался вырваться из его цепких рук и насколько мог спокойно произнес:

— Кто вы такой? Я вас впервые вижу.

Эти слова, наверное, еще больше подлили масла в огонь: как это так, какой-то сосунок не знает свое начальство, не знает Грекова! И он рванул меня к себе, намереваясь расправиться со мной по всем правилам зубодробительного искусства.

Я вовсе не собирался давать себя в обиду. Схватив его за воротник, я в свою очередь рванул обидчика. Тогда Греков стал кричать и звать на помощь полицию. Из-за угла почтово-телеграфной конторы выскочили двое полицейских. Увидев их, пристав приказал:

— Взять этого мерзавца и отвести в полицию. В подвал!

Полицейские дружно набросились на меня, скрутили мне руки, пустили в ход кулаки. Греков также несколько раз ткнул меня кулаком в шею. Вырвав одну руку, я хотел отплатить ему тем же, но полицейские схватили меня, заломили руки за спину и чуть не волоком потащили в заводское полицейское управление. За углом, скрывшись от глаз толпы, они основательно меня избили, а затем привели в околоток.

Вскоре меня увели в какой-то подвал и втолкнули в крохотную клетушку, куда едва проникал свет через маленькое подвальное оконце. В чуланчике было голо и пусто, лишь у стены стояла узкая скамейка. Привыкнув к полутьме и оглядевшись, я присел на скамью и стал ждать, что меня вызовут и наконец-то объяснят, в чем дело. Но никто за мной не пришел, и я до утра просидел, так и не сомкнув глаз.

Все во мне кипело: за что, думалось мне, схватили меня эти полицейские грубияны, что я сделал плохого, в чем провинился, как же можно чинить такой произвол, попирать человеческое достоинство! Хотелось расшвырять по кирпичику этот душный подвал, ответить обидой на обиду, пожаловаться на допущенную несправедливость. Однако я совсем не представлял, кому можно пожаловаться.

Лишь около десяти часов утра я услышал, как лязгнул замок. Передо мной появился полицейский, один из тех, кто потчевал меня зуботычинами. Он повел меня в кабинет пристава.

Господин Греков, главное полицейское начальство завода ДЮМО, предстал предо мной во всем своем неприглядном облике. Поражала какая-то тупость в его взгляде, самоуверенность и нахальство. Из его вопросов и по тому, как он воспринимал мои объяснения, я убедился, что он к тому же безмерно глуп, и я, малограмотный тогда паренек, как-то неожиданно почувствовал свое умственное и моральное превосходство над этим злым и нахальным «крючком» (так называли в ту пору полицейских городовых).

Злобно и нагло оглядев меня с ног до головы, Греков зевнул и, почесав пятерней затылок, угрюмо спросил:

— Ну, что, понравилось?

— Если бы вас посадили в такое грязное и унылое место,— ответил я,— то и вы, наверное, сказали бы то же самое: не понравилось.

— Ишь ты какой,— скривился Греков.— Слишком вольно ведешь себя.

— Нет, я ничего плохого вам не сделал,— сказал я, и во мне вдруг снова вспыхнула резкая неприязнь к этому невежественному держиморде.— А вот вы действительно вольно ведете себя, а вчера показали себя настоящим нахалом.

Пристав даже посинел от злости. Сорвавшись с места, он закричал и замахал на меня кулаками.

— Молчать! — заревел он.— Если ты и дальше будешь вести себя так же, то я опять посажу тебя, и ты заговоришь по-другому.

— Делайте, что вам угодно,— продолжал я резко.— Но вы не имеете права обращаться со мной таким образом. Вы применяете ко мне силу, но я не могу, к сожалению, ответить вам тем же. Это незаконно.

Наверное, приставу Грекову никогда прежде не приходилось слышать в своем полицейском управлении ничего подобного, потому что он даже заморгал глазами от удивления. В горле у него застыло какое-то невысказанное слово. Тупое лицо его выражало недоумение. Потом он вновь обрел дар речи:

— Поговори у меня! Вот попадешься еще раз когда-нибудь, я тебе тогда припомню все!

Затем, несколько поостыв, пристав стал более спокойно спрашивать, кто я такой, где и кем работаю, кто мой начальник, почему я прошел мимо и не поприветствовал его.

— Вы, я вижу, понимающий человек,— сказал он, переходя на «вы».— А вот не поздоровались, не проявили уважения к чину полиции.

Я объяснил, как все было.

Греков слушал меня, не перебивая. Это придало мне бодрости, и я продолжал:

— Поскольку я уже здоровался с людьми, гостившими у почтмейстера, я не стал смотреть в их сторону и, естественно, поэтому не увидел вас. Но если бы я и заметил вас, то и тогда бы не поздоровался, так как мы тогда еще не были с вами знакомы. Вот сейчас,— сказал я, улыбнувшись,— совсем другое дело. После всего, что случилось со мной по вашей милости, я познакомился с вами и буду всегда приветствовать вас, если, конечно, и вы, встретив меня, будете здороваться со мной.

Пристав обмяк и, как мне показалось, слушал все это даже с некоторым любопытством.

— Надо навести о тебе справки,— сказал он в заключение,— посмотрю, что ты за птица.

Греков отпустил меня, и я ушел из полицейского управления с горьким осадком в душе, будто я соприкоснулся с чем-то удушливым и грязным. Хотелось поскорее выбраться на свежий воздух и помыться.

Так я впервые встретился лицом к лицу с полицией. Позднее я убедился и более глубоко познал, что эта случайная тогда встреча была проявлением всей сущности царского и буржуазно-помещичьего произвола, а пристав Греков и его полицейское управление являлись олицетворением в местном масштабе всего огромного, разбойного и подлого самодержавного засилья, все попирающего, беспощадного к людям полицейского, царского кулака.

На следующий день я побывал у Семена Мартыновича Рыжкова и подробно рассказал ему обо всем, что со мной произошло. Но он, оказывается, уже кое-что знал о происшедшем. Когда меня увели, парни, которые были вместе со мной у почтово-телеграфной конторы, разбежались, а затем поодиночке вновь собрались в школе. Через некоторое время туда ввалился один из городовых.

— Так шо их благородие приказалы привести до них усих ваших хлопцив,— заявил он.

Семен Мартынович вежливо выпроводил городового, сказав, что придет для объяснения сам. После я узнал, что это объяснение окончилось ссорой, но Рыжков тогда ничего об этом не сказал. Он подробно расспросил, что делали со мной в участке и очень ли сильно били.

— Какая мерзость, какая подлость! Какие идиоты еще существуют на белом свете! — возмущенно восклицал Семен Мартынович, обращаясь то ко мне, то к своей жене Марии Тимофеевне. Затем он метнулся в другую комнату, схватил там с вешалки свою шляпу и, ничего не сказав, вышел из дому. Мы были в недоумении, и нам ничего не оставалось, как ждать его возвращения.

Семен Мартынович вернулся примерно через полчаса, был по-прежнему возбужден и едва успокоился. Оказалось, что он побывал у почтмейстера и крупно объяснился с ним. Рыжков обвинил начальника почтовой конторы в соучастии в беззаконной расправе с его бывшими учениками. Его самого и членов его семьи он назвал нечестными и непорядочными людьми. Он заявил им, что не намерен больше встречаться с ними.

Таков был он, мой учитель Семен Мартынович Рыжков — человек светлой души и кристальной чистоты. Он органически не мог терпеть фальши и несправедливости, был вспыльчив и прямодушен, готов был всегда вступиться за обиженного и, невзирая на чины, дать достойный отпор любому обидчику. Он действительно никогда больше не встречался с почтмейстером и его семьей и вообще не мог после этого спокойно упоминать их имен.

Как и следовало ожидать, на этом дело не кончилось. У Семена Мартыновича был вскоре произведен первый в его жизни обыск, но он, разумеется, не дал и не мог дать каких-либо ценных для полиции результатов. Через какой-то промежуток времени Семена Мартыновича вызвали в Петербург, не то в министерство просвещения, не то в какое-то другое учреждение. Он никогда не разговаривал со мной на эту тему, да и вообще не вел ни с кем никаких разговоров о политике. Мы лишь догадывались, что он остался на подозрении у полицейских властей. Они еще не раз беспокоили его своими посещениями и в школе, и дома.

А моя жизнь вскоре после этого факта круто повернулась и вошла в совершенно новое русло.

Началось с того, что постоянно слонявшийся на заводе под видом рабочего полицейский шпик по кличке «Москва» стал буквально преследовать меня, не давая мне, как говорится, ни отдыха, ни срока. Он встречал меня «неожиданно» на дороге и делал вид, что идет куда-то по своим делам. Он часто околачивался у калитки нашего двора. И само собой разумеется, шпик встречал и провожал меня всякий

раз, когда я бывал у Семена Мартыновича Рыжкова или у других учителей. Таким образом, каждый мой шаг становился известен полиции и, следовательно, приставу Грекову.

Однажды меня вызвали в полицию. Я вновь встретился с приставом Грековым. Он начал резко и грубо упрекать меня в антиправительственных действиях. В ответ на мои вопросы о том, в чем эти действия выражаются, пристав начинал пугать меня, что представители власти все знают о моем поведении и что он не потерпит враждебного отношения к государственной власти, к царскому правительству. Я защищался как мог и пытался уверить Грекова, что ни в чем не виноват, но он продолжал настаивать на своем. Не добившись ничего, он отпустил меня.

Месяца через два после этого, во время моего отсутствия, на моей квартире неожиданно был произведен тщательный обыск. По обычной своей привычке, полицейские обшарили все углы и перевернули все вверх дном. Не удовлетворившись этим, они побывали в погребе и на чердаке, подробным образом исследовали стены дома изнутри и снаружи. Искали всюду, но ничего предосудительного так и не нашли. Полицейские ищейки вынуждены были уйти несолоно хлебавши.

На следующий день меня опять вызвали в полицейское управление. Там мне заявили, что, хотя обыск был неудачным, они все равно знают, что я веду антигосударственную работу.

— Если вы не прекратите своей преступной деятельности,— пригрозил дежурный полицейский чин,— то будете арестованы. Мы вас предупреждаем, а сейчас можете идти.

Все это был шантаж, и я, конечно, понимал это. Подозрения и угрозы полицейских не имели под собой никакого основания прежде всего потому, что в то время я не вел какой-либо активной работы, и не только явной, но и скрытой. Единственное, что могло быть поставлено мне в вину, были мои встречи с друзьями-рабочими и учителями. В беседах действительно затрагивались некоторые политические вопросы.

Недели через две меня арестовали. На допросах чиновники и сам пристав Греков продолжали настаивать на том, чтобы я сознался в своей «преступной деятельности». Признаваться мне, собственно, было не в чем, да я не сделал бы этого и ни при каких других обстоятельствах. Не добив-

шись от меня никаких признаний, полиция вынуждена была вскоре вновь отпустить меня на свободу. При этом мне заявили:

— Пока что у нас нет каких-либо веских доказательств твоей неблагонадежности, но рано или поздно мы схватим тебя с поличным. И тогда ты будешь немедленно уволен с завода. Походишь без работы — узнаешь, почем фунт лиха.

РАБОЧЕЕ БРАТСТВО

Металлургический завод Донецко-Юрьевского металлургического общества (ДЮМО) в 1898 году уже работал полным ходом: выпускал кокс, чугун, сталь, различные виды проката. Сооружались новые домны, мартеновские печи, прокатные станы. Чтобы ускорить развитие завода и одновременно не допустить создания на русском заводе новейших агрегатов, иностранные компаньоны Алчевского настояли на том, чтобы на заводе были установлены прокатные станы, уже работавшие в Бельгии.

С ростом завода увеличивался приток рабочих, главным образом из числа разорившихся крестьян Луганщины и соседних губерний, все шире вовлекались в производство женщины и подростки. Осваивался выпуск новых видов продукции. В результате совместного труда строителей, доменщиков, сталелитейщиков, прокатчиков и рабочих других профессий у них постепенно вырабатывалось сознание общности их интересов перед заводской администрацией или, вернее, перед русскими и иностранными владельцами завода — его хозяевами.

Работа в электротехническом цехе сталкивала меня со многими производственными процессами, которых я раньше не знал, увеличивала круг моих знакомств, помогала увидеть в людях то, чего я прежде не замечал или чему не придавал значения. Многое мне было еще непонятно, а кое-что и вовсе проходило мимо моего внимания. Однако невозможно было не заметить, что, работая сообща, а не в одиночку, быстрее и лучше можно сделать любое дело. А если рядом с тобой товарищи, размышлял я все чаще и чаще, то куда веселее работать и жить, есть к кому обратиться за советом и помощью, легче переносить трудности.

К этому времени у меня было уже много знакомых среди рабочих различных цехов, а с некоторыми из них я был

крепко связан еще с детских лет. Большими моими друзьями были Сергей Петрович Сараев и Павел Иванович Пузанов. Сергей был несколько старше меня, а Павел почти ровесник. В свои мальчишеские, пастушеские годы я часто играл с ними в лапту, городки и другие игры. Почти одновременно попали мы и на завод. Мы часто проводили вместе свободное время, откровенно высказывали друг другу всякие вольные суждения о богачах, которые наживаются за счет простых людей, о чрезмерной продолжительности рабочего дня, увечьях рабочих из-за того, что нет никакой охраны труда. Между собой мы позволяли насмешки даже над царем Николаем II, который в день его коронации, состоявшейся в 1896 году, расщедрился так, что одарил всех участников гуляний, проводившихся в его честь, французской булкой, куском колбасы и кружкой пива.

— Что ему,— злословили мы,— не обедняет, всю Россию грабит!

Хорошие отношения завязались у меня с группой рабочих, которые столовались у моей матушки,— Иваном Алексеевичем Галушкой, братьями Степаном и Романом Побегайло, а также Никитой Ануфриевым. (О последнем я расскажу несколько позднее, потому что он сыграл в моей судьбе исключительно подлую роль.)

Однажды, зайдя по какому-то делу в литейный цех, я встретил там паренька примерно моих лет, который тащил толстенную металлическую трубу. Я помог ему, и мы разговорились. Он назвался Дмитрием Параничем. Оказалось, что он сирота, совсем недавно потерял отца и прибыл к нам из Полтавской губернии. У матери кроме него было еще девять ребят. Дмитрий — самый старший. Жили они очень бедно, а ему на заводе было и совсем несладко — приходилось жить впроголодь и выкраивать из своего мизерного заработка хоть какую-то сумму для отправки матери и своим малолетним братишкам и сестренкам.

В тот же день после работы я зашел за Дмитрием и привел его к моей матушке в столовую.

— Это Митя Паранич,— сказал я.— У него здесь нет ни родных, ни знакомых. Давайте примем его к нам.

Матушка моя не подала и виду, что это прибавление будет для нее еще одной дополнительной тяготой. Так Дмитрий Паранич стал близким мне человеком, и в дальнейшем он, как и большинство моих друзей, стал активным участ-

ником рабочего движения и вынес на своих плечах много тяжких испытаний.

Работая на одном заводе и питаясь за общим столом, мы часто обменивались мнениями о заводских делах, общих знакомых, различных событиях, происходящих в Алчевске и за его пределами. При этом всегда получалось так, что инициатива в беседе принадлежала наиболее старшему и опытному из нас — Ивану Алексеевичу Галушке. Он был ростовчанином. На непосильной работе (он был литейщиком) подорвал здоровье. На завод его из-за болезни взяли не сразу, а когда взяли — увидели, какой это замечательный специалист. В дальнейшем — уже не здесь, а в других местах — Иван Алексеевич изобрел специальный формовочно-модельный станок, значительно упрощающий и ускоряющий отливку различных металлических изделий.

И. А. Галушка часто заводил с нами разговор не только о заводских делах, но и о положении рабочих в России и в европейских странах, об источниках обогащения помещиков и капиталистов, о политическом бесправии трудящихся. При этом у него всегда находились примеры и факты, которые действовали очень убедительно. И хотя он не делал никаких выводов, нам становилось ясно, что мы своим трудом создаем богатства для хозяев и что вообще все богатеи и сам царь сидят на шее народа и, как пауки, сосут кровь из людей труда и превращают ее в золото. Вести такие беседы в общем бараке было небезопасно, и поскольку мы, молодые ребята, были тесно связаны с заводской школой, я посоветовал собираться там.

— Там можно будет оставаться после репетиций,— заметил я.— И места там больше, да и другим наши беседы будет интересно послушать.

— Так-то оно так,— ответил Иван Алексеевич,— да не каждому мы свой разговор можем доверить. Это во-первых, Клим, а во-вторых, мы не знаем еще, как отнесутся к этому учителя школы.

Я заверил, что среди преподавателей школы есть очень надежные люди — учительницы Уварова и Шустова, сестры Крюковы.

Иван Алексеевич решил познакомиться с ними и вскоре с моей помощью убедился, что учителя искренне сочувствуют рабочим, знают их нужды и готовы помогать нам в нашей работе. После этого наши встречи стали проводиться в школе, и знал о них лишь строго определенный круг лиц.

Так возникла наша дюмовская нелегальная группа рабочих — зародыш социал-демократического кружка. Вскоре к нам присоединились мой новый друг Дмитрий Константинович Паранич, рабочие Иван Придорожко, Антон Тимофеевич Сложеникин, конторщик Николай Федорович Иванов и фельдшер заводской больницы Василий Мануйлович Соколов. За бортом остался Никита Ануфриев, к которому мы не питали никаких симпатий, а тем более доверия.

Мы не были связаны ни с какой социал-демократической организацией, но по существу это был, конечно, социал-демократический кружок, дружная, сплоченная и хорошо законспирированная группа рабочих-единомышленников. Руководителем группы был Иван Алексеевич Галушка. По нездоровью он часто выезжал в Ростов, к семье, и на время своих отлучек поручал мне побеседовать с товарищами по тем или иным вопросам, давал мне читать политическую литературу. Так незаметно для меня самого я стал помощником своего старшего товарища.

Способствовали этому два обстоятельства.

Меня перевели из электромеханического цеха в чугунолитейный и поставили на очень ответственный участок — машинистом электрического крана. Не знаю, чем это было вызвано: моим ли прилежанием в работе или тем, что я постоянно расширял свои знания в области электричества, много читал и часто расспрашивал мастеров и начальника цеха об устройстве различных электрических машин,— но мне, несмотря на молодость, доверили весьма сложный производственный процесс разливки жидкого чугуна в литники заформованных опок. Обычно на эту должность определяли взрослых рабочих, и лишь после того, как они год-два походят в помощниках крановщика. Мне, видимо, повезло.

Безаварийная работа на кране и точность разливки расплавленного металла подняли меня в глазах моих товарищей, и они стали сами обращаться ко мне за тем или иным советом, выясняли у меня различные политические вопросы. Чтобы оправдать это доверие, я старался все больше и больше читать, быть образцом в работе, постоянно обдумывать свои действия и слова, строго соблюдать конспиративную дисциплину.

К этому же периоду относится и еще одно важное событие в моей жизни — приобщение к политическим знаниям, к марксистской революционной теории. Как-то раз вместе с Семеном Мартыновичем Рыжковым я встретился в де-

ревне Орловка с двумя его коллегами — учителями местной земской школы братьями Седашевыми, Павлом Максимовичем и Дмитрием Максимовичем. У них я увидел журналы «Русское богатство» и «Русская мысль». Полистав журналы, я наткнулся на статью об учении Карла Маркса, и хотя в ней, как я сейчас представляю, не раскрывалось основное и главное в сущности этого учения, я глубоко заинтересовался личностью Карла Маркса и его политическими воззрениями. С тех пор я стремился узнать о Марксе и марксизме как можно больше.

По моей просьбе Иван Алексеевич Галушка привез из очередной поездки в Ростов «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Я прочитал его не переводя дыхания. Многое в этой книге мне было непонятно, но главное я понял: сила рабочих — в их организованности и что рано или поздно рабочий класс совершит революцию, свергнет власть буржуазии, лишит капиталистов всех орудий производства и использует их в своих собственных интересах. Первым шагом в рабочей революции, указывалось в «Манифесте», является «превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии».

Я постарался как мог пересказать это своим друзьям, и они, как и я, увлеклись марксистским учением. Мы решили сообща прочитать «Манифест Коммунистической партии». В ходе чтения я старался пояснять слушателям трудные места, иллюстрировал их примерами из нашей заводской жизни.

Особенно понравилось нам, как Маркс и Энгельс писали о рабочем классе.

Умение хоть в какой-то мере понять и разъяснить сущность марксистской революционной теории и связать ее с нашей жизнью и борьбой также поднимало меня в глазах моих товарищей и способствовало укреплению нашего рабочего братства, пусть даже и в очень незначительных масштабах. Каждый из нас уже осознавал, что он является участником великой армии труда и готов отдать все силы за общее дело, за улучшение жизни рабочего класса и всего народа.

Сознание своей правоты и силы окрыляло нас, и мы старались очень осторожно разъяснять рабочим все то, что узнавали сами на занятиях кружка. Мы старались внушить нашим товарищам по работе, что мы должны быть смелыми и настойчивыми в отстаивании своих справедливых требо-

ваний к заводской администрации, действовать организованно, и тогда хозяева завода будут вынуждены считаться с нами. Вскоре это подтвердилось на деле.

Чугунолитейный цех завода ДЮМО, где я работал, был по тем временам довольно крупным производством: чугунное литье шло на строительные нужды завода, направлялось в другие города и его требовалось все больше и больше. Цех рос вместе с заводом, а на заводе к тому времени работало уже более двух с половиной тысяч человек, не считая строителей. При мне в цехе поставили вторую вагранку, так как одна, первая, перестала справляться с повышенной потребностью в различных чугунных отливках.

Работа на кране была тяжелой и требовала высокой точности. Нужно было следить за движением крана с грузом, особенно когда на подъеме или при спуске был ковш, наполненный расплавленным чугуном. При малейшей неосторожности или оплошности жидкий металл мог испепелить все живое.

Место машиниста-крановщика находилось в особой кабине, почти у перекрытия цеха, на самом верху. При заливке чугуна в формы вверх поднимались испарения и газы, идущие из формовок. Было жарко и душно. Все это осложняло работу, и я постоянно боялся: ведь если возвратятся головные боли, которые долго мучили меня, то я могу потерять сознание, и это неизбежно приведет к катастрофе, к гибели многих людей.

Это, пожалуй, и толкнуло меня на резкий протест против невыносимых условий труда крановщиков. Сговорившись с другими машинистами-крановщиками, я заявил начальнику цеха, что мы задыхаемся от скапливающихся газов и так работать дальше не можем. Вначале он попросту огрызнулся:

— Всегда так работали. Подумаешь, какие нежные!

Но мы не отступили и почти каждый день в той или иной форме напоминали о своем. Однако это ни к чему не приводило, и тогда мы решились на смелый шаг. С общего согласия крановщиков однажды я в свою смену самовольно остановил кран и спустился вниз. Все работы в цехе застопорились. Откуда-то вдруг появился начальник цеха.

— В чем дело? Почему не на месте? — налетел он на меня.

— Сами туда полезайте, может быть, тогда поймете, как сладко дышать отравленными газами,— спокойно заявил

я.— Сколько раз вам говорили, что надо поставить вентиляторы.

— Молчать! — закричал начальник.— Не хочешь работать — других вызовем.

— Можете вызывать,— ответил я,— только и они вам то же самое скажут.

— Посмотрите, что выдумали,— обратился начальник цеха к окружившим нас формовщикам и литейщикам.— Работу срывают!

Но его никто не поддержал. Рабочие настороженно молчали, и лишь один из них хмуро сказал:

— Вентиляция не только им — всему цеху нужна.

Рабочие сочувственно зашумели, и это сыграло решающую роль.

— Ладно, будет вам вентиляция,— заявил, помолчав, начальник и, обращаясь ко мне, добавил: — Полезай в кабину, нечего зря время терять.

Я вернулся на свое место. Хотелось поскорее узнать, будет ли выполнено обещание. Но ждать долго не пришлось: к концу этой же смены в нескольких местах корпуса цеха уже были пробиты отверстия, и в них устремились скопившиеся у перекрытия газы. Сразу стало легче дышать. Несколько позднее были установлены и вентиляторы.

Так благополучно окончилась наша «крановщичья забастовка», как ее назвали литейщики. Случай этот стал вскоре известен всему заводу. Инициативу в выступлении крановщиков стали связывать с моим именем, но я в то время еще не имел никакого опыта работы в массах и, скорее всего, выразил общий протест против тяжелых условий труда лишь потому, что боялся не выдержать и тем самым подвести товарищей, допустить аварию. Однако то, что произошло, оставило глубокий след в сознании рабочих нашего цеха и даже всего завода: мы поняли, что если будем твердо и настойчиво поддерживать друг друга, то заводская администрация не может с этим не считаться.

Должен сказать, что это событие не прошло бесследно и лично для меня. Видимо, оно еще раз напомнило обо мне полиции. Вскоре у меня снова был произведен обыск, после которого меня арестовали. И хотя я через несколько дней был освобожден и снова приступил к работе, я почувствовал, что слежка за мной усилилась.

Конечно, и после нашей забастовки, а вернее, удачно разрешенного конфликта с администрацией цеха условия

работы продолжали оставаться очень тяжелыми, но я, как и прежде, был доволен своей профессией крановщика. Было приятно сознавать, что мне поручено большое и важное дело, что вместе со всеми рабочими цеха я участвую в «огневом ремесле», помогаю большим мастерам-литейщикам. Их опасный и тяжелый труд оплачивался выше всех: хорошие мастера чугунного литья зарабатывали ежемесячно до 100—120 рублей, а иногда и больше. Такие деньги мой отец — пастух не смог бы заработать и за год...

Как-то, возвратясь из Ростова, Иван Алексеевич Галушка показал нам листовку, подписанную Ростовским (Донским) комитетом Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Она призывала трудящихся к организованной борьбе против их классового врага — буржуазии. Так я узнал о существовании в России социал-демократической партии. Вскоре после этого появилась листовка Екатеринославского комитета РСДРП. В ней также говорилось о тяжелом положении рабочих и необходимости решительной борьбы против эксплуататоров-капиталистов. Нам стало ясно, что где-то совсем близко от нас действует какая-то новая, большая сила. Нам очень хотелось связаться с комитетами, но преследования полиции и наша неопытность мешали этому.

Серьезно подорвал работу нашего кружка неожиданный отъезд из Алчевска нашего горячо любимого и всеми уважаемого Ивана Алексеевича Галушки. За ним началась открытая слежка полиции, и он вынужден был внезапно скрыться, чтобы не угодить под арест [1].

---

[1] Ему пришлось некоторое время нелегально жить у отца его жены, а затем при помощи друзей он устроился на работу на ростовский завод «Аксай». Здесь его застала известная Ростовская стачка (ноябрь 1902 года). Как один из организаторов стачки на заводе, он после подавления стачки был арестован и посажен в тюрьму. Может быть, из-за плохого здоровья и обремененности семьей он в дальнейшем отошел от революционной деятельности.

Однако все последующие годы И. А. Галушка оставался честным человеком. Замечательный мастер-литейщик, он работал в ряде городов страны: в Никополе, Запорожье, Ростове. В годы Великой Отечественной войны погиб на фронте его сын, а сам он внес немало личных средств в фонд обороны из своей весьма скромной пенсии. Обо всем этом хочется сказать еще и потому, что кое-кто пытался оклеветать честного труженика и, поскольку он вынужден был остаться на оккупированной территории, выставить его чуть ли не пособником фашистских захватчиков. Умер И. А. Галушка в 1953 году. У всех близко знавших его он оставил по себе добрую память.

Как я уже отмечал, на заводе ДЮМО в то время не было никаких рабочих организаций, если не считать нашего нелегального рабочего кружка, который не имел еще широких и прочных связей с рабочей массой. Однако именно некоторые члены нашего кружка, поддержанные передовыми рабочими, проявили инициативу в создании своего рабочего торгового кооператива для продажи рабочим семьям продуктов питания и предметов первой необходимости. Началось все как бы со случайных разговоров, но потом как-то незаметно перешли к делу, к сбору паевых взносов, и вот через год-полтора у нас уже появились своя рабочая хлебопекарня и своя мелочная лавка. Через некоторое время была открыта при заводе и своя рабочая начальная школа.

Так постепенно наиболее сознательные рабочие, встающие на революционный путь, убеждались в том, что сообща можно многое сделать, хотя и были еще очень далеки от понимания насущных задач соединения марксизма с рабочим движением. Но все же мысль уже была разбужена, и наши рабочие все чаще стали разговаривать между собой о тех или иных событиях, которые не только касались семейных и заводских дел, но и затрагивали внутреннюю и внешнюю политику царского самодержавия. У рабочих появился интерес к чтению газет, книг, к тому, что делается в других городах. На заводе появилось много рабочих, которых безработица конца XIX и начала XX века уже погоняла по земле. Они приезжали к нам из Луганска, Ростова, Таганрога. Бывали здесь и петербуржцы, и москвичи, и рижане, и варшавяне, и нижегородцы, а также рабочие из многих других районов. Их рассказы дополняли наши представления о жизни страны.

Вскоре и мы почувствовали влияние наступавшего общероссийского экономического кризиса. У ворот нашего завода с каждым днем скапливалось все больше различных лиц, которые были согласны на любую работу. Но проходящее мимо них заводское начальство безжалостно бросало в голодную толпу одни и те же резкие слова: «Работы нет и не будет».

Мы, работающие, хорошо понимали тяжелое положение всех тех, кто скапливался у заводских ворот, и нередко приглашали к себе то того, то другого, чтобы накормить хоть чем-нибудь, а заодно и расспросить, откуда он, почему остался без работы, что делается в других местах.

Эти случайные встречи имели большое значение для укрепления пролетарской солидарности.

Правда, до конца мы тогда всего не понимали. Нередко пришлые безработные да и рабочие нашего завода все свои беды и несчастья объясняли тем, что плох начальник, что очень жаден и зловреден хозяин предприятия. Иногда же нужда и личные горести объяснялись и совсем наивно: «Ничего не поделаешь — не повезло».

Однако все чаще и чаще, хотя и несмело, высказывались мысли, осуждающие социальный строй.

Конечно, это были рискованные разговоры, и их заводили не со всяким: мало ли было случаев, когда под личиной рабочего скрывался полицейский соглядатай, доносчик.

Сама мрачная действительность наталкивала нас на политические вопросы. Трудности и невзгоды, обрушивавшиеся на нас, выбивали из колеи слабых и отчаявшихся, а иногда и сводили их в могилу, но остальных это закаляло, и они становились еще более стойкими.

Как уже говорилось, у меня к тому времени имелось много искренних друзей. Особенно близок я был с Виногреевым Иудой Сергеевичем. Несмотря на такое мрачное имя, был он честнейшим и вернейшим человеком, хорошим семьянином, мастером на все руки. Он уже побывал в Одессе, Николаеве и других городах, многое повидал, был любознательным и начитанным. Я часто заходил к нему на квартиру в старой колонии ДЮМО, и мы вели с ним откровенные разговоры о своей рабочей жизни.

Был у меня и еще один хороший друг, рабочий-модельщик Григорий Гаплевский. Он был холост, красив и умен, обладал чудесным баритоном, любил и умел хорошо петь. Многие девушки в заводском поселке заглядывались на него. Но он все время находился в каком-то угнетенном состоянии и однажды откровенно рассказал мне, что жизнь у него тяжелая, неудачная и что брат с женой, с которыми он живет одной семьей, не понимают его, относятся к нему плохо. Было неудобно выяснять подробности этих семейных дел, но они, видно, доводили его до отчаяния.

Я не понимал его пессимизма и рисовал ему счастливое будущее, когда он встретит такую же, как и он, красивую девушку и заживет с ней счастливо и дружно. Но мои уговоры мало помогали: он становился все мрачнее. Таким же он был и в нашей рабочей компании в ночь под новый, 1900 год. Здесь встретились старые друзья: Виногреев, Гап-

левский, Сараев, Пузанов, Паранич, Побегайло,— большинство из них в дальнейшем стали активными участниками первой русской революции 1905—1907 годов, прошли каторги и ссылки, стали активными борцами за Советскую власть. Не случилось этого только с одним Гаплевским.

Вскоре после этого он пришел ко мне и застал у меня еще одного моего товарища, Степана Минаева.

— Забежал проститься,— заявил он.— Уезжаю в Луганск. Вот подыщу там другую работу, потом вернусь сюда и оформлю расчет.

— Ну, а если не найдешь,— спросил я,— как же дальше жить будешь? Смотри, безработных сколько!

— Поищу работу в другом месте,— с какой-то напускной беспечностью ответил он и стал собираться.— Ну, будьте здоровы! Надоело все, кончать надо с такой жизнью.

Мы пытались задержать его, приглашали попить с нами чаю, но он ушел. Я почувствовал, что с Григорием творится что-то неладное, и предложил Степану Минаеву пойти на станцию, так как до отхода поезда оставалось еще минут сорок — сорок пять. Он согласился.

На вокзале мы нашли Григория у буфетной стойки. Перед ним стоял графинчик с водкой и наполненная рюмка. Он удивленно посмотрел на нас и спросил, зачем мы пришли.

— Товарища одного решили встретить,— неуклюже соврал Степан.

— Ну, ладно, шут с вами,— сказал он добродушно, почувствовав обман.— Давайте лучше выпьем на прощание.

Я отказался, а Минаев стал просить у буфетчика еще одну рюмку. Тем временем я узнал у дежурного, что поезд по каким-то причинам опаздывает более чем на час, и потихоньку сказал об этом Степану. Мы незаметно покинули вокзал и поспешили к брату Гаплевского, чтобы тот уговорил Григория вернуться домой.

У Гаплевских мы застали гулянку — отмечался день рождения малолетнего сына. Мы сообщили хозяину о своих подозрениях, но он лишь отмахнулся от нас и пьяным голосом пригласил нас к столу.

— Ничего с ним не случится,— сказал он.— Не маленький. Лучше выпейте по рюмочке, такой у нас сегодня день...

Мы остались. Но из головы не выходила мысль о Григории.

Я все порывался убедить хозяина пойти на вокзал, он же не хотел ничего слышать. И вот случилось страшное: через некоторое время прибежал фельдшер и с дрожью в голосе сообщил, что Григорий бросился под поезд и сейчас находится в больнице в безнадежном состоянии.

— Он все время спрашивает господина Ворошилова,— добавил фельдшер.

Мы со Степаном поспешили в больницу. Григорий, весь в бинтах, что-то говорил, но мы ничего не сумели разобрать. Вскоре он скончался. Это была ужасная смерть. Я был растерян и подавлен. Всю жизнь я жалел, что мы оставили Григория одного. Кто знает, может быть, нам и удалось бы уберечь его от этого рокового шага...

Извилистыми были тропы, по которым шли мы, молодые. Одних они заводили в безнадежные тупики, других выводили на широкую и прямую дорогу. Среди первых оказывались те, кто отбивался от общей массы, пытался бороться с трудностями в одиночку. Закалялись те, кто примыкал к нерушимому рабочему братству и шел с ним в едином строю.

Меня, как и многих других, подхватила общая волна рабочего движения, и в этом — мое счастье.

СКИТАНИЯ БЕЗРАБОТНОГО

Это случилось в самом конце прошлого столетия, накануне вступления России в новый, XX век. В то время на нашу страну надвигался острый экономический кризис, который в полной мере проявился несколько позднее — в 1900—1903 годы. Я и мои товарищи — рабочие, естественно, ничего не знали об этом, но и до нас доходили сведения о закрытии некоторых заводов и шахт в прилегающей округе. Толпы безработных у ворот нашего завода росли.

И вот та же участь постигла и меня. Пристав Греков не забыл своего обещания расправиться со мной. После инцидента с требованием вентиляции, когда меня объявили зачинщиком «крановщичьей забастовки», ему представился удобный случай. И он его не упустил.

Меня уволили и внесли в «черный список». Начались скитания в поисках работы. Мне довелось испытать всю го-

речь нищенского существования. При этом нередко было так тяжело, что терялась всякая надежда на лучшее, а порой не хотелось видеть и белый свет.

Следует сказать, что завод ДЮМО был в то время как бы островком в бушующем океане экономического кризиса. Здесь продолжали плавить чугун и сталь, выпускать разносортный прокат, хотя повсюду производство свертывалось. Правда, в отличие от предыдущих лет продукция не находила сбыта. Росли груды чугунных отливок и металлических изделий — рельсов, балок, швеллеров, углового и круглого проката. Но рабочих не увольняли, и именно поэтому здесь не чувствовались в полной мере те бедствия, которые уже катились по всей России.

Это странное в условиях экономического спада явление было связано с именем А. К. Алчевского. Но его бесплодные попытки противостоять стихии кризиса и, видимо, в какой-то мере облегчить положение рабочих кончились для него трагически.

Ходили слухи, что Алчевский решил обратиться к самому царю, Николаю II, и с этой целью выехал в Петербург. Рассказывали, что там он имел беседу с министром финансов Витте. Этот царедворец докладывал его величеству о просьбе Алчевского — выделить ему кредит на крупную сумму в несколько миллионов рублей. Николай II якобы разрешил ассигнование лишь трети этой суммы, но это не устраивало Алчевского. Он попросил Витте еще раз обратиться к царю, с более вескими обоснованиями его просьбы, но царь ответил решительным отказом.

Это было крушением надежд, и Алчевский, выехав в мае 1901 года из Петербурга, в пути бросился под колеса поезда. В память об этом человеке железнодорожную станцию Юрьевка и раскинувшийся вокруг нее город долго называли Алчевском.

Крах банка Алчевского до основания потряс Донецко-Юрьевское металлургическое общество: его акции при номинальной цене 250 рублей упали до 50 рублей. Напуганное этим, «Общее собрание кредиторов» в Петербурге учредило специальную администрацию по делам завода и поручило ей вывести предприятие из тяжелого положения и поправить его финансовые дела. Но, как и следовало ожидать, новое руководство постаралось восстановить финансовые потери прежде всего за счет рабочих: с завода ДЮМО была уволена значительная часть рабочих, почти

наполовину снижена заработная плата, оставшимся увеличены штрафы; были ликвидированы и те жалкие пособия, которые выплачивались рабочим в случае их увечья.

О крахе Алчевского В. И. Ленин писал как о факте, подтверждающем централизацию и концентрацию капитализма в России, поглощение крупными монополиями более мелких предприятий, непримиримость общественного характера производства и частной формы присвоения продуктов общественного труда.

«Уроки кризиса, разоблачающего всю нелепость подчинения общественного производства частной собственности, так назидательны, что теперь и буржуазная печать требует усиления надзора — напр., над банками,— отмечал В. И. Ленин в газете «Искра» в августе 1901 года.— Но никакой надзор не помешает капиталистам основать во время оживления такие предприятия, которые неминуемо потом банкротятся. Алчевский, бывший основателем обанкротившихся земельного и торгового банков в Харькове, доставал себе правдами и неправдами миллионы рублей для основания и поддержки горнопромышленных предприятий, суливших золотые горы. И заминка в промышленности погубила эти банки и горные предприятия (Донецко-Юрьевское общество). Но что означает эта «гибель» предприятий в капиталистическом обществе? Это означает, что слабые капиталисты, капиталисты «второй величины», вытесняются более солидными миллионерами» [1].

Обо всем этом я узнал, разумеется, значительно позднее. Тогда же я был еще очень далек от понимания глубинных процессов развития капитализма и всех раздирающих его противоречий.

Передо мной, как и перед многими, оказавшимися без работы, вставал вопрос: что делать, как быть? Ведь у нас не только отняли возможность трудиться для пропитания самих себя и своих близких, но и лишили нас возможности быть в кругу семьи: надо было подаваться в другие места в поисках хотя бы случайной и временной работы. Мне было очень тяжело, но я успокаивал себя тем, что у других условия складывались еще хуже.

К тому времени вышла замуж и вторая моя сестра. На моем иждивении находилась одна лишь матушка. Она привыкла к трудной, полуголодной жизни, бралась за любую

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 85.

работу и могла еще прокормить себя. Кроме того, была еще надежда, что скоро вернется и отец (он искал где-то лучшей доли). В крайнем случае мама могла по очереди жить у своих дочерей. Однако все это мало утешало: надо было как-то выжить, чтобы не умереть с голоду.

Сознательно избегаю слова «нищенствовать». Побираться тогда было совершенно бессмысленно; попрошайничество как-то само по себе исчезло: ведь в положении нищих оказался весь трудовой народ и помощи ждать было неоткуда. И только в семье Семена Мартыновича Рыжкова со мной делились подлинно по-братски. Семен Мартынович получал мизерную зарплату и жил со своей многочисленной семьей, что называется, перебиваясь с хлеба на воду. Но он никогда не жаловался на свое полуголодное существование. Зная положение его семьи, я старался заглядывать к нему лишь когда мне было особенно невмоготу. Мой учитель и друг поддерживал во мне бодрость, убеждал, что вскоре станет лучше, угощал чем мог. Все это действительно помогало мне. Однако я понимал, что придется мне покинуть насиженные места и податься в дальние поиски.

Вначале я попытался поискать счастья в соседнем Луганске, где у меня были знакомые и друзья. Но бывшие дюмовцы, по разным причинам перебравшиеся на луганские предприятия, при самом искреннем расположении ко мне, не могли ничем мне помочь: везде сокращалось производство, шли увольнения.

Пробродив с неделю по Луганску, я отправился скитаться по разным городам Украины. Денег у меня, конечно, не было, и я жил только благодаря поддержке друзей. Нс чрезмерно обременять их не позволяла мне моя совесть, и потому в городах я не задерживался.

Побывал в Екатеринославе, Александровске (ныне Запорожье), Харькове, Ростове-на-Дону и многих других городах и поселках. Пробирался «зайцем» в товарняках, на тормозных площадках, на крышах вагонов. Если же это не удавалось, шагал по шпалам или пыльному проселку, ночевал под какой-нибудь раскидистой вербой или тополем, а зимой — в сараях, на сеновалах, в любом случайном жилье, куда пускали сердобольные хозяева.

Однажды — это было в Донбассе, недалеко от станции Дружковка,— я забрел на окраину поселка и вышел к развалинам кирпичного завода. На ровном месте высоко возвышалась заводская труба, и я подумал, что, должно быть,

с нее видно далеко вокруг. Потом, незаметно оказавшись у трубы, я по наземному вскрытому дымоходу дошел до ее основания и попал внутрь; отсюда вверху виднелось небольшое отверстие и кусочек такого синего неба, какого мне не приходилось видеть никогда. Здесь же заметил скобы, по которым можно было подняться вверх и спуститься обратно. И как-то вдруг в моей молодой и отчаянной голове возникла дерзкая мысль — подняться на трубу и оглядеть оттуда всю окрестность: наверное, подумалось, хорошо там!

И вот, перехватывая руками скобки, я стал подниматься все выше и выше, пока не добрался до верхнего обреза трубы. Отсюда действительно открывалось прекрасное зрелище: бескрайняя степь, поля и холмы простирались до горизонта. В темно-зеленой лощинке, словно оброненная кем-то голубая лента, извивалась небольшая речушка. Недалеко от нее в тени садочков белели хаты неизвестного мне села, а чуть подальше паслось стадо коров. И я вспомнил свои мальчишеские, пастушеские годы. Стало немного грустно от этих воспоминаний. Потом я вновь оживился, когда увидел вдалеке пыльную дорогу и повозку на ней, за которой резво бежал совсем еще маленький жеребенок. Не хотелось отрывать глаз от этих милых и родных картин, но надо было спускаться.

Еще и еще раз окинув взором бескрайний простор, я заглянул и во внутрь трубы, но там чернел лишь непроглядный мрак. Мне стало страшновато. Нащупывая ногами скобы, я начал осторожно спускаться. Вдруг сердце мое словно оборвалось: нога не ощутила опоры, а рука соскользнула со скобы, и я полетел в пропасть. Но тут же вновь каким-то чудом я успел зацепиться за скобу и повис на ней. Руки мои судорожно сжимали железный прут, голова болела, а ноги никак не могли ни во что упереться. «Ну, пропал, пропал»,— стучало в голове. Не знаю, сколько времени пробыл я в таком буквально подвешенном положении: секунды показались вечностью. Наконец я нащупал скобы и мало-помалу спустился вниз.

Ноги дрожали, во рту пересохло, сердце билось тяжело, учащенно. Я побрел к селу, которое видел со злополучной трубы. Там оказались приветливые, добрые люди. Они напоили меня молоком, не пожалели горбушки хлеба. Через некоторое время я уже беспечно спал на соломе в сенях, чтобы назавтра вновь продолжать свои странствования.

Вспоминается и еще один случай, едва не стоивший мне жизни. Это произошло в Екатеринославе. Здесь также было много безработных. Я встретил знакомого рабочего, с которым вместе когда-то работал на заводе ДЮМО. Он пригласил меня к себе домой, накормил и обещал помочь. Вскоре он сообщил, что нашел одно место.

Однако на второй день мой знакомый с огорчением передал мне ответ администрации: принять на работу меня не могут, так как место было обещано другому лицу. Но, как мы вскоре выяснили, дело было куда хуже: мое имя числилось в «черном списке» и в этом городе. Искать работу здесь было бесполезно.

В расстроенных чувствах бродил я по Екатеринославу, красивому и большому городу, расположенному вдоль берега величественного Днепра. Я все еще надеялся, что, может быть, устроюсь в какой-нибудь крохотной мастерской, куда мог не попасть «черный список», пусть даже на самую черную работу, хоть на день-два. Но мест нигде не было. И вот у большого парка я наткнулся на вывеску «Потемкинский сад». Имя фаворита Екатерины II Потемкина я слышал, захотелось узнать, что же делается в этом парке. Прохожий сказал мне, что в парке находится прекрасный дворец, построенный царицей для Потемкина.

— Теперь во дворце музей,— добавил он.— Но сегодня он, кажется, закрыт.

Не зная, куда себя деть, я побрел по безлюдному парку. До меня доносился какой-то шум — это ревел могучий Днепр, пробивший себе здесь путь сквозь крепкие каменные преграды. Меня потянуло к воде.

Еле заметная стежка подвела меня к скале, нависшей над самой рекой. Внизу бурлил пенный поток. У верхнего края скалы были еле заметные выступы, а за ними виднелась небольшая площадка, своеобразная терраска, на которой валялись какие-то бумажки и окурки. Значит, там кто-то бывал, подумал я, и мне захотелось во что бы то ни стало пробраться на эту терраску. Словно какой-то чертик, скрывшийся во мне, подзадоривал меня на этот шаг: иди, иди, там были люди, а ты чем хуже! Но были и другие мысли: я один, как перст, а вдруг сорвусь? Ну и пусть, думалось мне. Зато здесь нет ни хозяев, ни «черных списков», ни городовых. Только один бушующий Днепр...

Прильнув к отвесной скале, я стал пробираться. Наконец добрался до цели и с облегчением вздохнул, на тер-

раске можно было не только повернуться, но и немного размяться, сделать два-три шага. Однако все равно было страшно: под узкой полоской, на которой я стоял, ревел Днепр.

Слушая его, я был, что называется, на седьмом небе. Мне казалось, что на мою долю выпало редкое счастье — увидеть и услышать то, чего, может быть, никогда не увидит и не услышит никто.

Но надо было возвращаться в город, и только тогда я опомнился. Помню, я не ударился в панику, а рассуждал спокойно и уверенно: раз добрался сюда, значит, смогу вернуться и обратно — ведь камни-то остались на месте!

Однако все было значительно сложнее, чем думалось. Не знаю почему, но я решил вначале пробираться по выступам не как прежде, а по-иному: лицом к Днепру и спиной к скале. Это показалось мне более удобным, и я сделал первый шаг, который мог оказаться и самым последним в моей жизни. Очутившись над обрывом и опираясь одной ногой на едва ощутимый выступ, я стал искать опору для другой ноги, но никак не мог ее найти. Я еле-еле держался и мог в любую секунду сорваться в гудящую бездну.

На какой-то момент я буквально оцепенел от пережитой опасности, но жажда жизни поборола страх, и я снова обрел себя, твердо поверил, что со мной не может случиться ничего плохого, если я буду действовать спокойно и уверенно.

Пришлось повторить все сначала. Повернувшись лицом к скале, я стал медленно пробираться туда, откуда пришел на этот обрыв. Не знаю, сколько времени довелось потратить мне, чтобы оказаться в безопасности, но я выдержал это испытание и лишь потом почувствовал невероятную усталость и какую-то расслабленность во всем теле. Виски, помню, были влажны от пота, и в них тяжелыми толчками пульсировала кровь, и в такт этим толчкам, казалось, ликовало сердце: жив, жив, жив!

Опасность была позади, и невольно думалось: «Днипро пожалел меня, и пусть я безработный, но все-таки живой». И от этого стало вновь весело и радостно.

Из Потемкинского сада я отправился к моему знакомому и рассказал ему обо всем, что со мной случилось. Но меня поразило его равнодушие. Он никак не выразил своих чувств, и оказалось, что даже и не знал ничего о Потемкинском парке. Его ничто не интересовало...

Из Екатеринослава я перебрался в Ростов. Там меня радушно встретил Иван Алексеевич Галушка. Мы проговорили с ним чуть ли не до рассвета. Иван Алексеевич сказал мне, что в Ростове живет еще один наш общий знакомый, рабочий-поляк Зенкевич, и что они вместе с ним поищут для меня какую-нибудь работу. Однако «черный список», в котором я числился, как неблагонадежный, действовал и здесь. Приходилось довольствоваться случайными заработками на пристани, на вокзале.

Мои друзья помогали мне чем могли. В семьях Зенкевича и Галушки ко мне относились как к родному, делили со мной последний кусок хлеба. Особенно запомнилось мне теплое участие пани Зенкевич, которая по-матерински заботилась обо мне, беспокоилась, чтобы я не попадался на глаза подозрительным, по ее понятиям, людям и не навлек на себя каких-либо неприятностей (видимо, от мужа она знала о том, что за мной еще в Алчевске была установлена слежка полицейских агентов). Ее опасения были не напрасны: очень скоро около домов, где жили Галушка и Зенкевич, стали появляться какие-то типы.

Ясно, что полицейские нащупали мое пребывание в Ростове. Пришлось перейти на полулегальное существование, ночевать в разных местах и чаще всего у знакомых моих друзей в пригородах Ростова. Но жить так становилось невыносимо, надо было уходить отсюда.

Так я оказался в Таганроге. Был разгар лета, земля зеленела и благоухала, но для нашего брата безработного все складывалось отвратительно: нечего было есть и нечем было дышать. Однако этот город запомнился тем, что здесь мне улыбнулось счастье: один из знакомых помог устроиться на работу на их предприятие.

Это был небольшой котельный завод «Нельфиль и К^0», который принадлежал не то французской, не то бельгийской компании. Мастер-бельгиец, по фамилии Стог, довольно благосклонно отнесся ко мне; узнав о моих скитаниях, даже посочувствовал. Работа в ремонтно-механической мастерской в качестве слесаря была не очень сложной. Было приятно вновь ощутить в своих руках инструмент, почувствовать свою сноровку. Появилась какая-то маленькая уверенность в завтрашнем дне.

К сожалению, радость моя была недолгой. Через несколько дней меня вызвали в контору завода, и тот же мастер-бельгиец, который принял меня на работу, с грустной

улыбкой объявил мне об увольнении. Мы были с ним одни в помещении, и он сказал, ломая русский язык:

— Русский полицай нет корошо, нет корошо. Вам работай нет.— И он показал мне крест, сложенный из указательных пальцев: что поделаешь, не моя воля. Потом, видимо уловив мое недоумение, пояснил:

— Полицай сказаль: нет.

Мне оставалось только пожать плечами. Я не стал ему ничего объяснять и лишь спросил:

— А рассчитаются со мной за проработанные дни?

— О да,— ответил он,— я будет говориль контора, и ви получайт деньги.

На следующий день мне выдали полностью все, что причиталось, и даже с небольшой прибавкой. Видимо, постарался мастер-бельгиец.

Хотелось зайти поблагодарить его, но мне сказали, что он куда-то отлучился.

Как ни странно, покинул Таганрог я с легким сердцем: все-таки свет не без добрых людей. А кроме того, в кармане были хоть какие-то деньги. Разумеется, они быстро рассосались, и я вновь был, что называется, гол, как сокол.

Да, не раз вспомнил я пристава Грекова...

Более двух лет скитался я в поисках работы. Очень истосковался по дому, родным, товарищам. Безудержно потянуло на станцию Юрьевка, на завод ДЮМО.

Сколько дней я добирался до дому и что это была за дорога, не буду рассказывать. Приходилось менять поезда и убежища, мерзнуть и голодать, терпеть унижения и оскорбления, но я добрался до цели и был безмерно рад этому. И даже задымленный и пыльный воздух с привкусом заводской гари казался мне каким-то особенно приятным, и я вдыхал его полной грудью.

СНОВА В РОДНЫХ МЕСТАХ

С волнением душевным глядел я на родные места — на пески и перелески, безоблачное небо, заводские трубы, поля, окружающие завод. Хотелось обойти здесь каждый уголок, повстречаться с друзьями. Но я помнил, что надо было быть осторожным, не попадаться на глаза не только полиции, но и ее агентам. Первое время приходилось ночевать то у одного, то у другого из друзей.

Однако никакая конспирация не помогла. Всевидящее око полицейских агентов зафиксировало мое появление на родной земле.

Я решил навестить семью моей младшей сестры Анны Ефремовны. Там в то время жила и моя матушка. Вечером незаметно пробрался в их дом. Мама, Анна и ее муж Николай Андреевич Щербаков, заранее оповещенные о моем приходе, подготовили скромное угощение. Встреча с родными была радостно-печальной, особенно тяжело переживала эту встречу моя любящая и горячо любимая мама.

Квартира, занимаемая моими родственниками, располагалась над цокольным этажом, наполовину уходившим в грунт, окнами во двор.

Сидя за столом напротив окна, я вдруг заметил за занавеской какую-то тень. Присмотревшись, я узнал знакомую фигуру: да это был он, мой старый знакомый, полицейский агент «Москва», числившийся на заводе ДЮМО рабочим-вальцовщиком. Видимо, ему трудно было стоять на узеньком карнизе цокольного этажа, куда он забрался, и он, ухватившись за наличник и прижавшись к стеклу, выдал себя. Все это продолжалось минуту, две, не больше.

Не подав и виду, что я обнаружил слежку, я как бы нехотя поднялся со стула, чтобы незаметно предупредить Николая Андреевича о незваном госте. Однако и «Москва» почувствовал неладное. Когда я снова глянул в окно, его там уже не было.

Одевшись, я стал быстро прощаться с родными. Сказав им, что мне надо уходить, так как может нагрянуть полиция, я вышел во двор.

Все это произошло с такой быстротой, что «Москва» даже не успел выскочить за ограду и оказался в нескольких шагах от меня. Он быстро прошмыгнул за калитку. Мне не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

Дома в новой колонии (так назывался тогда этот поселок) стояли в ряд, и вдоль их ограды во всю длину улицы тянулся деревянный тротуар. Он был отделен от дороги довольно глубоким, вымощенным камнем кюветом. Агент с видом прогуливающегося шел спокойно, помахивая толстой суковатой палкой. Мне захотелось посмотреть на этого негодяя, оскверняющего высокое, благородное звание рабочего человека.

Когда я поравнялся с ним, он быстро отвернулся в сторону, как бы рассматривая что-то. Я, ничего не подозревая,

двинулся дальше, но не успел сделать и шага, как ощутил сильный удар по голове и руке, которой я, услышав движение воздуха от размаха палки, прикрыл голову. Это и спасло меня.

Не помню, как очутился в глубоком кювете. Разъяренная полицейская ищейка стал нещадно избивать меня. Его палочные удары приходились по чему попало, но я всячески старался увертываться, прикрывал голову руками. Поэтому больше всего досталось спине и рукам.

Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы в этот момент из переулка не появилась группа рабочих. Это были молодые парни, они шли с гармошкой и пели песни. Увидев их, шпик кинулся бежать. Рабочие доставили меня в полубессознательном состоянии на квартиру к старшей сестре Екатерине, которая жила в том же поселке.

Очнулся я на диванчике. Помню испуганные лица Кати и ее мужа Ивана Ивановича. Они пытались снять с меня рубаху, но она вся была в крови, а правая рука ниже локтя так распухла от ударов, что пришлось разрезать рукав. Наконец меня умыли, переодели и уложили в постель. Тут я и пролежал более двух недель пластом, не только преодолевая физические муки, но главным образом терзаясь душевно, нравственно. Мой мозг горел гневом и ненавистью к человеческой подлости и низости. Я никак не мог понять, как этот выродок, которого я совсем не знал и никогда не сделал ему ничего плохого, как он мог поступить со мной так бесчеловечно.

За это время полицейские ни разу не дали о себе знать, хотя им, конечно, было известно не только о месте моего пребывания, но и о моем тяжелом состоянии. Очевидно, дикое нападение на меня в какой-то степени встревожило и полицию, так как они могли опасаться протеста рабочих. А может, они надеялись, что вследствие усердия их агента я совсем перестану напоминать им о себе.

Так или иначе, но полиция не побеспокоила меня. Ко мне приходили товарищи, рассказывали о заводских новостях. Чаще всего это бывало поздним вечером или ночью, и опять-таки никто из них не был потревожен полицией: видимо, меня считали уже конченым человеком. Но, вопреки их ожиданиям, я выжил. Постепенно молодой организм стал набирать силы, я чувствовал себя все лучше и лучше. Правда, боль в ноге и особенно в правом плече долго не давала мне покоя. Но через полтора-два месяца я начал

понемногу ходить по квартире, а затем, вечерами, выходить во двор.

Моя матушка глубоко переживала все случившееся со мной. Сколько слез пролила она тогда! Она не отходила от меня ни на минуту, коротала у моей постели целые ночи, молила бога, чтобы он помог ей и мне в такой беде. Часто она, вся в слезах, обращалась к иконам, жаловалась: разве бог не видит, сколько несчастья кругом, несправедливости. На мое ироническое замечание, когда я уже стал поправляться, что богу не до нас, она замахала руками и скорбно попросила:

— Не говори так, сынок, не гневи бога, он все видит, все знает.

Частые несчастья, обрушивавшиеся на нас, ее детей, вызывали у нее болезненные чувства и в какой-то мере подрывали ее глубокую религиозность. Она никак не могла понять, почему же всевышний допускает, что люди, которые так беспредельно верят ему, трудятся, свято соблюдают все заповеди господни, терпят такие муки и бедствия. Однако это еще не был разрыв с религией. Он произошел у моей матушки позднее, когда я и некоторые мои товарищи безвинно были брошены в тюрьму и нам грозили тогда каторга и ссылка.

Когда я почувствовал себя уже относительно окрепшим, передо мной вновь встал вопрос: что же делать дальше, куда направиться в поисках заработка?

Еще будучи прикованным к постели, я думал: почему так жестоко и неутомимо преследует меня полиция? И связывал все это с ненавистными мне именами полицейского пристава Грекова и гнусного агента полиции «Москва». Иначе я, разумеется, в то время и не мог думать и, может быть, остался бы с этим мнением до конца своих дней. Однако, уже после Октябрьской революции, я получил возможность познакомиться с документами царской охранки, относящимися к тому периоду, и они пролили истинный свет на те давние дела. Оказывается, уже тогда моя скромная персона попала на учет ряда жандармских управлений. О ней стало известно даже в Петербурге. Причиной этому было предательство, совершенное моим знакомым Никитой Ануфриевым.

Мы вместе работали на заводе ДЮМО, и он одно время столовался у моей матери. Как и водится между рабочими, мы часто встречались, делились новостями, иногда в одной

компании проводили свободное время. Однако я не был дружен с Ануфриевым. Он всегда был как-то в стороне. И мы не посвящали его в откровенные разговоры на политические темы. К тому же был он нечистоплотен в быту, общался с женщинами легкого поведения; однажды в местном пруду был найден труп младенца, и это тоже связывали с его грязными похождениями. Все это вызывало у нас антипатию к этому человеку. Жил он постоянно в рабочем поселке завода ДЮМО и, помню, только один раз отпросился в отпуск и уехал в Курскую губернию. Не питая к нему привязанности, мы, однако, не подозревали его в предательстве. Никакого интереса к политике он, безграмотный, не проявлял. Но мы заблуждались. Он знал многое о нас. И, будучи в отпуске, выдал другому человеку, своему знакомому, а затем и жандармам нашу рабочую тайну.

Вот что говорится на сей счет в секретном сообщении начальника Курского губернского жандармского управления начальнику Екатеринославского губернского жандармского управления от 23 октября 1902 года:

«22 сего октября ко мне явились крестьяне: деревни Бохтинки, Ивницкой волости, Льговского уезда, Курской губ., Никита Ильин Ануфриев из села Кухтиц, Игуменского уезда, Минской губернии, Павел Михайлов Остроухов, проживающий в селе Киреевке, Льговского уезда, Курской губернии, причем первый из них заявил следующее: с 1897 по 1900 год он, Ануфриев, служил в Юрьевском заводе, близ города Луганска, в Славяносербском уезде, Екатеринославской губернии, где познакомился с рабочим Климом Ефремовым Ворошиловым, затем 30 мая сего 1902 года, проездом через Юрьевский завод, он, по просьбе Ворошилова, остановился у него переночевать. На другой день, то есть 31 мая, Ворошилов рано утром ушел на работу, а Ануфриев, рассматривая лежавший на столе журнал «Родина», заметил между листами какие-то 3 книжки, напечатанные фиолетовой краской. Когда вернулся Ворошилов, то Ануфриев спросил его: что это за книжки? Ворошилов долго не хотел объяснить, но затем рассказал, что в этих книжках пишут о бунтах, что призывают народ дружно соединиться против насилия правительства, причем прочел в одной из этих книжек стихи, в которых говорилось о соединении всех рабочих для борьбы с правительством.

Книжки эти Ворошилов получает от сельского учителя села Васильевки (в 1,5 версты от Юрьевского завода) Се-

мена Мартыновича, неизвестного Ануфриеву по фамилии, и от заводских учительниц (имена и фамилии коих также неизвестны заявителю). При этом Ворошилов добавил, что он скоро будет записан в члены какого-то тайного общества и сам лично будет получать книги от какого-то комитета. В тот же день, то есть 31 мая, Ануфриев выехал из Юрьевского завода и на прощанье получил фотографическую карточку Ворошилова. 1 сего октября Ануфриев прибыл на родину и, по совету своего соседа Павла Михайлова Строухова, решил заявить обо всем жандармскому начальнику»[1].

В донесении допущены грубые искажения. Никогда никаких разговоров на политические темы я с Ануфриевым не вел и не мог вести, потому что он не входил в круг моих близких знакомых, которым я доверял.

Вокруг этого донесения завертелась карусель, и в департамент полиции, как видно, по его запросу стали стекаться все новые и новые подробности о моей в то время еще во многом бессознательной противозаконной деятельности. На основании данных жандармского ротмистра Леуса из Луганска начальник Екатеринославского губернского жандармского управления полковник Волков сообщал в Петербург:

«...Между прочим из его донесения видно, что на Юрьевском заводе учительницами состояли сестры Анна, Ольга и Мария Крюковы, а учителем Семен Маркович (отчество искажено.— *К. В.*) Рыжков, из которых Рыжков и Анна Крюкова в сентябре месяце переехали в гор. Луганск, где состоят учителями на Гартманском машиностроительном заводе. Вместо Рыжкова прибыла на Юрьевский завод из Харькова учительница Анна Романова Шустова и, поселившись с Ольгой и Марией Крюковыми, вошла в сношения, как и ранее Рыжков с машинистом Ворошиловым, слесарем Антоном Сложеникиным, фельдшером Василием Соколовым, конторщиком Николаем Ивановым и рабочим Иудой Виногреевым, который в заявлении Ануфриева называется «кумом Иудой». Из числа лиц Соколов подчинен негласным наблюдениям согласно отношения департамента полиции от 23 октября 1898 года за № 3165, а Рыжков замечен в сношениях с учительницей Варварой Васильевой

[1] Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) УССР, ф. 313, оп. 2, д. 431, л. 2—3.

Угаровой, недавно подвергнутой здесь обыску по требованию начальника Тамбовского губернского жандармского управления. Все эти лица постоянно находятся в общении друг с другом и собираются преимущественно в совместной квартире сестер Крюковых и Шустовой, и сближение их между собой усилилось после возвращения из-за границы летом сего года Марии Крюковой. Изложенное, в связи с заявлением Ануфриева, дает основание полагать существование на Юрьевском заводе преступного революционного кружка, и я полагаю необходимым произвести у лиц, как указанных в заявлении Ануфриева, так и у других вышепоименованных, обыски, по получении от ротмистра Леуса дополнительных сведений» [1].

К этому и другим сообщениям прикладывалась моя фотокарточка, а в самих донесениях указывалось, что я читаю «преступные книжки» и прячу их «в подъемных электрических кранах», что я рассказывал Ануфриеву содержание этих книг.

Здесь была только доля правды. Но жандармам, видимо, очень хотелось выслужиться, и они выдумывали всякие небылицы.

Правда же заключалась в том, что жандармерия и полиция оказались тогда неспособными раскрыть наш заводской революционный кружок, хотя они и догадывались о его существовании: слышали звон, да не знали, где он. Несмотря на молодость и неопытность, мы сумели все же так проводить свои нелегальные встречи и занятия, что блюстители порядка ни разу не застали нас врасплох и ни один из членов нашего подпольного кружка не был уличен в то время в причастности к революционному движению и не был привлечен за это к судебной ответственности.

Больше того, выезд из Алчевска организатора нашей революционной группы Ивана Алексеевича Галушки хотя и ослабил нашу подпольную работу, но не привел к ее полному затуханию. В дальнейшем в работе кружка хорошо проявили себя передовые рабочие И. Н. Берещанский, Е. Л. Губарев (Семен), И. А. Кратько, Д. К. Паранич, Ф. Р. Якубовский, Иван Мирошниченко. Они наладили прочные связи с соседними рудниками, и особенно с Жиловским, где у них были свои, надежные люди: А. М. Кожанчиков, М. И. Комаров, И. И. Пилькевич. При активном

[1] ЦГИА УССР, ф. 313, оп. 2, д. 431, л. 8—10.

К. М. Норинский.

В. А. Шелгунов.

И. А. Галушка — организатор первого социал-демократического кружка на заводе ДЮМО. 1898 г.

Общий вид старого Луганска.

Братья Ф. В. и С. В. Побегайло — члены первого на заводе ДЮМО социал-демократического кружка.

Луганский паровозостроительный завод Гартмана. 1900 г.

Шахтерский поселок близ Луганска. 1900 г.

Активисты луганских рабочих 1905—1907 гг.

К. Е. Ворошилов, А. Я. Пархоменко, Т. Л. Бондарев, И. Д. Литвинов, Е. С. Кашиченко, И. С. Рыжов, К. А. Кариков, А. В. Цитович, П. И. Пузанов, В. П. Гусарев, Д. П. Осипенко, С. К. Крюков, К. Н. Самойлова, В. Е. Евтушенко.

участии всех этих товарищей наш кружок позднее оформился в крепкую партийную организацию, и она, возглавив рабочих завода ДЮМО, смело повела их на борьбу против самодержавия, помещиков и буржуазии.

А в те дни, о которых шла речь в донесениях, жандармы не только были уверены, что они нащупали подпольную организацию рабочих, но и делали все для того, чтобы немедленно разгромить ее. Они лишь выжидали время, чтобы провести эту операцию как можно основательнее и подготовить для своих жертв надежные каменные мешки.

Любопытно отметить, что в одном из сообщений жандармского ротмистра Леуса указывалось, что производство обысков у меня и моих знакомых — Крюковой, Шустовой, Рыжкова, Виногреева и Сложеникина задерживается, в частности, «полным отсутствием одиночных камер в Луганской тюрьме». Утешая начальство, Леус сообщал, что «на Донецко-Юрьевском заводе может возникнуть крупное дознание, потребующее нескольких арестов», и что ввиду этого обстоятельства он ждет «принятия в казну вновь построенного здания Луганской тюрьмы, имеющего быть в этом месяце».

«К изложенному считаю необходимым доложить Вашему Высокоблагородию,— писал сей каратель, изощряясь в угодничестве,— что по получении сколько-нибудь удовлетворительных результатов я безотлагательно приступлю к производству обысков, в порядке охраны, у названных выше лиц» [1].

Но мы не оправдали надежд полиции: обыски ничего не дали, полиция не сумела найти чего-либо подозрительного ни у меня, ни у моих друзей. У Семена Мартыновича Рыжкова и других учителей ничего не было, так как никакая запрещенная литература в то время до них не доходила, во всяком случае я эту литературу у них никогда не видел. Они просто придерживались более или менее прогрессивных взглядов, но никогда не поднимались до осуждения существовавшего в то время общественного строя. Мы же, рабочие, а вернее, довольно узкий слой наиболее сознательных пролетариев, хотя и передавали из рук в руки некоторые нелегальные издания, умели их прятать так, что ни одной полицейской ищейке не удавалось докопаться до мест их хранения.

[1] ЦГИА УССР, ф. 313, оп. 2, д. 431, л. 6—7.

Что сталось с предателем Никитой Ануфриевым, куда он делся, я не знал. Однако после Октябрьской революции, в конце 20-х годов, когда я уже был наркомом обороны, он сам напомнил о себе. Явившись в наркомат, он попросил дежурного сотрудника доложить мне его просьбу о личном приеме и при этом сказал, что он мой друг.

Выслушав дежурного, я сказал ему:

— Передайте Ануфриеву, что я знаю все о его подлом доносе в полицию на меня и моих товарищей, и его счастье, что мы не повстречались с ним раньше. А сейчас пусть он исчезнет и никогда больше не попадается мне на глаза.

Выслушав все это, рассказывал дежурный, Ануфриев изменился в лице, бросился вон из приемной, хотя до этого ссылался на свою болезнь и недомогание.

Бесславно кончил и агент «Москва»: с проломанной головой его нашли где-то в Юрьевке под забором. Кто это сделал, осталось неизвестным. Но было ясно одно: полицейская ищейка получила по заслугам...

Я выздоравливал. Оставаться в районе завода ДЮМО дальше мне было нельзя. И не только из-за опасности снова оказаться в лапах полицейских. Здесь по-прежнему невозможно было устроиться на работу. Товарищи посоветовали мне поехать в Луганск. Это, пожалуй, было разумно: в Луганске у меня были знакомые по совместной работе в Алчевске. С некоторыми я переписывался.

Друзья купили мне билет, мы еще раз подробно договорились, как вести дальнейшую работу нашего подпольного кружка.

Распрощавшись с родными и друзьями, я сел в поезд. До Луганска было рукой подать.

ПРОЛЕТАРСКИЙ ЛУГАНСК

Раньше я был в Луганске проездом и не смог как следует познакомиться с этим довольно крупным уже в то время промышленным центром. В городе насчитывалось несколько десятков предприятий. Наиболее крупными из них были паровозостроительный завод Гартмана (ныне тепловозостроительный завод имени Октябрьской революции), патронный завод, железнодорожные мастерские, костыльный завод (сейчас завод имени 20-летия Октября), фабрика «Товарищество суконной мануфактуры» (теперь тонкосукон-

ный комбинат), трубопрокатный завод Попова и К[0] (завод имени Якубовского), Гвоздильный завод (завод имени Рудя). Были здесь также эмалировочный, спиртоочистительный, кожевенный, пивоваренный и другие заводы, широкая сеть ремонтных мастерских и торговых заведений.

Развитие Луганска, как и всего Донецкого бассейна, было связано с наличием в этих местах богатых месторождений угля и железной руды. Именно это обстоятельство послужило основанием для сооружения на берегу реки Лугань (приток Северного Донца) еще в конце XVIII века казенного металлургического завода для производства орудий и снарядов, так необходимых в то время молодому русскому Черноморскому флоту. В царском указе по этому поводу, изданном в 1795 году, говорилось: в Донецком (Славяносербском) уезде учредить литейный завод, определить на это важное дело 715 733 тысячи рублей, оставшихся от вооружения Черноморского гребного флота. Определить заводу до 3000 мастеровых и поселян и поручить его главному управлению статского советника Гаскойна[1]. Гаскойн был крупным специалистом и администратором той поры и возглавлял до этого Олонецкий металлургический завод.

Строительство завода началось в 1796 году на правом берегу Лугани у селения Каменный Брод, и уже в 1800 году первая заводская домна дала луганский чугун. Это был первый и единственный в ту пору металлургический завод на всей Украине, и вполне естественно, что он стал тогда важной базой для развития в этих местах других предприятий. Для обеспечения заводов и мастерских углем были открыты тогда первые в Донецком бассейне угольные шахты.

Луганский литейно-пушечный завод играл огромную роль в снабжении артиллерийскими орудиями и снарядами Черноморского флота и южнорусских военных крепостей. Завод был одним из главных поставщиков пушек и снарядов для армии Кутузова в период Отечественной войны 1812 года. И хотя после поражения царизма в Крымской войне, когда Россия лишилась права иметь на Черном море военный флот и береговые крепости, Луганский литейный завод потерял свое былое значение и в дальнейшем был закрыт, он явился важной вехой в развитии отечественной

[1] См. «Полное собрание законов Российской империи», т. XXIII (1789—1796). Спб., 1830, стр. 815—817.

металлургии. И даже само закрытие завода в 1886 году не прошло бесследно: тысячи его опытных и закаленных в труде рабочих перешли на другие предприятия и явились костяком формирующегося рабочего класса в Донецком бассейне.

Луганский литейный завод явился центром, вокруг которого возникали другие предприятия и расселялись прибывавшие сюда пришельцы из других мест, в том числе и с Урала. В 1870 году здесь были построены винокуренный и пивоваренный заводы, а спустя шесть лет возникли железнодорожные мастерские по ремонту паровозов и вагонов. Весь этот населенный пункт назывался в то время Луганским заводом, и лишь в 1882 году заводской поселок получил современное название — город Луганск. В том же году доменный мастер Бохряков и инженер Модейский перестроили старые доменные печи и построили новые, собственной конструкции, работавшие на коксе, которые по своим техническим данным превосходили английские домны. Тем самым русские металлурги превзошли английских мастеров, чей опыт считался тогда последним словом в практике металлургии.

Я уже упоминал о том, что железнодорожное строительство способствовало сооружению металлургического завода Донецко-Юрьевского металлургического общества, но это строительство имело особенно важное значение для развития промышленного Луганска, как, впрочем, и для развития Донбасса и всего юга России. Екатерининская железная дорога (ныне Донецкая), построенная в 1880—1884 годах, соединила донецкий уголь с криворожской железной рудой, открыла широкие возможности для увеличения вывоза угля, металла и металлических изделий из Донбасса во все концы страны. Завершение строительства второй Екатерининской (1899—1904) и Луганско-Миллеровской (1897) железных дорог еще более расширило связи Луганска с промышленными центрами России.

Особо важное значение для Луганска имело начало строительства в городе в 1896 году огромного паровозостроительного завода. Разрешение на сооружение этого завода получил немецкий капиталист Гартман, создавший «Русское общество машиностроительных заводов Гартмана». Этот ловкий делец прежде всего постарался перевезти в Луганск значительную часть уже подержанных и технически устаревших машин со своего однотипного за-

вода в Хеймнице и в результате получил от царского правительства около 600 тысяч рублей. На эти деньги и иные доходы, полученные в России, он полностью реконструировал свой хеймницкий завод.

Строительство паровозостроительного завода и пуск его (28 мая 1900 года отсюда вышел первый паровоз) привлекли в Луганск новые массы рабочих. За семь лет — с 1897 по 1904 год — число жителей здесь увеличилось почти на 14 тысяч и составило 34 222. Многие из них работали на заводе Гартмана и на других заводах и фабриках по 12—13 часов в день, создавая несметные богатства иностранным и русским капиталистам. Достаточно сказать, что за один лишь 1898 год владельцы гартмановского завода, еще не введя предприятие в полную эксплуатацию, получили чистой прибыли 49 760 рублей! [1]

Некоторое время по приезде в Луганск я жил на нелегальном положении в семье портного-еврея, фамилию которого я, к сожалению, забыл. Это была большая и удивительно дружная семья. Портной и его неунывающая супруга вместе со своим многочисленным потомством (их было девять человек) жили в каком-то закутке. Они постоянно о чем-то переговаривались между собой, часто шутили, смеялись, а малыши порой устраивали веселые игры в заваленном всяким хламьем углу. Я искренне полюбил эту жизнерадостную семью, и особенно ребят — мальчиков и девочек, которые никогда не плакали, хотя были постоянно голодны и ходили полураздетыми. Иногда мне хотелось самому повозиться с ними, и они, словно угадав мое желание, бросались ко мне, залезали на плечи, висли на руках и, когда я нарочно валился на их убогую лежанку, усаживались на мне, как заправские ездоки на каком-нибудь резвом рысаке.

Хозяева бережно охраняли меня от посторонних глаз, кормили чем могли.

Трудно было представить семью беднее этой, но они умудрялись все же сводить концы с концами и еще находили слова утешения для тех, кто обращался к ним со своим горем и заботами. Скрываясь у них, я многое передумал, и особенно часто обращался к мысли о том, кому же выгодно натравливать русских рабочих на рабочих-евреев,

---

[1] Луганский областной государственный архив (ЛОГА), ф. 2, д. 9, л. 173.

устраивать еврейские погромы, разжигать антисемитские страсти.

Разве он враг мне, этот портной, думал я, что плохого сделала мне его семья — трудолюбивая и неугомонная, эти милые, резвые, так полюбившиеся мне дети? И сам собой приходил ответ: это выгодно лишь заводчикам и фабрикантам, царской полиции, которые больше всего боятся объединения рабочих разных национальностей.

Постепенно я стал не только вечерами, но и днем покидать приютившую меня семью портного, а затем и совсем затерялся в большом городе, стал совершенно открыто бывать почти повсюду. Конечно, я внимательно присматривался к людям, старался выяснить, не следят ли за мной шпики, но все было нормально: видимо, полиция потеряла меня тогда из виду.

В Луганске я встретился с моим старым другом Сергеем Петровичем Сараевым. Когда-то мы вместе с ним работали на заводе ДЮМО, откровенно делились обуревавшими нас чувствами и мыслями, помогали друг другу в самообразовании. Он пригласил меня к себе, и мы долго и тепло беседовали с ним о нашем совместном участии в дюмовском подпольном кружке, о друзьях-товарищах, оставшихся в Алчевске, о трудностях жизни, о моих мытарствах и о том, что довелось мне увидеть в разных местах. Сергей Петрович пообещал сделать все возможное для того, чтобы я смог получить работу на гартмановском заводе, где он работал уже больше года, и подробно рассказал о положении рабочих в Луганске и их политических настроениях.

— Рабочих здесь около десяти тысяч,— сообщил Сергей Петрович,— и более трети из них работает на заводе Гартмана. Остальные — на патронном, костыльном, эмалировочном, в железнодорожных мастерских, на разных мелких ремесленных предприятиях. Город большой, но и здесь несладко — с нашего брата три шкуры дерут.

От него я узнал, что на паровозостроительном заводе работают не только днем и вечером, но и ночью, и очень часто в воскресные и праздничные дни. В результате в месяц вырабатывают по 30—40 рабочих дней. На заводах процветают штрафы, часты несчастные случаи. Но это мало кого трогает, администрация предприятий не обращает на это внимания.

— На содержание заводской полиции расходуется в несколько раз больше средств, чем на выплату рабочим за

увечья и на заводскую больницу,— грустно улыбнувшись, сказал Сергей Петрович.

Вскоре я встретился и с другими товарищами, которых знал по заводу ДЮМО. Особенно обрадовался Дмитрию Константиновичу Параничу и Павлу Ивановичу Пузанову. Они, как и Сергей Петрович, были членами нашего алчевского революционного кружка. Друзья отнеслись ко мне с большой сердечностью, искренне предлагали свою поддержку и помощь.

Паранич, Пузанов и Сараев свели меня с местными социал-демократами. От них я узнал, что здесь, в Луганске, еще в 1889 году под влиянием социал-демократической пропаганды и агитации произошло несколько забастовок, подавленных с привлечением вооруженных солдат. Поводом для одной из них было зверское убийство полицией кузнеца Николая Соколова. Паровозостроители ответили на это мощным выступлением, в котором приняли участие рабочие ряда других предприятий (я помнил этот случай, потому что мы, дюмовцы, в то время провели митинг протеста и выразили свою солидарность с рабочими-луганчанами). Забастовка рабочих завода Гартмана продолжалась три дня. Для наведения порядка власти были вынуждены привлечь местный воинский гарнизон и вызвать казаков из Юзовки. В те дни было арестовано и брошено в тюрьму 60 человек[1].

Встречи с товарищами-единомышленниками скрашивали мою полуголодную и однообразную жизнь. Ночевать и питаться мне приходилось поочередно у своих друзей, но чаще всего я бывал у Сергея Петровича Сараева.

Вечера проходили незаметно. Как-то мы вспомнили памятный для нас эпизод, связанный с женитьбой Сергея.

Это случилось несколько лет назад, еще в Алчевске. К Сергею приехал его старший брат. Это был внешне очень странный человек. Ему было около сорока лет, но выглядел он мальчиком 13—14 лет: на лице не было никакой растительности, хотя его тронули уже морщины, голос у него был тоненький, ребячий. Во всем его облике и в движениях было что-то детское. Работал он портным и как будто неплохо зарабатывал.

Сараев-старший рассказал, что знает одну очень хорошую девушку, которой, как он заявил, «самая пора замуж».

---

[1] ЛОГА, ф. 2, п. 3, стр. 19, л. 3.

Затем добавил, что приехал к брату не случайно, а специально за тем, чтобы посоветовать ему жениться на этой девушке. К великому моему удивлению, Сергей отнесся к этому вполне серьезно. Он стал подробно расспрашивать брата об этой девушке, а тот всячески нахваливал невесту. Кончилось тем, что Сергей Петрович и я поехали смотреть девушку.

— Давай посмотрим ее,— сказал ему я.— А там видно будет, что делать и как поступить, может быть, и сосватаем.

— Ну что ты,— возразил он,— так сразу... А вдруг она и ее родители с нами и разговаривать не захотят.

Родители невесты оказались приветливыми людьми. Отец ее, тяжело больной человек, старался выглядеть бодрым. Он понравился нам тем, что сочувственно отозвался о тяжелом положении рабочих. Дочь хозяев появилась несколько позже, и она очень приглянулась Сергею — он незаметно дал мне это понять. Тогда я стал поворачивать наш разговор на семейную жизнь, а потом и прямо заявил:

— Дорогие наши хозяева, а ведь мы пришли неспроста. Моему товарищу,— слукавил я немного,— давно приглянулась ваша дочь, и он просит у вас ее руки.— Я воздал должное Сергею, сказал, какой он честный и трудолюбивый человек, замечательный специалист-литейщик.

— Такие люди,— сказал я,— всем нравятся. Мне кажется, и ваша дочь, хотя, может быть, и впервые видит его, тоже это заметила.

Эта шутка вызвала улыбку у всех. Девушка тоже улыбнулась. Она покраснела, потупилась.

Родители стали говорить, что надо подумать, что сразу такие дела не делаются.

— Да и неизвестно еще, как сама Маша к этому отнесется,— добавил отец.

Тут я, набравшись смелости, решил рискнуть и полушутя-полусерьезно заявил:

— Конечно, это самое главное. Давайте вот сейчас и спросим Машеньку, нравится ли ей мой друг, пойдет ли она за него замуж.

Девушка зарделась пуще прежнего и вдруг неожиданно для нас всех тихо сказала:

— Я согласна.

Это и решило все. Вскоре состоялась скромная свадьба. Маша Бойко стала Марией Сергеевной Сараевой.

Сейчас мы вместе вспоминали наше сватовство.

— Ты, Сережа,— сказала Мария Сергеевна,— лучше помог бы Клименту Ефремовичу поскорее на работу устроиться. Ему на хлеб зарабатывать надо [1].

Мое вынужденное безделье все более затягивалось. Я бродил по городу в поисках хотя бы поденной или даже почасовой работы.

За это время я успел хорошо узнать Луганск. Город разрастался все шире и с правого берега Лугани, где расположен завод Гартмана, перешагнул на левый — левобережное село Каменный Брод постепенно слилось с городом.

На правом берегу Лугани находился также как бы особый район города, населенный ремесленным людом,— Гусиновка.

Между жителями этих трех районов существовала постоянная неприязнь и даже открытая вражда. Об этом не очень хочется говорить из уважения к славному прошлому и к тем революционным и трудовым традициям, которым следуют и которыми гордятся мои замечательные земляки — луганчане. Но правда есть правда, и от нее никуда не уйти.

Довольно часто жители этих районов, не только молодые, но иногда и весьма почтенного возраста, сходились в кулачных боях, стенка на стенку. Начиналось все с перебранок подростков, взаимных поддразниваний и оскорблений, метания камней друг в друга. Потом страсти разгорались, в ругань включались взрослые, стенки подступали одна к другой и разгорались такие побоища, что нередко кончались жертвами с той и другой стороны.

Вражда доходила до того, что жителям одного района опасно было заходить в другой. Гусиновцы ловили и избивали у себя луганчан, луганчане — гусиновцев, а каменнобродцы — тех и других. К этой войне, разумеется, не было

---

[1] Сергей Петрович и Мария Сергеевна Сараевы сыграли заметную роль в моей жизни. И позднее я не раз находил приют в их доме. Во время моего побега из архангельской ссылки в 1908 году квартира Сараевых была одной из моих явок в Луганске, но кто-то выдал ее, и я совершенно случайно не оказался в западне. Во время ночного налета полиции на эту квартиру Сергей Петрович был убит. В память о нем одна из улиц Луганска носит имя Сараева. Марию Сергеевну Сараеву не сломило это горе. Она приобщилась к революционной борьбе, а затем вступила в ряды партии. В годы гражданской войны она участвовала в боях, была награждена орденом Красного Знамени. Ее дети и внуки — достойные патриоты Родины. Ее внучка — известная писательница, Герой Советского Союза Ирина Николаевна Левченко.

никаких причин, и городские власти могли бы довольно быстро утихомирить враждующие стороны, но полиция смотрела сквозь пальцы на эти сборища и драки. Буржуазии и полиции была выгодна такая разобщенность простых людей. Но стоило только где-нибудь собраться даже небольшой группе рабочих, полицейские ищейки появлялись немедленно и разгоняли сходки, старались выявить их зачинщиков. Но в те годы, о которых сейчас идет речь, рабочие были еще весьма далеки от сознательной борьбы за пролетарскую солидарность и зачастую растрачивали свои силы вот в таких кулачных междоусобицах.

Луганск в результате промышленного развития фактически стал уездным городом. Но центром уезда все еще продолжал числиться Славяносербск, превратившийся в захудалый, заштатный городок.

Паровозостроительный завод Гартмана в то время насчитывал свыше 3000 рабочих и выпускал в год более двухсот паровозов, а также значительное количество паровозных и вагонных осей и рессор, котлов, цистерн, различных конструкций для железнодорожных мостов и другие изделия, а также сортовое, листовое, кровельное и оцинкованное железо, огнеупорный кирпич и большое количество медного, чугунного и стального фасонного литья.

Завод был выгодно расположен: на берегу Лугани, где речка делает большую петлю. На территории петли как раз и расположились заводские корпуса, здесь было удобно наладить и водоснабжение, и охрану завода. Одни заводские ворота находились у моста, соединяющего завод с Гусиновкой, а вторые выходили в противоположную от Лугани сторону. (Сейчас русло реки искусственно изменено.)

Меня очень интересовал именно этот завод — один из самых крупных на Украине, да, пожалуй, и во всей России. Мне очень хотелось побывать в его цехах, и однажды с помощью парня, с которым меня познакомил Сараев, я проник на заводскую территорию. Мы подробно осмотрели одну из мастерских, где работал мой новый товарищ, а потом незаметно обошли с ним почти все уголки завода.

Завод Гартмана был по тому времени весьма современным и благоустроенным предприятием. Помимо механических цехов он имел также крупные металлургические цехи — мартеновский, сталелитейный, чугунолитейный, листопрокатный и другие. Работа на заводе была весьма напряженной: люди находились на производстве по 12—13 ча-

сов; учитывая перерывы на завтрак и обед, фактический рабочий день составлял 11 с лишним часов, как и на всех других предприятиях города.

Наконец с помощью друзей мне удалось поступить на работу в мастерскую по ремонту заводского оборудования. Здесь же изготовлялись рефлекторы-отражатели для паровозных фонарей.

Вначале мне поручали различные мелкие работы, а потом определили на более или менее постоянное место — на специальный станок. Нечего и говорить, что работал я с большим прилежанием, трудился изо всех сил, не чувствуя никакой усталости. И как-то совсем не думалось о заработке — просто изголодался по работе, хотелось показать свою сноровку и умение.

За мое прилежание, а может быть и за мастерство, ко мне очень хорошо относились не только окружающие меня товарищи по работе, но и администрация мастерской. Таким образом, обстоятельства складывались пока что как нельзя лучше. Появились средства к жизни, новые знакомые. Стало веселее жить.

Однако я внимательно присматривался к заводским порядкам, и кое-что выбивало меня из колеи, заставляло задумываться.

Так, в проходных завода рабочих, уходивших домой, тщательно обыскивали. Причем делалось это в оскорбительной форме. Меня поразило, что рабочие относились к этому весьма равнодушно. Вполне понятно, что подобная процедура была применена и ко мне. На первый раз я стерпел, но потом, что называется, взорвался.

— На каком основании и для чего вы так грубо обыскиваете меня? — спросил я у заводских охранников-сторожей.— Я никогда и ничего не крал. Воров ненавижу так же, как и все честные люди. Почему же вы оскорбляете мое человеческое достоинство?

У тех глаза полезли на лоб, и они даже опешили от неожиданности. Наконец один из сторожей пришел в себя и ответил:

— Вы, наверное, новенький? Приказано так поступать со всеми рабочими. Не вас одного обыскивают.

— Но ведь это же произвол! — вновь возмутился я.— Нигде этого не делают.

Старший сторож объяснил мне:

— На заводе часто пропадают ценные цветные метал-

лы — олово, медь, алюминий. Их куски некоторые рабочие уносят с завода и перепродают.

— Воруют единицы, а вы оскорбляете тысячи,— продолжал я.

На этом мой протест и окончился. Но заводские доносчики быстро сообщили о дерзком разговоре кому следует, и я сразу же почувствовал это в особенно внимательном присмотре за мной заводского начальства. Правда, меня, как и всех других, продолжали обыскивать, но все чаще и чаще это стало походить скорее на простое исполнение ненужной формальности. Сторожа наспех и нередко с улыбкой проводили ладонями по моим карманам и махали рукой:

— Проходи!

Этот мой разговор с заводскими сторожами стал известен многим рабочим завода, заинтересовались им и в нашей мастерской. Рабочие и даже мастер хвалили меня.

— У нас в мастерской,— сказал мастер,— никогда воровства не было и нет. Зачем же из-за каких-то прохвостов всех рабочих срамить?

Некоторое время все в моей жизни шло спокойно. Один из рабочих, очень хороший товарищ, по фамилии, если не ошибаюсь, Серебряков, предложил мне поселиться у него на квартире. У них была свободна небольшая комната, и они уступили ее мне. У них же я и столовался за скромную плату.

Все шло как будто бы неплохо. Но однажды, в конце апреля 1903 года, меня неожиданно вызвал к себе начальник мастерской. Войдя к нему в конторку, я с первого взгляда понял, что меня ждет что-то недоброе. Начальник поздоровался как обычно и даже улыбнулся. После этого, несколько смутившись, сказал:

— Мы обязаны вас уволить с работы.

— Нельзя ли узнать, за что и по какой причине? Разве я плохо работаю? — удивился я.

— Причины я не знаю,— ответил он,— и работаете вы не хуже других. Но мы получили указание свыше.

Мои попытки выяснить какие-либо подробности ни к чему не привели. На второй день я был за воротами завода.

Таким образом, через каких-нибудь неполных три месяца я вновь оказался безработным, никому не нужным человеком. Голову переполняли всякого рода безрадостные мысли, душу бередили сложные чувства.

Теперь, когда пишу эти строки, я невольно вспоминаю рассказы некоторых лиц о старом Луганске и обо мне. Кое-кто из них утверждал, что после увольнения с завода Гартмана я будто бы вновь вернулся в Юрьевку и опять поступил работать на завод ДЮМО. Но это заблуждение: видимо, у рассказчиков многое стерлось из памяти. Меня слишком хорошо знали юрьевская полиция, пристав Греков, и там бы меня никогда не приняли на работу. Не мог я показаться в Юрьевку и по другой причине: там жили моя матушка и обе мои сестры, обремененные большими семьями. Мужья сестер работали на заводе ДЮМО, и мое появление в Юрьевке могло привести к тому, что их обоих за одно только родство со мной могли выбросить с завода, без какого-либо иного повода.

Начались мои новые скитания. Побывал я на близлежащих от Луганска шахтах и рудниках, а потом двинулся и в другие города Донбасса. Но мои поиски были бесплодными: работы для меня, как, впрочем, и для многих других, таких же, как я, нигде не находилось. Сотни и тысячи людей слонялись по рудникам, шахтам, заводам, и все они, так же как и я, страдали от голода и нужды, от тяжести безысходных переживаний.

ВРЕМЕННЫЕ ПРИСТАНИЩА

Безработица довольно долго гоняла меня по Донбассу, пока я не вспомнил о своем хорошем друге Акиме Николаевиче, по фамилии Токарь. Он был значительно старше меня, но всегда относился ко мне, как к равному. Это был горный мастер, младший брат одного из разорившихся шахтовладельцев. Мы познакомились с ним еще в Васильевке, когда я учился там в местной земской школе. Он часто приезжал в это село, чтобы проведать своего племянника Костю Токаря, учившегося вместе со мной в одном классе.

Бывая в Васильевской школе, Аким Николаевич угощал нас леденцами, а затем заходил к нашему учителю Семену Мартыновичу и подолгу беседовал с ним. Вот там, в семье Рыжковых, мы и сошлись с этим замечательным человеком и, несмотря на разницу в годах, стали большими друзьями.

Я узнал, что он работает на руднике Буроза, недалеко от Юзовского завода. Эти места были мне хорошо знакомы, и я отправился туда.

Аким Николаевич встретил меня радушно и обещал сделать все возможное, чтобы определить меня на какую-нибудь работу. Из его рассказов о руднике я понял, что это предприятие, как и другие, работает не на полную мощность и что у самого Акима Николаевича в последнее время установились неважные отношения с управляющим рудника и его помощником — инженером. Но он не унывал.

Приказав мне располагаться в его небольшой холостяцкой каморке как у себя дома, Аким Николаевич, уходя на шахту, похлопал меня по плечу и сказал:

— Живи, надейся, ешь и спи. Ни о чем плохом не думай.

Так начал я коротать день за днем на новом месте — руднике Буроза. Поиски работы ни к чему не приводили.

Аким Николаевич пытался развеселить меня, ходил со мной по рудничному поселку, показывал окрестности. Иногда мы дома, в его небольшой каморке, читали вслух Пушкина, Лермонтова, Некрасова или Никитина и восхищались их умением описывать жизнь, глубоко и ярко отображать переживания своих героев. Но чаще всего по вечерам, чтобы экономить керосин, мы подолгу разговаривали в темноте на самые различные темы, пока Аким Николаевич не засыпал, сморенный усталостью. Я же и после этого долго еще лежал на топчане с открытыми глазами, все думал и думал о своем: как жить дальше, чем занять себя на следующий день и куда податься, если усилия моего друга так и не увенчаются успехом.

Как-то в воскресенье Аким Николаевич предложил отправиться на одну бездействующую шахту (он давно уже обещал ознакомить меня с подземным хозяйством).

Спустившись в шахту, мы долго ходили по выработанным проходкам и штрекам. Аким Николаевич подробно объяснял мне, что к чему, показывал, как рубают угольный пласт, крепят кровлю, откатывают уголь и пустую породу. Мне было все интересно, хотелось представлять себе всю сложность горняцкого труда, как идет нарезка участков, как участки сообщаются друг с другом внутри одного угольного пласта и между разными горизонтами.

Удовлетворив мое любопытство, Аким Николаевич решил показать мне еще одно, как он сказал, совершенно исключительное геологическое напластование. Для этого он

свернул в сторону и повел меня по заброшенному штреку с особенно ветхим креплением. Было жутко идти меж покосившихся, а иногда и надломившихся, заплесневелых деревянных стоек.

Не успели мы пролезть через одно узкое место и свернуть за угол, где было чуть-чуть просторнее, как сзади послышался треск ломающейся крепи и гул падающей земли. Мы сжались в комок и пришли в себя лишь через какое-то время. Обоим нам было ясно, что сзади нас произошел обвал и мы заживо похоронены, замурованы в этой темной дыре. Но мой друг оказался настоящим горняком, человеком с поистине героическим характером.

— Ничего, Клим,— как можно спокойнее сказал он,— нам с тобой еще жить да жить. Попробуем выбраться. Я эти выработки немного знаю.

Он стал медленно, ощупью пробираться вперед, куда-то сворачивал, натыкался на тупики, возвращался обратно и снова сворачивал на какие-то боковые ответвления. Идти было трудно, кое-где приходилось пробираться на коленях, а в отдельных местах и совсем лежа. Но постепенно ходок расширился, и мы наконец вышли на одну из основных линий проходок.

Выбравшись на поверхность, мы еле держались на ногах и с огромным наслаждением вдыхали чистый воздух. Домой шли молча: каждый по-своему переживал случившееся.

Аким Николаевич был и прежде вспыльчивым человеком. Но к тому времени стал еще более раздражительным. Вскоре он по какому-то поводу рассорился со своим начальником и, будучи оскорблен им, в припадке гнева съездил его по физиономии. Это сделало его пребывание на руднике Буроза невозможным.

Следует сказать, что положение Акима Николаевича было не из легких. И без того частые придирки к нему начальства участились. Мне казалось, что одной из причин был я: по всей вероятности, администрация, рудничные чины догадывались о моей неблагонадежности, а может быть, и знали о том, что я преследуюсь полицией, как политический.

Аким Николаевич осунулся, побледнел. Но не терял бодрости и находил еще для меня ласковые слова.

Подумав, мы решили расстаться с этими местами.

— Только куда же мы двинемся? — спросил я Акима Николаевича.

Он долго молчал, думая о чем-то, как мне казалось, далеком-далеком: таким отсутствующим был его взгляд. Мне казалось, что он в это время не видит ни меня, ни скудного убранства нашего жилья, ни даже тусклого света в одиноком оконце. Но он, оказывается, видел все. Как-то вдруг повеселев, он решительно встал с убогого топчана и сказал твердо и решительно:

— На улице пасмурно, но нас это не удержит. Двинем на «Левестам». У меня там есть знакомые, и они как-то даже приглашали меня к себе, обещали неплохую работу.

Об антрацитовых копях «Верхний Нагольчик» я слышал, знал, что они принадлежат шахтовладелице Елизавете Андреевне Левестам. Предложение отправиться туда было заманчиво, но я решил не обременять своего бескорыстного друга.

— Ну, вот и отлично,— ответил я бодрым голосом, хотя мне и нелегко было произносить эти слова,— поезжай сначала ты один. А я пошукаю счастья в других местах, а потом заеду к тебе.

Он не стал возражать, повеселел.

Мы разъехались в разные стороны, и я долго еще колесил на своих двоих по Донбассу в поисках работы. Всюду встречались безработные, жить становилось невмоготу. Скрепя сердце я все же решил поехать к Акиму Николаевичу. Успокаивал себя тем, что он сам просил не отрываться от него и обращаться к нему за помощью в любую минуту.

Левестамовские рудники находились в нынешнем Антрацитовском районе Луганской области. Аким Николаевич Токарь работал там горным мастером, и вскоре я предстал перед его зоркими, с лукавинкой, глазами. Аким Николаевич обнял меня, расцеловал и упрекнул, что я долго не показывался.

Положение Акима Николаевича здесь было более прочное. Он был связан с конторой, знал, что там не хватает работника, и вселил в меня надежду, что это место отдадут мне.

Пока он вел переговоры, я не только познакомился с шахтами и постройками, но и побывал в некоторых рабочих семьях. Жили и здесь нелегко: на шахте было всего дватри деревянных домишка (именно домишка, а не дома — настолько они были малыми и убогими), все же остальное жилье составляли землянки — большие и малые. В больших

Здание на бывшей Караванной улице в Петербурге, где помещался склад большевистского издательства «Вперед».

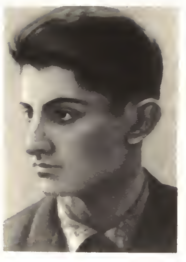
Общий вид Луганского железнодорожного вокзала в дореволюционные годы.

Общий вид вокзала в г. Териоки. Сюда неоднократно приезжал К. Е. Ворошилов за оружием для луганской большевистской организации.

В этом уголке Ботанического сада в Луганске чаще всего проводились рабочие собрания и митинги.

К. Е. Ворошилов —
рабочий завода Гартмана. 1903 г.

Я. И. Моргенштейн.

П. И. Пузанов — активный участник революционного движения в Алчевске и Луганске.

Каменоломня близ Луганска, где помещалась подпольная типография Луганского партийного комитета.

Оборудование и шрифты типографии луганских подпольщиков.

размещались рабочие артели, а в малых — десятники, конторские служащие и кое-кто из шахтной администрации.

Местность, на которой располагался рудник, была весьма живописной: равнина перемежалась холмами и оврагами, густо заросшими кустарником и бурьяном. По оврагам раскинулись небольшие рощицы. Все это, конечно, могло бы несколько скрасить жизнь людей, но условия их существования: тяжелый труд и вопиющая бедность — не оставляли времени для любования красотами природы. Мне же, свободному от всяких дел, все это бросилось в глаза, и я с наслаждением бродил по окрестностям рудничного поселка. Удивляло, что не было здесь привычных гор угля. Значит, антрацит вывозился полностью, и, как я узнал позднее, шахта, несмотря на интенсивную работу, даже не успевала выполнять заказы: антрацит здесь был отличный и пользовался спросом.

Наконец меня зачислили на работу конторщиком. Аким Николаевич, сообщив мне об этом, предупредил, чтобы я при представлении начальству не распространялся о своих скитаниях без работы.

Управляющего рудником инженера Фрезе, которому меня представили, я помню до сих пор. Это был среднего роста, живой и энергичный человек, сразу схватывавший суть дела, быстро принимавший решения. Встретил он меня очень любезно. Когда я высказал сомнение, что я еще не совсем хорошо знаю все тонкости конторского дела, успокоил, сказав, что работа мне понравится и я не только справлюсь с нею, но и вообще буду доволен своим положением. Он пояснил мне, что моим непосредственным начальником будет бухгалтер конторы.

— Ну, а если все же возникнут какие-либо затруднения,— добавил он в заключение,— обращайтесь прямо ко мне. Я всегда готов выслушать любого служащего и помочь ему.

Мои обязанности оказались несложными, но требовали внимания и усидчивости. Нужно было все записи и отчеты шахтной администрации о выработке угля обобщать в одной ведомости, вести ежедневный учет добычи угля каждой артелью шахтеров, заполнять табель выхода рабочих на участки. Готовые бланки я сдавал в бухгалтерию.

Через несколько дней я освоился с работой, почувствовал себя более уверенно. Никаких замечаний ни из бухгалтерии, ни от господина Фрезе не было. Разумеется, во всем

этом огромную роль сыграл Аким Николаевич. Он помогал мне советами, подсказывал, что и как надо делать.

Жили мы в землянке, бывшей бане, переоборудованной под жилье, и провели здесь немало интересных вечеров. В свободное время читали по очереди вслух и беседовали.

Аким Николаевич избегал разговоров о политике. Он откровенно заявлял мне, что политика и общественные вопросы его раздражают, и я, разумеется, старался не навязывать ему то, к чему не лежала его аполитичная душа.

В нашей хоромине едва размещались два деревянных топчана и небольшой стол. В углах плесень, а на земляном полу под нашими топчанами водились лягушки. Как только мы начинали что-либо есть, они вылезали. Их было штук десять, мы уже начали различать, какая из них где обитает. Мы бросали им объедки, и некоторые из них даже подпрыгивали вверх, чтобы на лету схватить пищу.

Любящий шутку Аким Николаевич говорил:

— Смотри, Клим, мои жабы культурнее твоих, не наседают друг на друга. А все потому, что я умею ими руководить.

Это нас занимало и веселило. Но такие минуты были сравнительно редко. Мы дорожили свободным временем, особенно я, чувствуя недостаток знаний, стараясь восполнить его усиленным чтением.

Однажды Аким Николаевич, читая какую-то книгу Фонвизина, натолкнулся на строчки:

О Клим! дела твои велики!
Но кто хвалил тебя? Родня и два заики.

После этого он часто обращался ко мне с этими словами, и я был долго безоружен перед ним. Но потом припомнил одно церковное выражение «аки мы», означавшее буквально «как мы» или «так же, как и мы». Используя эту игру слов, я стал иногда в свою очередь потешаться над другом:

— Все Акимы — аки мы.

Это действительно было недалеко от правды. И мы, и все наши друзья рабочие во многом были одинаковы: всех нас давила нужда и все мы не теряли надежды и бодрости, чтобы побороть ее. От сознания своей силы и молодости становилось легче на душе, и мы звонко, заливисто смеялись, хотя в целом-то наше существование было неважнецким и мы порой не знали, что нам пошлет бог на завтрак

или ужин. Если же удавалось заполучить что-либо на обед, то это было для нас настоящим праздником.

Аким Николаевич был старше меня, но в разговорах со мной, видимо, умышленно не хотел касаться социальных вопросов. Мытарства безработных он рассматривал как неизбежное явление, у которого нет ни конца, ни края.

Когда же я пытался доискиваться до истины, пытался выяснить, кто в этом виноват, он немного грустно улыбался и тут же строго останавливал меня:

— Ну, друг мой, это уже политика. А политика — не наше дело. Здесь не хуже, чем в других подобных местах,— заключал он.— Если рабочие сами об этом ничего не говорят, значит, они довольны. И нам с тобой нечего впутываться в это дело.

— А я и не собираюсь впутываться,— возражал я. Но он, как всегда, отмалчивался. После этого я уже не пытался приобщить его к обсуждению рудничных порядков. А порядки эти часто меня возмущали. Здесь существовала своеобразная система двойной эксплуатации рабочих — шахтовладельцами и подрядчиками.

За время своего вынужденного скитания по Донбассу в поисках работы я многое увидел и узнал о шахтах, а главное — о жизни и быте шахтеров.

Все рабочие шахт, рудников, копей делились обычно на артели. Во главе каждой из них стоял артельщик — доверенное лицо шахтовладельца. Артельщик являлся организатором артели, отвечал за ее выработку и материальное содержание, но сам в шахте не работал. Он вел все артельные дела с хозяевами шахты или рудника и от их имени снабжал рабочих артели всем необходимым: одеждой, обувью, питанием и уж конечно водкой.

За все это рабочие в день получки рассчитывались со своим «благодетелем»-артельщиком, который жил здесь же, рядом или вместе с ними, в одном большом помещении — землянке или бараке. При этом расчете почти весь заработок рабочих перемещался в карман артельщика.

Подобное положение существовало тогда на многих шахтах и стройках, но мне не приходилось близко соприкасаться с артелями. Поэтому, будучи конторщиком, я стал приглядываться ко всему этому, а иногда и беседовать с отдельными рабочими — членами той или иной артели. И, что было особенно характерно, рабочих ничуть не тревожило посредничество артельщиков, они считали это вполне есте-

ственным и нормальным. Постепенно мне стала ясна природа этих отношений. Они складывались еще до поступления этих бедняков на рудник или шахту, когда артельщики по договоренности с шахтовладельцами выступали в роли вербовщиков дешевой рабочей силы в деревнях соседних с Донбассом губерний. Именно тогда люди, ищущие работу, ехали на шахты и питались до первой получки за счет артельщиков, залезали в долги и попадали к ним в полную зависимость. Шахта «Левестам» не была в этом отношении каким-либо исключением. Особенно мне запомнились артельщики братья Просандеевы.

Братья Просандеевы были калужанами и в своей родной Калужской губернии вербовали из деревенской бедноты желающих работать на шахтах. Сформировав артель в 40—50 человек, они везли ее на шахту и там договаривались с администрацией о размещении людей в землянках и об условиях работы. Члены артели в обычном порядке, через контору, зачислялись на работу, и через шахтную бухгалтерию им начислялись деньги. Но братья-артельщики крепко держали в своих руках каждого привезенного ими на шахту, снабжали их всем необходимым и держали в день получки строгий и «справедливый» расчет за хлеб-соль, за обувку, за выпитое зелье — за все, что было и не было выдано рабочим.

Просандеевы не знали грамоты и весь учет вели весьма своеобразно: на каждого рабочего они имели специальную деревянную бирку — небольшую четырехгранную палочку в палец длиной — и на ней различными насечками отмечали, что и сколько было взято каждым членом артели. Точность учета была сомнительна, но слово артельщика являлось законом, а страх остаться без работы держал людей в покорности и повиновении.

Иногда в день получки можно было наблюдать такую картину. Бородатый или молодой член артели пытался усовестить одного из братьев Просандеевых:

— Иван Степанович, побойся бога, да разве мог я столько выпить?

Просандеев надувался, как индюк, и разыгрывал оскорбленную невинность:

— Так что ж, я тебя обманываю? Если так, то я счищу все и пусть мое пропадает.— Сказав это, он доставал нож, делая вид, что хочет заровнять на учетной палочке зарубки. Но все члены артели знали, что если бы случилось такое,

то они в дальнейшем лишились бы всего: и работы, и возможности брать в долг, и вообще обрекали себя и семью, ожидавшую где-то в деревне кормильца, на нищенскую жизнь. Без Просандеевых им не устроиться. Поэтому каждый из них сразу же осекался и уже совсем другим голосом, заискивая, а иногда и плача, говорил:

— Что ты, что ты, Иван Степанович, оставь уж. Я ведь так, мне показалось.

И бедняга залезал в новый долг, а на бирке появлялась еще одна насечка.

Возможно, конечно, что обман был и не так велик, как мне думалось,— уж очень много водки пили все рабочие на шахте. Она была единственным их утешением в горе и развлечением в радости. Ничего иного, казалось, люди и не знали. Меня возмущало все это, и я не раз намеревался поговорить об этом с управляющим рудником Фрезе, но так и не решился: оказаться вновь безработным не хотелось.

Работал я усердно. Скоро мне поручили ежедневно к 8 часам утра доставлять управляющему для подписи прямо на квартиру ведомость о работе шахты за прошедший день. Обычно я проходил коридором к кабинету господина Фрезе, стучался, перед тем как войти, а если не было ответа, просто входил в кабинет и клал на стол бумаги; так распорядился он сам. Однако он редко отсутствовал и почти всегда в положенное время был на месте. Подписав ведомость, он молча кивал головой, давая понять, что других дел у него ко мне нет и я могу вернуть ведомость в бухгалтерию.

Но однажды, когда я, ничего не подозревая, открыл входную дверь и сделал лишь несколько шагов по коридору, на меня неожиданно набросилась огромная собака. Могучие собачьи лапы прижали меня к полу, перед глазами была оскаленная пасть и злые глазищи разъяренного волкодава. Я даже не понял, споткнулся ли я, отпрянув назад, или упал от толчка, и лишь почувствовал, что лежу на спине (до сих пор удивляюсь, как моментально все это произошло и как я не разбил голову о стену или об пол).

Я лишь начал приходить в себя, когда в глубине коридора послышался женский крик. Моя спасительница звала собаку и наконец, оказавшись вблизи нас, приказала псу убираться вон. Волкодав медленно снял с меня сначала одну, а затем другую лапу и нехотя отошел в сторону. Женщина участливо склонилась надо мной.

— Ах, какая неприятность, какая неприятность! — повторяла она.— Вы не ушиблись? Он не покусал вас?

Почувствовав себя в безопасности, я поднялся с пола и с упреком сказал ей:

— Что же вы делаете? Если я простой рабочий, то меня можно травить собаками?

— Простите, пожалуйста,— оправдывалась она.— Я жена управляющего и только сегодня ночью прибыла сюда, к мужу. Собаку я привезла с собой и совсем не предполагала, что кто-то придет сюда так неожиданно.

В это время к нам подошел господин Фрезе и, узнав, в чем дело, взял всю вину на себя.

— Это я во всем виноват,— сказал он.— Надо было бы предупредить прислугу. Но сейчас уже ничего не поправишь. Извините за доставленную неприятность, извините.

На этом и закончилось это надолго запомнившееся мне происшествие. Вечером я все рассказал Акиму Николаевичу. Он возмутился и стал отчаянно ругать хозяйку. Он так разошелся, что у него по лицу прошел нервный тик, и мне самому пришлось успокаивать моего друга.

Работа в конторе не давала мне удовлетворения, но хорошо, что у меня была крыша над головой, хоть раз в день горячая пища. И вот все это вновь оборвалось. Вскоре после происшествия с волкодавом меня пригласили к управляющему, и он заявил мне:

— Оказывается, вы, господин Ворошилов, неблагонадежный человек. Мы получили предписание полиции о вашем немедленном увольнении. Можете получить расчет.

Получив в конторе свой заработок — немногим более тридцати рублей,— я поспешил к Акиму Николаевичу. Мой друг был огорчен и лишь разводил руками. Сказав мне в утешение несколько слов, он пожал мне руку и молча на прощание обнял меня.

Так мы расстались с Акимом Николаевичем — моим милым другом и наставником юношеских лет. С тех пор мы больше не виделись, хотя и переписывались изредка. Потом я совсем потерял его из виду и только спустя значительное время, уже после Октябрьской революции, узнал, что он избирался председателем одного из сельсоветов в Харьковской губернии, работал горным десятником на многих шахтах и рудниках Донбасса. В 30-е годы доходили до меня отрывочные сведения о том, что его собираются удостоить звания Героя Труда (тогда еще не было официального при-

своения титула Героя Социалистического Труда). Помнится, я поддержал это предложение, однако как сложились после этого дела Акима Николаевича Токаря, мне так и не довелось узнать: закружили всякого рода большие и малые дела.

Но в те далекие дни, в начале XX века, светлый образ друга долго кочевал вместе со мной, и я всегда мысленно советовался с ним при всяких критических моментах. А их было немало.

На этом, пожалуй, и можно было бы закончить рассказ о пребывании на руднике Буроза и угольных копях «Левестам» — временных моих пристанищах. Но остался в памяти еще один эпизод, относящийся к тому времени.

Рудник «Левестам» был расположен вблизи железнодорожной ветки, которая выходила на магистраль Харьков — Ростов. До ближайшей станции Щепово было километров семь-восемь. Поезда здесь ходили крайне редко, в основном грузовые, и поэтому я, получив расчет, решил пройти это расстояние пешком.

Было раннее утро, солнце еще не успело высушить росу, и все дышало свежестью. Я шагал вдоль железнодорожного полотна и прикидывал, где я еще не бывал и куда направиться вновь, чтобы найти хоть временный приют и работу. Не придумав ничего, решил побывать в Луганске, благо деньги на билет были. А там, подумал я беспечно, видно будет.

В это время мое внимание привлекла небольшая группа людей, которая вела себя как-то очень странно. Четыре человека сначала оврагами, а потом и по ровному месту гнались за пятым. Мне показалось подозрительным, что преследуемый человек бежит не по ровной дороге, а по бездорожью, стараясь зайти наперерез мне. Почувствовав неладное, я побежал. Преследователи упорно меня настигали. Наконец мне удалось свернуть к железнодорожной ветке, подняться на насыпь, и я помчался по шпалам железнодорожного полотна.

Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не подоспел нагруженный антрацитом железнодорожный состав, идущий от рудника к станции. Дорога шла на подъем, и паровоз подходил ко мне довольно медленно. Я поднял руки и закричал машинисту, чтобы он взял меня к себе.

Машинист протянул мне руку и помог взобраться на подножку.

— Я давно заметил, как они намеревались взять тебя в клещи,— сказал он.— Твое счастье, что наш поезд оказался тут как тут. А то бы скверно тебе пришлось.

— А может быть, они все же гонятся за тем, пятым? — усомнился я.

— Нет, нет,— возразил мой спаситель.— Сразу видно, что это одна компания.

Вскоре и я убедился в этом. С изгиба дороги стало видно, что «преследуемый» остановился, вскоре к нему подбежали и остальные.

На станции, когда, распрощавшись с машинистом и горячо поблагодарив его, я бесцельно бродил по платформе в ожидании проходящего поезда, мне вновь попалась эта группа. Тот, что бежал мне наперерез, бросал в мою сторону особенно злобные взгляды. Но тут, среди людей, я был в полной безопасности.

Кем были они, эти парни, и что им было нужно от меня? Быть может, их интересовала моя последняя получка, а возможно, у них была и иная цель: рассчитаться со мной по заданию полиции. И в том, и в другом случае встреча с ними в глухом безлюдье не предвещала мне ничего хорошего. Но задумываться было некогда. Я направился к железнодорожной кассе.

Через некоторое время подошел пассажирский поезд. Я с особенной радостью сел в вагон, и состав тронулся в направлении Луганска. Но что ожидало меня впереди?

ОПЯТЬ В ЛУГАНСКЕ

Какое-то время я слонялся здесь без работы и уже собирался ринуться куда-нибудь еще. Но однажды на улице встретил Семена Мартыновича Рыжкова. Оказалось, что он навсегда покинул Алчевск и теперь заведует школой при паровозостроительном заводе Гартмана. Нашей радости не было границ, но, узнав о моих мытарствах, Семен Мартынович расстроился. Он обещал подумать и помочь мне.

— Уволили тебя с завода явно несправедливо,— успокоил он меня,— и я постараюсь, чтобы ты вновь вернулся сюда.

Я сомневался, что это возможно, боялся, как бы хлопоты обо мне не повредили Рыжкову: ведь у него была семья, дети.

Как он охарактеризовал меня начальству, не знаю. Видимо, очень хвалил, заверял, что ни в каких политических делах я не замешан, что все неприятности начались из-за истории с приставом Грековым. Но так или иначе, а я вновь попал на завод Гартмана. Семен Мартынович писал об этом в 1935 году в статье «Военморнарком Ворошилов (личные воспоминания)»: «Я устроил его у своего доброго знакомого, начальника мартеновского отдела, инженера Граана, машинистом на мостовом кране. Я не скрыл от Граана прошлого Ворошилова»[1].

С инженером Грааном мне тогда встретиться не довелось. Семен Мартынович свел меня с другим человеком, который, думается, получил соответствующее указание от Граана,— с мастером электроотдела завода Вендеровичем.

— Вот, Моисей Моисеевич, пополнение вам,— сказал ему Рыжков, представляя меня.

— А кто он такой? — последовал вопрос. Но Семен Мартынович не был склонен рассказывать обо мне подробно. И сразу дал понять это чересчур любопытному мастеру.

— Вы меня знаете? — спросил он его.

— Знаю.

— Ну, так он мой ученик и воспитанник.

Так я вновь оказался на гартмановском заводе. Ко мне присматривались, и я временно находился в роли подручного у опытного машиниста-крановщика. Но вскоре меня поставили на самостоятельную работу.

Я старался делать все точно и аккуратно. Ведь рядом были товарищи, разливавшие расплавленный металл. Одно неосторожное движение могло стать причиной их гибели. Много лет спустя мне было приятно прочитать строчки, написанные обо мне мастером Вендеровичем: «Он был хорошим, квалифицированным, знающим машинистом. Надо сказать, что чугунное литье — это ажурная работа. А он справлялся с ней превосходно»[2].

Я близко сошелся с рабочими цеха и довольно быстро стал, что называется, своим человеком в большом заводском коллективе. Может быть, этому способствовало то, что кое-кто еще помнил меня и мой бунт в проходной, когда я протестовал против обысков и унижения рабочих. Возможно, что рабочие-дюмовцы, перебравшиеся из Алчевска в Луганск, рассказали о моей прежней жизни и моих

[1] «Последние новости» (Чехословакия), 28 июля 1935 года.

[2] «На службе пролетарской революции». Воениздат, 1931, стр. 32.

скитаниях. Во всяком случае, меня не только приветливо встречали во всех цехах, мне доверяли, тянулись откровенно поговорить со мной. Так незаметно для себя самого я стал все более и более входить в круг заводских дел, проникаться общественными интересами.

Многие делились со мной новостями, рассказывали о встречах с интересными людьми, а иногда и о таком, что можно было доверить только надежным людям,— о прокламациях, тайных сходках рабочих-революционеров, о ленинской «Искре».

С каждым днем я лучше узнавал заводскую жизнь, видел в ней отражение жизни страны в целом, тяжелой и напряженной классовой борьбы рабочих с капиталистами — за жизнь, за хлеб, за само существование. И хотя в общениях рабочих-революционеров между собой существовала строгая конспирация, мне стали известны подробности революционного движения в Луганске и за его пределами. Более полно я узнал это позднее, по книгам и документам.

Зарождение социал-демократической организации в Луганске было связано с именем Владимира Ильича Ленина, с деятельностью созданного им в 1895 году петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и возникших по его примеру в 1897 году «Союзов борьбы» в Киеве и Екатеринославе. В Екатеринославе, в частности, большую роль в объединении местных марксистских кружков в единую социал-демократическую организацию сыграл сосланный сюда из Петербурга рабочий Иван Васильевич Бабушкин — верный ученик В. И. Ленина. Значительный вклад в укрепление этой организации внес и другой член ленинского петербургского «Союза», рабочий Василий Андреевич Шелгунов. При их активном участии екатеринославская социал-демократическая организация тесно связалась с Петербургом, установила контакты с Москвой, Киевом, Харьковом, Уралом и рядом других мест. Все это не могло не сказаться и действительно сказалось на развитии революционного движения в Луганске, который экономически тяготел к Екатеринославу и входил тогда в состав Екатеринославской губернии.

Именно из Екатеринослава получили луганские пролетарии практическую помощь в создании первого социал-демократического кружка.

В 1900 году в Екатеринослав из архангельской ссылки прибыл член ленинского петербургского «Союза борьбы

за освобождение рабочего класса» Константин Максимович Норинский — друг И. В. Бабушкина и В. А. Шелгунова. Однако, обнаруженный полицией, он был вынужден в том же году переехать в другое место. Так он оказался в Луганске, на гартмановском заводе, где работал машинистом паровоза. Подлинный ленинец, Норинский сразу наладил связь с наиболее сознательными рабочими и приступил к пропаганде среди них марксистско-ленинских идей.

Квартира его помощника на паровозе И. Ф. Ткаченко стала местом сбора рабочих. Здесь он разъяснял им основы марксизма, рассказывал о петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» и его организаторе Владимире Ильиче Ленине. Здесь же читали художественные произведения, проникнутые духом ненависти к угнетателям, борьбы за свободу,— «Овод», «Спартак», стихи Пушкина, Некрасова, Шевченко. В числе постоянных участников этих сборов были Иван Федорович Ткаченко, его брат Роман Федорович Ткаченко, Николай Николаевич Болдырев, Яков Израилевич Моргенштейн, его сестра Любовь Моргенштейн и другие.

Так постепенно оформлялся луганский социал-демократический кружок, сплотивший вокруг себя наиболее стойких и революционно настроенных рабочих. Приезд в Луганск Василия Андреевича Шелгунова еще более оживил работу. Вспоминая об этом, В. А. Шелгунов писал впоследствии: «После ссылки я направился в Луганск, где жил мой товарищ Норинский Константин Максимович. Около Константина Максимовича тогда уже группировался небольшой кружок. Я сразу же принял участие в работе этого кружка» [1].

Руководство луганским социал-демократическим кружком таких опытных революционеров, как В. А. Шелгунов и К. М. Норинский, благотворно сказалось на его деятельности. Наиболее активные члены этого кружка стали чаще общаться с рабочими других заводов, проводили среди них агитационную работу, читали им прокламации, получаемые из Екатеринослава и Ростова. Все это сказывалось на политическом просвещении рабочих. Успешно прошла организованная членами кружка в мае 1901 года конспиративная рабочая маевка.

[1] «История Екатеринославской социал-демократической организации. 1899—1903 гг.», стр. 265—266.

«Жизнь наша,— вспоминал позднее об этой поре своей деятельности К. М. Норинский,— сделалась весьма интересной. Горизонты наши час от часу расширялись. Молодежь наша рвалась в бой. Чувствовался недостаток литературы (брошюр, листовок). Пришлось подумать о получении транспорта с литературой. У нас установились связи через Ткаченко с его братом Романом Федоровым Ткаченко (разметчик завода Гартмана и паровозных мастерских). Болдырев расширил работу в железнодорожных мастерских, где он служил, Люба Моргенштейн через брата имела связь с городом»[1].

В. А. Шелгунов и К. М. Норинский прошли большую жизненную школу, были закалены в борьбе с самодержавием и буржуазией, являлись активными участниками первых марксистских кружков в Петербурге — П. В. Точисского (1885—1887) и М. И. Бруснева (1888—1889). Василий Андреевич Шелгунов с 1893 года был лично знаком с В. И. Лениным, по его просьбе подбирал передовых петербургских рабочих в марксистский кружок, в котором Владимир Ильич проводил занятия. Объединение этих кружков и положило начало ленинскому петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса».

Константин Максимович Норинский также был знаком с В. И. Лениным, являлся его верным соратником.

Заслуга В. А. Шелгунова и К. М. Норинского не только в организации марксистских кружков и развертывании массовой агитации на предприятиях Луганска, но и в направлении всей этой деятельности к определенной цели — созданию условий для объединения передовых рабочих в единую социал-демократическую организацию. Именно они подготовили здесь ту почву, на которой в дальнейшем укрепились всходы искровского, ленинского направления.

Как известно, ленинский план построения в нашей стране марксистской партии нового типа предусматривал в качестве исходного пункта и основного звена для осуществления этого плана создание общерусской политической газеты. Такой газетой стала созданная В. И. Лениным «Искра», первый номер которой вышел за границей 11(24) декабря 1900 года. Ленинская «Искра» развернула настойчивую принципиальную борьбу против «экономи-

[1] «История Екатеринославской социал-демократической организации. 1899—1903 гг.», стр. 277.

стов», эсеров, мелкобуржуазных националистов, либералов, ревизионистов всех мастей и оттенков и сосредоточила основное свое внимание на выработке программных, тактических и организационных принципов революционной партии пролетариата. Создание партии стало главной целью «Искры», и об этом говорилось в передовой статье первого номера газеты «Насущные задачи нашего движения», написанной В. И. Лениным.

«Перед нами,— писал Владимир Ильич в этой статье,— стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного» [1].

Да, к «Искре» действительно потянулось все честное, передовое. Агенты «Искры» не только доставляли и распределяли газету, но и были надежными связными искровского центра с местными организациями, способствовали быстрейшему преодолению разброда и шатаний в местных кружках и комитетах и сплочению их в масштабе всей страны на прочной идейной основе. В числе агентов «Искры» и активных работников искровских групп были И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов, Г. И. Петровский, Ф. А. Сергеев (Артем) и другие. Находясь в Луганске, В. А. Шелгунов неоднократно ездил в Полтаву, где был распределительный пункт нелегальной литературы, и привозил оттуда литературу революционно настроенным рабочим Луганска.

Внезапный отъезд из Луганска в 1901 году К. М. Норинского из-за создавшейся опасности провала, а затем и В. А. Шелгунова хотя и привел к некоторому ослаблению работы созданных ими социал-демократических кружков, но под воздействием искровских идей революционное движение рабочих сумело быстро оправиться и в дальнейшем приобрело еще более широкий размах.

Получая помощь и поддержку от Екатеринославского и Харьковского социал-демократических комитетов, луганские рабочие все более вовлекались в общепролетарское революционное движение. В конце 1901 — начале 1902 года в

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 376—377.

Луганске возник социал-демократический союз горнозаводских рабочих. В январе 1902 года он вошел в только что созданный «Социал-демократический союз горнозаводских рабочих юга России», объединивший организации Бахмута, Луганска, Мариуполя, Таганрога, Щербиновки, Юрьевки.

Определенное воздействие на усиление революционной работы в Луганске оказала деятельность Донского комитета, руководимого в то время стойкими искровцами С. И. Гусевым и И. И. Ставским. В своем обращении «Ко всем социал-демократическим организациям России» комитет убеждал их объединиться вокруг «Искры» как руководящего органа. В обращении указывалось, что повести рабочий класс на революцию сможет «только централизованная партия, могучая своим единством, несокрушимая своей теоретической устойчивостью, дисциплинированная и стройно организованная» [1].

В 1902 году луганские революционные кружки объединились в социал-демократическую организацию, и тогда же оформился Луганский комитет РСДРП. Во главе его стал Я. И. Моргенштейн (Павел).

Многое из всего сказанного я знал уже тогда от своих луганских товарищей. Внутренне я гордился тем, что являюсь частицей могучего рабочего класса России, который уже показал самодержавию и капиталистам свою великую силу в знаменитой Обуховской обороне (май 1901 года) и в большой Ростовской стачке (ноябрь 1902 года). Мне были известны слова В. И. Ленина: «...дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!» [2] За создание такой организации, марксистской партии нового типа и боролась «Искра». И я уже тогда сознавал, что мое место там, в рядах ленинской партии.

Еще в пору своих скитаний по Донбассу и югу России я установил довольно прочные связи со многими своими единомышленниками — рабочими и с небольшими группами революционеров — на заводе ДЮМО, на рудниках Лозовой Павловки, Жиловки, в Луганске и некоторых других местах. Эти люди тогда еще не были связаны ни с каким центром, действовали разобщенно, но вместе с тем представляли собой вполне подготовленный материал для вовлечения их в активную революционную деятельность. Общение

---

[1] «Искра» № 35, 1 марта 1903 года.

[2] *В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 127.

с ними не только расширяло мои представления о жизни, но и помогало моему политическому просвещению, а также вырабатывало во мне некоторые организационные навыки.

Во мне зрело классовое самосознание, росла ненависть к буржуазии и самодержавию; я рвался к борьбе за рабочее дело, против всех тех, кто эксплуатирует и угнетает трудящихся. Все это и привело меня в ряды ленинской партии. Именно ленинской, потому что я, после того как впервые услыхал имя В. И. Ленина и все более узнавал о его неутомимой борьбе за сплочение наиболее сознательной части рабочего класса в боевую революционную партию, глубоко поверил ленинской правде. Ленин занял в моем сознании какое-то особое, главное место.

Мой путь в партию не был извилистым, но он был в то же время весьма своеобразным. Фактическую свою принадлежность к рабочему социал-демократическому движению я мог бы отнести к 1898 году, когда я вместе со своими ближайшими товарищами — Иваном Алексеевичем Галушкой, Павлом Ивановичем Пузановым, Дмитрием Константиновичем Параничем и другими передовыми рабочими создал революционную группу на заводе ДЮМО, в Алчевске, но то были лишь первые робкие шаги моей революционной деятельности, и понадобилось известное время для того, чтобы в полном смысле созреть для вступления в партию, для сознательной революционной работы в массах. Такая пора наступила как раз в тот момент, когда я вторично поступил на работу на гартмановский завод и когда во всей стране стал чувствоваться революционный подъем, предшествовавший первой революционной буре в России — революции 1905—1907 годов.

Вступлению в партию предшествовало накопление определенных революционных убеждений, становление определенных качеств, без которых человек не может считать себя, вернее, являться сознательным и непреклонным борцом за революционное дело,— непримиримой идейной стойкости, беспредельной верности партии и народу, стремления отдать все силы революционной борьбе, готовности ради победы общего дела пойти на любые испытания.

Все это приходило к нам, молодым рабочим той поры, не сразу и у каждого по-своему. Но постепенно, по крупицам, набирались знания, опыт, решительность и выдержка, и наступала пора, когда жажда революционной деятельности становилась содержанием и смыслом всей жизни. Так

пополнялись в то время ряды профессиональных революционеров.

Именно в ту пору товарищи, достаточно присмотревшись ко мне, стали приглашать меня на нелегальные собрания, посвящать во все свои дела, давать мне отдельные поручения, а иногда и советовались со мной, считались с моим мнением, находя его, как видно, разумным, дельным.

В октябре 1903 года я навсегда связал свою судьбу с партией: стал членом РСДРП, большевиком.

Следует сказать, что в то время, в обстановке подполья и строжайшей конспирации, оформление приема в партию проходило особым образом. Человек проверялся в условиях острейшей классовой борьбы и полицейских преследований, за него ручались те, кто хорошо его знал и был твердо уверен, что не приведет в ряды партии какого-либо провокатора в рабочем обличье, а такие случаи тогда, к сожалению, бывали. За всякий промах приходилось платить дорогой ценой: потерей наиболее стойких революционеров, арестами, ссылками, каторгой. Никаких следов оформления в партию не оставалось, не было и партийных билетов. Члены партии были связаны друг с другом нерушимыми идейными связями и огромным доверием друг к другу, к вышестоящим партийным комитетам. Чаще всего посланцы комитетов, профессиональные революционеры, приезжая на места, являлись в подпольные партийные организации на известные центру явочные квартиры. Они никому не сообщали своих подлинных фамилий, имели конспиративные клички, и им безгранично верили, точно выполняли все их указания. Это была подлинно железная дисциплина, и я воспринял ее как суровую необходимость.

В марте, мае и июле 1903 года полиция арестовала наиболее активную часть работников Луганского комитета — Якова Моргенштейна, Яковлева, Крупицкую, Скопникову и других, при этом (в мае) был захвачен весь архив комитета, ликвидирован гектограф, на котором печатались прокламации — «летучие листки». Это создало в организации определенные трудности. Однако избежавшие ареста социал-демократы гартмановцы Агапов, Дайков, Перчихин, Ткаченко-Петренко, Уваров, Цукублина, Шушер и другие сумели сохранить организацию и помогли рабочим патронного завода наладить работу социал-демократического кружка.

В то время в Луганске было два революционных рабочих кружка: на заводе Гартмана и на патронном заводе,—

в них занималось в общей сложности лишь 25 человек. В идеологическом отношении они были очень слабо подкованы и не определили еще четко своего отношения к той напряженной борьбе, которая проходила тогда в партии между большевиками и меньшевиками. Это объяснялось тем, что луганская социал-демократическая организация испытывала на себе влияние меньшевистского «Донецкого союза», в состав которого она входила в то время.

Еще во время первого пребывания на заводе Гартмана я знал о «летучих листовках». Они были популярны среди рабочих. В них печатались прокламации. В одной из них, «К рабочим механического отдела завода Гартмана», направленной против начальника паровозо-механического и сборочного отделов, верного холуя хозяев завода инженера Таусcона, указывалось, что он безвинно рассчитал 12 рабочих и с помощью полиции засадил их в тюрьму без всякого суда и следствия, что он намерен уменьшить расценки, ввести новую систему штрафов, перенести выдачу получек по субботам с дневного на вечернее время, составил список на увольнение 97 рабочих. Сообщалось также, что Тауссон направил в мастерские целые стаи полицейских, окружил рабочих шпионами и сыщиками — Асташовым, Бражевым и Зимониным.

«Сам он ходит под охраной полиции,— говорилось в прокламации,— возле квартиры его устроены посты для городовых. Зачем все это? Подумайте, товарищи, ведь если он прав и совесть его чиста, то чего бы ему так бояться? Вероятно, чувствует он, что, угнетая, притесняя рабочих, нельзя ожидать от них за это благодарности. Да и можно ли безнаказанно отнимать у рабочего последние крохи, рассчитывать их только за то, что они начинают понимать, что их грабят, уменьшать произвольно и без того уже невысокие расценки. Это грабеж, товарищи. Это наглое обирательство рабочего под прикрытием воровской полиции и заправил заводских. Это гнусное насилие над нами, переносить которое мы не можем.

...Где же нам искать защиты? Не у правительства же, которое потакает всем капиталистам и чиновникам, устраивает кровавые бойни, как это было недавно в Ростове. Понятно, что нам самим нужно бороться с врагами — капиталистами и правительством...» [1]

---

[1] «Центральный архив революции» № 4, ч. 18, л. 2.

Мне нравился этот боевой тон обращения социал-демократов к рабочим, и я мысленно соглашался с каждым его словом. В дальнейшем, уже в пору новых скитаний в поисках работы, я в одном из номеров «Искры» прочитал, что Луганский комитет солидарен с Российской социал-демократической рабочей партией [1], и мне вновь тогда захотелось вернуться на Луганский паровозостроительный завод Гартмана, чтобы влиться в ряды партии и вместе с нею продолжать борьбу с самодержавием, помещиками и буржуазией.

И вот я снова здесь, принят в партию и должен сделать все возможное, чтобы каждый революционно настроенный рабочий четко определил свое отношение к большевикам и меньшевикам, твердо стал на ленинские позиции.

Поскольку мне уже было кое-что известно о работе II съезда РСДРП, став членом партии, я постарался разъяснить суть разногласий между большевиками и меньшевиками прежде всего своим близким товарищам, работающим на гартмановском заводе,— И. И. Алексееву, Т. Л. Бондареву, В. Е. Евтушенко, С. К. Крюкову, И. Д. Литвинову, И. Н. Нагих, А. Я. Пархоменко и другим. С их помощью удалось провести обсуждение этих вопросов в социал-демократических кружках, и я с радостью узнал, что многие рабочие поддерживают В. И. Ленина, большевиков. Так постепенно мы помогли основной массе луганской организации хорошо понять, что меньшевики представляют собой оппортунистическое крыло партии, являются сторонниками того, чтобы двери в партию были открыты для всех желающих, а не только для подлинных революционеров. Мы, рабочие, были против этого, и нашим интересам более всего соответствовала точка зрения В. И. Ленина: «Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!), чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии» [2].

Уяснив, таким образом, самим себе, что II съезд партии и принятый на нем Устав ознаменовали собой переход от кустарщины и кружковщины к единой всероссийской партийной организации, основанной на принципе демократического централизма, мы решили укрепить в наших рядах

---

[1] «Искра» № 39, 1 мая 1903 года.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 290.

дисциплину и еще теснее связать луганскую социал-демократическую организацию с подлинно ленинским руководящим центром. Поэтому нам пришлось прежде всего точно уяснить позицию «Донецкого союза», с которым мы до этого были связаны. Анализ его деятельности убедительно показал нам, что там существует засилье меньшевиков, с которыми нам было явно не по пути.

В интересах справедливости необходимо отметить, что Донской комитет РСДРП и созданный по его инициативе социал-демократический «Союз горнозаводских рабочих» сыграли положительную роль в подъеме и расширении социал-демократической пропаганды и в оформлении социал-демократических организаций в Луганске и других промышленных центрах Донбасса. Во время работы в Ростове таких видных ленинцев, как С. И. Гусев, И. И. Ставский, А. В. Шестаков, луганская организация получала от них большую и действенную помощь. Являясь одним из руководителей «Союза горнозаводских рабочих», А. В. Шестаков побывал в 1902 году в Алчевске, Луганске, Мариуполе, Юзовке на ряде шахт и рудников и многое сделал для оживления работы на местах. «Везде удалось,— писал он,— разыскать отдельных товарищей, даже группы их, оставить немного литературы и подготовить план массового распространения прокламаций» [1].

Однако в дальнейшем, в связи с выездом из Ростова наиболее стойких товарищей, в руководстве «Союза горнозаводских рабочих» оказались мелкобуржуазные, неустойчивые интеллигенты, которые допускали резкие колебания в политической линии и практической деятельности. Особенно наглядно это обнаружилось в его отношении к ленинской «Искре» и во всей деятельности, связанной с подготовкой ко II съезду РСДРП и с участием его представителя в работе этого съезда.

Видные работники «Союза горнозаводских рабочих» Машинский, Балабанов, Зборовский и другие, с одной стороны, признали Организационный комитет, созданный «Искрой», как центр по созыву II съезда РСДРП и как фактический Центральный Комитет, а с другой — продолжали поддерживать и укреплять свои связи с такими отъявленными «экономистами», как Мартынов, Кричевский, Акимов-

[1] *А. В. Шестаков.* Мои воспоминания. «Пролетарская революция», 1921, № 1, стр. 161—162.

Махновец, помещали свои корреспонденции в органе «экономистов» «Рабочее дело». Так и не порвав окончательно с «экономизмом», они намного позднее других, и то с оговоркой, признали «Искру» и «Зарю» руководящими органами партии и «Союза».

Будучи делегатом от «Союза горнозаводских рабочих» на II съезде РСДРП, И. Н. Машинский (Львов) по всем основным вопросам, обсуждавшимся на съезде, был в числе «средних оппортунистов» («болото») и вполне закономерно оказался в лагере меньшевиков. Вернувшись со съезда, он повел борьбу против Ленина и решений II съезда. Заслушав доклад Машинского об итогах II съезда РСДРП, комитет «Союза» принял меньшевистскую резолюцию и, даже не выслушав мнения местных организаций, входящих в состав «Союза», направил ее в редакцию «Искры» от имени всего «Союза горнозаводских рабочих». В. И. Ленин в связи с этим был вынужден в октябре 1903 года послать «Союзу горнозаводских рабочих» специальное письмо с просьбой ответить на ряд поставленных им вопросов, и в частности на такой: находит ли комитет нормальным принимать резолюцию с оценкой действий и решений съезда раньше, чем вышли протоколы, выслушан представитель большинства и выяснено, что комитету неясно? Ответ на это письмо был выдержан в меньшевистском духе.

Учитывая, что в то время Киевский, Харьковский, Донской комитеты и «Союз горнозаводских рабочих» поддержали меньшевиков [1], В. И. Ленин выражал тревогу по этому поводу и писал тогда в ЦК Г. М. Кржижановскому: «Надо во что бы то ни стало занимать позиции везде и повсюду своими людьми. Хоть по одному совать своего человека, вполне своего, безусловно в каждый комитет» [2].

Мы в то время, разумеется, ничего не знали об этой переписке, но нам была видна меньшевистская линия «Союза горнозаводских рабочих», и мы, луганские социал-демократы большевики, твердо выступили против этой линии. Напуганный этим, комитет «Союза» прислал к нам в Луганск своих агитаторов, но они не смогли переубедить нас и уезжали посрамленными. Чтобы покончить с этим неповиновением, руководство «Донецкого союза» решило

---

[1] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. I, стр. 487.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 309.

провести в Луганске партийную конференцию и навязать ей свою резолюцию. Но эта затея меньшевиков позорно провалилась.

На Луганской партийной конференции, состоявшейся 20 ноября 1903 года, присутствовало 30 делегаций от различных организаций. Меньшевики действительно пытались навязать нам свои взгляды и протащить угодную им резолюцию, но получили в ответ дружный, организованный отпор. Дав на этой конференции открытый бой меньшевикам, луганская социал-демократическая организация еще более идейно закалилась и еще тверже укрепила себя на ленинских, большевистских позициях.

Однако меньшевистское руководство «Донецкого союза» не смирилось с поражением и на состоявшемся вскоре III съезде «Союза горнозаводских рабочих» (ноябрь — декабрь 1903 года) все же протащило отвергнутую нами резолюцию, направленную против решений II съезда РСДРП. Пошедшие на поводу у меньшевиков делегаты III съезда «Союза горнозаводских рабочих», заслушав доклад меньшевика Машинского о II съезде РСДРП, поддержали большинством голосов его позицию и одобрили ответ комитета «Союза» на уже упомянутое письмо В. И. Ленина. Съезд принял постановление о переименовании «Союза» в «Донецкий социал-демократический рабочий союз» и принял план перестройки местных организаций «Союза» по образцу меньшевистской автономии.

Все это свидетельствовало о полном отходе «Донецкого союза» от истинно пролетарской линии, от решений II съезда РСДРП, и мы, луганские большевики, порвали с ним всякие отношения. Развернув решительную борьбу против его руководства и разъясняя луганским рабочим и рабочим окрестных шахт и рудников всю ошибочность взглядов и действий «Донецкого союза», мы старались одновременно еще теснее сплотить их вокруг ленинской установки на создание партии нового типа.

Решительно порвав с меньшевистским «Донецким союзом», луганская организация РСДРП наладила и укрепила свои связи с Екатеринославским большевистским комитетом и с его помощью еще шире развернула борьбу с меньшевистским влиянием. По инициативе нашей луганской организации был создан новый руководящий центр революционного движения в Славяносербском уезде — Горный комитет. Он был призван объединить работу социал-демо-

кратических организаций Луганска и окружающих его шахт, рудников и других промышленных предприятий.

Являясь наиболее многочисленным и обладающим к тому же наибольшим опытом борьбы с меньшевиками, Луганский комитет большевиков вскоре стал центром притяжения для многих социал-демократических организаций Луганщины, хотя они формально и оставались в составе «Донецкого союза РСДРП». Связи видных активистов Луганского комитета с руководителями социал-демократических организаций Алчевска, Алмазной, Юзовки и ряда других городов способствовали объединению наших сил и проведению согласованных действий в борьбе против общего классового врага — царского правительства и буржуазии.

Конечно, все это далось не сразу. В луганской и других организациях уезда все еще продолжалась острая борьба между большевиками и меньшевиками. Еще многие наши товарищи, особенно из среды интеллигенции, продолжали колебаться и не имели ясных представлений о том, что внутри партии идет напряженная борьба по программным и организационным вопросам и что В. И. Ленин и его сторонники, разгромив «экономизм», отстаивают коренные положения о партии нового типа. Мы, партийные активисты, как могли, разъясняли, что речь идет, по существу, о будущем нашей партии и судьбе всей нашей революционной деятельности. Однако борьба мнений тогда не везде еще привела к четкому размежеванию между большевиками и меньшевиками, и влияние меньшевиков очень мешало нашей работе.

Только к лету 1904 года с приездом в Луганск профессиональных революционеров у нас развернулась особенно острая и принципиальная борьба со сторонниками меньшевистских взглядов, и в этой борьбе победа оказалась на стороне истинных ленинцев. С этого времени луганская партийная организация твердо пошла за Лениным и навсегда определилась как большевистская.

Борьба с меньшевизмом явилась большой школой идейной закалки не только для членов нашей социал-демократической организации, но и для всех сознательных рабочих. В эти дни в Луганске особенно хорошо проявили себя в отстаивании ленинских взглядов рабочие И. И. Алексеев (Кум), Т. Л. Бондарев, Г. К. Иванов, В. Е. Евтушенко, К. А. Кариков, С. К. Крюков, И. Д. Литвинов, Д. П. Осипенко, А. Я. Пархоменко, П. И. Пузанов, братья А. А. Ры-

жов и И. А. Рыжов (Иван Малый), А. В. Цытович, Я. А. Шефер, И. И. Шмыров, Ф. Р. Якубовский, лаборант-провизор местной больницы Перчихин и многие другие товарищи. Именно в этот период партийная организация удостоила меня высокого доверия: я был введен в состав Луганского комитета РСДРП (большевиков).

Вступление в партию, работа в Луганском комитете, приобщение к отважной семье сознательных и бесстрашных революционеров окрылили меня и наполнили каждый миг моей жизни глубоким смыслом и высокой ответственностью.

В Донбассе, как и во всей стране, шла напряженная борьба рабочих с предпринимателями, нарастало забастовочное движение. После Ростовской забастовки (ноябрь 1902 года) состоялись массовые стачки и многотысячные демонстрации в Петербурге, Москве, Баку, Тбилиси, Харькове и других крупнейших промышленных городах. В связи с политической стачкой, начавшейся летом 1903 года в Закавказье, возникли политические волнения на Украине — в Одессе, Киеве, Николаеве, Екатеринославе. В Одессе и некоторых других городах и промышленных центрах 17 июля 1903 года состоялись демонстрации, в которых участвовало около 50 тысяч рабочих. В Киеве, Екатеринославе и других местах дело дошло до вооруженного столкновения рабочих с полицией и царскими войсками. По всей стране начались крестьянские выступления против помещиков, кулаков и царской администрации.

Революционные выступления рабочих и крестьян сотрясали устои самодержавия. Сгущались тучи, близилась гроза, и она вскоре грянула — это была первая русская революция 1905—1907 годов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БУРЯ

ПОСЛЕ КРОВАВОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ

Зверский расстрел 9 января 1905 года в Петербурге по приказу царя Николая II мирного шествия рабочих к царю-батюшке отозвался в Донбассе, как и по всей стране, бурей народного гнева и возмущения. В ответ на страшное злодеяние царских сатрапов на фабриках, заводах, шахтах и в деревнях возникли стихийные волнения — забастовки, митинги; в ряде мест крестьяне начали громить помещичьи имения. На подавление беспорядков царское правительство бросило воинские части, полицию и жандармерию, они произвели массовые расправы, аресты «зачинщиков» и «бунтовщиков», но восстановить порядок им так и не удалось.

Луганский пролетариат встретил первую революционную бурю с огромным энтузиазмом и сразу же стал в местном масштабе основной силой поднимавшихся на борьбу народных масс города и деревни — рабочих, ремесленников, крестьян, всех трудящихся. К этому он был подготовлен всем ходом предыдущих событий, резким обострением классовых противоречий между капиталистами — хозяевами заводов и фабрик и довольно хорошо организованными отрядами рабочего класса, сосредоточенными на предприятиях Луганска и близлежащих шахтах и рудниках.

Луганск представлял собой тогда важный железнодорожный узел и крупный промышленный центр, в котором было сосредоточено 16 фабрик и заводов, крупные желез-

нодорожные мастерские, 39 ремесленных предприятий, значительное количество магазинов, лавок, лабазов с общим торговым оборотом более 5 миллионов рублей в год[1].

Тесные экономические связи с Луганском имели соседние металлургические и горнорудные предприятия — Алмазнянский и Ольховский металлургические заводы, металлургический завод ДЮМО, Жиловский, Кадиевский, Лисичанский, Павловский, Успенский и другие рудники, да, пожалуй, и все промышленные предприятия Славяносербского уезда (более 60 шахт, 844 фабрики и завода, на которых работало свыше 50 тысяч человек).

Сосредоточение в Луганске многих довольно крупных по тому времени промышленных предприятий с числом рабочих 500—1000 и более человек (государственный патронный завод, железнодорожные мастерские, «Товарищество луганской мануфактуры» и другие) способствовало объединению усилий рабочих в борьбе против их классовых врагов — царизма, помещиков и буржуазии. Особенно мощным промышленным бастионом города был паровозостроительный завод Гартмана, на котором было занято более 4000 человек, или 24 процента всех фабрично-заводских рабочих Славяносербского уезда; выпускаемая заводом продукция составляла 46,2 процента всего объема производства фабрично-заводских предприятий этого уезда[2]. Наличие на заводе наряду со всем этим крепкой партийной организации, естественно, превращало многотысячный рабочий коллектив гартмановцев в условиях Луганска в ведущую силу в революционной борьбе.

Несмотря на то что принятый под давлением трудящихся царский закон от 2 июня 1897 года впервые ограничивал продолжительность рабочего дня 11,5 часа, фактически рабочим в Луганске, как и по всей стране, приходилось работать по 12—13 часов за нищенскую плату. Даже квалифицированные рабочие на заводе Гартмана зарабатывали по 30—40 рублей в месяц, а чернорабочие — и того меньше. Экономический кризис и массовая безработица 1900—1903 годов привели к дальнейшему снижению заработной платы и усилению эксплуатации рабочих. Только за время 1902—1903 годов заработная плата трудящихся на Луган-

[1] См. *И. Берхин*. Луганская большевистская организация в период первой русской революции, стр. 5.

[2] См. *П. С. Самков*. История Луганского паровозостроительного завода. Автореферат кандидатской диссертации, 1952, стр. 6.

щине уменьшалась на 30—35 процентов, несмотря на то что напряжение в труде увеличилось, а цены на продукты значительно возросли [1].

Вот, например, как описывал свое житье-бытье в то время активный участник революции 1905 года, рабочий гартмановского паровозостроительного завода В. Е. Евтушенко: «Помню, семья наша была большая, в семь человек... Работали мы с отцом на заводе, а зарабатывали — шиш. Я вначале полтора рубля в неделю получал, это выходило по двадцать пять копеек в день, а когда уже стали выпускать паровозы — немногим больше: по сорок копеек. Примерно столько же получал и отец. Но разве могла наша семья жить на такие деньги? Еле-еле с голоду не подыхали. Да еще штрафовали нас на каждом шагу. А били как!.. Иной мастер или начальник отдела — ничего себе человек, сносный, а другой — зверь зверем» [2].

Рабочие создавали несметные богатства, но за свой каторжный труд они получали жалкие крохи, зато прибыли заводчиков и их компаньонов увеличивались из года в год. Особенно наглядно это видно из следующего примера, взятого из жизни рабочих и хозяев Луганского паровозостроительного завода Гартмана. С 1900 по 1905 год число рабочих на заводе увеличилось с 3735 до 4047, а количество выпущенных паровозов за этот срок возросло с 48 до 245 — более чем в пять раз. Однако это не привело к какому-либо существенному увеличению заработка рабочих. Члены правления «Общества машиностроительных заводов Гартмана» за один лишь 1903/04 отчетный год и из доходов только Луганского паровозостроительного завода получили весьма солидный куш: Г. Р. Гартман, А. Ю. Ратштейн, П. С. Хитрово, Д. С. Шершевский и Р. С. Яниковский «заработали» по 15 307 рублей, а Н. И. Данилевский (заведующий технической частью) и директор-распорядитель Г. В. Круг — соответственно 28 307 и 30 020 рублей [3].

Для ограбления рабочих капиталисты использовали всевозможные средства: усиление эксплуатации, снижение заработной платы, урезывание расходов на охрану труда.

---

[1] См. *Г. Я. Емченко, В. И. Калашников, П. М. Шморгун.* Так начинались битвы. Большевики Луганщины накануне и в период первой русской революции (1900—1907), стр. 26

[2] «1905 год в Донбассе». Сталинское областное издательство, 1955, стр. 15.

[3] ЛОГА, ф. 479, оп. 22, д. 2586, л. 32.

В Донецком бассейне в 1904 году, по официальным данным, на каждую тысячу горняков было 308 тяжело пострадавших от всякого рода несчастных случаев, а в металлургической промышленности из каждой тысячи работающих перенесли травмы 463 человека[1]. Значительная часть заработка рабочих утекала в карманы капиталистов в виде штрафов, налагаемых на рабочих по поводу и без повода. Так, например, на Луганском патронном заводе рабочих штрафовали: за неявку на работу — на 30 копеек, за еду во время работы — на 25 копеек, за неявку на молебен — на 20 копеек. В 1903 году на Луганском паровозостроительном заводе было оштрафовано 87 процентов, а на Голубовском руднике — 60 процентов всех рабочих[2].

Все это возмущало и озлобляло рабочих, порождало у них резкое сопротивление натиску капиталистов. Об усилении борьбы трудящихся Луганщины за свои жизненные права свидетельствует рост забастовочного движения. В 1899 году в Славяносербском уезде, по данным секретного донесения Екатеринославского жандармского управления, было 13 забастовок, причем для их подавления вызывались воинские подразделения. В 1900 году произошла крупная забастовка на Успенском руднике, близ Луганска, в которой приняло участие около трех тысяч горняков. На подавление этого выступления рабочих были вызваны две сотни казаков и батальон пехоты. По делу об этой забастовке 30 наиболее активных ее участников были привлечены к судебной ответственности и приговорены к различным срокам заключения. В первомайских стачках 1901 года рабочие Луганска и соседних рудников выдвигали и политические требования.

В одной из подпольных прокламаций, выпущенной в Луганске и посвященной Ростовской забастовке (ноябрь 1902 года), говорилось: «Довольно, товарищи! Пора сбросить с себя гнет царского самодержавия. Ростовские избиения рабочих показали нам ясно, что царское правительство всегда и везде будет помогать капиталистам, а рабочего гнуть в дугу. Ростовские жертвы царского произвола призывают к отмщению. Восстаньте же, товарищи! Соединяйтесь же все вместе с возгласом «Долой самодержавие —

[1] См. «Вопросы техники безопасности и травматизма в горной промышленности СССР». М., изд-во «Вопросы труда», 1928, стр. 36.

[2] См. *Г. Я. Емченко, В. И. Калашников, П. М. Шморгун.* Так начинались битвы, стр. 21—22.

эту тяжелую цепь, гнетущую и связывающую нас. Да здравствует политическая свобода!»[1]

Тяжелая, невыносимая жизнь крестьян в соседних с Луганском деревнях вынуждала и их подниматься на борьбу против помещиков. Мы, луганские рабочие, старались сблизиться с крестьянской массой, объединить с ними свои силы для общего натиска на самодержавный, помещичье-буржуазный строй. Посланцы Луганского комитета партии побывали почти во всех селах уезда и завязали там знакомство с надежными людьми из деревенской бедноты. Особенно прочные связи установились у нас с крестьянами Александровки, Макарова Яра и некоторых других сел.

Мне хорошо запомнилась одна встреча с крестьянами Александровки летом 1905 года. Мы приурочили ее к одному из престольных праздников. В этот день на церковное богослужение собралось множество народу, и не только местные жители, но и богомольцы из соседних деревень. Прибыв в село накануне праздника, я и мои товарищи, рабочие луганских предприятий (нас было несколько человек), побывали во многих крестьянских домах, побеседовали с бедняками и помещичьими батраками, выяснили, что в распоряжении всех крестьян этого села имеется лишь 900 десятин земли, тогда как один местный помещик владел 12 000 десятин, или в 13 с лишним раз большим количеством земли, чем все его односельчане, вместе взятые. Крестьяне стонали от притеснений помещика, были у него в долговой кабале, целыми семьями гнули спину на помещичьих полях, жили впроголодь, в жалких хибарах. Все это дало нам богатый фактический материал для нелегальной сходки, которую мы провели в тот вечер на площади за помещичьим садом.

Когда я, выступая на сходке, рассказал об обстановке в стране, о положении трудящихся в России и привел конкретные данные из жизни местных крестьян, участники сходки заволновались, и я почувствовал в этом горячую братскую поддержку, оказанную нам, рабочим, всей деревенской беднотой.

— Дорогие товарищи крестьяне,— сказал я в заключение.— Рабочие Луганска, как и все пролетарии нашей страны, ведут упорную и тяжелую борьбу за освобождение всего трудового народа от гнета помещиков и буржуазии.

[1] «Летучий листок» № 3, Луганск, январь, 1903 г. Днепропетровский областной государственный архив (ДОГА), ф. 29 (коллекция листовок), том XIII, л. 1.

Мы боремся за наше лучшее будущее, за новую жизнь, за то, чтобы труд рабочего оплачивался по заслугам, а крестьянин получил вдоволь земли и работал на самого себя, а не гнул спину на помещика — с рассвета и до захода солнца. В этой священной борьбе у нас общие интересы, рабочие и крестьяне — это единокровные братья, и мы должны идти одной дорогой и сообща бороться за землю и свободу, против наших общих врагов — помещиков и капиталистов.

Эти слова вызвали бурный отклик у наших братьев крестьян, и они в своих вопросах и репликах дали нам понять, что готовы к самым решительным действиям.

— Давно пора рассчитаться с помещиками-кровососами!

— Все их богатства нажиты нашим трудом!

— Как будем делить землю?

— Что делать с теми полями, которые уже засеяны?

Мы понимали тогда, что время для практического решения этих вопросов еще не пришло, но этот час был не за горами. И чтобы не толкать крестьян на преждевременные и обреченные на провал выступления, мы им советовали:

— Обдумайте как следует все эти вопросы, держите с нами связь. Создавайте революционный комитет и, когда настанет срок, действуйте смело, не останавливаясь на полпути: самовольно захватывайте землю — она должна принадлежать не богатым бездельникам, а тем, кто ее обрабатывает, кто поливает ее своим потом и кровью.

Участники этой сходки, как и крестьяне других сел, видно, хорошо запомнили наши советы и стали нашей опорой на селе. А после поражения революции я и другие рабочие-революционеры находили у александровской бедноты надежное убежище от преследований царской полиции.

Из всего этого наглядно видно, что обстановка в Луганске и на всей Луганщине накануне революции 1905—1907 годов была весьма накаленной, и именно поэтому январские события 1905 года, подобно искре у пороховой бочки, вызвали и здесь мощный взрыв народного возмущения.

Большевистская организация Луганска к тому времени уже не раз показала себя подлинным вожаком луганских рабочих и крестьян всего уезда и являлась одной из самых боевых в Донбассе и на всей Украине. Она выдержала серьезную идейную борьбу с «экономистами», анархи-

стами, эсерами, тесно сплотилась вокруг Луганского комитета РСДРП, который все тверже и тверже укреплялся на ленинских позициях.

Как я уже отмечал, особенно напряженные схватки большевикам-луганчанам, как и всем истинным революционерам-ленинцам Донбасса, пришлось выдержать с меньшевиками.

Идейно разгромленные В. И. Лениным еще на II съезде РСДРП, меньшевики стремились сохранить свои позиции в местных организациях и, где только было возможно, пытались захватить руководство. Воспользовавшись тем, что в 1903 году полицией и жандармерией была арестована большая группа большевистских руководителей, они проникли в «Донецкий союз РСДРП», мариупольскую и енакиевскую социал-демократические группы, заняли там господствующее положение и напрягали все силы, чтобы свернуть с верного, ленинского пути рабочее движение в Донбассе. Однако этого не произошло, хотя на какое-то время в отдельные периоды им и удавалось добиваться некоторых успехов в своей раскольнической, антиреволюционной деятельности.

На собраниях и в личных беседах мы разъясняли рабочим ленинские взгляды на революцию и на характер ее движущих сил, разоблачали соглашательство меньшевиков, их заигрывание с либеральной буржуазией, призывали к решительным действиям против самодержавия, капиталистов, помещиков и их прихвостней.

Как известно, меньшевики не верили в революционные силы и возможности пролетариата, и поэтому их деятельность была направлена на передачу руководства движением революции в руки либеральной буржуазии. Они отрицали также революционную роль крестьянства, были против союза рабочих с крестьянством. Чтобы не оттолкнуть буржуазию от революции, они стремились ограничить революционную борьбу рабочих только экономическими требованиями.

Эти меньшевистские взгляды не имели ничего общего с коренными интересами рабочего класса и всего народа, и мы не только старались разоблачить их, но и доказывали на примерах, что меньшевики обрекают революцию на поражение.

Отстаивая ленинские позиции, мы каждодневно разъясняли своим товарищам, всему рабочему коллективу завода и, где это было возможно, всему населению, что, несмотря

на буржуазно-демократический характер революции, ее вождем может и должен быть пролетариат, а либеральная буржуазия предает интересы народа, идет на соглашение с самодержавием и помещиками и поэтому ее необходимо изолировать от народных масс. Нашим союзником в этой борьбе, говорили мы, как учит нас Ленин, могут быть лишь наши братья крестьяне, которые, как и рабочие, терпят гнет, нужду и политическое бесправие.

Одновременно мы стремились объединить и возглавить, ввести в русло сознательных и организованных действий разрозненные, стихийные выступления различных групп рабочих против хозяев заводов и фабрик. Мы отлично понимали необходимость усиления нашей пролетарской борьбы против отдельных капиталистов, а следовательно, и всего капитализма в целом, за реальное улучшение экономического и политического положения рабочих, и поэтому, где и когда только можно было, предъявляли нашим классовым врагам, капиталистам, свои конкретные требования о сокращении рабочего дня, увеличении заработной платы, отмене штрафов и т. п. Тем самым мы очень наглядно и убедительно разбивали клеветнические измышления меньшевиков, обвинявших нашу партию в том, что она якобы борется лишь за достижение максимальных результатов и не уделяет внимания хотя бы и самому незначительному улучшению жизни рабочих, которого можно было добиться уже тогда, в условиях помещичье-капиталистического строя.

Но мы никогда не забывали о перспективах нашей великой революционной битвы; ведь В. И. Ленин учил нас тому, что в конкретных условиях той поры в недрах самодержавно-помещичье-капиталистического господства назревали две социальные войны: одна из них — борьба пролетариата и всего крестьянства против царизма (на первом, буржуазно-демократическом этапе революции) и вторая — война пролетариата и беднейшего крестьянства, диктатура пролетариата против капиталистов (на последующем, пролетарском этапе революции). Об этом мы также старались рассказать нашим рабочим, широким массам трудящихся.

Все это приходилось разъяснять в тяжелых условиях конспирации, подполья, и поэтому нужно было вести работу весьма осторожно, тщательно отбирая собеседников, чтобы не допустить провала организации и отдельных активистов революционного движения. И хотя полиция подсылала к нам провокаторов и совершала аресты наших

лучших товарищей, мы упорно продолжали борьбу и завоевали на свою сторону подавляющую массу рабочих и значительную часть крестьян окрестных сел. Добившись этого, мы решительно порвали с меньшевистским руководством «Донецкого союза», а вскоре так же поступили и некоторые другие соседние с нами социал-демократические организации. Это означало в наших конкретных условиях серьезную победу большевистской программы и тактики.

Отстаивая ленинские взгляды, мы обеспечили тесное сплочение рабочих вокруг Луганского комитета РСДРП. Авторитет комитета необычайно возрос, и с нами были вынуждены считаться местные власти и администрация городских предприятий. И хотя вся наша работа была тщательно законспирирована, директора заводов, фабрик, мастерских, а также и полиция постоянно чувствовали сплоченность рабочих и то, что у них есть вдохновители и организаторы. Но кто эти люди, кто руководит массами в том или ином цехе или на заводе, это для них в большинстве случаев оставалось неизвестным.

Революция 1905 года не застала Луганский комитет РСДРП (большевиков) врасплох. В ответ на Кровавое воскресенье и произвол царских усмирителей было решено поднять против самодержавия всех пролетариев города и выдвинуть не только экономические, но и политические требования. Началась тщательная подготовка. При этом мы стремились учесть не только собственные уроки, но и опыт борьбы тех рабочих Донбасса, которые уже начали свои выступления. А таких было немало: 17 января забастовали юзовские металлисты, 22 января — рабочие Петровского завода в Енакиеве, 24 января — горловские машиностроители, 25 января — рабочие заводов и шахт Макеевки; в начале февраля забастовали рабочие Краматорского, Дружковского и некоторых других заводов. Их успехи и неудачи обязывали нас не допустить никаких промахов, оплошностей и выступить еще более организованно.

Прежде всего большевистский комитет Луганска назначил примерный срок всеобщей забастовки и развернул политическую и организационную работу на заводах и фабриках города. Было определено, что инициатором забастовок должен стать наиболее крупный и хорошо сплоченный рабочий коллектив гартмановского завода. Своим революционным выступлением он призван был дать сигнал всем другим предприятиям города.

Действуя по заранее разработанному и тщательно составленному плану, мы распределили по цехам и отделам завода своих лучших агитаторов и активистов, тщательно проинструктировали их: в их задачу входила подготовка людей и дружная остановка работы в цехе или отделе в назначенный день, по указанию комитета.

Когда партийцы-большевики из цехов доложили, что́ они сделали, комитет уточнил срок выступления. Было решено начать всеобщую забастовку 16 февраля. Чтобы обеспечить организованные действия забастовщиков, еще накануне была выпущена и роздана нашим агитаторам специальная прокламация. Мы поручили им действовать так, чтобы в день забастовки каждый рабочий, став к своему станку, нашел в своем рабочем ящике большевистскую листовку. Так оно и получилось.

Вот что говорилось тогда в нашем обращении к рабочим завода Гартмана:

«Товарищи! Гнет наших притеснителей-капиталистов и их защитника царя и его министров дошел до самых крайних пределов. Во всех концах России: в Петербурге, Риге, Варшаве, на Кавказе и Урале, везде и повсюду рабочим невмоготу стало дальше терпеть этот гнет. Они осознали свое ужасное положение, поняли, что действительно дальше терпеть и выносить этот гнет на своих плечах невозможно, и объявили всей России, всему миру, что они люди, что они хотят жить не как вьючное животное, а как разумно мыслящие их братья, заграничные рабочие. Товарищи! Пора и нам присоединиться к общей борьбе наших товарищей — рабочих и наряду с ними предъявить свои требования:

1) 8-часовой рабочий день;

2) государственное страхование рабочих за счет капиталистов;

3) увеличение заработка на 20%;

4) увеличение поденной платы чернорабочим и женщинам на 30 копеек в день;

5) постоянная комиссия из выборных от рабочих и лиц администрации для установления расценки и выяснения недоразумений между рабочими и администрацией завода;

6) отмена сверхурочных работ;

7) полная отмена штрафов;

8) не высчитывать за порчу инструмента;

9) устроить вентиляцию в мастерских завода и улучшить санитарные и гигиенические условия;

10) вежливое обращение администрации и служащих с рабочими;

11) улучшение больничных условий и более внимательное отношение доктора, фельдшеров, акушерок к рабочим;

12) не рассчитывать и не арестовывать рабочих и выборных от них как во время забастовки, так и после нее;

13) за дни забастовки уплатить полный заработок» [1].

Готовя эту листовку, мы предварительно советовались с передовыми, сознательными рабочими, чтобы наиболее четко и полно отразить в ней не только наши экономические, но и политические требования. Пример в этом нам показали успешно проведенные революционные выступления рабочих в крупнейших промышленных центрах страны. И, как признавались позднее многие рабочие, эта часть листовки произвела на них наиболее сильное впечатление. Большинству из них никогда еще не приходилось читать ничего подобного. После приведенного выше текста листовки в ней говорилось:

«Товарищи! Наряду с такими требованиями наши товарищи из Петербурга, Москвы, Екатеринослава, Харькова и многих других городов предъявили свои политические требования, к которым и мы должны присоединиться: 1) участие народных представителей в управлении государственными делами; 2) свобода слова, печати и собраний, союзов и стачек; 3) освобождение всех пострадавших за убеждения» [2].

Немалой помехой в нашей работе по сплочению рабочих и всего трудового населения были в то время анархисты, эсеры и всякого рода рыцари на час из нашей же рабочей среды, проникнутые мелкобуржуазными воззрениями. Очень часто они пытались увести наше пролетарское движение в сторону, на путь индивидуальных расправ, различных неорганизованных выступлений, а то и просто хулиганских выходок и всякого рода бесчинств. Эти их, по существу, провокационные действия давали обычно полиции повод для массовых расправ с ни в чем не повинными рабочими массами. Чтобы не допустить этого и направить забастовку в русло решительной и организованной борьбы, мы в заключение листовки писали:

---

[1] «Донбасс в революции 1905—1907 годов». Сборник документов и материалов. Сталинское областное издательство, 1957, док. № 10, стр. 21.

[2] Там же.

«Товарищи! Во время забастовки ведите себя тихо и спокойно, не разбивайте машин и вообще заводского имущества, не громите лавочек, не громите евреев,— словом, держите себя так, как держали и держат себя рабочие других городов. В этом заключается наша организованная борьба, которая принесет нам одну лишь пользу и докажет всем, что и мы умеем бороться за улучшение своего положения и за светлое будущее»[1].

Под листовкой стояла подпись: «Горный комитет Российской социал-демократической рабочей партии». Рабочие завода восприняли ее как боевой призыв своих же наиболее стойких революционных товарищей. Агитаторы большевистского комитета, работавшие в цехах, постарались довести содержание прокламации до каждого рабочего. Это подняло боевой дух всего рабочего коллектива и его готовность к решительным действиям.

16 февраля с самого утра в цехах завода чувствовалось приподнятое настроение. Рабочие, знакомые с большевистской листовкой, многозначительно переглядывались, собирались группами, ждали сигнала. А когда раздался неурочный гудок, рабочие механического цеха первыми выключили трансмиссии и остановили станки. Повсюду были слышны возгласы: «Шабаш!», «Бросайте работу!», «Собирайтесь на заводском дворе!» Из всех цехов к назначенному месту потекли огромные толпы рабочих.

На заводской двор собралось более трех тысяч человек. По поручению комитета я выступил на этом митинге с речью и рассказал собравшимся о Кровавом воскресенье, о событиях, развернувшихся в стране, о русско-японской войне, которая была выгодна только русским и японским капиталистам, а народам России и Японии несла смерть и разрушение. Касаясь вопроса о пролетарской солидарности, подробно разъяснил цели и задачи забастовки, призвал поднять на совместные революционные действия наших братьев — рабочих других заводов, а также крестьян из пригородных деревень.

Чтобы всем присутствующим стала еще более ясной неизбежность революции, я, помнится, сказал:

— Если наседка имеет яйцо с зародышем, то при нормальных условиях из него обязательно должен вылупиться цыпленок. Зародыш революции налицо. Дело революции

[1] «Донбасс в революции 1905—1907 годов», док. № 10, стр. 21.

зреет, и никто не в состоянии помешать нашей победе. Надо готовиться, поднимать массы на борьбу, действовать смело и организованно.

Выступившие вслед за мной передовые рабочие поддержали партийный комитет, приветствовали забастовку, заявляли о своей готовности к решительным действиям.

Особенно ярким было выступление молодого рабочего Ивана Пилькевича (Ваня Большой), местного поэта[1]. Он призвал участников забастовки действовать смело и организованно, проявить твердость в отстаивании своих требований перед заводской администрацией. В заключение своей речи он прочитал собственные стихи:

На борьбу с капиталом зови!
Призови всех на подвиг великий.
Пусть рабочий великий народ
Произвол уничтожит тот дикий,
И тогда солнце правды взойдет.

Как уже было сказано, многие наши комитетчики и активисты заранее провели в цехах большую разъяснительную работу с наиболее надежными рабочими, кое-где удалось провести собрания и беседы. Все это сказалось на активности участников митинга: они не только поддерживали объявление забастовки, но и требовали от большевистского комитета твердой линии в переговорах с заводской администрацией.

Следует отметить, что вся подготовительная работа по организации забастовки проводилась под руководством Луганского большевистского комитета, при горячей поддержке надежных активистов из старой рабочей гвардии и хорошо проявивших себя молодых рабочих. Большую помощь оказали нам старейшие товарищи: Петр Серебряков, который вместе со своими взрослыми сыновьями Иваном и Леонидом был в гуще событий и не раз выполнял ответст-

[1] В дальнейшем судьба Ивана Пилькевича сложилась трагически. Он активно участвовал в революционной борьбе, выполнял ряд важных поручений Луганского комитета партии. Во время одного из своих выступлений против царского самодержавия на какой-то из железнодорожных станций он был зверски избит черносотенцами из «Союза русского народа» и в бессознательном состоянии доставлен в больницу. За свои революционные стихи, распространявшиеся в рукописях и устно, и за участие в революции он в 1907 году был сослан в Бессарабию. Отбыв эту ссылку, он вел полуголодное, нищенское существование и умер от истощения в 1909 году.

венные поручения забастовочного комитета, Кузьма Крюков с сыном Северьяном, хранивший у себя часть оружия боевой дружины, и некоторые другие. Боевыми организаторами рабочих проявили себя молодые активисты Василий Евтушенко, Александр Пархоменко, Иван Литвинов, Федор Якубовский, Иван Пилькевич, Дмитрий Осипенко, Иван Шмыров, Петр Чижиков, Иван Рыжов (Иван Малый) и многие другие; все они в дальнейшем прошли славный путь подлинных революционеров-ленинцев.

Немалая доля общей работы по подготовке и проведению забастовки падала и на меня (мне шел тогда 25-й год). Я работал непосредственно на заводе, на одном из самых решающих участков — в чугунолитейном цехе; все это както само собой ставило меня в центр событий и привело к тому, что в дальнейшем я, будучи машинистом подъемного электрокрана, оказался руководителем не только забастовки, но и всего заводского коллектива. А вскоре мне было поручено стать во главе всей партийной организации города, возглавить Луганский большевистский комитет.

Однако вернемся к нашему митингу. Он прошел очень хорошо, с большим подъемом. Здесь мы избрали стачечный комитет, в состав которого вместе со мной были введены Даниил Николаевич Гуров, Иван Николаевич Нагих и некоторые другие передовые рабочие. Нам поручили окончательно уточнить требования участников забастовки к дирекции завода и настойчиво добиваться их удовлетворения.

Весь остаток дня мы, комитетчики, были заняты составлением перечня наших требований, стремились учесть в нем все предложения рабочих, высказанные не только на митинге, но и в личных беседах и отдельных записках, переданных рабочими. Спорили о том, что надо и что не надо включать, старались как можно четче сформулировать волю и пожелания заводского коллектива. При этом мы учитывали не только важность того или иного пункта, особенно в политических требованиях, но и то, как он будет воспринят всей массой рабочих,— ведь не каждый еще тогда был готов, например, к восприятию таких призывов, как требование участия народных представителей в управлении государством, и некоторых других.

Чтобы окончательно согласовать и утвердить выработанные требования, было решено снова собрать общезаводской митинг.

17 февраля заводской двор опять заполнили тысячи рабочих. На этом митинге мы зачитали и обсудили составленный нами перечень требований участников забастовки, и он с рядом поправок и дополнений был единодушно утвержден. В нем насчитывалось 29 пунктов. Перечень предъявленных к заводской администрации требований оказался достаточно внушительным и политически заостренным. В нем содержались, в частности, такие требования: удаление городовых из всех цехов и замена их сторожами, свободная организация цеховых союзов, увольнение с завода доносчиков заводской администрации, неприкосновенность забастовщиков и ряд других.

Для ведения переговоров с администрацией завода здесь же были избраны 56 депутатов (по два человека от каждого цеха). Они составили депутатское собрание — мощный орган забастовщиков, который выделил из своей среды исполнительный комитет. В руках этого комитета (а в него вошли почти все члены первоначально созданного стачечного комитета) в дальнейшем сосредоточилось все руководство забастовкой, а затем и многими другими делами нашего рабочего коллектива.

Начались переговоры с заводским управлением. Они проходили весьма напряженно: директор завода К. К. Хржановский и другие представители администрации отводили многие наши требования на том основании, что заводское руководство некомпетентно даже рассматривать их, так как решение подобных вопросов возможно лишь в законодательном порядке. Мы стояли на своем. Сравнительно быстро были приняты наши требования о вежливом обращении и некоторые другие, но по коренным требованиям: о 8-часовом рабочем дне, о повышении расценок на 30 процентов, об отмене сверхурочных работ, об оплате всем рабочим за дни забастовки — и по другим, затрагивающим материальные интересы хозяев завода, администрация возражала и настаивала на немедленном возобновлении работы.

Явно издеваясь над представителями многотысячного заводского рабочего коллектива, директор завода спросил нас с усмешкой:

— А почему вы, господа рабочие, требуете установления восьмичасового рабочего дня, а не семичасового: ведь тогда работать будет еще легче?

Как возглавляющий депутатское собрание и его исполнительный комитет, я ответил на эту издевку.

— Господин директор, наверное, знает,— спокойно заявил я от имени своих товарищей,— что человек должен не только работать, но и отдыхать, а также и спать в ночное время. А поскольку в сутках имеется лишь 24 часа, то вполне естественно, что если поделить их на три части, то как раз и получается восемь часов.

Представители администрации не нашли на это вразумительного возражения и постарались перевести разговор на обсуждение других пунктов. Наконец директор заявил:

— Ну что ж, вы знаете теперь мнение дирекции завода, и нам больше говорить не о чем. Предлагаю прекратить забастовку и вернуть всех рабочих на свои места.

— Этого не будет,— ответили мы,— не будет до тех пор, пока не удовлетворят все наши требования. Если администрации завода не угодно продолжать с нами разговор сегодня, давайте продолжим его завтра.

Мы держались так твердо потому, что были уверены в поддержке нас рабочими других луганских заводов. Об этом мы заранее договорились с их представителями, и, кроме того, мы выпустили и широко распространили новую прокламацию, обращенную к рабочим города, с призывом организованно и сплоченно провести начатую нами забастовку. В этой листовке, озаглавленной: «Рабочим и работницам железнодорожных мастерских, заводов патронного и эмалировочного и других промышленных заведений города Луганска», говорилось:

«Товарищи! Вчера мы, рабочие и работницы города Луганска, присоединились к товарищам — рабочим завода Гартмана и объявили забастовку с целью улучшения своей жизни, своего быта. Соединившись вместе, мы этим самым примкнули к той великой борьбе, которую ведет весь рабочий класс в мире давно, а у нас в последнее время, за лучшую жизнь, за светлую будущность. Первый враг рабочих — это капитализм, высасывающий из нас все соки и дающий нам столько, чтобы не умереть с голоду. Второй враг — это царское правительство со своими чиновниками и полицией: оно не дает нам говорить и писать о наших насущных нуждах, не дает собираться и обсуждать их, для нас у него всегда готовы нагайки и штыки. Вспомните, товарищи, как встретил царь наших петербургских товарищей — рабочих, когда они предъявили свои требования о нуждах рабочего класса: они получили штыки и пули.

Потребуем прежде всего:

1) чтобы была свобода слова, печати, собраний, союзов и стачек;

2) чтобы сам народ через своих выборных представителей издавал законы и расходовал народные деньги;

3) чтобы скорее была окончена несчастная война с Японией»[1].

В листовке вновь повторялись наши экономические требования и содержался призыв к дружному, смелому и организованному выступлению — «не действовать в одиночку, без согласия всех товарищей». Содержание прокламации наши делегаты довели до всех рабочих Луганска, и мы с часу на час ожидали их ответных действий в поддержку нашей забастовки, которая должна была превратиться во всеобщую и вынудить заводчиков и фабрикантов принять наши требования.

И все получилось именно так, как предусмотрел и решил Луганский большевистский комитет. Вскоре прекратилась работа на эмалировочном, костыльно-гвоздильном и спиртоочистительном заводах, в двух городских типографиях, на казенном винном складе, в ряде мастерских, магазинов, аптек. Однако еще продолжал работать один из крупнейших в городе — казенный, то есть государственный, патронный завод, и, чтобы ускорить присоединение его коллектива к бастующим, мы организовали довольно внушительное шествие наших рабочих колонн к этому заводу. Более двух тысяч рабочих гартмановского завода двинулись по улицам города.

Возникла исключительно яркая демонстрация рабочей солидарности. В пути к нам присоединились рабочие железнодорожных мастерских и некоторых других предприятий. В это время произносились краткие речи и раздавались листовки. Когда мы подошли к патронному заводу, в наших рядах было уже около шести тысяч человек.

Администрация патронного завода не на шутку встревожилась. Навстречу нашему шествию вышли начальник завода генерал-майор Кабалевский и его помощники. Они предлагали нам разойтись, пугали различными карами. Но это нас не остановило. Из толпы участников нашей демонстрации раздавались крики, обращенные к рабочим и начальству патронного завода:

---

[1] «Донбасс в революции 1905—1907 годов», док. № 12, стр. 24.

— Давайте гудок — прекращайте работу!

— Патронники, дело за вами!

Из проходных ворот патронного завода стали выходить работающие здесь мужчины и женщины, старики и подростки. Многие из них без колебаний примыкали к нашей демонстрации, остальные окружили своего начальника и стали требовать от него подачи гудка. Опасаясь осложнений, Кабалевский вынужден был дать команду, и раздался гудок патронного завода. Казалось, что его протяжные басовитые звуки ясно выговаривали: «Кончай работу! Сме-е-е-лей! Пришло время показать хозяевам и нашу силу!»

Таким образом забастовка в Луганске стала всеобщей. Обстановка в городе резко накалилась. Местные власти вызвали в город роту солдат. Напуганный развернувшимися событиями и желая преуменьшить их подлинные масштабы, помощник начальника Екатеринославского губернского жандармского управления в Бахмутском и Славяносербском уездах доносил в это время из Луганска в департамент полиции:

«16 февраля, около 3 часов дня, забастовали рабочие Русского общества машиностроительных заводов Гартмана в гор. Луганске, в числе 2000 человек. Часть забастовавших толпой, около 400 человек, отправилась по линии железной дороги к казенному патронному заводу с намерением остановить работы на нем. Шедшему навстречу пассажирскому поезду рабочие не очистили рельсов, так что последний должен был остановиться и пропустить толпу, которая разбила на паровозе стекла фонарей. Подойдя к патронному заводу, забастовавшие пробовали проникнуть в завод и прекратить работы, но безуспешно. В 6 часов вечера начальник патронного завода, ген.-майор Кабалевский сам прекратил работы, во избежание беспорядков. Требования рабочими гартмановского завода еще не предъявлены. Патронный завод работает сегодня в полном составе. Перед забастовкой по заводу была раскидана гектографированная прокламация, образец которой при сем прилагаю» [1].

Через день в дополнение к этому донесению сообщалось:

«17-го числа забастовавшие рабочие гартмановского завода в городе Луганске отправились толпой по городу и

[1] «Революция 1905—1907 гг. на Украине», т. II, ч. I. Киев, 1955, док. № 25, стр. 43.

прекратили работы в казенном патронном заводе, казенном винном складе, железнодорожных мастерских, спиртоочистительном заводе, заводе эмалированной посуды, двух типографиях и нескольких мелких мастерских.

18-го числа небольшая толпа, человек до 400, состоящая из мастеровых, приказчиков и лиц неопределенных профессий, в большей части евреев, выгоняла приказчиков из магазинов и закрыла несколько ремесленных мастерских. Испуганные торговцы закрыли магазины, и торговля не производилась весь день.

В этот же день прибыла в Луганск рота пехоты, которая хотя и не проявила своей деятельности, но одно ее появление заставило толпу подстрекателей к забастовке разойтись»[1].

В обоих этих донесениях действительная картина забастовки грубо искажена. Однако и из них видно, как изменилась обстановка в городе после начала нашей забастовки. Это и вынудило администрацию завода Гартмана возобновить переговоры с представителями нашего депутатского собрания. На этот раз директор Хржановский и его помощники — начальники отделов и цехов — оказались более сговорчивыми. Они согласились принять еще ряд наших требований и более глубоко мотивировать свои ответы по другим вопросам. В конце концов было решено 22 февраля возобновить работу, поскольку администрация признала справедливость наших требований и удовлетворила многие из них, и не только второстепенные, но и ряд главных, основных.

Таким образом, забастовка, продолжавшаяся с 16 по 21 февраля, закончилась полной победой рабочих. Мы добились от дирекции завода установления 9-часового рабочего дня, повышения заработной платы, удаления из цехов полиции, расширения заводской школы, создания библиотеки. Одно из наших основных требований — оплатить всем рабочим за время забастовки — администрация также была вынуждена принять, хотя и сделала при этом, как говорят, хорошую мину при плохой игре.

Вот подлинный текст ответа дирекции завода на это наше требование (судя по всему, он дан был нам по согласовании этого вопроса с находящимся в Петербурге правлением «Русского общества машиностроительных заводов

---

[1] ДОГА. Фонд ЕГЖУ за 1905 год, п. 3, д. 12.

Гартмана»): «За время забастовок правление решило не платить, но, имея в виду желание рабочих устроить при заводе ссудо-сберегательную кассу, разрешило заводоуправлению единовременно сумму, равную двухдневной оплате всех мастерских и рабочих, отчислить на образование неприкосновенного фонда означенной кассы» [1]. В дальнейшем во исполнение этой договоренности нашему рабочему коллективу заводской администрацией были выделены сто тысяч рублей из доходов завода за 1904 год — в виде «поощрения» всему рабочему коллективу паровозостроителей. Эта сумма составила солидный фонд нашей ссудо-сберегательной кассы.

Победа нашей забастовки свидетельствовала о том, что мы, рабочие, являемся могучей и грозной силой, с которой не могут не считаться капиталисты — хозяева заводов и фабрик. По этому поводу большевистская газета «Вперед» в корреспонденции из Луганска сообщала: «Стачка выиграна рабочими гартмановского завода. Большая часть требований удовлетворена, так, например, установлен 9-часовой рабочий день. Другие заводы ничего не выиграли, но наша работа значительно продвинулась вперед» [2].

Созданное в дни февральской забастовки депутатское собрание осталось функционировать и дальше, превратившись в постоянный орган заводских рабочих. По существу, это был своеобразный Совет рабочих депутатов — живучий и неистребимый зародыш победившей в октябре 1917 года Советской власти.

Так успешно и победоносно завершился первый натиск революционных рабочих Луганска на своих классовых врагов. До нас доходили сведения о таких же успешных результатах забастовок и стачек и в других местах.

Все это вдохновляло и радовало: революция явно шла на подъем.

ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ!

Успех февральской забастовки луганских пролетариев, и особенно рабочих завода Гартмана, серьезно напугал городские органы власти, полицию и местную буржуазию. По их настоянию в город были введены войска и казачья сотня.

---

[1] ЛОГА, ф. 2, д. 17, л. 96.
[2] «Вперед» № 12, 16 марта 1905 года.

Однако нас это не остановило; мы твердо верили в свои силы и хорошо знали, что мы не одиноки в своей борьбе за правое дело.

Нам, рабочим-луганчанам, было хорошо известно, что забастовочное движение ширится по всей стране. Доходили до нас также сведения о разгроме крестьянами помещичьих усадеб, и не только в нашей, Екатеринославской, но и во многих других губерниях. От этого хорошо становилось на сердце: значит, не мы одни, а все рабочие и крестьяне активно выступают против ненавистной им самодержавной власти, помещиков и капиталистов.

В этих условиях подъема и нарастания революции перед политической партией пролетариата — РСДРП вставали особенно сложные задачи. Необходимо было обеспечить дружную и согласованную деятельность всех партийных организаций и комитетов на основе утвержденной II съездом партии революционной марксистской программы, сплотить вокруг пролетариата все силы, враждебные самодержавию, и повести их на решительную борьбу за свержение царизма и уничтожение его социально-экономической базы — дворянского и поместного землевладения, за достижение свободы и установление демократической республики. Однако раскольническая деятельность меньшевиков срывала эту работу, сводила ее на нет.

Захватывая руководство в местных партийных организациях и в центральных органах партии, меньшевики стремились навязать рабочему классу свои оппортунистические установки по организационным и тактическим вопросам, ведущие революцию к поражению. Выступая против В. И. Ленина и ленинцев, державших курс на гегемонию пролетариата в приближавшейся революции, меньшевики видели ведущую силу демократического переворота в либеральной буржуазии и стремились подчинить ей рабочее революционное движение.

В. И. Ленин, большевики решительно выступили против этого обмана и принижения исторической роли рабочего класса. Огромная заслуга Владимира Ильича в этот период заключалась, в частности, и в том, что он вооружил нашу партию ясным пониманием всей сложности обстановки, четким представлением о подлинной расстановке классовых сил в стране и их позиции и, исходя из этого, точно определил классовые задачи пролетариата как гегемона революции.

«*Борются* и будут бороться,— писал В. И. Ленин,— *три* главных лагеря: правительственный, либеральный и рабочая демократия, как центр притяжения всей вообще демократии. Деление на два лагеря есть уловка либеральной политики, сбивающей иногда с толку, к сожалению, кое-кого из сторонников рабочего класса. Только поняв неизбежность деления на три основных лагеря, может рабочий класс вести на деле *свою*, а не либеральную рабочую политику, *используя* конфликты лагеря первого с лагерем вторым, но не давая себя ни на минуту обмануть якобы демократической фразеологией либералов. И не только себя не давать в обман, но и не давать обманывать крестьян, как главную опору буржуазной *демократии,*— таковы задачи рабочих» [1].

Сползание на позиции либеральной буржуазии приводило меньшевиков к отказу от повышения боеспособности партии, ее всемерного укрепления. Они объявляли партийную дисциплину и централизм бюрократизмом и крепостным правом, тянули партию назад, к организационной раздробленности, кустарничеству и кружковщине, выступали против вооруженного восстания, за союз с либеральной буржуазией, добивавшейся сговора с царизмом за счет народных масс.

Вследствие примиренчества Плеханова в редакцию «Искры» вернулись четверо редакторов-меньшевиков. В. И. Ленин, не согласный с таким нарушением воли съезда, вышел из редакции. В условиях ожесточенной раскольнической деятельности меньшевиков и их полного отхода от решений II съезда РСДРП у Ленина и ленинцев оставался лишь один выход: порвав связи с меньшевистским ЦК и примиренцами и опираясь на местные организации, настойчиво добиваться преодоления кризиса в партии путем созыва нового, III съезда РСДРП. С этой целью по инициативе В. И. Ленина в августе 1904 года в Швейцарии состоялось совещание 22 большевиков, обсудившее вопрос о партийном кризисе и принявшее написанное В. И. Лениным обращение «К партии». Несколько позднее на трех областных конференциях в России, выразивших волю 13 крупнейших партийных комитетов страны, было закреплено создание общерусского организационного центра — Бюро комитетов большинства (БКБ) во главе с В. И. Лениным.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 172.

Вскоре после этого был создан и большевистский орган печати — газета «Вперед».

Все это означало успешное преодоление партийного кризиса. Вместе с тем это была замечательная победа ленинских организационных и идейных принципов, которые в дальнейшем и были закреплены в решениях III съезда РСДРП, нацелившего рабочий класс страны на победу в борьбе с самодержавием и определившего пути и средства завоевания этой победы.

В нашей партии тогда создалось весьма своеобразное положение. Меньшевики, захватив центральные органы партии, оказались тем не менее почти в полной изоляции, так как большевиков поддерживали почти все крупные промышленные районы и центры: Петербург, Москва, Рига, Баку, Екатеринослав, Одесса, Луганск, Центральный промышленный район и Урал. Вся партия тесно сплотилась вокруг В. И. Ленина и возглавляемого им Бюро комитетов большинства. Напуганные этим, лидеры II Интернационала решили поддержать русских меньшевиков и с этой целью предложили вынести разногласия внутри РСДРП на международный, третейский суд.

Вождь германских социал-демократов Бебель, не представлявший, как и другие западноевропейские социалисты, истинных причин разногласий большевиков и меньшевиков, в письме предложил В. И. Ленину свое посредничество для примирения. Отвечая на это предложение, В. И. Ленин писал: «Ни я и никто из известных мне редакторов, сотрудников или сторонников «Вперед», не можем взять на себя в настоящее время ответственности предпринять какие-либо новые важные и связывающие всю партию шаги без решения партийного съезда» [1].

Во всей этой борьбе за преодоление партийного кризиса и за созыв III съезда РСДРП, вполне естественно, большая роль принадлежала местным партийным организациям. Наш большевистский Луганский комитет все время был на стороне Ленина и делал все возможное для поддержки и осуществления на практике ленинских указаний. Так, например, мы опротестовали посылку на III съезд партии делегата меньшевистского Донецкого комитета, поручили представлять нас на съезде представителю Екатеринославского большевистского комитета.

---

[1] *В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 47, стр. 12.

Наше письмо III съезду заканчивалось словами: «Привет съезду от всех сознательных пролетариев Луганска.

Да здравствует III съезд!

Да здравствует РСДРП»[1].

В специальной резолюции о III съезде РСДРП наша луганская социал-демократическая организация не только дала оценку создавшегося в партии положения, вызванного раскольнической деятельностью меньшевиков, но и высказала свой решительный протест против попыток вмешательства во внутренние дела нашей партии со стороны отдельных деятелей II Интернационала. В этом документе мы твердо заявили, что луганская организация РСДРП «считает единственным достойным и честным выходом для партии из положения дел, созданного в ней дезорганизаторской работой меньшинства, третий съезд, который сможет положить конец разброду и шатанию, так вредно отражающимся на деле пролетариата. Ни в каком случае не находим возможным принять для партии третейский суд, предложенный т. Бебелем, между «Вперед», с одной стороны, и «Искрой» — с другой, как выход из раздирающих партию раздоров. Возможен третейский суд по известному поводу обвинения в клевете и т. п., но не допустим третейский суд между двумя борющимися направлениями»[2].

В заключение резолюции мы вновь заявили о своей неуклонной поддержке ленинских требований и осудили позицию новой «Искры», ставшей с 52-го номера центральным органом меньшевиков.

«Мы бы желали,— говорилось в заключительной части нашей резолюции,— чтобы съезд партии высказался о подчинении меньшинства большинству... Нам думается, что съезд, как бы он ни желал мира и единства в партии, не может не остановиться на таких вопросах, меньше всего считаясь с боязнью некоторых лиц, что будто бы постановка их приведет к расколу. Партия пролетариата не может бояться каких-то угроз, когда приходится определить свое отношение к основным принципам существования партии. Также выражаем свое пожелание, чтобы (съезд) в основу отношения к периферии взял соображения, изложенные в

---

[1] «Переписка В. И. Ленина и руководимых им заграничных органов с социал-демократическими организациями Украины (1901—1905 гг.)». Киев, 1964, стр. 618.

[2] «Донбасс в революции 1905—1907 годов», док. № 28, стр. 40—41.

брошюре т. Ленина «Письмо к товарищу». Затем, принимая во внимание развитие разногласий, в которых новая «Искра» заняла рабочедельческую позицию, отвергнутую вторым съездом, и тем самым разорвала связь, существующую между партией и Центральным органом,— больше того: нарушила моральный мандат, полученный ею, признавая во «Вперед» истинного продолжателя старой «Искры», борющегося за принципы революционной социал-демократии, против оппортунизма новой «Искры», мы подаем свой голос за «Вперед» как за ЦО РСДРП» [1].

Готовясь к III съезду партии, Луганский большевистский комитет значительно активизировал свою работу, провел ряд нелегальных массовок в Александровской, Вергунской и других пригородных балках, на которых наши агитаторы и пропагандисты выступили с докладами о русско-японской войне и о тактике социал-демократии, об отношении революционной социал-демократии к либеральной буржуазии, о подготовке к вооруженному восстанию. Резко возросло количество революционных кружков, на занятиях которых велись ожесточенные дискуссии с меньшевиками. Был выпущен ряд прокламаций. В осуществлении всей этой работы огромную помощь оказала нам книга В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад» (май 1904 года), которую мы получили в нескольких экземплярах и внимательно изучали.

О настроении рабочих-луганчан в то время и боевом настроении Луганского комитета свидетельствует следующая листовка, выпущенная нами в конце апреля 1905 года. Вот ее полный текст:

«Российская социал-демократическая рабочая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К рабочим и работницам г. Луганска

«Праздник светлый и свободный первомайский день»

Товарищи! Поздравляем вас с днем 1 Мая — всемирным пролетарским праздником борьбы, стоящим выше всех остальных праздников, выдуманных попами да назначенных начальством.

И пусть в этот день, несмотря на угрозы сволочей полицейских омрачить наш светлый праздник погромом, мы будем повсюду провозглашать:

Да здравствует 1 Мая!!!

---

[1] «Донбасс в революции 1905—1907 годов», док. № 28, стр. 41.

Да здравствует братство рабочих!!!
Долой самодержавие!!!
Да здравствует восьмичасовой рабочий день!!!
Да здравствует социализм!!!

Луганская организация Российской Социал-демократической рабочей партии»[1].

Следует сказать, что в ходе подготовки к III съезду партии резко усилилась идейная борьба между большевиками и меньшевиками. Меньшевики использовали в этой борьбе все свои силы и средства, и им удалось в марте 1905 года расколоть на два лагеря московскую партийную организацию, создать свои группы и комитеты в Тифлисе, Батуме, Риге, Николаеве и в некоторых других городах. Но это был их временный успех.

В ходе ожесточенной идейной схватки с меньшевиками огромную помощь местным организациям партии оказали ленинские посланцы — представители Бюро комитетов большинства (только за первые четыре месяца 1905 года из Женевы в Россию было послано 56 человек). Сошлюсь при этом лишь на один хорошо известный мне пример. Твердый ленинец Ф. А. Сергеев (Артем), прибыв в Харьков, возглавил только что созданную здесь большевистскую группу «Вперед» и вместе с ней широко развернул работу за освобождение местных рабочих из-под влияния меньшевиков. Им удалось добиться хороших результатов: харьковская партийная организация, где долгое время до этого было засилье меньшевиков, вскоре уже сообщила В. И. Ленину, что дела группы «идут хорошо» и что к ней «рабочие относятся с доверием». Благодаря деятельности Ф. А. Сергеева (Артема) и группы «Вперед» харьковская партийная организация в тот период внесла свой вклад в разрешение партийного кризиса и была в числе 21 партийной организации страны, высказавшейся за скорейший созыв III съезда партии.

С огромным воодушевлением встретили мы, луганские большевики, дошедшее до нас сообщение о III съезде РСДРП, состоявшемся в Лондоне 12—27 апреля 1905 года. Узнали мы и о Женевской меньшевистской конференции. Сопоставив решения и установки этих двух форумов, мы еще более ясно поняли всю правоту и силу ленинского

[1] «Донбасс в революции 1905—1907 годов», док. № 29, стр. 42.

курса на свержение самодержавия, установление демократической республики, ликвидацию всех остатков крепостничества и царского произвола в стране. Нас особенно радовало, что решать эту стратегическую задачу должны были мы сами: ведь в качестве вождя и гегемона революции, как указывал В. И. Ленин, выступал рабочий класс, а его верным союзником была многомиллионная масса крестьянства.

До конца была ясна и понятна нам и тактическая линия большевиков — курс на вооруженное восстание для завоевания политической власти, установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Нас вдохновляла принятая съездом ленинская резолюция, в которой говорилось: «Задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент» [1]. Только так, думали мы, действуя по-большевистски, по-ленински, можно одержать победу над самодержавием, установить республику, подлинное народовластие, обеспечить дальнейшее перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Совсем иными были тактические установки меньшевистской Женевской конференции. Отрицая руководящую роль пролетариата в революции и недооценивая революционную роль крестьянства, меньшевики считали, что русская революция, как и прежние революции на Западе, должна проходить под руководством «прогрессивных сил», то есть буржуазии. Они выступали также против вооруженной борьбы трудящихся с самодержавием, пытаясь доказать, что восстание является стихийным процессом, не поддающимся никакому управлению, и что его вообще нельзя подготовить. Больше всего меньшевики опасались, чтобы самостоятельные действия рабочих и подготовка ими вооруженного восстания не отпугнули либеральную буржуазию. Вполне понятно, что все сознательные рабочие отворачивались от подобной трусливо-предательской меньшевистской линии.

— Нам не по пути с этими прислужниками буржуазии,— говорили мы между собой, когда заходила речь о меньшевиках и решениях их Женевской конференции.

Прибывшие в Луганск войска, донские казаки и усиленные наряды полиции постоянно напоминали нам о Крова-

---

[1] «Третий съезд РСДРП». Протоколы, стр. 450—451.

вом воскресенье и убеждали нас в том, что царские сатрапы не остановятся ни перед чем, чтобы задушить революцию, разгромить рабочие организации. Но мы смело глядели в лицо опасности и твердо верили в нашу силу и победу, в лучшее будущее, которое могло быть завоевано только в решительных битвах рабочего класса и всего народа со своими классовыми врагами.

Мы хорошо понимали при этом, что нам предстоит тяжелая и сложная борьба, не на жизнь, а на смерть, и что царизм использует против нас всю свою силу: армию, полицию, жандармерию и другие карательные органы. Однако нам казалось, что если дело дойдет до вооруженной борьбы, то значительная масса солдат, таких же, как мы, простых людей, поддержит нас, но найдутся среди них и такие, которые не осмелятся нарушить царские приказы, будут нападать на нас, стрелять в своих. Мы были готовы обуздать их любой ценой, заставить их выполнять волю народа. Но мы отдавали себе отчет и в том, что одного желания добиться этого еще недостаточно: много ли сделаешь голыми руками? Отсюда сам собой вставал перед нами вопрос о вооружении рабочих, о создании специальных вооруженных, обученных групп охраны рабочих собраний, демонстраций, стачек. Эти группы в случае необходимости должны были действовать и против царских войск и полиции.

Нам надлежало в самом спешном порядке взяться за подготовку вооруженных рабочих групп. К этому нас обязывали и директивы III съезда нашей партии.

Стали выяснять, кто и когда служил в армии, знает военное дело, имеет хоть какое-либо оружие и умеет пользоваться им. Оказалось, что такие среди рабочих имеются, однако не каждому из них можно довериться. Кое-кто любил выпить и был не в меру болтлив, другие были замечены в наушничестве и связях с заводской администрацией, третьи больше всего дорожили своим благополучием и как огня опасались не только какого-либо участия в революционной борьбе, но даже самых безобидных разговоров на политическую тему. И все же мы наконец нашли тех, кто нам был нужен.

Одним из первых к созданию нашей боевой дружины мы привлекли Тихона Лаврентьевича Бондарева, рабочего паровозостроительного завода Гартмана. Он уже отбыл воинскую повинность, испытал на себе солдатскую муштру и имел некоторые военные навыки. По его совету мы разде-

лили дружинников на строго законспирированные группы по 10—12 человек, выделили в их составе старших. Эти группы так и назывались у нас — десятками.

По поручению партийного комитета члены боевой дружины собрали и отремонтировали несколько каким-то чудом раздобытых старых дробовых ружей, начали ковать самодельные пики. Имея кое-какие командирские задатки, Тихон Бондарев начал занятия с группой своих товарищей: изучали строй, разбирали и собирали оружие, а иногда в глухих балках и отдаленных оврагах тренировались в стрельбе. В дальнейшем он стал признанным руководителем всей нашей боевой рабочей дружины, а в годы гражданской войны он отважно защищал молодую Советскую республику и был награжден орденом Красного Знамени.

В числе первых наших добровольцев-дружинников был слесарь Захар Горпиенко, прибывший в Луганск из Двинска, где он проходил военную службу и состоял членом подпольной военной организации социал-демократов, распространял нелегальную литературу среди солдат. За эту недозволенную деятельность он был осужден военным судом, лишен солдатского звания и посажен в тюрьму. Отбыв установленный ему срок наказания, он приехал в Луганск, активно включился и здесь в партийную работу под кличкой Патронный. Он был у нас организатором-агитатором, районщиком, а когда потребовалось, стал весьма деятельным членом боевой дружины.

Вся боевая работа наших дружинников, разумеется, проводилась в строжайшей тайне — в окрестностях Луганска, а иногда и на чьей-либо квартире. Одним из таких пунктов сбора была квартира рабочего, члена боевой дружины Давида Кирзона. У него были две взрослые сестры, и это позволяло собираться у них под видом развлечений, гулянок.

При больнице завода Гартмана нам удалось создать конспиративную группу медиков. В нее вошли наши заводские девушки — Фрося Поваркова, Ольга Самохвалова, Соня Хесина, сестры Кирзон и некоторые другие. Руководителями этой рабочей санитарной дружины были фельдшерица Софья Александровна Прянишникова и доктор Кац. Они регулярно проводили занятия и готовили группу к оказанию первой помощи, если она потребуется, в случае вооруженной борьбы с врагами рабочего класса.

Возможность получения динамита из шахтных хранилищ от наших друзей горняков позволила нам наладить из-

готовление бомб. Стали искать, кто бы взялся за это дело. Вскоре удалось привлечь к созданию нашего арсенала вполне надежную группу лиц, хорошо знающих свое дело. Рабочие Максим Поляков, Александр Феер, бывший солдат-артиллерист Крейнер и другие организовали отливку и обточку чугунных корпусов для бомб, а лаборант-провизор Перчихин, умелый и надежный человек, заряжал их динамитом. Кое-кто доставал у шахтеров запалы-детонаторы. Сборка и окончательная оснастка бомб проводились в Артиллерийском переулке, где жили наши товарищи у домовладельца, фамилия которого была не то Люц, не то Куц.

Готовые бомбы мы испытали в одной из дальних балок, и они оказались вполне пригодными для боевого действия. Однако их надо было где-то хранить, и для этого было найдено укромное место в скирдах в Каменном Броде, за рекой Лугань. Опыта обращения с этим оружием и его хранения у нас не было, и это однажды привело к случайному взрыву на одном из наших складов. К счастью, никого вблизи в это время не было и дело обошлось без человеческих жертв.

Помню, я в это время был у Семена Мартыновича Рыжкова. Мы о чем-то спокойно беседовали с ним, и вдруг где-то вдали раздался страшный взрыв, всполошивший, как нам казалось, весь город. Видимо, я при этом резко изменился в лице, так как сразу же подумал, что это погибли запасы наших бомб. Семен Мартынович не мог не заметить этого и тут же спросил:

— Уж не у ваших ли рабочих что-то взорвалось?

Как мог спокойно, я ответил ему, что не понимаю, о чем он говорит.

— Может быть, это,— добавил я,— взорвался какой-нибудь склад, где хранится взрывчатка шахтовладельцев.

Но, видимо, мне не удалось убедить друга, потому что он лишь улыбнулся и никогда больше не заводил речи об этом случае.

После этого взрыва полиция начала широкое расследование, долго выясняла, что и где взорвалось, но так и не докопалась до истины. Нас же этот случай заставил еще более надежно конспирировать каждый свой шаг и особенно тщательно хранить все, что имело отношение к изготовлению и хранению оружия и вообще к деятельности наших боевых дружинников. Это было крайне необходимо, так как к этому времени наши дружинники уже начали играть зна-

чительную роль в охране нелегальных большевистских собраний и загородных сборов рабочих на митингах и массовках, и любой провал мог принести большой урон нашему общему делу.

Окрыленные успехом февральской забастовки, рабочие заводов и мастерских города стали более решительно поддерживать Луганский партийный комитет, более открыто высказывать свое недовольство самодержавным строем, тяжелыми условиями жизни, полицейскими репрессиями. Это особенно ярко проявилось на первомайской маевке 1905 года, которую мы провели в одной из загородных балок — за Ольховым мостом.

Через своего человека, связанного с полицией, мы были осведомлены, что шпикам известно место нашего сбора и что готовится расправа с участниками маевки. Полиция хотела застать нас врасплох и лишь ждала случая. Однако мы не испугались. Расставив боевые десятки дружинников на подходах к условленному месту, мы поручили им зорко следить за всем, что делается в лесу. А друзьям рабочим, которые шли к месту сбора под видом гуляющих пар, группами или в одиночку, наши посты сообщали новое выбранное нами место маевки. Когда же появлялись полицейские, дружинники изображали подвыпивших гуляк, затевали игры, пляски под гармошки и балалайки.

Особенно удачно в те дни действовал боевой десяток, возглавляемый молодым рабочим Северьяном Кузьмичом Крюковым. Члены этого десятка — рабочие И. Д. Литвинов, А. А. Лимарев, Н. М. Дьяченко, Петр и Павел Мальцевы, А. С. Руденко и другие — ловко сбили с толку полицейских своими проделками. Они отвлекли на себя внимание шпиков и полицейских, а мы тем временем успели собраться в другом месте.

На этом первомайском митинге было особенно людно, и, что больше всего радовало, рабочие открыто осуждали царский режим. Они бурно поддерживали выступающих ораторов и все как один заявляли в личных беседах с нашими агитаторами-организаторами о своей готовности, если надо, взяться за оружие, принять участие в вооруженном восстании и биться за дело рабочего класса до победного конца.

Интересно отметить, что на этой маевке некоторые ораторы в своих речах цитировали стихи нашей поэтессы Софьи Дальней (Дерман). Она еще в 1902 году вступила в

Луганске в социал-демократический кружок, долго работала в подполье, стала профессиональной революционеркой. В дальнейшем ее стихи печатались в газете «Правда» и в журнале «Работница» [1].

Когда митинг окончился и его участники стали расходиться мелкими группками и в одиночку, мы, человек пятьдесят наиболее активных молодых рабочих, все еще толпились на месте сбора, оживленно обсуждая все то, о чем говорилось на митинге. Не хотелось расставаться. Каждый из нас чувствовал прилив сил и бодрости. И вот в этот момент кто-то подал мысль, что хорошо было бы показать горожанам и полиции, что мы не боимся никаких репрессий и смело выступаем за правое дело. Тут же решили двинуться с красным флагом на вокзал, куда вот-вот должен был прибыть пассажирский поезд (мы находились недалеко от вокзала).

Сказано — сделано. Нацепив на палки красные девичьи платки и построившись в колонну, мы пошли к железнодорожной станции и прибыли туда в самый раз. Пассажиры из проходящего состава прогуливались по перрону. И, пожалуй, никто не заметил, как на краю платформы появился наш небольшой отряд. Мы запели «Варшавянку», и это привлекло к нам всеобщее внимание.

Шагая в ногу, мы смело продвигались вперед сомкнутым строем, и наши импровизированные флаги гордо развевались на ветру. Все это было так неожиданно, что никто из железнодорожной администрации не успел принять никаких мер для предотвращения этой недозволенной выходки — демонстрации. А когда появилась полиция, то нас уже не было.

Так нам удалось под носом царских властей провести празднование Первомая и еще теснее сплотить рабочих во-

---

[1] Софья Яковлевна Дальняя (Дерман) была замечательным человеком. Главной темой ее творчества был пролетарский Донбасс. В 1926 году вышла книга ее стихов «Первые шаги» (с предисловием Н. К. Крупской). Она оставила на память товарищам свою рукописную поэму «На заре», в которой прославляла безвременно погибшего молодого пролетарского поэта, своего друга Ивана Пилькевича (Ивана Большого) — рядового рабочего паровозостроительного завода Гартмана. Там же она упоминала имена ряда участников революционной борьбы того времени: Ивана Федоровича Ткаченко-Петренко, Петра Иосифовича Цупова, мое и некоторых других. Судьба этой рукописи мне неизвестна. Умерла Софья Яковлевна в 1960 году. До конца своих дней она сохранила верность Коммунистической партии.

круг небольшой группы большевиков-ленинцев. Отрадно было отметить, что в этом праздновании принимали участие и некоторые крестьяне из соседних деревень. Они были приглашены на митинг и благодаря нашим провожатым избежали неприятных встреч с полицейскими кордонами.

Следует сказать, что мы всемерно старались укрепить связь рабочих с крестьянами, как требовали этого Ленин и решения III съезда РСДРП. И нам кое-что удалось сделать в этом направлении.

При Луганском комитете партии была создана специальная крестьянская группа, члены которой разъезжали по окрестным деревням, выискивали там надежных людей, сочувствующих делу революции, и через них распространяли среди крестьян листовки и другие большевистские издания. Так, например, в связи с начавшимися крестьянскими волнениями в Славяносербском уезде нам удалось довольно широко распространить в деревнях приуроченную к этим дням листовку. Она призывала наших братьев крестьян «разогнуть согнутые спины, подняться как один человек» на борьбу с самодержавием, помещиками, за землю и волю. Однако в целом связь с крестьянством у нас, как и в других местах, была тогда еще недостаточно прочной, а кое-где и вовсе слабой.

В эти дни мы узнали о восстании черноморских моряков на броненосце «Потемкин». Это еще выше подняло и без того боевое настроение революционеров-луганчан. В рабочих районах молодые и старики все чаще стали открыто высказывать крамольные мысли о гнилости самодержавного строя, о бездарности царских генералов и адмиралов, проигравших русско-японскую войну, о необходимости с оружием в руках расправиться с самодержавием, помещиками и буржуазией. Нам оставалось лишь направлять революционную энергию масс в нужное русло.

Большой силой в городе к тому времени стало наше рабочее депутатское собрание и его исполнительный комитет, который, по сути дела, все более превращался в орган нашего рабочего управления, нашей рабочей власти. В исполком входило пять человек: Д. А. Волошинов, Д. М. Губский, Д. Н. Гуров, И. Н. Нагих и я. Нам повседневно приходилось заниматься практическими делами, связанными не только с работой заводов, но и с жизнью населения. Городские чины были вынуждены считаться с возросшим автори-

тетом нашего исполкома. Ярким свидетельством этого явилось предотвращение исполкомом антисемитских погромов в городе, а также решающая роль депутатского собрания в освобождении из тюрьмы группы заключенных, рабочих, в число которых попал и я.

Занимаясь текущими делами, мы все более убеждались, что заводская администрация пытается уклониться от выполнения требований рабочих, принятых ею в результате февральской забастовки. Ссылаясь на то, что владельцы паровозостроительного завода подписали в Петербурге конвенцию, запрещавшую сокращение рабочего дня, оплату за время забастовок и допуск рабочих к установлению расценок и к выработке правил внутреннего распорядка, дирекция завода Гартмана тормозила выполнение своих обязательств.

Не выполнен был также пункт февральского соглашения об увольнении с завода шпиков, следивших за передовыми рабочими и доносивших администрации и полиции обо всем, что делалось в цехах. Мы неоднократно напоминали об этом, но директор завода, видимо надеясь на усиленные наряды полиции и расположившиеся в городе войска, продолжал нарушать принятые на себя заводской администрацией обязательства. Тогда мы собрали совместное заседание заводской партийной организации и депутатского собрания и официально потребовали от дирекции завода твердо выполнить все пункты рабочих требований. Директор отказался обсуждать с нами этот вопрос, и тогда Луганский комитет призвал рабочих-гартмановцев к новой забастовке.

Она началась 8 июля 1905 года. Началась дружно, с большим подъемом. Но мы не учли опасности полицейского вмешательства и не использовали в должной мере силу своей боевой дружины. Это нам дорого обошлось.

В разгар собрания, на котором должны были быть обсуждены и предъявлены администрации наши новые требования, на заводском дворе появились вооруженные полицейские. Чувствовалось, что они заранее продумали свои действия, так как мы оказались почти окруженными. Не успели мы даже объявить об открытии митинга, как полицейские открыли стрельбу и стали наседать на рабочих, тесня их к реке. Это породило панику. Собрание было сорвано. Надо было обеспечить организованное отступление, но и этого нам сделать не удалось.

Натиск и стрельба полиции были так неожиданны, что рабочие, в том числе старики и женщины, не будучи искушенными в схватках с вооруженными держимордами, бросились врассыпную. Главная масса участников собрания ринулась туда, где еще оставался проход из окружения полицейских, — к реке Лугань, окаймляющей территорию завода, и пустилась вплавь на другой берег. Будучи одним из организаторов забастовки, я, естественно, отходил в числе последних и, насколько позволяла обстановка, старался руководить действиями наших комитетчиков, пытаясь навести хоть какой-нибудь порядок.

Но паника нарастала. Всюду раздавались выстрелы, крики. Мы старались разбить толпу на «ручейки», чтобы легче было отступать мелкими группами. Это ускорило переправу основных участников собрания через Лугань, но сами мы не успели скрыться. Увидев, что полиция настигает нас, мы остались на месте. Разъяренные полицейские, стрелявшие на ходу больше для страха, окружили нашу группу. В руках некоторых из них были шашки, револьверы со взведенными курками. Они потребовали следовать за ними, и мы повиновались.

В это время подскочила еще одна свора царских сатрапов. Сильным ударом меня сбили с ног, кто-то из наших упал рядом. Началась дикая расправа. Били, что называется, смертным боем, и вскоре я потерял сознание. Очнулся лишь в полицейском участке, который находился здесь же, на территории завода. Спустя некоторое время сюда привели еще одну жертву полицейской расправы — рабочего-большевика Самарина. Он весь был в синяках и кровоподтеках.

Я попытался выяснить у Самарина, как обстоят дела с другими, но он, как и я, был схвачен во время паники и ничего толком не знал. Связаться ни с кем было нельзя. Время от времени полицейские забегали в каморку, где мы находились, и потчевали нас зуботычинами и пинками. Не ограничиваясь этим, они били нас рукоятками револьверов, кулаками и всем, что попадалось им под руку.

Однако по всему тому, что мы видели, по нервной суете полицейских и по их неспокойным, бегающим взглядам мы ясно чувствовали, что наши мучители не уверены в своих действиях, полны тревоги за свою собственную судьбу. Видимо, они боялись внезапного нападения со стороны рабочих. Этого нападения, признаться, ожидали и мы: ведь

в этом было наше спасение, хотя мы и понимали, что в случае опасности полицейские прежде всего постараются рассчитаться с нами. В этом не могло быть сомнения, так как мы собственными ушами слышали приказание пристава, хотя оно и передавалось полушепотом за дверью:

— В случае чего этих мерзавцев прикончить.

В этих условиях мы, естественно, не могли и думать об отдыхе и сне. Внимательно следя за всем, что происходило за стенами нашей камеры, мы около полуночи услышали новую команду:

— Подать веревки. Да быстрее, не мешкайте.

По телу пробежала холодная дрожь. Мелькнула мысль: будут вешать. Одновременно где-то внутри теплилась надежда, что полицейские не посмеют пойти на этот шаг: ведь если об этом узнают тысячи рабочих Луганска, они разнесут не только полицейский участок, но и весь завод. Но... могло быть всякое. И когда в нашу камеру вошла большая группа городовых с веревками в палец толщиной, я понял, что дела плохи. Взглянув на своего товарища, увидел, что и он переживает то же самое,— его обезображенное побоями лицо залила страшная бледность.

Нам приказали встать. Избитые, измученные, мы не могли подняться и продолжали лежать — один на полу, другой на лавке. Тогда нас силой подняли и, подталкивая, начали связывать. Мы еле держались на ногах, а в это время полицейские опутывали нас веревками: вначале крепко привязали мою правую руку к левой руке Самарина, а затем опоясали нас вместе несколькими витками. Держась за концы веревок, как за вожжи, полицейские вывели нас из участка.

Во дворе нас встретила большая толпа полицейских и конных казаков. Давая им наказ, пристав прокаркал:

— Господа! Вы ведете злейших преступников царя и отечества. Имейте в виду: на вас может быть совершено нападение их сообщников. Будьте бдительны и при малейшем вмешательстве толпы прежде всего покончите с ними. Вы меня поняли? — уточнил пристав.

— Так точно, поняли, ваше высокоблагородие!

Подталкиваемые кулаками и револьверами, мы двинулись вперед. Вели нас по самым темным улицам и переулкам, прилегающим к территории завода. Было тревожно и горько: чтобы убить нас, полицейским достаточно подстроить любую провокацию. Кто их после будет спраши-

вать, нападала или не нападала на них толпа, пытались мы убежать или нет.

В глухом переулке нас остановили у одного из домов, окна которого ярко светились. Дом был окружен полицейскими, и здесь мы простояли на одном месте около часа, томясь неведомым ожиданием. Все тело ныло от побоев, ноги гудели от усталости, глаза, заплывшие от синяков, почти ничего не видели. Хотелось присесть, но едва кто-либо из нас заикался об этом, в ответ раздавалась площадная брань и сыпался град тумаков.

Силы наши иссякли, и не знаю, чем бы кончилось дело, если бы в это время из дома не вывалилась на улицу новая толпа полицейских. Они кого-то толкали впереди себя, и мы не сразу узнали в этом человеке нашего товарища — большевика Вольфа. Его поставили рядом с нами, но не связали и не били, может быть, потому, что он и без того был едва жив. Мы двинулись дальше, потом снова где-то стояли и кого-то принимали в свою арестантскую компанию.

Так продолжалось всю ночь. Видимо, полиция основательно подготовилась к этой облаве, в ее лапы попала большая группа активных подпольщиков, членов нашей партии.

В полицейское управление нас привели уже на рассвете. Уставшие и измученные, мы буквально валились с ног. Здесь нас не били и даже не допрашивали: осуществив обычные формальности, записав фамилии и кое-какие данные о каждом из арестованных, полицейские направили всех нас в тюрьму.

Меня выделили из группы арестованных и повели в тюремный карцер. Здесь началось новое избиение. Сколько времени оно продолжалось, не могу сказать. Я потерял сознание, а когда пришел в себя, было уже за полдень. Вскоре в карцер зашел один из надзирателей тюрьмы и спросил у меня, хочу ли я пить. Я в полубессознательном состоянии что-то пробормотал, и он тут же принес мне кружку с водой, не сказав более ни слова. Через некоторое время пришел другой надзиратель и сообщил, что меня переведут в другое место.

После этого я оказался в одиночной камере. Здесь было какое-то убогое ведерко с водой, грязное полотенце. Затем мне принесли миску горячей баланды, и впервые за этот день я поел. Но силы во мне едва теплились, и лишь дней через пять-шесть я почувствовал себя лучше. К этому времени ко мне в камеру стали подселять кое-кого из наших

товарищей (так переполнена была тюрьма), и с некоторыми из них я находился здесь до освобождения.

Наш арест ослабил руководящее ядро городской партийной организации, но Луганский комитет партии продолжал активно действовать. Нам сообщили, что в городе и селах царит брожение, назревает недовольство бесчинствами полиции, царских властей. Мы узнали также, что в Петербурге, Варшаве, Харькове и других промышленных центрах рабочие бастуют, а кое-где дело дошло до вооруженных схваток забастовщиков с полицией и войсками. В деревнях крестьяне жгли помещичьи усадьбы. В народе все яснее и громче звучали большевистские призывы: «Долой гнет и насилие помещиков и капиталистов! Долой самодержавие!»

Это вливало в нас новые силы. Все мы рвались на волю, в гущу революционных событий. Но стены царской тюрьмы были крепки, и нам оставалось лишь одно: ждать помощи от наших товарищей рабочих, главной силы бушующей революции.

И эта помощь пришла.

ГОРЯЧИЕ БУДНИ

Вслед за разгромом июльской забастовки рабочих завода Гартмана и арестом ее руководителей заводская администрация и полиция осуществили и другие репрессии. Около двухсот активистов-забастовщиков были не только уволены с завода, но и выселены из Луганска. Временно ослабла деятельность депутатского собрания. Но остановить революционный подъем власти были не в состоянии. Луганские пролетарии, как и рабочие других промышленных центров России, продолжали действовать все более смело и решительно.

Луганский партийный большевистский комитет укрепил свои связи с заводами — Гартмана, патронным, эмалировочным, с железнодорожными мастерскими и другими предприятиями. В ряды партии были приняты многие передовые рабочие, доказавшие на деле свою преданность делу революции,— активные участники забастовок, боевые дружинники, надежные и верные исполнители различных поручений партийного комитета.

Для укрепления связи Луганского комитета с рабочими и трудовым населением пришлось внутри единой партийной

организации создать районные — гартмановскую, патронного завода, железнодорожную и городскую. Выборные представители от этих организаций составили общегородской партийный комитет. Чтобы расширить связи с массами, привлечь к партийной работе новых активистов, мы решили использовать легальные возможности. Одной из них была рабочая наша библиотека-читальня, созданная вскоре после успешно завершившейся февральской забастовки. Луганский комитет принял все меры для пополнения библиотеки лучшими произведениями художественной литературы, книгами познавательного характера (на естественнонаучные и исторические темы). В обложки от других изданий мы прятали политическую литературу.

Заведовал и руководил публичной рабочей библиотекой-читальней, как она официально именовалась, учитель Павел Максимович Седашов. Он не был членом партии, но горячо сочувствовал рабочим, их революционной борьбе и тесно был связан с нашим большевистским комитетом. По нашему поручению он выдавал книги партийным агитаторам и пропагандистам, приглашал для проведения бесед по той или иной книге членов партийного комитета или учителей. Вскоре об этих беседах и встречах стало известно полиции, и она неожиданно нагрянула к Павлу Седашову с обыском.

Вот как он сам позднее описывал этот случай:

«В помещение заводской библиотеки (здание бывш. Васнева на Камнебродской площади) явились пристав и надзиратель завода Гартмана с инспектором народных училищ. Начался обыск... «Архангелы» распределились по отделам каталога. Пристав был из офицеров царской армии и претендовал на самый большой отдел — беллетристику; надзиратель (малограмотный) — политический и исторический; инспектор — на другие отделы.

Все «архангелы» были профанами, в особенности полицейский надзиратель. Этот в запрещенные направлял все книги в хороших красных переплетах. Доходило до курьеза. Надзиратель показывает приставу четыре книги в ярко-красном переплете, и тот, не разбираясь, приказывает отложить их в запрещенные. А это были самые легальные книги по земледелию.

Все же в кучу отобранных книг попали действительно запрещенные книги. Обыск затянулся допоздна. Отобранным книгам не успели сделать список. Завязанные, но не

опечатанные книги отправили на подводе в полицейское управление.

Положение получилось критическое. За наличие в публичной библиотеке-читальне запрещенных книг отвечал заведующий библиотекой.

Мне грозил арест и ссылка. Вечером отыскали молодого писца-земляка из г. Славяносербска, по фамилии Чернощеков Александр, который служил в управлении полиции, и устроили подмену наиболее важных из запрещенных книг соответственным количеством книг в красных обложках. Сошло» [1].

Однако, хотя обыск и не дал ожидаемых результатов, царские власти все же припомнили П. М. Седашову его работу в крамольной библиотеке-читальне. Когда награждали учителей за выслугу лет медалью «За усердие», он был обойден этой наградой, несмотря на то что имел полное право на ее получение [2].

Большое внимание мы уделяли в то время расширению наших связей с рабочими семьями и привлечению наиболее сознательных молодых и пожилых рабочих к активному участию в революционной борьбе. Особенно большую помощь оказала нам в то время тетя Гущиха — Анна Лукинична Гущина, жена одного из рабочих чугунолитейного цеха завода Гартмана. Ей было в то время около пятидесяти, но она была исключительно жизнедеятельна и изобретательна и в доме считалась главой семьи — муж и двое взрослых сыновей, Павел и Василий, беспрекословно ей подчинялись.

В свои молодые годы Анна Лукинична примыкала к одной из организаций «Земля и воля» и в обличье монахини под кличкой Вари Пучковой ходила в народ, но была схвачена полицией. Чтобы избежать ссылки, она, как сама рассказывала, женила на себе Гущина и бежала вместе с ним. Быть может, в то время она приобрела некоторый опыт работы с гектографом и научилась варить гектографическую массу. Во всяком случае, это ее умение нам очень пригодилось, и вскоре квартира Гущиных стала нашей подпольной мастерской по выпуску прокламаций. Здесь мы за три

---

[1] *П. М. Седашов.* Воспоминания. Рукопись. Партархив Луганского обкома КП Украины.

[2] Советская власть не забыла скромного труженика рабочей библиотеки (он руководил ею бессменно с 1905 по 1922 год) и назначила ему пожизненную персональную пенсию.

месяца выпустили несколько нелегальных листовок общим тиражом до шести тысяч экземпляров. Для безопасности пришлось оборудовать специальное подполье и подземный выход из него в сарай — на случай внезапного провала.

О находчивости тети Гущихи ярко свидетельствует такой факт. Как-то ночью, когда в ее доме печатались прокламации (не в подполье, а в комнате), нагрянула полиция. Чтобы выиграть время и выйти из положения, она разбудила гостивших у нее сестру и ее сына, которые ничего не знали о печатании листовок, заставила спрятать под матрац гектограф и прокламации и вновь положила в кровать племянника-подростка. При этом она быстро нарядила его молодой роженицей; положила ему под рубаху подушку, завязала ему голову платком и приказала: стони. Когда все было сделано и мы ушли через потайной ход, хозяйка открыла дверь.

— Почему так долго не открывали? — набросился на нее старший полицейский.

Но она уже была в белом халате и, показывая полицейскому акушерский инструментарий (она иногда действительно принимала роды), спокойно сказала:

— У меня в доме племянница-роженица, а вот ее мать,— показала она на свою сестру.— Делайте, что вам угодно, только, ради бога, осторожней.

Полицейские приступили к обыску, обшарили все углы, заглянули под кровать, но «роженицу» не осмелились потревожить (Гущина знала, что закон запрещает грубо обращаться с женщиной в такое время). Ничего не обнаружив, полиция вынуждена была убраться, как говорится, несолоно хлебавши и даже извинилась за беспокойство.

Гектографы и прокламации были спасены. Однако было ясно, что полиция нащупала след и не оставит этот дом в покое. Надо было искать новое убежище, а заодно и совершенствовать выпуск своих печатных изданий. Так возникла у нас идея создания подпольной большевистской типографии. Нужно было где-то достать шрифт, печатный станок, типографскую краску, бумагу, подобрать людей, умеющих набирать и печатать. Пришлось искать все это не только в Луганске, но и в других городах: в Харькове, Екатеринославе, Таганроге, Ростове. Помогли связи с рабочими типографии издававшейся в Луганске газеты «Донецкая жизнь». Они с величайшей осторожностью достали нам немного текстовых и заголовочных шрифтов, типографские формы,

линейки, краску. Печатный станок собирался из частей, привезенных из разных мест. Это был поистине сизифов труд — приходилось все доставать буквально по крупицам.

Подходящей оказалась квартира на Вокзальной улице, где жил холостой рабочий Иван Кононенко. Но он жил один, и визиты к нему, да тем более в его отсутствие, могли бы вызвать подозрение. Пришлось «женить» Ивана: к нему подселили сочувствующую нам работницу патронного завода Гайдукову. Теперь к ним ходили «гости» «семьями». Мы составляли и редактировали здесь листовки, воззвания и прокламации. Обычно набирал текст наборщик из типографии «Донецкая жизнь», а в роли корректора выступал кто-нибудь из надежных учителей.

Хочется сказать доброе слово и о другой замечательной женщине, нашей надежной помощнице Варваре Спиридоновне Чугуновой. Она была известной в городе модисткой, хорошо зарабатывала, имела свой домик, уютно расположившийся в зелени сада на берегу Лугани. Здесь мы, луганские большевики, имели надежное укрытие, принимали представителей из центра, иногда проводили политические занятия, заседания комитета, печатали прокламации. Дом был удобен и тем, что из него было легко скрыться через сад и отплыть в лодке по реке.

Варвара Спиридоновна бескорыстно помогала нам чем могла и всякий раз, как мы у нее бывали, а бывали мы там почти ежедневно, совершенно бесплатно кормила нас. На все наши попытки рассчитаться с нею лишь отшучивалась:

— Вы не в лавочку пришли — ешьте без всяких разговоров.

Были случаи, когда мы скрывали у Варвары Спиридоновны раненых дружинников, хранили оружие, собирали совещание районщиков и подрайонщиков. Чтобы не вызывать подозрений обилием людей у своего дома, она собирала к себе соседских ребятишек, устраивала с ними шумные игры, и таким образом наш приход к ней в детской сутолоке оставался незаметным. Конечно, в случае нашего провала ей грозили серьезные неприятности — арест или даже ссылка, но все мы действовали весьма осторожно и не подвели свою добрую хозяйку.

Поражение июльской забастовки на заводе Гартмана, вопреки ожиданиям местных царских властей, не привело к ослаблению революционного натиска рабочих, а, наоборот, вызвало новый революционный подъем среди всех

луганских пролетариев. То здесь, то там возникали стихийные, а чаще всего организованные большевиками выступления рабочих, забастовки, митинги. Мы старались использовать их для разъяснения трудящимся политики партии и насущных задач революции.

Оправившись от перенесенных репрессий, все большую силу стало набирать наше депутатское собрание — открытый, легальный, руководимый большевиками орган управления луганских пролетариев. Этот рабочий Совет, хотя он тогда и не носил такого названия, все более становился общепризнанным органом рабочей власти. Рабочие и другие жители города часто обращались к нему не только по трудовым, но и по политическим вопросам, а иногда и совсем по гражданским делам — о разрешении земельных, наследственных, бракоразводных и прочих дел. За разрешением земельных споров в исполком депутатского собрания обращались крестьяне из окрестных деревень. Это свидетельствовало о связи нашего рабочего исполкома с деревней, с крестьянами. Но это были всего лишь первые шаги, и, к сожалению, нам не удалось в то время обеспечить постоянного и прочного союза рабочих и крестьян в масштабе всего уезда.

Июльская забастовка привела в дальнейшем к новым крупным выступлениям луганских рабочих — в октябре и декабре 1905 года. Уже при Советской власти, в 1935 году, в 30-ю годовщину этой забастовки, в своем «Приветствии пролетариям Луганска» я попытался осмыслить значение этого важного этапа в нашей суровой борьбе той давней поры. Вот что тогда я написал:

«Вторая забастовка рабочих завода Гартмана 1905 года — это маленькая, но яркая зарница октябрьских побед. Эта забастовка была в тот же день разгромлена вооруженной силой, руководители ее частью скрылись, частью были брошены в тюрьму, но самый факт повторного коллективного выступления рабочих большого завода имел громадные политические последствия не только для Луганска, но и для всего района.

Разгром забастовки и зверства полиции и черносотенной своры... немало способствовали тому, что наша большевистская организация быстро окрепла и выросла, впитав в себя все лучшие элементы пролетариата.

К началу 1906 года луганская организация насчитывала уже больше 2 тысяч членов партии».

У меня нет оснований в чем-либо уточнять или пересматривать в настоящее время эту оценку июльской забастовки (может быть, я лишь непреднамеренно завысил численность луганской партийной организации, включив в ее состав многих рабочих-активистов, которые тесно примыкали к нам, но формально не состояли в партии). Забастовка потерпела поражение, но помогла нам укрепить наши ряды и сделать нужные выводы для дальнейшей революционной работы в массах.

Большевистская газета «Пролетарий» в № 14 от 16 августа 1905 года в связи с поражением этого выступления луганских пролетариев писала:

«Вспыхнувшая совершенно неожиданно, стихийно, эта, никем не организованная забастовка имела, таким образом, печальный конец. (Правда, при возобновлении работы не пришло человек 500—600, но ведь это из 4000!) Заводские шпионы, которые со времени бывшей здесь в феврале забастовки успели очень хорошо спеться и сорганизоваться, представили список 100 с лишним человек, да человек 10 было арестовано. Несмотря, однако, на эти аресты и энергичную высылку уволенных, нельзя сказать, чтобы на заводе воцарилось спокойствие. Рабочие возбуждены и полны глухого недовольства. К сожалению, местная социал-демократическая организация еще не окрепла и не оказывает того влияния на рабочую среду, какое могла бы оказывать при более благоприятных условиях внутрипартийной жизни.

Кстати сказать, дела завода идут прекрасно, за последний год получено 3 миллиона прибыли (на 9 миллионов капитала), да и неудивительно: помимо обычного источника доходов — бессовестнейшей эксплуатации рабочих — завод наживается на казенных заказах: например, за паровоз, который обходится 18 400 руб., берут 32 000! Конечно, рука руку моет» [1].

В этой корреспонденции из Луганска, опубликованной в «Пролетарии», в общем довольно точно показан урон, понесенный нами в июльской забастовке, но сделан преждевременный и необъективный вывод об ослаблении партийного руководства массами. Последующие события опровергли эти утверждения. Видимо, автор был наездом в

---

[1] ««Вперед» и «Пролетарий»», вып. 4. М., 1924, стр. 138.

Луганске и недостаточно хорошо знал местных большевиков, которые умели стойко переносить временные поражения и выходили из них еще более окрепшими. С подобными фактами мы встречались неоднократно, и о некоторых из них я еще скажу в свое время.

Мой арест продолжался. Находились в тюрьме и некоторые другие активные участники революционной работы: Т. Л. Бондарев, В. Т. Абросимов-Архипкин, Савелий Батинов, Вольф. Я возглавлял тогда Луганский большевистский комитет; оставшиеся на свободе товарищи стали искать возможность связаться со мной. Однако я находился у полиции на особом счету и ко мне в одиночную камеру никого не пускали. И тут нас снова выручила наша добрая Анна Лукинична Гущина.

Она выдала себя за мою мать, пошла на дачу к жандармскому ротмистру Ермолаеву, добилась у него приема, разыграла сцену покаяния, рассказала какую-то историю, случившуюся с ней в молодости. Видимо, она была прирожденной актрисой. Ей удалось растрогать черствое сердце жандармского ротмистра. Вскоре она стала ежедневно приносить мне передачи и даже беседовать со мной.

Мы жадно ждали весточек с воли и радовались тому, что боевой дух наших товарищей не сломлен. Они, как и прежде, делали все возможное для революционного воспитания масс и подготовки вооруженного восстания. В меру сил и способностей мы старались помочь им своими советами, которые иногда удавалось передать через навещавших нас товарищей.

Каждый из нас, находившихся в заключении, старался не закиснуть в застенке и извлечь из вынужденной отсидки максимальную пользу. Я за это время перечитал много книг и заучил ряд стихотворений Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Кольцова, Никитина. В одиночных камерах нас держали по 4—5 человек. Мы часто обсуждали политические вопросы, старались обогатить друг друга знаниями, революционным опытом, и все это в какой-то мере способствовало нашей идейной закалке, воспитанию и самовоспитанию воли, дисциплины, чувства товарищества.

Вспоминается один забавный и в то же время поучительный случай. Среди нашей четверки политических заключенных был один молодой луганский рабочий, член партийной организации гартмановского завода Борис Ременников. Он был в общем-то симпатичным человеком, но недостаточно

внимательным к другим. Это мне бросилось в глаза сразу же, во время первого нашего тюремного обеда.

Нам принесли бачок жидкого, постного супа и по куску черного хлеба. Во время еды Борис умудрялся так орудовать своей ложкой, что всем остальным досталось супу, пожалуй, вдвое меньше, чем ему одному. Я тогда же «по секрету» сказал ему, что мы все живем впроголодь и надо думать не только о себе. Однако Борис и дальше действовал таким же образом. И тогда, выведенный из себя его бесцеремонностью, однажды во время еды я так огрел его деревянной ложкой по лбу, что она разлетелась вдребезги. Это было Борису Ременникову хорошим уроком: он после этого взял себя в руки и стал строго соизмерять свой аппетит с имеющимися возможностями. И хотя я лишился ложки, но зато был рад, что Борис сумел преодолеть свой эгоизм и стал более внимательным к нам, своим товарищам. Впоследствии он сам благодарил меня за эту несколько необычную науку.

Вскоре после царского манифеста 17 октября 1905 года, о чем я расскажу несколько позднее, все наши товарищи — политические заключенные — были выпущены на свободу. Однако меня и некоторых других руководителей июльской забастовки оставили в тюрьме, предъявив нам уголовное обвинение в вооруженном сопротивлении полиции, в результате чего был ранен один полицейский. Это была грязная клевета и подлый предлог для того, чтобы возможно дольше держать нас в каменном мешке.

Хорошо помню охватившее меня в то время чувство гнева и бессильной ненависти к палачам. Они решили, думалось мне, держать нас в заключении «до суда», а по существу — до бесконечности. Но мы верили в силу революции и в неизбежность нашей победы. Мы твердо знали, что наши товарищи большевики не оставят нас в беде. Так оно и вышло: когда новая революционная волна взметнулась над Россией и дело дошло до вооруженной схватки с царизмом в Москве и многих других городах, мы были также освобождены.

Никогда не забуду, как произошло это памятное для меня событие. Тысячные толпы рабочих Луганска подошли к тюрьме и потребовали от тюремной администрации нашего освобождения. Из окон тюрьмы мы видели могучее шествие и видели, как заметались в панике тюремщики. По их вызову к тюрьме прибыли полиция, жандармские чины,

прокурор. Они хотели еще раз обмануть бдительность рабочих, но на этот раз у них ничего не вышло. Напуганные демонстрацией трудящихся, они быстро состряпали какой-то приказ и выпустили нас под небольшой залог. Я был взят на поруки моим другом, большевиком, рабочим гартмановского завода Анисифором Ивановичем Волошиным.

По выходе из тюрьмы я убедился, что наша большевистская организация выросла и окрепла, стала подлинным вожаком трудового населения. Но время и события требовали новых решительных действий, и я со всем пылом молодости и непримиримой ненависти к угнетателям включился в практические дела. Побывал не только во всех цехах завода Гартмана, но и на других предприятиях, повидался и переговорил с каждым нашим партийным активистом, со всеми районщиками и подрайонщиками, с членами боевых дружин и боевых десяток. Несколько раз выезжал в пригородные деревни.

Мы, члены Луганского большевистского комитета, хорошо чувствовали нарастание революционных событий по всей России и ясно понимали, что в недалеком будущем, и, может быть, очень скоро, обстановка потребует от нас решительных действий. Поэтому мы всю свою энергию направили на работу с людьми, и особенно на улучшение подготовки боевых дружин и всех передовых рабочих к надвигающимся решающим схваткам с самодержавием, с царскими войсками и полицией.

Прежде всего надо было усилить сбор оружия, вооружение рабочих, научить наших дружинников стрелять и пользоваться самодельными бомбами.

Мы понимали, что им трудно после утомительного рабочего дня заниматься строевой подготовкой, уходить в глубь оврагов и лесов для тренировочной стрельбы, но никто из них не жаловался. Действуя тайно от полиции и всякого рода праздно любопытствующих обывателей, мы по окончании работы расходились с завода по домам, а потом собирались небольшими группами и вели занятия.

Одновременно мы проводили широкую политическую работу среди рабочих и членов их семей: рассказывали о том, что делается в других районах страны, вербовали пополнение в группы актива, создавали новые явки. Все это укрепляло наши связи с массами.

Периодически проводившиеся аресты многих активистов луганской партийной организации, разумеется, ослабляли

ее деятельность, но большевистский центр в Петербурге и Екатеринославский партийный комитет постоянно оказывали нам практическую помощь опытными кадрами профессиональных революционеров. В 1905 году и позднее в Луганске некоторое время работали видный партийный пропагандист Л. Л. Шкловский (Сергей), петроградский рабочий А. П. Тайми, екатеринославский большевик В. И. Нанейшвили, профессиональные революционеры Вольфсон (Михаил), Ю. П. Денике (Юрий), А. П. Пинкевич (Максим), Г. И. Левин (Анатолий), Э. В. Лугановский (Роберт, Монька). На Орловско-Еленовском руднике подлинным организатором деятельности местной партийной организации был ветеран рабочего движения, руководитель знаменитой Морозовской стачки 1885 года в Орехово-Зуеве, большевик Петр Анисимович Моисеенко.

Особенно заметный след в работе луганской партийной организации оставил Э. В. Лугановский [1]. Он дважды приезжал к нам (в мае и октябре 1905 года) и оказал большую помощь в налаживании нашей партийной работы, в разоблачении оппортунистической сущности меньшевизма и в налаживании наших связей с ленинским заграничным партийным центром. В письме от 15(28) апреля 1905 года в редакцию газеты «Вперед» он сообщал:

«...Пишу я из Луганска... Местная работа идет прекрасно со дня моего приезда. За две недели тут прошли две массовки, одна в 80 чел., другая в 40, причем было организовано 3—4 летучки. На всех них ораторствовал. Фактом моей положительной работы я вытеснил всех меньшевиков. Организация вся сейчас большевистская. Пришлось организовать центр, районы и т. п. Лучшие рабочие довольно ясно представляют себе разногласия. За этими рабочими вся масса. Меньшевисты за бортом. Одно несчастье — мало людей. Боюсь провалиться — работаю слишком широко в массе» [2].

[1] Эммануил Викторович Лугановский — рабочий-булочник, член партии с 1902 года, профессиональный революционер ленинского направления. Был делегатом V (Лондонского) съезда РСДРП от ново-тагильской партийной организации и VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков от харьковской партийной организации. После Октябрьской революции занимал ряд видных хозяйственных постов, более десяти лет возглавлял правление Центрального коммунального банка.

[2] «Переписка В. И. Ленина и руководимых им заграничных партийных органов с социал-демократическими организациями Украины (1901—1905 гг.)», стр. 628—629.

В другом его письме от 26 мая (8 июня) 1905 года в редакцию газеты «Пролетарий» говорится:

«Наша работа идет довольно успешно. Имейте в виду, что приходится работать при отсутствии связей с центрами и литературы. К 1 Мая мы распространили 1200 листков и 500 поздравительных карточек. Выпущены теперь 3 листка: к заводу Гартмана, к патронному заводу, к железнодорожным мастерским. Наше несчастье, что нет техники.

К меньшевикам понаехало народу для обратного завоевания, но это не удастся... Помогите всем, чем можете. Свяжитесь с ЦК. Пошлите денег. Если не пошлете, придется бросить и уехать. При таких условиях невозможно работать» [1].

В этих письмах все правильно. В упрек их автору можно поставить лишь то, что он всю проделанную работу пытается выставить в основном как личную заслугу, и ту нервозность, которую он проявляет при наличии трудностей. Под угрозой провала он действительно вскоре уехал в Екатеринослав, но мы, луганские большевики, продолжали начатое дело и были признательны Э. В. Лугановскому за оказанную нам помощь.

Благодаря поддержке профессиональных революционеров оживилась революционная деятельность на заводах Гартмана, патронном, в железнодорожных мастерских, на близлежащих шахтах и рудниках. Стали чаще собираться массовки и сходки, на которых присутствовали сотни рабочих.

В одном из сообщений В. И. Ленину из Луганска местный большевик Михаил Крупчицкий, скрывавшийся под кличкой Михаил, писал 19 сентября (2 октября) 1905 года:

«...Собрали заводские комитеты, привели силы в порядок, устроили массовку, первую. Рабочих было до 300 человек. Говорил оратор о Государственной думе, о нашем отношении к ней. На второй — было рабочих до 200, теперь укрепили комитеты завода Гартмана, патронного, железнодорожных мастерских и города, восстановили кружки, начали занятия... одним словом, работа у нас идет хорошо. Связи растут. Очень нуждаемся в пропагандистах. 17 сентября было собрание организованных рабочих, говорил оратор о третьем съезде, о наших разногласиях с меньшинством» [2].

---

[1] «Переписка В. И. Ленина и руководимых им заграничных партийных органов с социал-демократическими организациями Украины (1901—1905 гг.)», стр. 649, 650.

[2] Там же, стр. 771.

ЦАРСКИЙ МАНИФЕСТ

Нарастание забастовочной волны, разгром крестьянами во многих районах страны помещичьих усадеб вынуждали царское правительство маневрировать, искать путей для обмана масс и подавления революции. Одним из таких маневров царизма явилось утверждение им 6 августа 1905 года манифеста и положения о выборах в Государственную думу, названную по имени автора ее проекта министра внутренних дел Булыгина — булыгинской. Проведением этих выборов и избранием в ее состав крупных помещиков, банкиров и фабрикантов самодержавный строй стремился ввести народные массы в заблуждение, показать видимость демократических перемен в стране. Как известно, большевики разгадали хитросплетенный замысел царского правительства и по предложению В. И. Ленина решили бойкотировать эти выборы. Это дало новый толчок к усилению революционной борьбы по всей России.

Следуя ленинской тактике, луганские большевики провели большую работу по разъяснению рабочим и всему населению коварных и преступных замыслов царизма — откупиться подачками от народного гнева, обмануть массы, усыпить их бдительность и разгромить революцию. Наши агитаторы рассказывали своим слушателям, что Дума не будет иметь никаких реальных прав, потому что она создается как совещательный орган и рассчитана лишь на укрепление власти помещиков и капиталистов.

При этом наши товарищи в самых резких выражениях критиковали булыгинский избирательный закон, предоставлявший право выбора только крупным собственникам и лишавший этого права весь трудовой народ. Эта агитация находила сочувственный отклик в народных массах. Рабочие смело заявили, что они вместе с большевиками будут бойкотировать булыгинскую Думу, и твердо придерживались этой тактики.

Либеральная буржуазия и выступавшие заодно с нею меньшевики призывали население поддерживать выборы в Думу, но рабочие с негодованием отвергали их жалкий лепет.

Успешный бойкот булыгинской Думы привел к тому, что она так и не появилась на свет. Большевики провели бойкот и следующей за ней I Государственной думы. Но она все же была созвана. Как отмечал впоследствии В. И. Ленин, бойкот виттевской Думы в 1906 году в обстановке начавшегося спада

революции был ошибкой, хотя небольшой и легко поправимой [1].

Интересно отметить, что одним из депутатов I Государственной думы (по курии трудовиков) стал мой школьный учитель Семен Мартынович Рыжков. Он искренне верил, что через думские выступления можно повлиять на политику самодержавия и добиться улучшения жизни народа. Далекий от революционных идей и от революционных действий рабочего класса, Семен Мартынович горячо выступал в защиту народного представительства, уверяя своих слушателей, что через Думу можно многое сделать в интересах народа. Это положило начало нашего с ним идейного расхождения.

I Государственная дума, несмотря на буржуазно-помещичий состав и при всем угодничестве ее перед самодержавным строем, не оправдала надежд царского правительства: она не затормозила и не остановила подъем революции.

После восстания на броненосце «Потемкин» и массовых выступлений рабочих и крестьян во многих губерниях народные волнения все более ширились. В октябре 1905 года разразилась невиданная политическая стачка, охватившая всю страну. Верные долгу пролетарской солидарности, в эту стачку включились и наши луганские рабочие.

Когда в начале октября 1905 года до Луганска дошло известие о забастовке московских печатников и булочников и о расстреле рабочей демонстрации на Тверском бульваре, у булочной Филиппова, Луганский большевистский комитет решил ответить на этот выпад самодержавия новым выступлением рабочих-луганчан. В ночь на 2 октября за городом, вблизи мельницы Шаховича, состоялась крупная рабочая массовка, на которой присутствовало около 300 человек. На этой массовке выступило два оратора: от большевиков — Л. Л. Шкловский (Сергей) и от меньшевиков — специально прибывший пропагандист, по кличке Владимир. Рабочие освистали меньшевика, призывавшего к «благоразумным действиям», и горячо поддержали большевистскую линию на решительную подготовку к вооруженному восстанию. По возвращении с массовки отдельные группы рабочих подверглись нападению со стороны отрядов пешей и конной полиции, были произведены аресты, но настроение в массах продолжало оставаться исключительно боевым.

Октябрьская всеобщая политическая стачка, развернув-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 18.

шаяся во многих промышленных центрах, парализовала всю экономическую жизнь России. Прекратили работу фабрики и заводы, остановились железные дороги, замерли почта и телеграф. Устои самодержавия сотрясались от многочисленных революционных митингов, демонстраций, а во многих местах дело доходило до вооруженных схваток рабочих с полицией. Борьба повсеместно проходила под большевистскими лозунгами свержения самодержавия, активного бойкота булыгинской Думы, установления демократической республики. Это и вынудило царское правительство прибегнуть к новому обману масс.

17 октября 1905 года напуганный царь Николай II издал специальный манифест, призванный заглушить революционный пожар. Царский манифест обещал народу «незыблемые основы гражданской свободы: действительную неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов». В манифесте говорилось также об амнистии политическим заключенным, о созыве законодательной думы — «российского парламента», о расширении и привлечении к выборам более широких слоев населения. Но все это, разумеется, делалось лишь для того, чтобы выиграть время и подготовить новые силы для разгрома революции.

Однако царские власти просчитались: революционная волна повсеместно продолжала нарастать. Бурные события происходят в это время и в Луганске. Собрания и митинги на заводах и в железнодорожных мастерских впервые проводятся открыто и приобретают все более откровенный антисамодержавный, революционный характер. Рабочие-большевики смело провозглашают революционные лозунги своей партии: «Долой царское правительство!», «Долой гнет и насилие помещиков и капиталистов!», «Да здравствует Учредительное собрание!» Эти призывы встречаются радостными, бурными возгласами народных масс. Можно сказать, что демонстрации трудящихся против самодержавия, за демократическую республику в эти дни потрясали Луганск.

В ходе революционной борьбы росла решительность и сознательность рабочих в борьбе против ненавистного им самодержавного строя, крепла их организованность и солидарность.

И если в дни февральской забастовки гартмановцев депутатское собрание возникло на паровозостроительном заводе, то участие рабочих-луганчан в октябрьской политической забастовке привело к созданию таких органов рабочего само-

управления на патронном заводе, в железнодорожных мастерских и на некоторых других предприятиях города. Под руководством Луганского партийного комитета они иногда собирались на совместные заседания для обсуждения общих вопросов и выработки общей тактики борьбы с хозяевами и царским самодержавием. И хотя таких заседаний было проведено всего четыре, связь депутатских собраний (кое-где их называли советами фабричных старост) не прекращалась и в дальнейшем, причем главная роль в координации их действий принадлежала наиболее крупному и влиятельному из них — депутатскому собранию завода Гартмана. Это дает основание, как мне думается, говорить о создании в это время Луганского Совета рабочих депутатов, потому что совместная работа и контакты наших депутатских собраний полностью соответствовали деятельности подобных рабочих органов в ряде промышленных центров страны, выступавших под именем Советов рабочих депутатов.

В короткий срок Совет рабочих депутатов Луганска завоевал огромное влияние в массах и под руководством большевистской партийной организации стал такой силой в городе, что с ним вынуждены были считаться и царские власти, и местные анархиствующие элементы, и откровенные монархисты-черносотенцы. Это объяснялось тем, что мы, луганские большевики, пользовались в то время широкой поддержкой не только заводских рабочих, но и всех горожан. Кроме того, наша боевая дружина, хотя и была еще плохо вооружена, действовала смело и решительно и не давала спуску любым попыткам полиции и черносотенцев расправиться с революционными выступлениями трудящихся.

По примеру пролетариев-луганчан Совет рабочих депутатов был создан на металлургическом заводе ДЮМО в Алчевске. Его организатором стал мой старинный знакомый рабочий-литейщик Дмитрий Константинович Паранич, успевший к этому времени хлебнуть лиха в Сибири и на Луганском гартмановском заводе, откуда он был уволен с зачислением в «черный список». Возглавив Совет, Д. К. Паранич развернул бурную деятельность, привлек к участию в заводских митингах видных большевиков-ленинцев Г. И. Петровского и Ф. А. Сергеева (Артема), организовал заводскую боевую дружину, в составе которой была и конная группа. Особенно активно в дружине действовали рабочие-большевики Иван Мирошниченко, Иван Кротько, Кривцун, Мовчанов, Придорожко, инженер Василий Харченко. По примеру луганчан

Алчевский Совет установил прочные связи с крестьянами окрестных деревень.

Попытки полиции разгромить Совет рабочих депутатов завода ДЮМО окончились провалом и привели к тому, что дюмовские дружинники, возглавляемые И. А. Кротько, арестовали и обезоружили часть полицейских, а затем стойко обороняли станцию Алчевск, когда в одном из пассажирских поездов туда прибыли тринадцать переодетых в штатское казацких офицеров. Их задержали и обезоружили. В результате этой борьбы Совет рабочих завода ДЮМО по существу на какое-то время захватил власть в Алчевске и охранял город, станцию, рабочий поселок, а также деревни Васильевка и Новоселовка от нападения полиции и черносотенцев.

Активным помощником Д. К. Паранича в организации всей деятельности Совета рабочих депутатов в Алчевске была местная фельдшерица, член большевистской организации завода ДЮМО Анна Ивановна Шохина. Эта отважная женщина была в центре революционной борьбы, и, когда в Горловке вспыхнуло вооруженное восстание, она вместе с другими алчевскими дружинниками выехала на помощь восставшим и отважно сражалась в их рядах. Будучи арестованной и конвоируемой в Луганск в составе большой колонны избитых и раненых рабочих, она смело бросила в лицо начальнику конвоя гневные слова:

— Вам бы только с женщинами воевать, холуи!

За этот «бунт» ее тут же вывели из колонны арестованных и зверски зарубили в придорожных кустах.

Луганский Совет рабочих депутатов набирал все большую силу, становился органом подлинно революционной власти. Опираясь на прочную поддержку рабочих и всех трудящихся горожан, наш Совет не подчинялся приказам полиции и сам выносил решения и распоряжения, которые выполнялись населением беспрекословно. Весьма характерна в этом отношении борьба Луганского Совета рабочих депутатов против погромов и погромщиков.

В Луганске, как и во многих городах Украины, сравнительно небольшую часть населения составляли евреи, такие же труженики, как и представители других национальностей. Были среди них, конечно, как и среди проживавших там русских, украинцев и греков, люди состоятельные и богатые. Будучи интернационалистами, мы, большевики, всегда считали, что рабочие и трудящиеся всех национальностей — наши друзья, а все богатеи, эксплуататоры — наши враги. Но

в те дни местным царским властям было особенно выгодно натравливать друг на друга рабочих разных национальностей, разжигать национальные страсти, вражду и ненависть. Таким путем они стремились одурманить массы шовинистическим угаром, мутной мерзостью еврейских погромов отвлечь наиболее нестойкую часть населения от участия в революционной борьбе.

Луганский партийный комитет и Совет рабочих депутатов зорко следили за происками монархистов-черносотенцев и готовили наиболее сознательную часть рабочих к тому, чтобы в нужный момент дать погромщикам организованный отпор. Активную роль в этом деле сыграл наш луганский рабочий, большевик, один из лучших моих друзей, Александр Яковлевич Пархоменко, ставший впоследствии героем гражданской войны. Смелый, решительный и горячий Александр Пархоменко проявил в те дни кипучую энергию, и когда 21 октября 1905 года в городе внезапно возникли пожары и начались погромы, он вместе с другими молодыми рабочими разгонял анархистов, черносотенцев и подпавших под их влияние обывателей. И несмотря на то, что погромы фактически поощрялись полицией, наши дружинники и активисты своей большевистской агитацией и активной защитой еврейского населения остудили шовинистические страсти и прекратили в городе беспорядки, развязанные погромщиками.

Эта борьба большевистской организации Луганска за наведение революционного порядка в городе была для нас весьма поучительной, и об этом следует рассказать подробнее. Именно в то время не только трудовое население, но и местная буржуазия отчетливо увидели, что наш Совет рабочих депутатов представляет собой реальную силу, способную не только агитировать против самодержавия, но и руководить массами, охранять их жизнь и спокойствие.

Сообщение о царском манифесте 17 октября было получено в Луганске в тот же день, часов в семь-восемь вечера. Весть о нем вызвала в разных слоях населения самые различные мнения: от открытого одобрения до насмешек и резкого осуждения. Либералы и монархисты ликовали, и именно по их инициативе на следующий день в городе начались патриотические молебны и торжественное шествие. А мы организовали рабочую демонстрацию. Огромные толпы рабочих с красными флагами, большевистскими лозунгами и с пением революционных песен уверенно прошли по улицам города и мирно разошлись по домам. Но на этом дело не кончилось:

кто-то, несомненно, из черносотенцев пустил по городу грязные слухи о том, что якобы евреи собирают деньги «на гроб императору Николаю II» и что «теперь они будут править Россией, лишь бы им извести царя». Это, разумеется, взбудоражило обывателей, которые составляли значительную часть местного населения.

Ночью в городе возникли пожары, начались грабежи, расправа с еврейским населением. Неподалеку от патронного завода и железнодорожной больницы погромщики подожгли вальцовую мельницу, принадлежавшую одному из местных евреев. Мельница догорала, громилы выносили из квартиры ее хозяина мебель, одежду и всякую утварь, а со двора — муку и какие-то доски. Все это грузилось на стоящую у подъезда подводу. Тут же рядом находился полицейский, но делал вид, что ничего не замечает.

Когда наши дружинники попытались обратить внимание полицейского на творящееся беззаконие, он яро набросился, но не на погромщиков, а на них.

— А вам какое дело? — кричал он.— Ишь какие защитники, хозяева нашлись! А ну, проваливайте отсюда, пока самих в полицию не забрал...

В этих условиях оставалось лишь одно: противопоставить бесчинствующим черносотенным громилам нашу рабочую силу и организованность. Александр Яковлевич Пархоменко собрал под своим началом большие группы рабочих, и они обуздали погромщиков. Следует, однако, сказать, что и все члены нашего партийного комитета, районщики и подрайонщики, агитаторы и активисты много тогда поработали, чтобы удержать несознательную и малосознательную часть населения от участия в погромах. Это помогло усмирить стихию.

Об этих решительных действиях луганских рабочих по предотвращению диких расправ черносотенцев с еврейским населением в октябре 1905 года рассказал на одном из заседаний I Государственной думы депутат-трудовик, мой бывший учитель С. М. Рыжков. На это выступление обратил внимание В. И. Ленин и использовал его в интересах разоблачения официальной правительственной политики, разжигающей национальную рознь.

«Депутат Рыжков,— писал В. И. Ленин,— прямо назвал *ложью* объяснение погромов племенной враждой,— злым вымыслом — объяснение их бессилием власти. Депутат Рыжков привел ряд фактов «сотрудничества» полиции, погромщиков и казаков. «Я живу в крупном промышленном районе,—

сказал он, — и знаю, что погром, например, в Луганске не принял ужасающих размеров *только потому* (слушайте это хорошенько, господа: *только* потому), что *безоружные рабочие* голыми руками гнали погромщиков под страхом быть застреленными полицией»» [1].

Однако голыми руками действовать было трудно. Жизнь показала, что одних разговоров и увещеваний недостаточно; распоясавшимся громилам и бандитам, которые нередко выступали с ножами, ломами и огнестрельным оружием, надо было противопоставить вооруженные рабочие отряды охраны порядка. Мы решили изыскать средства на эти цели у местной буржуазии, надеясь, что кое-кто нас поддержит: в безрассудстве погромов могло пострадать, и в немалой степени, и ее собственное имущество. Наши расчеты оправдались.

Начали мы с того, что через Луганский Совет рабочих депутатов обратились к городской думе с рядом требований, в числе которых было требование и об отпуске средств на вооружение народной милиции. Дума нам отказала, но мы не отступили от намеченной цели. Наряду с добровольным сбором средств на приобретение оружия в коллективах луганских предприятий мы начали принудительный сбор средств на эти же цели у богатейших жителей города. Чтобы исключить какой-либо произвол, Совет рабочих депутатов принял постановление: в целях недопущения еврейских погромов и других хулиганских действий обложить местную буржуазию принудительным сбором на вооружение рабочих отрядов охраны порядка. При этом для каждой буржуазной семьи были установлены определенные размеры денежного взноса. Все это дало нам возможность собрать значительные по тем временам средства.

Вспоминая об этом, один из луганских большевиков-подпольщиков, Л. Л. Шкловский, впоследствии писал:

«От имени Совета рабочих депутатов была устроена раскладка между купцами и торговцами, и с листами за соответствующей подписью мы пошли собирать эти деньги. Характерно, что при этом некоторые купцы беспрекословно уплачивали наложенную на них сумму, а некоторые лишь пытались кое-что сбавить, указывая на то, что в сравнении с другими на них наложено непропорционально их капиталу. Собранные деньги (...их было, кажется, несколько тысяч) были переданы представителю Совета рабочих депутатов

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 202.

тов. «Дмитрию» (Волошинову) для поездки за оружием (винтовками) в Севастополь...»[1]

Однажды, когда я уже вышел из тюрьмы и вновь возглавил партийную организацию города, мне сообщили, что один из местных промышленников, Соломон Давидович Вендерович, отказывается вносить деньги по списку и требует, чтобы я лично явился к нему для переговоров.

До сих пор хорошо помню эту встречу с промышленником-шахтовладельцем Вендеровичем. Это был высокий, широкоплечий, средних лет господин, с живыми и очень выразительными глазами. Одет он был просто, но держался с достоинством.

— Рад познакомиться, господин Ворошилов,— сказал он мне, когда я вошел в его домашний кабинет.— Много слыхал о вас, но вот увидеться не доводилось.— При этом он насмешливо улыбнулся.— Так, значит, вы с нас, буржуев, решили деньги собирать?

— Да,— ответил я.— И это, как вы знаете, на вашу же пользу. Если этого не сделаете, то можете потом пожалеть. Разве вы не знаете о погромах?

— Но ведь оружие вам нужно не только для этого,— хитро улыбнувшись, заявил он.— Я тоже газеты читаю и кое-что слыхал о большевиках.

— Если это действительно так,— сказал я ему,— то это облегчит наш разговор. Вы богатый человек и знаете, как иногда нужна людям финансовая помощь. Сегодня вы нас выручите, а придет время,— может быть, и мы, большевики, вам кое в чем пригодимся. Во всяком случае, если вы сверх наложенной на вас суммы дадите нам еще денег взаймы, то я готов заверить вас, что мы в свое время честно уплатим вам все сполна и даже положенные проценты.

— Вы мне нравитесь, господин Ворошилов,— сказал он вдруг.— Так откровенно со мной еще никто не разговаривал. Деньги я вам по раскладке уплачу: это мне действительно сейчас выгодно. Может быть, этим я спасу свое имущество от разгрома. А насчет будущего,— добавил он,— это дело неясное, когда оно придет, тогда и увидим, что оно такое и кто кому должен...

На этом мы расстались. С. Д. Вендерович внес полную сумму и даже кое-что сверх того, и с тех пор мы с ним до революции не встречались — у каждого из нас были свои

---

[1] «Пролетарская революция», 1926, № 1, стр. 208.

дела. Но вот в первые годы Советской власти мне довелось встретиться с этим человеком еще раз. Это произошло вскоре после гражданской войны, в Ростове-на-Дону, где я находился тогда в качестве командующего Северокавказским военным округом.

Адъютант мой доложил тогда, что меня хочет видеть какой-то Соломон Давидович Вендерович, «бывший капиталист,— как он сам назвал себя,— а ныне пролетарий».

— Этот человек сказал, что вы его знаете лично,— добавил адъютант.

«Неужели тот самый»,— подумал я и тут же распорядился о пропуске. Это был действительно он — такой же могучий, но только поседевший.

— Вы ли это, Соломон Давидович!

— Да, я.— И он горестно улыбнулся.— Остался гол как сокол, и нет у меня больше грошей. Но я помню наш давний разговор и вот пришел напомнить о себе. Правда оказалась на вашей стороне.

— Мы всегда верили в эту правду,— ответил я ему и улыбнулся, чтобы вызвать его на откровенность. Но он, видимо, не был расположен к этому и лишь добавил:

— Не подумайте обо мне плохо — не денег пришел я просить у вас. Вижу, что новая власть встала твердо на ноги и надо начинать жить по-новому. Ведь я инженер и сам когда-то работал в шахтах, вот, видно, и снова придется пойти туда.

— Возраст уже не тот,— заметил я, и Вендерович впервые улыбнулся.

— Да, ушли годы. Но жить-то надо, и я еще стою твердо на ногах.

Я тут же связался по телефону с товарищами, ведающими восстановлением шахт, и договорился с ними о приеме на работу в горное управление инженера Вендеровича. Он поблагодарил и ушел. Больше я его не встречал. По слухам знал, что он честно отдавал народу свои знания и умер уважаемым специалистом.

Однако вернемся к Луганску в октябре 1905 года. Как и по всей стране, здесь вооруженное восстание вставало в повестку дня. Мы, рабочие-большевики, напряженно готовились к тому, чтобы достойно выдержать надвигавшиеся на нас испытания. Луганский партийный комитет и Совет рабочих депутатов делали все возможное, чтобы разъяснить массам всю остроту положения и мобилизовать все слои трудящихся на вооруженную борьбу с самодержавием.

Эти наши идеи хорошо выражены в выпущенной в то время листовке «К рабочим и работницам г. Луганска. Все за одного — один за всех!». Осуждая существующие в стране произвол и эксплуатацию рабочих, листовка прямо указывала на виновников всего этого: «...По-прежнему рабочего угнетают капиталисты, по-прежнему на его шее держится царское правительство». Выходом из положения могла быть лишь дружная и сплоченная борьба рабочих против своих угнетателей, и именно к этому призывал луганских пролетариев партийный комитет большинства.

«Сотни человек можно рассадить по тюрьмам,— говорилось в листовке,— тысячу, другую можно нагайкой погнать на работу... Но что может сделать правительство, когда восстала вся рабочая сила России? Не проходит ни одного дня, чтобы в том или другом городе рабочие не боролись со своими угнетателями. То в Москве рабочие забастовали и несколько дней сражались с казаками, которых царское правительство выслало на подмогу хозяевам... Московских рабочих поддержали петербургские, саратовские... А теперь забастовали железные дороги... Рабочие не хотят больше сносить своей рабской жизни. Они объявили войну своим врагам. Враги рабочего класса, царское правительство и капиталисты, дрожат перед этой грозной силой миллионов рабочих рук. Дрожите! Рабочий понял свое дело, рабочий начал свою борьбу. И теперь, когда бастуют почти все железные дороги, когда половина России охвачена рабочей стачкой, пора всем рабочим встать, стряхнуть с себя рабские цепи и громко в один голос заявить: «Пора! Довольно гнета, довольно насилий! Мы хотим человеческой жизни, мы хотим дружно бороться за наше рабочее дело. Мы хотим свободной, счастливой жизни. Этой общей борьбы рабочих боятся наши враги. Только эта дружная борьба победит их.

Товарищи!! Все за одного, один за всех! Если теперь мы выставим наши требования, то вместе с товарищами нашими — рабочими всей России — мы будем сильны. Настала пора и нам встать за наши требования. Средство борьбы у нас такое же, как у всех рабочих: дружная забастовка. Помните, что мы не одни, с нами все рабочие. А против всех рабочих правительство бессильно. Бросим работу, соберемся, выработаем наши требования и не станем работать, пока они не будут удовлетворены.

Долой гнет и насилие капиталистов!!!

Долой царское правительство!!!

Да здравствует дружная забастовка!!!
Да здравствует борьба рабочего класса!
Да здравствует свободная и счастливая жизнь рабочего народа!!!»[1]

Этот призыв большевистской организации к рабочим Луганска еще более поднял их боевое настроение. Вскоре по призыву партийного комитета забастовали рабочие всех луганских заводов. И, что было особенно отрадно, выступления рабочих носили политический характер.

Октябрьская забастовка 1905 года в Луганске ускорила выделение обещанных нам правлением машиностроительных заводов Гартмана в Петербурге средств на создание общеобразовательной заводской школы с ремесленными классами и 100 тысяч рублей для создания рабочей ссудо-сберегательной кассы. Создание этой кассы явилось для нас реальным шагом к объединению рабочих в профсоюзную организацию, и мы исподволь начали готовиться к этому.

НА ГРЕБНЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОЛНЫ

Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года явилась важнейшим этапом первой русской революции — преддверием вооруженного восстания. Она показала, что в ходе борьбы рабочий класс и народные массы приобретали все более богатый революционный опыт, все яснее осознавали необходимость решительных действий. По многим признакам было видно, что революция подходит к своему кульминационному пункту, когда должна наступить развязка и в ходе смертельной схватки будет решен вопрос: кто — кого.

Это понимало и царское правительство. Именно поэтому оно лихорадочно готовилось к подавлению революции, спешно перебрасывало войска к очагам революции, мобилизовывало казачьи карательные части, создавало и укрепляло махрово-черносотенные организации — «Союз Михаила Архангела», «Союз русского народа» и другие.

---

[1] «Листовки большевиков Украины периода первой русской революции (1905—1907 гг.)». Госполитиздат УССР, 1955, стр. 308—310.

Партийный большевистский комитет и Совет рабочих депутатов, укрепившие свой состав за счет товарищей, освобожденных из тюрьмы в результате октябрьского рабочего натиска на царизм, принимали все меры к тому, чтобы во всеоружии встретить надвигавшиеся события. Все чаще стали проводиться открытые митинги, на которых присутствовали не только заводские рабочие и члены их семей, но и часть городских обывателей: они также стали постепенно втягиваться в политическую жизнь.

В эти дни большевики-подпольщики стали общаться со все более широким кругом рабочих и местного населения. Горожане впервые увидели тех, кто руководил революционной борьбой, и бурно приветствовали их не только на митингах и собраниях. Они приобрели широкую популярность. Полиция не осмеливалась открыто предпринимать по отношению к ним никаких репрессивных мер.

Исключительно активно действовали в это время наши боевые дружинники. Пополнились их ряды; нам удалось достать для них кое-какое оружие в Ростове и Севастополе. Но его все еще не хватало. Усиленно проходили занятия боевых десяток. Все чаще нашим дружинникам приходилось нести охрану митингов и собраний. Во избежание всякого рода недоразумений боевое оружие выдавалось дружинникам лишь на время военных занятий или охраны митингов, собраний и массовок, а затем забиралось на хранение в специальный арсенал. Однако многие дружинники, особенно слесари и токари, отремонтировали и сами собрали револьверы и почти никогда не расставались с ними. Часть из них располагала даже своими бомбами, хотя мы и запрещали их хранение у отдельных лиц. Луганские революционеры имели в то время лучшее вооружение, чем некоторые другие местные организации на юге России.

Велась и большая политическая работа. В те дни в Луганске состоялся ряд важных собраний, совещаний и съездов. В Народной аудитории прошло многолюдное собрание, где успешно выступили большевики, горячо поддержанные всеми присутствующими.

В это время в Луганске и уезде состоялись съезды учителей, врачей, агрономов и других земских работников. Наш партийный комитет направлял на эти съезды своих представителей, и они разъясняли там политические события, разоблачали меньшевистские и кадетские взгляды на революцию, призывали демократическую часть интеллигенции поддер-

жать требования народных масс. Под влиянием этих выступлений на всех съездах были приняты соответствующие резолюции.

Подъем рабочего движения по всей стране, в том числе и в Луганске, оказывал революционизирующее воздействие и на крестьянские массы. В соседних с городом селах вспыхнула новая волна беспорядков: крестьяне громили и жгли помещичьи усадьбы.

Необходимо было придать этим действиям крестьянской массы еще бо́льший размах и организованный характер. Для этого требовалось срочно выпустить специальную прокламацию, призывающую к укреплению союза рабочих и крестьян в борьбе против их общих врагов и угнетателей — царизма, буржуазии и помещиков. Но все наши комитетчики были, что называется, по горло заняты текущей организационной работой, а опытные пропагандисты, которые могли бы составить листовку, отсутствовали, и мы поэтому решили позаимствовать для этой цели подходящий текст дошедшей до нас прокламации, выпущенной Екатеринославским комитетом.

«Крестьяне! — говорилось в этом обращении рабочих-большевиков к своим деревенским собратьям.— Помогайте рабочим, которые борются в городах. Когда вы услышите, что рабочие поднялись в городах, вставайте и вы, чтобы вместе побороть общего врага. Собирайтесь в большом числе, выбирайте свое управление, отказывайтесь повиноваться полиции и всем царским властям, не платите податей, вооружайтесь. Составляйте приговоры и требуйте:

1) Чтобы было уничтожено царское самовластие, чтобы все законы издавались собранием народных представителей, избранных всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов, чтобы все власти выбирались народом, чтобы Россия стала свободной народной республикой...» [1]

Для распространения этой прокламации в деревни и села уезда выезжали наши рабочие-агитаторы. Они вели с крестьянами беседы, оставляли более надежным листовки, кое-какое оружие.

Царские власти арестовали тогда в уезде более 300 активных участников крестьянских волнений и намеревались заключить их в Луганскую тюрьму, которая и без того была переполнена. Для увеличения числа застенков власти решили восстановить старую тюрьму, пришедшую в негодность.

---

[1] Центральный архив революции УССР, Харьков, листовка № 826.

Тогда мы поручили боевой десятке братьев Чекменевых не допустить этого. Облив старую тюрьму и пристройки к ней керосином, дружинники подожгли их. От тюрьмы не осталось и следа.

Пролетарский Луганск продолжал наступать.

Когда в Москве началось Декабрьское вооруженное восстание, мы предъявили городской думе ряд революционных требований, настаивая на немедленной передаче власти и управления городом Луганскому Совету рабочих депутатов. Разумеется, мы ясно понимали, что наше требование не будет выполнено, но сам по себе этот шаг и обсуждение наших условий на рабочих собраниях и митингах были по тому времени исключительно смелыми выпадами революционно настроенных рабочих против самодержавного строя.

На митингах и собраниях луганские рабочие горячо поддержали этот натиск на органы царской власти и повсеместно дружно голосовали за большевистские требования:

«1. Немедленно распустить городскую думу, образовать вместо нее новую думу, выбранную на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

2. Немедленно удалить из города полицию и казаков, передать охрану города в руки народной милиции, отпустив необходимые средства на организацию и вооружение народной милиции.

3. Немедленно отвести соответствующее помещение для народных митингов.

4. Принять меры к прекращению повышения цен на продукты» [1].

Опираясь на волю народных масс, поддержавших наши требования, мы выработали заявление в думу и вручили его местным властям 10 декабря 1905 года.

Городским головой в Луганске был в то время богатый купец Лутовинов; ему и было вручено 10 декабря 1905 года наше заявление. При этом поставлено условие: рассмотреть это заявление на открытом заседании городской думы с участием представителей Луганского партийного комитета и Совета рабочих депутатов. Было высказано также пожелание о проведении этого заседания в самом просторном зале города — в Народной аудитории.

Перепуганная городская дума без какого-либо сопротивления согласилась с этими требованиями и в срочном порядке

---

[1] ДОГА, ф. 9, д. 1205, л. 3—5.

приняла меры к созыву внеочередного открытого заседания. Оно было назначено на 12 декабря 1905 года. Все члены нашего Совета получили повестки-приглашения. Вот текст одной из них:

«Гг. депутатам рабочих патронного завода. Покорнейше прошу гг. делегатов от рабочих патронного завода, избранных на митинге, пожаловать 12 декабря к 6 часам в помещение Народной аудитории для совместного с гласными городской думы и другими лицами обсуждения текущих событий. Приглашение мое принять участие в совещании этом покорнейше прошу передать и делегатам, избранным социал-демократической организацией. Городской голова Лутовинов»[1].

Сам тон приглашения достаточно красноречив: он свидетельствует о растерянности и замешательстве городских властей; вряд ли они когда-нибудь обращались к рабочим так почтительно.

Это, по существу, совместное заседание городской думы и Совета рабочих депутатов состоялось. Местные власти сели за один стол с народными представителями для делового обсуждения их требований. Вот как описывает это необычное заседание Л. Л. Шкловский:

«На сцене расположились по одну сторону городская дума, а по другую сторону — мы, представители организации и выборные представители от заводов и предприятий. Зал и хоры заполнили до отказа рабочие и обыватели... По требованию делегаций в состав президиума был введен наш представитель, который фактически и стал вести собрание»[2].

Захватив инициативу, луганские большевики использовали заседание для разъяснения всем собравшимся обстановки в стране — текущих событий и партийных лозунгов, для мобилизации всех трудящихся города на новые выступления против царского самодержавия. Естественно, что в центре внимания при этом было заявление, врученное накануне думе луганскими большевиками и Советом рабочих депутатов. Особый упор при этом делался на разъяснение главного требования — о передаче власти в руки Совета рабочих депутатов.

Гласные думы не посмели возражать и лишь молча наблюдали, как восторженно принимали рабочих ораторов представители городских предприятий. В конце заседания представители Луганского комитета РСДРП огласили проект ре-

[1] ДОГА, ф. 9, д. 1593, л. 5—5а.
[2] «Пролетарская революция», 1926, № 1, стр. 207.

золюции, в котором еще раз повторялись пункты, изложенные в заявлении. В нем содержалось также и требование о немедленном освобождении из тюрьмы руководителей июльской забастовки.

Этот нажим рабочих на городскую думу был так велик, что никто из гласных думы не выступил против предложенной резолюции. А городской голова Лутовинов, лавируя и стремясь выиграть время, заявил, что «дума принимает оглашенную резолюцию к сведению» и что «на деловом заседании» она «обсудит ее практически». Однако рабочие — участники заседания потребовали точных сроков, и тут же было решено, что через два дня будет созвано такое же открытое объединенное заседание городской думы с делегациями рабочих для объявления результатов «делового заседания думы».

Однако, когда минул этот срок, гласные городской думы не явились в помещение Народной аудитории, хотя здесь собрались депутаты Совета и многие сотни заводских рабочих. Не явился на заседание и городской голова. Возмущенные рабочие тут же постановили: доставить Лутовинова в здание Народной аудитории и потребовать от него объяснений, что и было сделано. Лутовинов, бледный и трясущийся, заявил робким голосом, что дума «не сможет сложить своих полномочий, пока нет в государстве общего закона о демократических перевыборах, а денег на вооружение она также не может ассигновать, не имея на это никаких законных оснований»[1].

Это заявление вызвало бурю протеста и возмущений. Под сводами Народной аудитории вновь с полной силой зазвучали рабочие голоса. Ораторы требовали установления в Луганске революционного порядка и предлагали осуществить принудительные меры для того, чтобы силой взять деньги у местной буржуазии и израсходовать их на вооружение рабочей охраны. Здесь же было решено немедленно отправиться к тюрьме. Как это происходило, я уже рассказывал.

Весть о том, что руководители луганских большевиков освобождены из тюрьмы, молнией распространилась по городу, и когда мы прибыли к зданию Народной аудитории, там уже собралась многотысячная толпа. Все были возбуждены и настроены весьма воинственно. Еще бы — наша взяла!

---

[1] «Пролетарская революция», 1926, № 1, стр. 208.

В зале Народной аудитории состоялся волнующий митинг. Большевики призывали к сплочению вокруг партийного комитета и Совета рабочих депутатов, рассказали о том, как бурлит многострадальная Россия. Я с глубоким волнением наблюдал за происходившим. Но вот кончил свою речь очередной оратор, и из зала послышались возгласы: «Ворошилова!», «Пусть выступит Володя!» (под такой кличкой я был известен в партийной организации), «Слово Ворошилову!» Кто-то подтолкнул меня к трибуне.

Я не помню точно, что я говорил тогда, но, по всей вероятности, о том же, о чем уже сказали выступившие передо мной товарищи. Настроение всех присутствовавших было так накалено, что каждое слово и каждый призыв к вооруженному восстанию встречались бурей восторженных возгласов и рукоплесканиями. А я смотрел на ликовавшую толпу и думал: они ждут от нас, большевиков, что мы поведем их на последний и решительный бой с царизмом, и мы не можем и не должны обмануть их доверие. Надо действовать, действовать, действовать!

ГОРЛОВСКОЕ ВОССТАНИЕ

Вооруженное восстание пролетариев Горловки против царского самодержавия явилось наиболее ярким событием революции 1905—1907 годов в Донбассе и на всем юге России. Оно, как и Декабрьское вооруженное восстание в Москве, было жестоко подавлено царскими войсками, и в нем наиболее наглядно отразились все сильные и слабые стороны революционной борьбы народа в те памятные годы.

В связи с тем, что основная масса промышленных предприятий в Донбассе сосредоточена вблизи железной дороги, одной из характерных черт революционных выступлений в этом районе явились совместные действия рабочих-железнодорожников и рабочих крупнейших заводов, шахт и рудников. В ряде случаев активное участие в этой борьбе принимали и крестьяне из близлежащих сел. Пример этого — декабрьская политическая стачка на Екатерининской железной дороге.

Стачка началась под руководством большевиков сразу же, как только 8 декабря в Екатеринослав поступили телеграммы об объявлении всеобщей политической забастовки в Москве. По призыву боевого стачечного комитета в течение

одного дня прекратили работу 45 000 железнодорожников Екатерининской магистрали. К ним примкнули рабочие почти всех промышленных предприятий, находившихся в зоне этой железной дороги. Таким образом, стачка объединила действия многих тысяч рабочих железнодорожных станций и городов: Екатеринослава, Авдеева, Алчевска, Гришина, Горловки, Дружковки, Енакиева, Ясиноватой и других. На территории, охваченной стачкой, было прекращено пассажирское и товарное движение, остановились заводы, замерло производство. Забастовочные распорядительные комитеты в ряде случаев сосредоточили в своих руках всю полноту власти. Они захватили станции, телеграф, депо, мастерские, паровозы, вагоны, водонапорные башни, склады угля. По их распоряжению подвижной состав использовался лишь для специальных делегатских поездов, которые перевозили только участников стачки и тех, кто приходил им на помощь.

Высокую активность и организованность в этой борьбе проявили рабочие и все трудящиеся Горловки. Обстановка здесь к тому времени сложилась следующая. Еще в начале месяца, 1 декабря, администрация машиностроительного завода объявила о введении новых правил работы, серьезно ухудшавших экономическое положение рабочих. Это вызвало резкое возмущение рабочих-машиностроителей, и они 3 декабря прекратили работу. Их поддержали рабочие всех других предприятий Горловки. Обстановка накалялась, и именно в это время из Екатеринослава поступила телеграмма с призывом поддержать забастовку железнодорожников. Местные рабочие-железнодорожники немедленно связались с машиностроителями и рабочими других предприятий. Это и явилось началом общего выступления всех рабочих-горловцев.

9 декабря в Горловке под руководством большевиков состоялся большой общегородской митинг трудящихся. Присутствующие на нем с воодушевлением приветствовали призывы ораторов к немедленному свержению царского правительства, к «отобранию земель, заводов, рудников и фабрик у помещиков и капиталистов»[1]. Участники митинга твердо высказались за решительные действия и тут же избрали распорядительный комитет, организовали сбор средств на покупку оружия. Единодушно было встречено предложение послать Екатеринославскому боевому стачечному комитету следующую телеграмму:

[1] ДОГА, ф. 11, д. 890, л. 118.

«Сегодня, 9 декабря, в 9 часов вечера по общему соглашению станционных служащих, заводских, рудничных рабочих, мастеров, всех крестьян Горловского района, в числе более 5000 чел., решили осуществить всеобщую забастовку, дабы поддержать наших передовых борцов за свободу всего народа, дав клятву пасть костьми или выйти победителями. Просим товарищей железнодорожных, заводских, рудничных и всех районных подняться всем единодушно и сплотиться с нами, стать вместе для борьбы с правительством. Да здравствует полная гражданская свобода! Да здравствует народное правительство! Долой правительство произвола и насилия!»[1]

Этот призыв нашел горячий отклик у рабочих соседних шахт и рудников, у крестьян близлежащих деревень. Многие из них принимали участие в массовых митингах на станции Горловка 11 и 12 декабря. Здесь тоже громко звучали речи большевистских ораторов. Они призывали не верить царскому самодержавию и Государственой думе, предупреждали об опасности вооруженной расправы с забастовщиками со стороны правительственных войск.

Такая опасность действительно существовала, так как в город по просьбе местных царских властей была введена 5-я рота солдат 136-го пехотного Таганрогского полка 34-й пехотной дивизии. Она расположилась в вокзальном помещении. Используя этот факт, большевистские ораторы указывали единственный выход для защиты революционных выступлений масс — вооружение рабочих, подготовку к вооруженному восстанию. Распорядительный комитет забастовщиков потребовал отвода солдат из города и приказал рабочим станции не топить печей в помещениях, где расположились войска, и не освещать эти помещения. Это возымело действие: 13 декабря находившиеся в Горловке солдаты были переведены на станцию Никитовка.

Царское самодержавие искало случая для расправы с горловскими забастовщиками. 16 декабря представители бастующих машиностроителей явились к директору завода для переговоров. Это было вполне естественно, так как на следующий день истекал срок, установленный хозяевами машиностроительного завода для введения новых условий работы. Директор не хотел разговаривать с рабочими, но они заставили его выслушать их требования, и он был вынужден отменить намечавшееся ранее снижение заработной платы.

[1] «Исторический архив», 1955, № 1, стр. 142—143.

В это время на завод прибыла новая группа войск, на этот раз драгун. Драгунский унтер-офицер Соболевский, появившись в кабинете директора, приказал рабочим разойтись, выдать руководителей. Рабочие отвергли это наглое требование и выгнали Соболевского из конторы. Когда же они стали выходить из помещения, унтер-офицер без всякого предупреждения приказал своим солдатам открыть огонь по представителям забастовщиков. 9 человек было убито и 13 ранено. После всего этого бастующим рабочим не оставалось никакого другого выхода, как призвать своих товарищей на помощь и оказать сопротивление карателям.

Обо всем этом я узнал, разумеется, значительно позднее. Но все мы, луганчане, были глубоко возмущены этой неслыханной расправой с безоружными рабочими. Надо сказать, что к рабочим Горловки мы относились с особой теплотой еще и потому, что в свое время, когда там не было своего партийного центра, наш Луганский комитет партии был тесно связан с горловцами и оказывал им помощь. Однажды, еще до моего ареста, я принимал их представителей, делился с ними опытом работы и по поручению комитета передал им книгу В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад», Устав и Программу РСДРП. Я слышал много хорошего о работе горловских большевиков, радовался их успехам. И вот наши товарищи горловцы оказались в беде, и мы, как и рабочие других промышленных центров Донбасса, живо откликнулись на их призыв о помощи.

Получив от горловцев тревожную телеграмму с просьбой о поддержке, мы немедленно взялись за дело: мобилизовали оружие, бомбы, разослали своих гонцов по заводам и окрестностям. Положение наше осложнялось тем, что уже был объявлен приказ властей об аресте руководителей луганской большевистской организации. Нам пришлось срочно перейти на нелегальное положение. Однако мы сумели все же связаться с Алчевском и некоторыми рудниками. На помощь горловцам двинулись боевые дружинники, вооруженные чем попало.

Большую работу по организации помощи восставшим горловцам развернули в Алчевске Д. К. Паранич, И. А. Кротько, Иван Мирошниченко, Придорожко, Молчанов, Пискунов и другие.

К 16 декабря в Горловку прибыли боевые дружинники из Алчевска, Енакиева, Харцызска, Ясиноватой, Гришина и других городов и железнодорожных станций. Впоследствии в

обвинительном заключении царского суда против руководителей горловского восстания указывалось, что в течение этого вечера в Горловку прибыло «около 8 поездов с дружинниками, вооруженными револьверами, охотничьими ружьями, винтовками, в том числе и военного образца, шашками и самодельными пиками»[1].

Все мы понимали, что в тех условиях, в которых оказались наши товарищи горловцы, была дорога каждая минута и что любой час промедления грозит им большими потерями, а может быть, и гибелью. Поэтому старались делать все решительно и быстро.

Рабочий Кадиевского металлургического завода Д. Я. Костюченко вспоминает, как действовали в те горячие дни его боевые товарищи: «Сразу же и приступили к делу. Взломали замки на дверях материального склада завода, взяли оттуда круглую сталь и передали ее в механическую мастерскую. Там кузнецы и другие рабочие всю ночь ковали пики. Я вместе с другими рабочими запиливал острие пик, отливал пули для охотничьих ружей. К утру вся подготовка была окончена. Рано на заре прекратили работу, остановили доменные печи, мехмастерскую... Рабочая дружина вооружилась ружьями, самодельными пиками и отправилась на станцию Алмазная. Оттуда она поездом выехала на станцию Дебальцево на помощь восставшим. В Дебальцеве завязались схватки с царскими войсками. Отбросив царские войска в Дебальцеве, боевая дружина Алмазной направилась в Горловку, спеша на помощь повстанцам»[2].

К началу вооруженного восстания в Горловку из разных мест собрались тысячи дружинников, но большинство из них было, по существу, безоружно. 150 рабочих были вооружены боевыми винтовками, около 500 — охотничьими ружьями и револьверами, остальные — самодельными пиками, кинжалами, ножами, ломиками, топорами и прочим холодным оружием. Это была немалая сила, но она использовалась без должного воинского искусства и не принесла ожидаемых результатов.

Вот как описывал впоследствии ход горловского вооруженного восстания (16—17 декабря 1905 года) один из его руководителей — А. С. Гречнев:

«Наступление началось дружно. Наш отряд обстрелял ка-

---

[1] ДОГА, ф. 11, д. 890, л. 120.

[2] См. *Н. Лопатин.* Город наш Кадиевка. Профиздат, 1964, стр. 50.

зармы с тылов и поджег конюшни. Мы бросили несколько динамитных бомб, из которых одна взорвалась. Одновременно все начали стрельбу по казармам. Солдаты, построенные во дворе в боевые порядки, неуверенно отвечали на наши выстрелы.

Первыми попали под пули горловские дружинники, стремившиеся окружить казарму. Они были вооружены пиками и, очень немногие, дробовиками и револьверами. Когда восставшие увидели в своих рядах убитых, произошло замешательство. Скоро кольцо дружинников, окруживших казармы, рассеялось. Наш отряд отошел к станции.

Рассеяв наши ряды, солдаты вышли со двора казарм и, подняв белый флаг, начали отходить к оврагу, расположенному у шахт №№ 8 и 9. С солдатами уходили пешим строем и драгуны. Очевидно, пожар конюшен лишил их возможности воспользоваться лошадьми.

При виде белого флага дружинники прекратили стрельбу. Два человека были посланы к войскам для переговоров. Нам казалось, что солдаты сдадут оружие. В действительности это было провокацией. Как только солдаты вышли из Горловки и скрылись в овраге, белый флаг исчез. Парламентеры были обстреляны и возвратились. Перестрелка возобновилась.

Борьба была неравная и упорная. Плохо вооруженные дружины вынуждены были отступить. Когда драгуны ворвались в станционное помещение, мы отстреливались до последнего патрона, отходя к поезду, стоявшему у семафора. Вскоре сюда подошли драгуны, но поезд уже направился к Хацапетовке» [1].

В ходе вооруженной борьбы участников горловского восстания был момент, когда правительственные войска дрогнули и начали отступать в степь. Вместо того чтобы преследовать врага до полного разгрома, повстанцы стали укрепляться на выгодных позициях и тем самым дали возможность противнику перегруппировать силы и с помощью подоспевшего подкрепления перейти в наступление.

Участники восстания держались твердо и дрались с врагом яростно и ожесточенно — упорный бой продолжался семь часов. Однако силы были неравными. Восстание потерпело поражение.

Царские войска начали жестокую расправу с участниками восстания. Не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей.

[1] «1905 год в Донбассе», стр. 27—28.

Бахмутский исправник сообщал в телеграмме екатеринославскому губернатору 18 декабря, то есть на следующий день после поражения горловского восстания:

«В Горловке войсками убито около 300 дружинников: нападало на войска свыше 4000. Солдат убито 3, ранено 12, около 500 человек сдалось, отпущены по приведении к присяге; потери полиции не выяснены, ранен городовой, околоточный Шкультецкий, отнято до 7000 патронов, свыше 300 пик, много ружей, винтовок, револьверов, динамит, две бомбы. Бой длился шесть часов, полиция рассеялась, войска ушли на ртутный рудник, (становой) пристав с ними. Полиция в Дебальцеве разоружена и рассеяна. Прошу экстренно открыть мне кредит на тысячу рублей на расходы по командировкам, призрению, помощи, на лечение чинов полиции, их семейств и на другие неотложные нужды» [1].

В телеграмме многое неясно и наверняка преуменьшены потери войск и полиции. Однако из нее можно понять, что часть войск отказалась, видимо, стрелять в своих братьев рабочих и крестьян и сдалась восставшим. О многом свидетельствует также и упоминание о том, что полиция «разоружена и рассеяна». Однако так или иначе, но восстание было подавлено и восставшие понесли огромный урон. Боевые дружины рабочих оказались разбитыми, а их вожаки упрятаны в тюремные застенки. Всем им угрожала смертная казнь.

В числе наиболее видных руководителей горловского восстания, схваченных царскими властями, находился и профессиональный революционер, большевик Александр Михайлович Кузнецов-Зубарев (Марк) [2], присланный на помощь горловцам, кажется, из Ростова. Он был тяжело ранен, и это привело к тому, что его поместили в одну из местных больниц. Возникла идея спасти Кузнецова, но его охранял чуть ли не взвод солдат.

В это время нам стал известен приказ царских властей об аресте партийных руководителей, в том числе и меня.

На подпольном заседании Луганского большевистского комитета мы договорились, кто и куда должен скрыться и кто должен остаться в городе для руководства нелегальной рево-

---

[1] «Революция 1905—1907 гг. на Украине», т. II, ч. I, стр. 518—519.

[2] Во многих следственных документах и жандармских донесениях рядом с фамилией Кузнецова-Зубарева давалась пометка «личность не установлена». В книге П. А. Моисеенко «Воспоминания старого революционера» (изд. «Мысль», М., 1966) впервые названа подлинная фамилия этого замечательного борца за дело народа: М. Шайтлендер.

люционной работой. Мне и только что вернувшемуся из ссылки одному из основателей луганской партийной организации, Якову Моргенштейну, было поручено отправиться в Горловку, связаться с нашими арестованными товарищами и попытаться организовать их побег.

Мы с Моргенштейном принялись за дело. С помощью товарищей раздобыли надежные нелегальные паспорта и двинулись в Горловку. На месте узнали, что всех арестованных участников и руководителей горловского восстания уже увезли в Харьковскую и Екатеринославскую тюрьмы. Кузнецов-Зубарев находился по-прежнему в больнице, в тяжелом состоянии. Выкрасть его можно было, лишь убив охранявших его солдат или же при их непосредственном содействии. Но ни на то, ни на другое мы не могли рассчитывать: у нас не было для этого ни сил, ни средств.

Кузнецова-Зубарева могли в любой момент увезти в губернскую тюрьму. Был дорог каждый миг, и мы решили найти иной выход. Местные большевики-подпольщики сообщили нам, что они связались с одной из медицинских сестер, расспросили у нее о солдатах, охранявших больного. Она рассказала, что солдаты охотно принимают угощения, падки на выпивку. Мы решили использовать это.

С помощью своих людей — доктора и аптекаря — достали снотворное. Заготовили для передачи солдатам продукты и водку. Оставалось только угостить охрану и действовать. Но надо было еще достать лошадей и договориться о том, куда увезти Кузнецова-Зубарева, чтобы спасти его от преследований хотя бы на первое время (в дальнейшем мы предполагали снабдить его нужными документами и переправить в более надежное место). Товарищи подсказали выход. В 30—35 километрах от Горловки жил некий Брунст, владелец завода сельскохозяйственных машин. Говорили, что он либерал, склонный к романтическим приключениям.

Брунст загорелся нашей идеей. Убедившись, что приключение ничем не грозит его капиталам, он сказал, что охотно нам во всем поможет. Таких «спасителей» революции мне не раз приходилось встречать в жизни. Иногда они оказывали нам действительно огромную поддержку.

Так было и на сей раз. Выслушав мою просьбу, Брунст согласился выделить нам прекрасную упряжку из двух лошадей, приказал своему кучеру управлять ею. Он выдал мне некоторую сумму денег и согласился укрыть у себя Кузнецова на несколько дней. Заручившись всем этим, я отпра-

вился в Горловку, условившись с кучером, где и когда я буду его ждать.

В мое отсутствие Яков Моргенштейн основательно поработал с надежными людьми из персонала больницы и даже устроил пробное угощение солдат продуктами и водкой. Это не вызвало у охраны никаких подозрений, и нам оставалось лишь в нужный момент устроить еще одно угощение, но уже со снотворным. Сделать это нужно было в ночное время, до смены караула, при минимальном числе свидетелей.

В условленный день и час мы начали свою операцию. Яков Моргенштейн через своих помощников и помощниц в больнице угостил солдат. Их быстро свалило снотворное. Я в назначенном месте встретил подводу и кучера. Чтобы не вызвать подозрений солдат, свободных от караула, мы оставили лошадей примерно в километре от здания. Во втором часу ночи я тайком пробрался в больницу. Здесь стояла тишина: больничная прислуга частично была заблаговременно удалена, кое-кто притворился спящим, а те, кто принимал участие в спаивании солдат и не знал о примеси снотворного, валялся вповалку вместе с охраной.

Наш человек показал нужную мне палату, я быстро юркнул в нее. Кузнецов-Зубарев, сидевший на койке, как-то вяло и безразлично поднялся навстречу мне. До этого он торопил нас записками, и мне показалась странной эта вялость нашего товарища в самый решающий момент. Я спросил, готов ли он.

— А что солдаты? — поинтересовался Кузнецов-Зубарев.— Они приняли снотворное, не погибнут ли они?

Я не стал отвечать на эти пустые вопросы и попросил его быстрее одеваться и скорее уходить, потому что предстояла смена караула, а нам еще надо было дойти до лошадей.

Кузнецов как-то мутно посмотрел на меня и стал подробно говорить о своих болях — у него кружилась голова, ныла ампутированная правая рука. Потом он стал расспрашивать, куда его повезут, высказывать сомнения в благоприятном исходе побега. Когда я еще раз напомнил ему, что время не ждет и нам надо как можно быстрее идти к лошадям, он еще более скис и расслабился. Сев на кровать, он тихо сказал:

— Нет, нет, я не сумею дойти.

Никакие мои убеждения не помогали. Видимо, Кузнецовым-Зубаревым овладело непреодолимое отчаяние.

— Приближается смена караула. Решайтесь,— заявил я ему строго,— промедление грозит гибелью вам и мне, а также

и другим товарищам, которые участвуют в этом деле. А если вы отказываетесь идти со мной, то напишите об этом записку, чтобы наши товарищи могли убедиться, что вы сами избираете этот путь.

После этих слов он еще более ослаб и чуть слышно прошептал:

— Давайте я напишу,— видно, пришел мой конец. И уходите побыстрее, не рискуйте товарищами.

Так безрезультатно окончилась наша попытка спасти товарища. Чем объяснить поступок Кузнецова-Зубарева? Ведь это был подлинный революционер, самоотверженно руководивший восставшими горловцами!

Как мне стало известно позднее, через какое-то время он стряхнул с себя оцепенение и совершил побег из тюрьмы. Однако вскоре был снова схвачен и в 1909 году вместе с другими активными участниками и руководителями горловского восстания, был повешен в Екатеринославской тюрьме.

Царские власти посадили на скамью подсудимых 132 участника горловского вооруженного восстания, 44 приговорили к смертной казни. На предварительном следствии и во время судебного разбирательства подсудимые вели себя мужественно. Власти стали обрабатывать их поодиночке, уговаривая просить у царя помилования и уверяя, что эта просьба будет удовлетворена. Кое-кто поддался этим уговорам. Видимо, для того чтобы поощрить малодушие и отступничество, заявления о помиловании были удовлетворены. По окончательному приговору от 30 июля 1909 года смертная казнь была утверждена восьми осужденным, а остальным, ранее приговоренным к смертной казни, она была заменена бессрочной и срочной (15—20 лет) каторгой [1].

В числе казненных был и Григорий Федорович Ткаченко-Петренко — мужественный революционер, один из основателей луганской социал-демократической организации. Он стойко принял приговор, не унизил достоинства революционера просьбой о помиловании, сурово осудил смалодушничавших товарищей.

В своем предсмертном письме к брату он писал:

«Здравствуй и прощай, дорогой брат Алеша и все остальные братья, рабочие и друзья!

---

[1] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. ДП, ч. 5, л. 2.

Шлю вам свой искренний и последний поцелуй. Я пишу сейчас возле эшафота, и через минуту меня повесят за дорогое для нас дело. Я рад, что не дождался противных для меня слов от врага, и иду на эшафот гордой поступью, бодро и смело смотрю прямо в глаза своей смерти, и смерть меня страшить не может, потому что я, как социалист и революционер, знал, что меня за отстаивание наших классовых интересов по головке не погладят, и умел я вести борьбу и, как видите, умею и помирать за наше общее дело так, как подобает честному человеку. Поцелуй за меня крепко моих родителей. Прошу вас, любите их так, как я любил своих братьев рабочих и свою идею, за которую отдал все, что мог. Я по убеждению социал-демократ и ничуть не отступил от своего убеждения ни на один шаг до самой кончины своей жизни. Нас сейчас у эшафота восемь человек по одному делу — бодро все держатся. Постарайся от родителей скрыть, что я казнен, ибо это известие после такой долгой разлуки с ними их совсем убьет» [1].

Это написанное перед самой казнью письмо, думается, решительно опровергает один странный документ, который, в интересах истины, я не могу не привести. В фонде департамента полиции царского министерства внутренних дел хранится донесение начальника Екатеринославского охранного отделения ротмистра Шульца А. Р. директору департамента полиции Лопухину А. А. от 4 марта 1904 года, которое бросает тень на личность Г. Ф. Ткаченко-Петренко: он там назван в числе секретных сотрудников. Этот чудовищный факт с трудом укладывается в сознании. А не проник ли Ткаченко-Петренко в полицейскую систему по заданию какого-либо партийного комитета, чтобы выведать тайные планы полиции? Героическая его смерть и мужественное поведение перед казнью дают право говорить о нем с глубоким уважением. Вместе с Ткаченко-Петренко были казнены П. Л. Бабич, А. И. Вещаев, В. П. Григоращенко, А. М. Кузнецов-Зубарев, И. Д. Митусов, В. В. Шмуйлович и А. Ф. Щербаков. Приговор был приведен в исполнение 3 сентября 1909 года.

Мужественное поведение руководителей горловского вооруженного восстания на суде и перед казнью вызвало глубокое уважение к ним всего народа. Большевистская газета «Пролетарий» писала в те дни: «Бесстрашно пошли они —

[1] «Материалы по истории революционных событий 1905 г. на территории, ныне входящей в Артемовский округ». Донбасс, 1925, стр. 175—176.

восемь рабочих героев — на смерть. Их повесили 3 сентября за оградой Екатеринославской тюрьмы. Но они живы... Живы в памяти пролетариев, в неостанавливающейся пролетарской борьбе...» [1]

Подавив Декабрьское вооруженное восстание в Москве, царские власти получили возможность перебрасывать свои войска в другие районы восстаний, и в частности в Донбасс. Обладая превосходством сил, они сравнительно легко подавляли революционные восстания масс и чинили жестокие расправы.

Поражение горловцев совпало с разгромом и ряда других восстаний рабочего класса в Донбассе и по всей стране. Потерпела неудачу вооруженная борьба трудящихся в Харькове, где было убито и ранено более 200 рабочих. Жестоко были подавлены вооруженные выступления рабочих в Александровске (Запорожье), Ростове-на-Дону и в других местах.

Одна из главных причин неудач здесь, как и по всей России, заключалась в том, что рабочему классу не удалось создать прочного союза с крестьянством; отрицательную роль сыграла также слабая связь с солдатами, недостаток оружия, оборонительная тактика, а также и то, что рабочие в силу сложившихся обстоятельств были лишены возможности выбирать момент восстания: царизм навязывал им вооруженную схватку часто совершенно неожиданно, и они не могли от нее уклониться (именно так случилось в Горловке). В ходе отдельных вооруженных выступлений не получила широкого распространения тактика партизанской войны, высоко оцененная В. И. Лениным, как исключительно важная форма вооруженной борьбы.

Одной из важнейших причин поражения революции была капитулянтская линия меньшевиков, стремившихся подорвать веру рабочих в свои силы. Так, например, исполком Ростовского Совета рабочих депутатов, возглавляемый меньшевиком Гуревичем, дошел до того, что опубликовал воззвание к властям и населению, в котором утверждал, что восставшие рабочие якобы готовы сложить оружие, если в городе будет отменено чрезвычайное положение, освобождены арестованные и никто из участников восстания не пострадает [2]. Однако рабочие-ростовчане не поддались на эту провокацию, упорно сражались с врагом и, когда организованно отступили из

[1] «Пролетарий» № 49, 3 октября 1909 года.

[2] См. «Первая русская революция 1905—1907 гг.». Сборник статей. М., Изд-во Высшей партийной школы при ЦК КПСС, 1955, стр. 225.

города, не оставили царским войскам ни одной винтовки, ни одного патрона.

Большевики сделали правильные выводы из поражения в вооруженной борьбе с царизмом. В. И. Ленин в статье «Уроки Московского восстания» писал: «Декабрь подтвердил наглядно еще одно глубокое и забытое оппортунистами положение Маркса, писавшего, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства — отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное *наступление*. Мы недостаточно усвоили себе эту истину. Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало» [1].

Эти ленинские указания помогли нам, большевикам-подпольщикам, не растеряться от поражения в борьбе, сохранить веру в массы, воодушевили нас на еще более упорный труд. Надо было во что бы то ни стало уберечь подпольную партийную организацию от разгрома, сохранить явки, оружие, предотвратить уныние и панику у отдельных слабовольных партийцев, еще теснее связаться с массами рабочих и крестьян, которые верили нам до конца и увидели на деле, что мы, большевики, в борьбе за дело народа готовы выдержать любые испытания, пойти на самопожертвование.

Мы взялись за эту тяжелую, кропотливую и опасную работу, и она позволила сохранить силы и боеспособность нашей подпольной большевистской организации.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С В. И. ЛЕНИНЫМ

Декабрьское вооруженное восстание в Москве и в других промышленных центрах страны явилось высшей точкой революции 1905 года. Его поражение было переломным моментом, после чего революция пошла на убыль, а царское самодержавие начало жестокий разгром революционных сил. Но революция продолжалась, воля рабочих к победе не была сломлена. Убедительным свидетельством этого явилось, в частности, положение в Луганске, да и во всем Донецком бассейне.

Вернувшись из Горловки в Луганск после неудачной попытки освободить Кузнецова-Зубарева, мы с Яковом Мор-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 374.

генштейном с головой окунулись в подпольную работу. Надо было снова и снова сплачивать революционные ряды для новых классовых битв, не допустить пораженческих настроений, а их настойчиво сеяли среди рабочих господа меньшевики. У них в ходу была известная плехановская фраза: «Не надо было браться за оружие». Однако мы хорошо знали, на чьей стороне правда, и не давали себя обмануть. Мы твердо верили Ленину, который учил партию и весь народ «собирать опыт московского, донецкого, ростовского и других восстаний, распространять знакомство с ними, готовить упорно и терпеливо новые боевые силы, обучать и закалять их на ряде партизанских боевых выступлений» [1].

Вокруг этих двух точек зрения на перспективы дальнейшей революционной борьбы — Ленина и Плеханова развернулись горячие споры в партийных организациях и в рабочей среде. И к чести луганских пролетариев, следует сказать, что в их числе не было нытиков и маловеров. Они считали предательством дела революции трусливый отказ меньшевиков от наступления на царизм, от вооруженной борьбы с самодержавием. Рабочие твердо шли за Лениным и считали, что, только взявшись за оружие и научившись хорошо владеть им, в союзе с крестьянством можно добиться победы — свергнуть власть царя, помещиков и капиталистов, установить демократическое республиканское управление, подлинно народную власть.

Одновременно с разъяснением рабочим необходимости дальнейшей подготовки к вооруженному восстанию Луганский комитет партии приступил к установлению непосредственных связей с солдатской массой и казаками. Мы поручили нашим надежным товарищам завязывать знакомства с военными, разъяснять им нашу большевистскую политику, вербовать на нашу сторону революционно настроенных солдат и казаков. По поручению комитета у солдат побывали А. Я. Пархоменко, Т. Л. Бондарев, И. И. Шмыров; несколько раз был и я. Отдельные солдаты явно сочувствовали общенародной борьбе с помещиками и царизмом, рассказывали о тяготах военной службы и заверяли, что никогда не будут стрелять в народ.

Из этих встреч с солдатами возникло предложение обратиться к ним со специальной листовкой. В конце декабря 1905 года прокламация «Ко всем солдатам и казакам!» была

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 180.

готова, и мы распространили ее в солдатских ротах и казачьих отрядах.

В листовке мы постарались разъяснить солдатам и казакам, что народ живет тяжело потому, что «правительство, помещики да капиталисты заключили тайный союз и вместе расхищают народные богатства, вместе обирают и грабят рабочий люд, втроем дерут с него шкуру» и что солдаты, расстреливая по приказу начальства восставших против невыносимых трудностей жизни рабочих и крестьян, «свято» охраняют чуждые им интересы — интересы помещиков, капиталистов, правительства.

«Народ стал бояться солдат и казаков, как своих злейших врагов,— говорилось в прокламации,— он смотрит на них как на своих палачей. Но как это случилось, что вы, солдаты и казаки, обратились в убийц и зверей, ведь вы сами до службы были крестьянами и рабочими, будете ими и после службы, ведь вы знаете, как плохо и тяжело живется рабочему люду, как угнетают его богачи и начальство. В то время как вы прицеливаетесь из ружья или подымаете нагайку, быть может, в вашей родной деревне или в вашем родном городе падает убитый ваш отец и мать, жена или сестра от руки такого же, как вы, солдата или казака...

Ложью, обманом, насилием правительство убивает в вас совесть, душу, разум и отнимает у вас способность думать, рассуждать. Разве бы поднялась у вас рука на своего брата — крестьянина или рабочего, если бы хоть раз подумали, что вы делаете?»

И хотя мир с Японией был уже подписан (в августе 1905 года), мы сочли необходимым еще раз напомнить солдатам и казакам о кровавой бойне, «в которой погибли сотни тысяч солдат и казаков и тысячи миллионов (рублей) народных денег». Подчеркнув, что народ «узнал своего злейшего врага — самодержавное правительство и вступил с ним в смертную борьбу», мы обратились к казакам и солдатам с горячим призывом — переходить на сторону трудящихся.

«Вот уже год, как кипит война между восставшим народом и преступным правительством,— говорилось в заключение этой листовки.— За этот год вы, солдаты и казаки, затопили всю Россию народной кровью, вы вырезали десятки тысяч рабочих и крестьян, в одном Петербурге пало от вашей руки больше 5 тысяч человек. Больше так продолжаться не может! И казак и солдат стали просыпаться, туман сползает с их глаз. В казармах проходят собрания.

Первыми переходят на сторону народа матросы, за ними следуют войска. В Кронштадте, Севастополе, Киеве матросы, солдаты вместе с рабочими сражаются против ненавистного правительства. В Харькове, Риге, Екатеринославе, Витебске, Одессе и Москве целые полки и казачьи сотни отказываются стрелять в народ, а, наоборот, берут его под защиту. В Екатеринодаре, Пятигорске, Ставрополе и других городах солдаты прогоняют своих офицеров, выбирают из своей среды новых и решительно присоединяются к народу. Правительство трепещет, оно чует близкую гибель, оно старается скрыть происходящее от других войск. Еще с большей жестокостью, еще с большим зверством оно напускает на народ ослепленные и поэтому еще оставшиеся верными войска. Окрестные станции и рудники города Луганска еще дымятся от свежей пролитой крови: то драгуны и казаки расправлялись с восставшим за свои права народом. На станции Горловка вырезаны сотни людей, перебиты женщины и дети, казаки убивали даже сестер милосердия, спешивших на помощь раненым. От этих зверств леденеет кровь в жилах и волосы встают дыбом.

Казаки и солдаты!!! Опомнитесь! Что вы делаете! Ваши родные, ваши дети никогда не простят вам этого. Спешите же, спешите загладить свою вину, смыть свой позор. Скорее переходите на сторону народа. Помогите ему вашим оружием. Одному ему трудно биться. Вместе вы одолеете все зло, всю неправду.

Казаки и солдаты!!! Вы не верьте рассказам вашего кровожадного начальства про ненависть рабочих к вам. Оно нагло лжет, оно старается поднять вражду между вами и народом, чтобы ожесточить вас, чтобы пользоваться вами как слепым орудием. Народ ждет вас, он простит вам все и радостно примет вас, своих обманутых детей, в свои ряды. Переходите же к народу!

Долой кровавое самодержавное правительство!

Да здравствует свободная Россия и свободный русский народ!

Да здравствует братский союз между народами и восставшей армией!»[1]

Листовка сильно подействовала на массу рядовых солдат и казаков. Начальство было вынуждено отозвать их из

---

[1] «Листовки большевиков Украины периода первой русской революции (1905—1907 гг.)», док. № 150, стр. 359—362.

Луганска и заменить другими воинскими и казачьими подразделениями. Это было нашей победой и еще одним подтверждением правильности избранного нами пути.

Ожесточенная идейная борьба с меньшевиками разгорелась в это время в связи с подготовкой к IV (Объединительному) съезду партии. К нам в Луганск тогда приезжали из центра видные меньшевистские ораторы, и все они пытались убедить нас в неправоте Ленина. Хорошо помню приезд одного из них, имевшего две партийные клички: официальную — Костя и другую, связанную с его ораторским искусством,— русский Бебель. Он говорил остро, с юмором, густо пересыпал свою речь цитатами из Маркса, Плеханова, Мартова и даже из Ленина, против которого были направлены все его доводы. Хорошо замаскированный смысл его речи был таков: восстание широких народных масс — дело вредное и ненужное, оно обречено на провал, надо искать другие пути, чтобы не было кровопролития и жертв. Но прямо он этого не говорил, а сыпал всякого рода шутками и прибаутками, желая вызывать у малосознательных рабочих сочувствие.

Терпеть это мы не могли, и по поручению товарищей я выступил против этого меньшевистского златоуста. Между прочим, этого требовали и наши беспартийные рабочие, которые кричали с мест:

— Большевики, дайте отпор этому хлюпику!

Быть может, моя речь была не так красна, как речь русского Бебеля, но я постарался, как мог, растолковать рабочим, что мы, трудящиеся, не можем положиться на милость помещиков и капиталистов, если не хотим быть в вечном рабстве у них. Беда совсем не в том, говорил я, что мы, рабочие, взялись за оружие, а в том, что его у нас еще недостаточно, что мы действуем разобщенно. Научившись на горьком опыте отдельных неудачных выступлений, мы станем еще сильнее и обязательно победим. Эти слова вызвали восторг у рабочих, а меньшевистского оратора они не захотели больше слушать. После этого один из рабочих сказал мне:

— Ловко говорил русский Бебель, красиво, с фантазией, но твоя речь, Володька, правдивистей!

Следует сказать, что борьбу с меньшевиками за влияние на массы мы вели непрерывно, но у нас не хватало опытных организаторских и пропагандистских кадров, и это в отдельных случаях приводило к тому, что меньшевикам удавалось захватывать созданные нами рабочие организации. Именно

так случилось с Горным комитетом РСДРП, созданным нами еще в 1904 году,— он в дальнейшем попал под влияние меньшевиков. Но в целом в идейной борьбе победа была на стороне большевистского направления, и мы стремились сосредоточить в своих руках руководство рабочими организациями не только Луганска, но и всего Донбасса. Об этом свидетельствует, в частности, письмо партийному центру Э. В. Лугановского, который помогал нам в этой работе (май 1905 года). «Перспективы громаднейшие,— говорилось в этом письме.— Затеваем связи в уездах, обществе и среди учителей. В результате мы думаем взять всю работу и объявить себя Донецким комитетом. Понаехали товарищи мне на помощь, но в одном остановка — мало средств и мало связей с такими городами, как Бахмут, Мариуполь. Помогите нам в этом. Вы согласитесь со мною, если я скажу, что, получив пуда 2—3 литературы, технику и еще 2—3 дельных товарищей, весь Донецкий район будет за партией...» [1]

Всю работу по усилению большевистского влияния среди рабочих Донбасса мы проводили в тесном контакте с большевиками Екатеринослава. Когда Екатеринославский комитет большинства приступил к созданию «Рудничного союза РСДРП», мы приняли в этом активное участие и с помощью ленинского партийного центра этот «Союз» быстро окреп и начал руководить рабочим движением в Донбассе. Им были подготовлены и проведены в июле 1905 года стачки шахтеров на Кадиевском и Жиловском рудниках. И хотя после ареста его руководителей «Рудничный союз РСДРП» распался, активная двухмесячная его деятельность во многом содействовала ослаблению влияния меньшевиков в Донбассе.

Засилье меньшевиков в «Донецком союзе РСДРП» было вызвано и массовыми арестами большевиков, а также активно выступавших вместе с ними передовых рабочих. Это позволяло меньшевикам на периодически созываемых ими конференциях проводить ошибочные решения. Однако в ряде местных формально единых организаций РСДРП — алчевской, алмазнянской, бахмутской, горловской, кадиевской, мариупольской, петровской, юзовской и других — было немало большевиков или по-большевистски настроенных рабочих, которые занимали правильную идейную и тактическую линию в революции. В их числе были верный ленинец, ветеран

[1] «Переписка В. И. Ленина и руководимых им заграничных партийных органов с социал-демократическими организациями Украины (1901—1905 гг.)», стр. 640.

рабочего движения П. А. Моисеенко (Орлово-Еленовский рудник), И. А. Кротько и Д. К. Паранич (Алчевск), А. И. Бурдин и А. И. Дульницкий (Алмазная), А. И. Ващаев (Дебальцево) и другие; под их влиянием все большее число рабочих становилось на большевистские, ленинские позиции. Однако у них еще не хватало сил и опыта, чтобы возглавить местные партийные организации или оформить создание самостоятельных большевистских групп.

Параллельные организации большевиков и меньшевиков существовали тогда во всем Донбассе. Меньшевики пытались вслед за подчинением своему влиянию Горного комитета РСДРП прибрать к рукам и руководство рабочим движением в Луганске. Их так называемая луганская группа «Донецкого союза РСДРП» однажды даже набралась смелости обратиться с гектографированной листовкой-воззванием к гражданам Луганска, но это обращение не нашло никакой поддержки. Вся масса рабочих в этом городе уверенно шла за большевиками, за Лениным. Именно эта мысль подчеркивалась в письме из Луганска в редакцию большевистской газеты «Пролетарий»: «У нас существует как бы две организации: меньшевистская и большевистская, но меньшевистская бездействует, все находится в руках большевиков»[1]. В дальнейшем меньшевистская группа была вынуждена прекратить свое существование и влиться в состав большевистской луганской организации РСДРП.

Мы, луганские большевики, не давали спуску меньшевикам ни в повседневной работе на местах, ни на их партийных конференциях, созываемых «Донецким союзом РСДРП». Вспоминается одна такая ожесточенная идейная схватка на IV конференции этого «Союза», созванная в начале 1906 года. Мы здесь дали настоящий бой меньшевикам, и под нашим нажимом была единогласно принята резолюция «О необходимости немедленного объединения обеих фракций»[2].

Эта резолюция полностью соответствовала требованиям рабочих, которые хорошо понимали необходимость ликвидации раскола в революционном движении, объединения всех усилий народных масс для решительного наступления на самодержавие и вооруженной борьбы с ним.

На этой же конференции делегаты луганской большевистской организации на IV съезде РСДРП (Ткаченко и я)

---

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 26, т. 1, д. 40—26751, л. 251.
[2] «Партийные известия» № 1, 7 февраля 1906 года.

были включены в состав делегации «Донецкого союза РСДРП», в которой, таким образом, оказалось три меньшевика и два большевика. К сожалению, я не запомнил имени и отчества моего товарища, большевика Ткаченко, который на съезде выступал под псевдонимом Титов (не сохранились его инициалы и в протоколах съезда). Впоследствии для популяризации в массах большевистских взглядов на аграрный вопрос Ткаченко написал на эту тему специальную брошюру; она была в 1906 году напечатана в типографии луганской либеральной газеты «Донецкое слово» [1].

Готовясь к IV съезду партии, мы твердо придерживались ленинских указаний о сплочении всех рабочих организаций на единой основе решительной и непримиримой борьбы с царским самодержавием до полной победы над ним. На объединительной конференции представители меньшевиков убеждали в необходимости выдержки, призывали хорошо изучать марксизм, собирать силы и средства, не спешить с революционными действиями, пока не станет совершенно ясно, кого надо поддержать в развертывающейся революционной борьбе, и т. п. Это была типичная меньшевистская демагогия, и я в своей речи обрушился на нее с присущим мне в то время пылом молодости.

— Революция,— помнится, сказал я,— это не пустая говорильня, а тяжелое и смертельно опасное дело. Она не терпит пустозвонства и интеллигентской рыхлости. И если кто пришел в революционную партию только для того, чтобы лишь изучать марксизм, но не руководствоваться им в борьбе и претворять его в жизнь, то таким лучше уйти подальше от революционных колонн и не мешать их движению.

Когда я сказал, что революция — это кровное дело рабочих и что долг подлинных революционеров — быть в первых рядах рабочего класса, а не путаться у него в ногах, в зале поднялся невероятный шум. Это большевики и многие меньшевики из рабочих горячо поддержали мое заявление. Раздавались возгласы: «Правильно!», «Долой меньшевистских соглашателей!», «Да здравствует ленинская платформа объединения!» А меньшевистские лидеры разразились шумной бранью в мой адрес.

В это время кто-то, перекрывая громовым голосом общий шум, сообщил, что к зданию приближается полиция и надо

[1] См. *Н. Титов.* Аграрный вопрос на последнем съезде РСДРП. Статья 1. Луганск, 1906.

расходиться. Мы давно уже привыкли к таким сигналам и начали покидать здание по заранее намеченным путям отхода. Полиции не удалось арестовать наших руководителей, хотя именно с этой целью, как мы узнали позднее, и был организован налет.

Как известно, накануне IV съезда РСДРП, в феврале 1906 года, В. И. Ленин подготовил проекты основных большевистских резолюций съезда, и они были разосланы в местные организации для обсуждения. Эти проекты дошли и до нашей, луганской партийной организации и были положены нами в основу разъяснения политики большевиков во всех вопросах революционной борьбы. И должен сказать, что они оказали нам большую помощь, сыграли исключительную роль в сплочении луганских пролетариев вокруг ленинских лозунгов и установок, в повышении революционной активности рабочих, в развенчании оппортунистических взглядов и действий меньшевиков.

Слияние в конце декабря 1905 года Центрального Комитета большевиков с организационной комиссией меньшевиков и создание объединенного ЦК РСДРП отвечало настроениям рабочих масс, стремившихся к единству действий всего пролетариата против его общего врага — самодержавного строя. К этому времени в Петербурге уже был создан федеративный объединенный совет, состоявший из равного числа представителей от большевистского комитета и меньшевистской группы,— для согласованных действий и совместного руководства политическими выступлениями народных масс. Слияние организаций большевиков и меньшевиков было проведено также в Харькове, Екатеринославе, Луганске, Одессе, Херсоне, Николаеве. В связи с этим создано Южное бюро при объединенном ЦК РСДРП.

Убедительным свидетельством нашей победы в борьбе за ленинские революционные принципы марксизма явился тот факт, что делегатами IV (Объединительного) съезда партии в большинстве южных партийных организаций были избраны твердые ленинцы, большевики. Мне, молодому тогда рабочему-большевику, выпала честь быть делегатом съезда от «Донецкого союза».

С огромной радостью весной 1906 года я под фамилией Володина выехал из Луганска в Петербург, где еще ни разу не был. Мне было в то время 25 лет, и я с волнением и гордостью ощущал, что у меня в потайном кармане находится мандат на предстоящий съезд партии и что в самое ближай-

шее время я встречусь с работниками Центрального Комитета, а может быть, и с Владимиром Ильичем Лениным, которого я уже хорошо знал по его выступлениям в нелегальной печати, по подпольным и легальным изданиям. Они оставили в моем сознании неизгладимый след. В лице Ленина я видел несгибаемого вождя революции, беспредельно преданного делу рабочего класса, всего народа.

Прибыв в Питер, я направился на данную мне заранее явку. Это была цекистская явка, где принимали и регистрировали делегатов съезда, давали им различные пояснения, связанные с поездкой на съезд.

Дежурным на явке оказался Загорский (В. Н. Крохмаль), один из видных деятелей меньшевистского крыла партии. Ярый меньшевик, он также был избран делегатом IV (Объединительного) съезда РСДРП с совещательным голосом от меньшевиков и впоследствии, на съезде, был выбран в состав ЦК РСДРП от меньшевистской фракции.

Чтобы не было никаких недоразумений, должен сказать, что к Владимиру Михайловичу Загорскому (Лубоцкому) — видному большевистскому деятелю — В. Н. Крохмаль (Загорский) никакого отношения не имел.

Узнав, что я из Луганска, где безраздельно господствовало большевистское влияние, дежурный сделал кислую мину и, заглянув в свою записную книжку, сквозь зубы, заикаясь, процедил:

— Б...б...большевик, конечно?

Я ответил:

— Да, большевик.

— Т...т...тогда,— заявил Загорский,— вам надо идти к своим.

Я не нуждался в этих советах, потому что твердо знал, к кому мне надо идти. Но я хотел узнать, где находится Ленин и нет ли его случайно здесь, на явочной квартире объединенного ЦК. От этого вопроса меньшевистский лидер весь съежился и стал каким-то взлохмаченным, маленьким и растерянным. Но шок вскоре у него прошел, и этот благообразный, адвокатского вида джентльмен стал резким и дерзким. Он набросился на меня с отборными ругательствами. И хотя я был не из робкого десятка, все-таки, признаюсь, немного сдрейфил и поспешил поскорее скрыться с его глаз, чтобы найти большевиков.

Очутившись на свежем воздухе, я постепенно успокоился и тут же невольно рассмеялся. Если даже такие видные мень-

шевики, как Загорский, подумал я, так боятся нашего Ленина, то видно по всему, что он не дает им спуску ни в чем. В таких случаях на Украине говорят: «Заливает за шкуру сала». Вот так и Ленин расправляется с меньшевиками, мысленно произнес я, рассмеялся вслух, чем вызвал недоумение и удивление у проходящих мимо людей. Наверное, кто-нибудь из них принял меня за подвыпившего гуляку,— во всяком случае, так показалось мне по их мимолетным взглядам и улыбкам.

Однако настроение мое было совсем не таким веселым, как могло показаться со стороны. В Петербурге я был впервые. Правда, у меня были явки в большевистское книгоиздательство, частные письма донбасских друзей к их питерским знакомым. Но их надо еще разыскивать. А пока что я один, как перст, в незнакомом месте.

Стараясь не выдавать растерянности, пошел, наблюдая происходящее вокруг, стараясь запомнить название улиц, повороты, приметные дома и магазины, проходные дворы. Невский проспект сиял вывесками и витринами. По тротуарам праздно шаталась разряженная публика, а по проезжей части проспекта проносились богатые экипажи.

После долгих блужданий я наконец оказался в издательстве. Руководил им тогда В. Д. Бонч-Бруевич. Он внимательно оглядел меня и сообщил, что делегаты лишь начали съезжаться, а многих еще нет: они либо в пути, либо еще только собираются выехать.

— Вот и выходит, что приехали вы рановато,— сказал он улыбаясь.

— Это ничего,— ответил я.— Какое-нибудь дело мне здесь найдется. А больше всего мне хочется увидеть товарища Ленина. Он бывает в издательстве?

— Конечно,— живо отозвался Бонч-Бруевич.— Однако сегодня он занят в другом месте и здесь не будет.

Увидев, что я огорчился, он тепло добавил:

— Владимир Ильич сам ищет встречи с рабочими делегатами, и вы обязательно увидите его и поговорите с ним. А пока что побывайте в «техноложке» и покажитесь Надежде Константиновне Крупской — это жена и друг товарища Ленина. Она введет вас в курс событий.

Я отправился в «техноложку» (технологический институт). Настроение мое быстро переменилось, и от прежней робости не осталось и следа. Я как бы со стороны посмотрел на самого себя и подумал: вот идет по Питеру простой рабочий из Донбасса. Он ничего еще не видел, кроме заводов

и шахт да царских тюрем. Стоило ему встретить в Питере холодно-официальный прием у меньшевистского члена ЦК, и он уже повесил нос. Но вот повезло ему встретить искренних друзей в издательстве «Вперед», и он уже забыл обо всех неприятностях и идет себе, посвистывая, по прекрасному Невскому. Вот как важны для человека теплота, ласка, доверие.

Надежда Константиновна встретила меня как старого знакомого: она, видимо, знала меня по чьим-либо рассказам. Она расспросила меня о деятельности луганской партийной организации, об активистах и рядовых подпольщиках, о настроениях рабочих. Я рассказывал, а она записывала все в малюсенькую записную книжицу. Потом обстоятельно проинструктировала меня, как вести себя в Питере, сообщила кое-что и о предстоящем съезде.

— По всей вероятности,— сказала она,— съезд будет за границей. Однако, когда и куда придется ехать, еще не определено. Будем ждать. А вы тем временем ознакомьтесь с городом, отдохните.

Я ответил Надежде Константиновне, что отдыхать не привык, да и не такое сейчас время, чтобы сидеть без дела. Набравшись смелости, я не удержался и задал все тот же волновавший меня вопрос:

— А увижу ли я товарища Ленина, где и когда это произойдет?

— Увидите и услышите вы его не один раз,— ответила она.— А сейчас подумайте лучше о том, чтобы не провалиться в Питере. Будьте осторожны — шпиков здесь тьма-тьмущая.

Из «технoложки» я вышел окрыленным. Еще бы! Отныне я уже был тесно связан с большевистским центром, с ближайшими друзьями и помощниками Ленина, а скоро, наверное, увижу и его самого. Пусть впереди еще многое было неясным: сколько и где я буду жить в Питере, когда и куда придется ехать на съезд,— все это казалось мне мелким и незначительным. И я в чудеснейшем настроении отправился разыскивать те явки и тех лиц, к кому были адресованы лежащие у меня в кармане письма моих партийных товарищей из Донбасса.

Прежде всего я постарался разыскать Д. И. Лещенко, который приезжал к нам, в Луганск, по поручению ЦК РСДРП (большевиков). Застал его дома. Он встретил меня с радостью и сразу же стал расспрашивать о подпольной работе большевиков-луганчан и о моих впечатлениях от Питера.

Я отвечал односложно: дела в Луганске идут хорошо, в Питере мне нравится. Но и тут я не выдержал:

— Хочу скорее увидеть Ленина. Посоветуйте, как добиться этого.

Лещенко удивился:

— Да как же так, неужели еще не повидались с Ильичем? Даже не пойму, как это могло случиться: он почти каждый день бывает в издательстве и сам старается повидаться с прибывающими делегатами, узнать, кто чем дышит.

Еще как следует не рассвело, а я уже был в издательстве. Решил сидеть здесь хоть целый день, но во что бы то ни стало дождаться Владимира Ильича. Бонч-Бруевич, увидев меня, догадался о моем замысле.

— Ждете, стало быть? — спросил он, улыбнувшись.

— Жду,— ответил я и почему-то густо покраснел.

— Ничего, ничего,— заметил он, как бы успокаивая меня.— Сегодня Владимир Ильич обязательно должен быть: у него намечено совещание делегатов с мест.

В редакции начинался обычный трудовой день. Приходят и уходят посетители, слышен треск пишущей машинки, оживленно беседуют между собой сотрудники. Наблюдая все это, я увлекся и не заметил, как ко мне подошел какой-то человек. Он тронул меня за плечо.

— Вы, кажется, делегат съезда? — спросил он.

— Да, от «Донецкого союза».

— Тогда пойдемте,— пригласил он.— Нас уже дожидаются.

Это был один из прибывших в Питер большевиков — не то уралец, не то сибиряк. Судя по всему, он уже пообвык здесь, свободно разбирался, куда нам идти, и я последовал за ним.

Внутренними ходами и коридорчиками мы быстро поднялись — не помню уже точно — на второй или на третий этаж и вскоре оказались в небольшой комнатушке. Здесь, тесно сгрудившись, сидели человек десять — двенадцать, и один из них что-то говорил. Мы протиснулись через дверь и примостились с краю скамьи.

Выступал один из делегатов. Он рассказывал о настроениях рабочих масс в связи с выборами в I Государственную думу.

Я стал внимательно слушать. Оратор чаще всего смотрел на одного из участников совещания. Я тоже посмотрел туда. Меня поразил облик этого человека: энергичное, живое

лицо, высокий лоб, чуть прищуренные и какие-то необыкновенно искристые глаза. Он зорко всматривался в каждого из нас, почти неуловимым жестом поощрял докладчика и что-то быстро записывал в лежащий на коленях блокнот.

«Да это же Ленин!» — подумал я. И мне показалось удивительно знакомым его лицо.

Теперь я уже тоже не отрывал глаз от Владимира Ильича. Хотелось как можно основательнее запечатлеть в памяти все: лицо, жесты, движения, слова, мысли. Все это я делал не без тайного умысла: ведь я хорошо знал, что, когда возвращусь в Донбасс, мне придется обо всем подробно рассказывать товарищам. Конечно, думал я, прежде всего меня спросят о Ленине — каков он из себя, что говорил, чем он выделяется из всех виднейших деятелей партии. Вот я и прикидывал в уме, как я буду рассказывать им все, по порядку.

В это время оратор сменился. Мне стало ясно, что Владимир Ильич выслушивает краткие доклады с мест. Меня предупредили, что я буду выступать третьим. Вот сейчас, подумал я, мне предстоит отчитаться о работе луганских большевиков перед самим Лениным. Стало страшновато. Но все идет своим чередом — докладчика никто не перебивает, Ленин слушает спокойно, изредка улыбаясь.

Наступила моя очередь. Я встал, назвал себя и организацию, которую буду представлять на съезде. Владимир Ильич живо обернулся в мою сторону и, видимо уловив мое смущение, сказал что-то ободряющее. Я не запомнил его слов, но почувствовал их теплоту и участие, ощутил на себе его добрый и успокаивающий взгляд. И сразу как будто свалилось что-то с плеч, стало легче и свободнее дышать, и я не заметил даже, как перешел к существу своего сообщения.

Очень сжато рассказал о составе луганской партийной организации, о настроениях рабочих, о маневрах местной буржуазии в связи с выборами в Государственную думу и о некоторых других текущих событиях нашей революционной борьбы. Владимир Ильич, так же как и во время других выступлений, что-то записывал в блокнот и только изредка бросал на меня быстрый взгляд. Особенно глубокий интерес он проявил к горловскому восстанию и участию в нем рабочих боевых дружин из других городов.

Вслед за мной получили слово представители большевистских организаций других районов страны.

Но вот доклады с мест окончились. Владимир Ильич встал и очень коротко, но четко и ясно сформулировал общий итог:

революция продолжается, народные массы полны ненависти к самодержавию, рабочий класс смело и сплоченно выступает в авангарде революционных битв. Нужно умножить наши усилия по объединению всех революционных сил в борьбе за победу революции, покончить с расколом в рабочем движении, укрепить связи рабочего класса с крестьянством, солдатами и матросами. Одной из важных вех в этом отношении должен стать предстоящий партийный съезд, но надо трезво смотреть на вещи: засилье меньшевиков в ряде партийных организаций еще велико и требуется делать все, чтобы вырвать рабочих из-под меньшевистского влияния. Объединение возможно только на подлинно революционной основе.

В конце своего краткого выступления Ленин заметил, что совещание носило совсем частный и предварительный характер и что по всем затронутым здесь вопросам состоится обстоятельный обмен мнениями между делегатами-большевиками. Из всего этого нам стало ясно, что совещание нужно было Владимиру Ильичу для общей ориентировки о положении дел в стране и для лучшего определения им очередных задач большевистской партии, ее ближайших и более отдаленных тактических и стратегических целей.

Несмотря на то что совещание окончилось, все остались на своих местах. В. И. Ленин, подобно магниту, притягивал к себе, и мы сгрудились вокруг него. Завязалась непринужденная беседа. Владимир Ильич шутил и в то же время спрашивал то одного, то другого из нас обо всем, что его интересовало. А интересовало его буквально все: как мы живем, каковы условия труда и заработки рабочих, имеем ли связь с крестьянской и солдатской массой, как прошли выборы в Государственную думу, что делают и как вооружены наши боевые дружины. Он с одинаковым интересом слушал рассказы о кознях меньшевиков, о кадетах, о поведении казаков, проживающих в близлежащих от Луганска станицах. Когда кто-то из нас сообщил о том, что крестьяне самовольно захватывают земли у помещиков, Владимир Ильич особенно оживился и заметил:

— Вот это настоящее революционное дело. И мы должны помочь крестьянам выступать еще более решительно, действовать организованно, с нами заодно.

Как сейчас помню, с каким воодушевлением Владимир Ильич подхватывал то или иное сообщение, которое правильно освещало ход событий. В таких случаях он ожив-

лялся, поддерживал, а иногда и хвалил того, кто высказывал верные суждения и определения. Раза два и на мою долю выпало такое счастье — услышать от Ильича одобрительные замечания. Это было для каждого из нас, кто тогда присутствовал на этой беседе, истинным удовольствием. Не знаю, как другие, но я еще тверже убеждался в правоте собственных мыслей и действий, становился еще более уверенным в своих убеждениях и как бы вырастал в своих собственных глазах. Мне кажется, что именно тогда я особенно глубоко ощутил, что нет более высокой чести, чем быть непреклонным и сознательным борцом за дело революции, интересы народа.

Перед тем как расстаться с нами, Владимир Ильич снова вернулся к предстоящему IV (Объединительному) съезду и высказал ряд соображений о перспективах укрепления большевистского влияния в партии и среди всего рабочего класса. Учитывая реальные факты, и прежде всего то, что многие большевистские партийные организации, возглавлявшие вооруженное восстание, вряд ли смогут прислать своих делегатов, Ленин сомневался, удастся ли обеспечить преобладающее влияние большевиков на съезде, и старался скрупулезно подсчитать наши большевистские силы.

Поскольку мы, рабочие-большевики, присутствовавшие на этой беседе, твердо знали, что на местах за нами идет основная масса рабочего класса, мы предполагали, что наша большевистская фракция будет иметь на съезде преобладающее количество голосов. Но Владимир Ильич постарался рассеять эту нашу излишнюю самоуверенность.

— Не надо рассчитывать на легкие успехи,— говорил он.— Предстоит упорная борьба с меньшевиками на съезде, и мы должны быть готовы с честью выдержать бой за нашу подлинно революционную программу и за истинно революционный характер всех решений IV партийного съезда.

Все мы внимательно слушали Владимира Ильича и чувствовали в нем такую громадную, могучую, титаническую силу, что нам не казалось опасным никакое преобладание меньшевиков и не были страшны никакие их махинации. А об этих меньшевистских махинациях я немало уже наслышался от других рабочих — делегатов съезда, да и сам я с ними основательно познакомился в нашем рабочем Луганске.

Настроение у нас было превосходное. Это было хорошо видно по выражению лиц, по тем кратким и сердечным

репликам, которыми мы обменивались, расходясь с этого маленького, но такого памятного для нас совещания.

Я чувствовал себя особенно восторженно — исполнилась моя мечта: я увидел Ленина. Владимир Ильич произвел на меня огромное впечатление. Все в нем мне показалось необыкновенным: и выражение его лица с какой-то особенно теплой и трогательной улыбкой, и манера говорить, выделяя сразу все самое главное и существенное, и его необычайная простота и искренность, и, особенно, такие ясные и такие зоркие глаза, перед которыми невозможно сфальшивить,— они дышат верой и правдой и ждут от собеседника того же самого и как бы просвечивают его насквозь.

Полный этих впечатлений, я вышел из издательства «Вперед» и отправился бродить по улицам Петербурга.

Заснул я в этот вечер поздно, у одного из товарищей, который приютил меня. Уже тогда я умел быстро засыпать и просыпаться в точно назначенное время: к этому приучила работа на заводах. Но и засыпая, я все еще думал о встрече с Владимиром Ильичем Лениным и о том поистине дорогом и великом, чем наполнил он нашу жизнь, наши мысли и чувства.

НА IV СЪЕЗДЕ РСДРП

В издательстве «Вперед» нам доверительно сообщили, что из-за жестоких преследований революционеров по всей России созвать съезд внутри страны нет никакой возможности и что единственный выход — провести его за границей, в Стокгольме.

Отправкой большевистских делегатов в Стокгольм в нашем Центральном Комитете ведала Е. Д. Стасова, которая вместе с Н. К. Крупской отвечала за всю техническую работу по созыву съезда. Без всякой суеты и нервозности она вела огромную организаторскую работу. Надо было подготовить для каждого из нас заграничные паспорта, в большинстве своем на вымышленные фамилии, выработать для различных групп делегатов маршруты движения, определить им легальный или нелегальный переход границы, снабдить каждого деньгами и явками, проинструктировать. И все это делалось четко, в сжатые сроки, с большим тактом.

Я получил документы на имя Володина и должен был следовать в Швецию под видом путешествующего туриста. Мне предстояло выехать из Петрограда поездом, пересечь русско-финскую границу, добраться до финского порта Або и оттуда на морском пароходе выехать в Стокгольм. Многие наши товарищи направлялись на съезд компактной группой на специально зафрахтованном для этой цели пароходе, отбывающем из порта Ханко через Гельсингфорс. Но мне организатор отправки порекомендовал ехать в одиночку.

Я благополучно проделал весь путь и в начале апреля 1906 года был на шведской земле.

В стокгольмском порту меня встретил наш человек и определил на жительство в небольшую комнатку на втором этаже одного из домов, в нижнем этаже которого располагалось какое-то питейное заведение — не то бар, не то ресторан. В эту же комнату вскоре поселили еще одного делегата съезда, по фамилии Иванович. Это был коренастый, невысокого роста человек, примерно моих лет, со смуглым лицом, на котором едва заметно выступали рябинки — следы, должно быть, перенесенной в детстве оспы. У него были удивительно лучистые глаза, и весь он был сгустком энергии, веселым и жизнерадостным. Из разговоров с ним я убедился в его обширных знаниях марксистской литературы и художественных произведений, он мог на память цитировать полюбившиеся ему отрывки политического текста, художественной прозы, знал много стихов и песен, любил шутку.

Мы подружились, и вскоре я узнал, что мой новый друг является грузином и зовут его Иосифом Виссарионовичем Джугашвили; он представлял на съезде грузинских большевиков и сам являлся непримиримым ленинцем. Так волею случая много десятков лет назад довелось мне впервые встретиться с человеком, который в дальнейшем под именем Сталина прочно вошел в историю нашей партии и страны, в историю международного коммунистического и рабочего движения. Долгие годы после смерти В. И. Ленина он возглавлял Центральный Комитет нашей партии, а в годы Великой Отечественной войны — Советское правительство и Вооруженные Силы СССР. Мне после этого не раз пришлось встречаться с ним, а после победы Октябрьской революции вместе воевать против белогвардейщины и иностранной интервенции, вместе с ним участвовать в работе высших органов партии и государства. Он прожил большую

и сложную жизнь, и хотя его деятельность была омрачена известными всем крупными ошибками, я не могу говорить о нем без уважения и считаю своим долгом в последующем изложении своих воспоминаний, где это будет необходимо, правдиво сказать о нем все, что я знаю и что навсегда сохранилось у меня в памяти.

К этому времени И. В. Джугашвили (Сталин) уже активно проявил себя как видный деятель большевистского направления в Закавказье, находился в заключении в Батумской и Кутаисской тюрьмах, был сослан на три года в Восточную Сибирь и бежал из ссылки. На съезде он твердо отстаивал ленинскую линию на вооруженное восстание. Выступая на одном из заседаний съезда, он очень четко и ясно определил сущность наших расхождений с меньшевиками: «...или гегемония пролетариата, или гегемония демократической буржуазии — вот как стоит вопрос в партии, вот в чем наши разногласия» [1].

В явочной квартире нам сообщили, что делегаты продолжают прибывать — большевики и меньшевики, но день открытия съезда еще не определен и что мы можем пока что свободно распоряжаться своим временем, бродить по городу, знакомиться с его достопримечательностями. Не зная чужого языка, я не рисковал заходить куда-либо в глубь кварталов, но время от времени прогуливался по близлежащим улицам, все более расширяя кольца своих обходов.

Стокгольм чем-то отдаленно напомнил мне Петербург. Он расположен на нескольких островках. Здесь так же много каналов, проливов, мостов, замечательных сооружений своеобразной архитектуры: Национальный музей, Опера, Рыцарский дом, Королевский дворец, Большая церковь, Риддархольменская церковь и другие. Повсюду спокойно и неторопливо шествуют рослые, хорошо одетые, белокурые шведы. Рабочих не видно, но это и понятно: рабочий люд в это время занят работой на многочисленных фабриках и заводах, в порту и на других предприятиях. Кроме того, мне не довелось добираться до окраин, и я в связи с этим не имел возможности наблюдать условия труда и быта простых людей. Там, на окраинах, наверное, и постройки совсем иные, и одеты люди похуже, победнее.

---

[1] «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП». Протоколы. Госполитиздат, 1959, стр. 225.

Привыкший к засилью царских сатрапов в России, я невольно отметил бьющий в глаза демократизм в отношениях между людьми разных сословий. Это было видно в магазинах, на перекрестках улиц, в мелких мастерских бытового обслуживания, куда я имел возможность заглянуть. Люди разного общественного положения запросто общались друг с другом, полицейские попадались лишь изредка, и главным образом там, где они действительно были необходимы,— на переходах улиц, в местах скопления горожан. В условиях Швеции позднее мы видели и свободное празднование рабочими первомайского праздника — в России мы об этом могли лишь мечтать.

В одну из прогулок я заметил, что на близлежащей набережной люди как-то по-особенному вели себя: тише разговаривали, замедляли шаг и, проходя мимо, осторожно поглядывали на сидящего на берегу рыболова. Он ничем как будто не выделялся из массы других, удивших здесь рыбу, но вместе с тем было видно, что он привлекал к себе всеобщее внимание. Я не мог понять, почему это происходит, и лишь позднее узнал, что эта набережная — любимое место рыбной ловли шведского короля. Таким образом, мне совершенно неожиданно довелось увидеть королевскую персону в столь необычном месте и за столь необычным занятием.

Невольно подумалось: здесь правящие круги умело маскируются псевдодемократизмом, король и тот выступает в роли этакого идиллического рыболова; наш русский самодержец ведет себя более откровенно, нагло душит революцию, народ.

IV съезд РСДРП был созван в обстановке, когда в России потерпели поражение Декабрьское вооруженное восстание в Москве и разрозненные выступления рабочих в ряде других городов России. В результате репрессий царизма против народных масс резко сократилось стачечное движение. Сотни большевиков, мужественных борцов за дело народа были арестованы, а многие из них расстреляны или повешены. Однако революционное движение и в городе, и в деревне, и в армии не затухло. Все это свидетельствовало о том, что силы революции далеко еще не исчерпаны и налицо лишь временный спад наступательного порыва народных масс.

В этих условиях очень важно было укрепить единство действий пролетариата, преодолеть раскол партии, вызван-

ный оппортунистической деятельностью меньшевиков, их стремлением свернуть решительную революционную борьбу пролетариата на путь соглашательства с либеральной буржуазией. Нашей партии предстояло наметить конкретные меры к дальнейшему усилению революционной борьбы и вовлечению в нее широчайших масс рабочих и крестьян и дать им ясные тактические установки на завоевание власти, решение земельного вопроса, использование в этих целях испытанных средств революционной борьбы — политической стачки, вооруженного восстания и партизанских выступлений. Наряду с ликвидацией раскола между большевиками и меньшевиками съезд должен был осуществить объединение с национальными социал-демократическими организациями, и поэтому он с момента подготовки получил название Объединительного.

Ленинский курс на сплочение и активизацию всех революционных сил, на подготовку вооруженного восстания и на победу народа в революционной борьбе пугал меньшевиков, потому что они не верили в творческие силы и революционную энергию рабочего класса и крестьянства. По существу, они вели дело не к победе народных масс, а к свертыванию революции, к подчинению народных масс господству либеральной буржуазии, требовали поддержки кадетской думы. Это было предательством коренных интересов рабочего класса и крестьянства, и именно поэтому В. И. Ленин и до съезда, и на самом съезде развернул кипучую деятельность по разоблачению меньшевистской программы и тактики и утверждению в партии подлинно революционного курса на победу народа в революционной борьбе.

IV (Объединительный) съезд РСДРП открылся 10 апреля и завершил свою работу 25 апреля 1906 года (по старому стилю). Он проходил в прекрасных залах огромного шестиэтажного Народного дома, предоставленного в наше распоряжение шведскими социал-демократами. Пребывание на съезде и участие в его работе явились для меня и, как я полагаю, для всех других рабочих-большевиков замечательной школой революционной закалки, потому что все заседания съезда проходили в ожесточенной идейной борьбе с меньшевиками и главную роль в этой борьбе играл Владимир Ильич Ленин. У него мы учились твердости и настойчивости в отстаивании интересов народа, дела революции, воинственной непримиримости ко всему, что мешает спло-

чению масс под знаменем марксизма, тормозит рост их революционной сознательности, снижает их активность в революционной борьбе против царизма и буржуазии.

Считая главными задачами большевистских делегатов съезда решительную борьбу за признание всей партией платформы III съезда РСДРП (большевиков), Владимир Ильич Ленин еще во второй половине февраля 1906 года разработал проекты резолюций съезда по основным намеченным к обсуждению вопросам и сформулировал в них большевистскую точку зрения по всем коренным вопросам революции. Тем самым он вооружил большевистских делегатов съезда и всю партию четкой и последовательной революционной платформой, обеспечивающей подготовку нового революционного натиска на самодержавие. Это было очень важно: ясные и четкие ленинские положения по главнейшим вопросам революционной борьбы давали рабочим и всему народу возможность самим определить суть позиции большевиков и меньшевиков и вполне сознательно стать на ту или иную сторону.

Соотношение сил на Стокгольмском съезде сложилось неблагоприятно для Ленина и ленинцев: среди делегатов с решающим голосом было 46 большевиков и 62 меньшевика. Это объяснялось тем, что во многих промышленных центрах России, где проходили и были подавлены вооруженные восстания, большевистские организации понесли тяжелые потери и не могли послать на съезд своих делегатов, а в ряде городов, где еще продолжалась напряженная борьба, большевики находились во главе восставших и не могли оставить их без своего руководства. Между тем меньшевики, представлявшие в основном непромышленные организации, прислали всех своих делегатов, и это дало им перевес в голосах. Позиции меньшевиков усиливало и то обстоятельство, что в качестве особо приглашенного гостя на IV (Объединительном) съезде присутствовал Плеханов, который выступал довольно активно и явился для всех открытых и скрытых оппортунистов своеобразным центром притяжения.

Интересно отметить, что меньшевики, располагая большинством голосов на съезде, чувствовали все же непрочность своих позиций. Это особенно ясно проявилось в самом начале съезда, при обсуждении порядка дня, когда рассматривалось предложение, ставить ли на первое место вопрос об объединении с национальными социал-демократи-

ческими партиями. Было бы вполне логично и целесообразно решить этот вопрос, чтобы затем вместе с представителями братских партийных организаций обсуждать все остальные вопросы, и именно на этом настаивали большевики. Но меньшевики, не без основания опасаясь, что в ходе дальнейшей работы съезда представители социал-демократов Польши и Литвы и других национальных социал-демократических организаций, присутствовавшие на съезде, будут не на их стороне, а на стороне большевиков, не допустили немедленного объединения и при голосовании протащили решение о том, чтобы обсудить этот вопрос лишь в конце съезда. Нам, рабочим — делегатам съезда, это открыло глаза на многое. Мы воочию увидели подлый меньшевистский фракционный прием в действии, боязнь меньшевиков честной борьбы мнений, их желание любой ценой навязать партии свои соглашательские, оппортунистические взгляды.

В повестку дня съезда были включены аграрный вопрос, оценка текущего момента и классовых задач пролетариата, отношение к Государственной думе и другие вопросы. И по каждому из них в процессе обсуждения и голосования резко определялись два подхода, две линии: ленинская, подлинно революционная, и меньшевистская, оппортунистическая, соглашательская, льющая воду на мельницу классовых врагов пролетариата и крестьянства.

Твердо отстаивая на съезде большевистскую линию, В. И. Ленин со всей страстностью разоблачал ошибочные и вредные оппортунистические установки и тактику меньшевиков, разбивал их соглашательскую линию, ведущую к поражению революции. Сплотив вокруг себя большевистское ядро, он принял на себя главную тяжесть борьбы с меньшевиками и противопоставил своим идейным противникам исключительно четкие, истинно марксистские выводы, вытекающие из глубоко революционного анализа реальной обстановки в России, подлинного соотношения классовых сил в стране.

В. И. Ленин председательствовал на съезде, был членом ряда комиссий, выступал по вопросу об аграрной программе, об оценке момента и классовых задачах пролетариата, о вооруженном восстании, об отношении к Государственной думе и по организационным вопросам. И по каждому из этих вопросов он дал партии ясные, подлинно революционные выводы, мобилизующие все силы народных

масс на решительную борьбу с самодержавием и буржуазией.

Я впервые тогда видел и слышал В. И. Ленина как оратора, трибуна партии и буквально ловил каждое его слово, каждую мысль. Особенно ярко запомнился его доклад по аграрному вопросу, может быть потому, что это был первый доклад на съезде, а может быть еще и потому, что эта проблема была очень близка нам, местным работникам, которые постоянно соприкасались с крестьянской массой и хорошо знали их нужды и думы, их стремление любой ценой вырваться из долговой помещичьей кабалы, отнять у помещиков землю и свободно распоряжаться ею. И хотя для меня в то время не все было ясно в теоретических рассуждениях и исторических данных, приводимых Владимиром Ильичем в докладе, и даже не были понятны некоторые термины — абсолютная и дифференциальная рента, латифундии и другие,— я, как и все рабочие, с которыми мне довелось обменяться мнениями после ленинского доклада, очень хорошо понял главный смысл ленинской аграрной программы — стремление развязать революционную инициативу крестьян, нацелить их на экспроприацию помещичьих земель, объединение усилий рабочих и крестьян в борьбе за свободу и демократию, за свержение царизма путем восстания, учреждение республики.

Критикуя меньшевистскую программу муниципализации земли, В. И. Ленин убедительно показал, что она ни в коем случае не отвечает коренным интересам крестьянства, так как при муниципализации помещичьи земли не оказывались в распоряжении крестьян, а лишь отчуждались и поступали в распоряжение органов местного самоуправления, которые будут сдавать их земледельцам в аренду. Все это открывало лазейки для осуществления кадетских замыслов о частичном выкупе помещичьей земли.

Нам, рабочим, очень понравилось то, что В. И. Ленин связал оппортунизм Плеханова в аграрном вопросе с его неверием в силы рабочего класса и всего народа, с его ошибочной и вредной оценкой Декабрьского вооруженного восстания («не нужно было браться за оружие»), с его непониманием задач буржуазно-демократической революции («так как предстоящая нам теперь революция может быть только мелкобуржуазной, то мы обязаны отказаться от захвата власти»).

«Попав раз на наклонную плоскость,— писал потом Владимир Ильич о Плеханове,— он катится вниз неудержимо. Сначала он отрицал возможность захвата власти пролетариатом в современной революции. Теперь он стал отрицать возможность захвата власти революционным крестьянством в современной революции. Но если *ни* пролетариат, *ни* революционное крестьянство не могут захватить власти, то значит, что власть *должна остаться у царя и у Дубасова.* Или власть должны взять кадеты? Но кадеты сами не хотят захватывать власти, оставляя монархию, постоянную армию, верхнюю палату и прочие прелести» [1].

Из всего этого В. И. Ленин делал вывод, что плехановская боязнь захвата власти есть боязнь крестьянской революции. Такая четкая и ясная оценка линии Плеханова и всех меньшевиков была понятна нам, рабочим, и мы еще больше укрепились в правоте и дальнозоркости нашего учителя и вождя.

Владимир Ильич отстаивал на съезде программу национализации земли, то есть полную отмену частной собственности на землю, передачу всех земель в собственность государства. Осуществление этой меры рассчитано было на решительную ломку средневековых пережитков в деревне, всех феодально-крепостнических форм землевладения: помещичьих и надельных — и на наиболее быстрое развитие производительных сил в сельском хозяйстве. При этом имелось в виду осуществление всех этих преобразований революционным путем: свержение царского самодержавия, захват земли и власти народными массами и установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но Ленин видел и еще более отдаленные перспективы: в результате национализации земли неизбежно должен был усилиться приток капиталов в земледелие, усилиться конкуренция, расслоение и классовая борьба внутри самого крестьянства, а все это должно неизбежно способствовать сплочению бедноты вокруг пролетариата и, в конечном счете, ускорить процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Этого не понимали не только меньшевики, но и часть большевиков, защищавших на съезде требование раздела помещичьих земель и передачи их в собственность крестьян; в их числе были И. В. Сталин, С. А. Суворов и дру-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 24.

гие. Их ошибка заключалась в том, что они предполагали, что между буржуазно-демократической и социалистической революциями будет большой разрыв во времени, не учитывали перспективу перерастания первой во вторую. Должен сказать, что я в то время не понимал всей сложности этого вопроса и голосовал вместе с разделистами. Выражая свое отношение к аграрным программам меньшевиков и разделистов, В. И. Ленин сказал тогда: «...муниципализация ошибочна и вредна — раздел ошибочен, но не вреден»[1].

Весьма поучительно отметить, как мудро и тонко повел себя Владимир Ильич в сложившейся обстановке при обсуждении аграрного вопроса. Учитывая, что его программа национализации земли не найдет общей поддержки делегатов и не будет принята съездом, он, чтобы не разбивать голосов против муниципализации, снял свой проект и голосовал вместе с разделистами, имея в виду убедить их впоследствии в преимуществе отстаиваемой им точки зрения. Однако и при этом большинством голосов съезд принял меньшевистскую аграрную программу — программу муниципализации. Но Ленин не упал духом и проявил исключительную настойчивость в борьбе за подлинно революционные установки.

При поддержке всей большевистской части съезда В. И. Ленин настоял на том, чтобы в качестве дополнения к аграрной программе была принята тактическая резолюция по аграрному вопросу. В этой резолюции указывалось, что РСДРП поддерживает революционные требования крестьянства, вплоть до конфискации помещичьих земель, а на случай неблагоприятных условий, если нельзя будет осуществить муниципализацию, партия выскажется за раздел помещичьих земель между крестьянами. Тем самым, несмотря на реформистский дух принятой съездом меньшевистской аграрной программы, всей партии был указан путь на решительное развертывание аграрной революции.

С такой же настойчивостью защищал В. И. Ленин подлинно марксистскую линию революционных действий и по другим пунктам повестки дня, и особенно при обсуждении тактических вопросов.

Учитывая, что бойкот I Государственной думы оказался неудачным и сорвать созыв Думы не удалось, В. И. Ленин

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 369.

предложил уточнить думскую тактику партии по сравнению с теми мерами, которые намечались в предсъездовский период. В новом проекте резолюции по вопросу об отношении к Государственной думе большевики предлагали беспощадно разоблачать шаткость и непоследовательность кадетов, сплачивать и противопоставлять кадетам представителей крестьянской демократии — трудовиков, помогать им более прочно утвердиться на революционных позициях, использовать столкновения Думы с правительством для углубления революционного кризиса.

Меньшевики придерживались иных взглядов. Они отвергали ленинские предложения и, ориентируясь на кадетскую Думу, видели в ней широкое поле для парламентской деятельности. И хотя в то время, при бойкоте созыва Думы, в ее состав только случайно могли пройти социал-демократы (от мелкобуржуазных избирателей), меньшевики все же провели на съезде свое предложение о создании думской социал-демократической фракции. Тогда по настоянию большевиков съезд принял инструкцию ЦК о парламентской группе, ставившую эту группу под контроль партии и ее отдельных членов — под контроль местных партийных организаций, в которых состоят эти партийные парламентарии. Владимир Ильич назвал эту инструкцию важной, показывающей, что социал-демократы «не так смотрят на парламентаризм, как буржуазные политиканы» [1].

Владимир Ильич открыто уличал меньшевиков в оппортунизме, в недооценке революционных возможностей крестьянства, в стремлении к соглашательству с либеральной буржуазией, в распространении конституционных иллюзий, в увиливании от ответов на самые коренные, принципиальные требования революционного движения — претворения в жизнь боевого опыта Октябрьской всеобщей политической стачки и Декабрьского вооруженного восстания. Из выступлений и реплик Владимира Ильича мы все более убеждались в том, что меньшевики принижают роль рабочего класса, считают его не гегемоном революции, народных масс, а лишь пассивным участником буржуазно-демократической революции, таскающим каштаны из огня для своих классовых врагов.

Мы, делегаты-большевики, с гордостью и восхищением смотрели на своего вождя и в меру своих сил старались

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 46.

Переправа на Красную мельницу близ Луганска, которая охранялась боевой дружиной во время проведения рабочих собраний и митингов в 1905—1907 гг.

Столовая механического цеха завода Гартмана, где проходили заседания Луганского депутатского собрания (Совета рабочих депутатов).

Группа рабочих металлургического завода ДЮМО — участники Горловского вооруженного восстания в 1905 г.

Ворота проходной завода Гартмана. Отсюда вышли забастовавшие в феврале 1905 г. рабочие.

Д. Н. Гуров — член Луганского Совета рабочих депутатов в 1905—1907 гг.

Д. А. Волошинов — член Луганского Совета рабочих депутатов.

К. Ф. Медведев — рабочий завода Гартмана, участник трех революций, один из организаторов Красной гвардии в Донбассе. Погиб в годы гражданской войны.

И. И. Рябков (Пчела). Это он помогал К. Е. Ворошилову доставать оружие в Финляндии.

Д. К. Паранич — друг детства К. Е. Ворошилова, активный участник революции 1905—1907 гг. в Луганске и Алчевске.

поддержать его. Ленинская логика и аргументация в обсуждении любого вопроса были неотразимы, раскрывали глаза на главную суть того или иного явления, события, теоретического положения, убеждали в том, что только таким и может быть правильный вывод из обсуждаемого вопроса в данных условиях. Четкая и ясная мысль Владимира Ильича покоряла слушателей, полностью овладевала их вниманием. Поэтому во время выступлений В. И. Ленина в зале стояла глубокая тишина, не было обычного шума, движений; друзья и противники Ленина ловили каждое его слово и слушали его как зачарованные. Видеть и слушать Ленина было подлинным наслаждением.

Манера выступления В. И. Ленина была очень простой и естественной: он как бы разговаривал со слушателями, будоражил их сознание всем ходом своих рассуждений, их обоснованием, правильностью и закономерностью выводов. Создавалось впечатление, будто ты вместе с оратором приходишь к мысли, что только так, и никак иначе, могут развиваться те или иные события, только такие действия единственно целесообразны и подлинно революционны в создавшейся обстановке. Все это оказывало огромное влияние не только на сторонников Владимира Ильича, но и на его идейных противников.

Вот как характеризует это воздействие на него ленинской мысли С. Г. Струмилин, один из делегатов IV (Объединительного) съезда, не имевший в то время ясных и твердых убеждений по ряду обсуждаемых вопросов, колебавшийся и считавший себя как бы стоящим над фракционностью: «С каждым днем, наблюдая Ленина в этих повседневных боях, я проникался все большим уважением к этому великому вождю и обаятельному человеку. Большевики меня считали меньшевиком, меньшевики обвиняли в большевистских устремлениях, ибо я уклонялся от посещения фракционных собраний тех и других. Должен признаться, что если, собираясь на съезд, я все еще склонялся скорее к меньшевикам, чем к большевикам, то к концу съезда у меня уже назрело обратное тяготение» [1].

С. Г. Струмилин в своей дальнейшей деятельности сумел до конца преодолеть меньшевистские заблуждения и твердо стать на ленинские позиции.

---

[1] *С. Г. Струмилин.* Из пережитого. 1897—1917 гг. М., Госполитиздат, 1957, стр. 219.

В. И. Ленин страстно и глубоко аргументированно обличал ошибки и отступления от марксизма своих противников, подчас высмеивал и выставлял напоказ скрытый или явный оппортунизм меньшевиков. Но он ни разу не позволил себе их оскорбить, не допускал никакой резкости или бестактности в обращении к меньшевистским лидерам или рядовым меньшевикам, которые высказывали те или иные оппортунистические суждения. Он стремился прежде всего раскрыть противоположность и враждебность марксизму меньшевистских утверждений, вскрыть причины ошибок и заблуждений меньшевиков и помочь им стать на правильные позиции.

Очень часто получалось так, что меньшевики во время полемики с В. И. Лениным ничего не могли противопоставить ленинским взглядам и его железной логике и лишь в конце заседания или в перерывах шумно и безалаберно выражали свое несогласие с Владимиром Ильичем. Так и хотелось сказать этим господам: «Эх вы, «борцы», вам нечего сказать нашему родному Ильичу, вот вы и машете кулаками после драки».

На IV (Объединительном) съезде партии мне довелось познакомиться со многими видными революционерами, большевиками-ленинцами: А. С. Бубновым (на съезде — Ретортин), В. В. Воровским (Орловский), Ф. Э. Дзержинским (Доманский), Л. Б. Красиным, А. В. Луначарским (Воинов), И. И. Скворцовым-Степановым (Федоров), С. Г. Шаумяном (Суренин), Е. М. Ярославским и другими. Особенно дружеские и, можно сказать, сердечные отношения установились у меня с делегатами съезда Артамоновым (Ф. А. Сергеев — Артем), Арсеньевым (М. В. Фрунзе) и Никаноровым (М. И. Калинин). Может быть, это произошло потому, что все мы представляли рабочие районы, а я и М. И. Калинин были, что называется, рабочими от станка. Во всяком случае, мы часто собирались вместе во время перерывов и в свободное от заседаний время, обсуждали между собой практические вопросы работы в массах, делились впечатлениями о докладах и выступлениях. И у нас сложилось общее мнение, что в лице В. И. Ленина наша партия, рабочий класс и все трудящиеся России имеют твердого, всесторонне подготовленного вождя и учителя.

— Такого не провести нашим классовым врагам,— как-то сказал Михаил Иванович Калинин,— он выше них на несколько голов, и надо беречь его, как зеницу ока.

Мы согласились с этим, а Михаил Васильевич Фрунзе с присущей ему теплотой и проницательностью добавил вещие слова:

— Другого такого нет. Сейчас Владимира Ильича знает подавляющее большинство сознательных рабочих, он стал знаменем нашей революционной борьбы. А посмотрите, как верно и глубоко понимает он всю обстановку на местах и наши насущные задачи. Ведь его призыв к вооруженному восстанию вытекает из требований самих масс, — разве мы не знаем, как рвутся рабочие в схватку с самодержавием, чтобы разгромить его до конца. «Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой» — это не только песня, это клич к победе.

Однажды Владимир Ильич подошел к нам и сказал:

— Я вас давно приметил — вы так все время своей кучкой, одной компанией и держитесь. Это хорошо. Была у нас «Могучая кучка» композиторов — Римский-Корсаков, Балакирев, Бородин, Мусоргский и другие. Они сказали свое новое слово в искусстве. А рабочий класс — это уже могучая организация. И нам предстоит, дорогие товарищи, не только сказать новое слово в революционной борьбе, но и покончить со старым миром угнетения и насилия, построить новую, замечательную жизнь.

Прохаживаясь вместе с нами, Владимир Ильич стал расспрашивать нас о некоторых конкретных вопросах организации забастовочной борьбы, боевых дружинах, настроениях рабочих, привлечении молодежи к участию в революционном движении. У меня он два или три раза выяснял подробности горловского восстания.

Мы удивлялись тому, как хорошо информирован В. И. Ленин о положении дел в той или иной партийной организации, представителями которых мы являлись. Он знал ход стачки иваново-вознесенских текстильщиков, начавшейся 12 мая 1905 года и продолжавшейся 72 дня, знал о зверском убийстве черносотенцами в Иваново-Вознесенске замечательных революционеров-большевиков Ф. А. Афанасьева и О. М. Генкиной в октябре 1905 года, о вооруженном восстании в Харькове, о депутатском собрании рабочих в Луганске и первом в России городском Совете рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске. Он знал и о том, что М. В. Фрунзе во главе шуйских рабочих участвовал в московском Декабрьском вооруженном восстании, сражался на баррикадах на Пресне. Отозвавшись однажды с похва-

лой о рабочей солидарности, Владимир Ильич вдруг остановился и, повернувшись к М. В. Фрунзе, спросил его:

— Давно хотел узнать у вас, товарищ Арсений, как это вам удалось в разгар забастовки создать рабочий университет на реке Талка? Что же вы там изучали?

Михаил Васильевич Фрунзе, несмотря на то что ему в то время шел всего лишь двадцать второй год, был очень развитым и начитанным человеком. Менее двух лет назад он был еще студентом политехнического института в Петербурге и там стал активным большевиком. Во время одной крупной демонстрации в 1904 году он был ранен, арестован и выслан из столицы, как неблагонадежный. Работая по заданию партии среди рабочих Иваново-Вознесенска, Шуи, Кохмы и других населенных пунктов обширного текстильного района, или, как его называли тогда, Ситцевого царства, он окончательно избрал для себя тяжелый и опасный жизненный путь: стал профессиональным революционером. Отвечая В. И. Ленину на его вопрос, он и волновался, и смущался.

— Рабочий университет — это очень громко сказано, Владимир Ильич,— сказал Арсений.— Просто время было горячее, нам не хватало агитаторов, вот мы и решили подготовить их сами. В нашем Совете рабочих депутатов были представители со всех фабрик и заводов, и мы договорились с ними, что в дни заседаний Совета после обсуждения текущих дел будем еще проводить учебные занятия. Так на берегу реки Талка, где обычно собирался Совет, мы стали изучать с рабочими марксизм, задачи рабочего движения и другие дисциплины. В этой своеобразной партийной школе мы подготовили около двухсот агитаторов, и это очень помогло нам в оживлении работы в массах. Какой же это университет? — добавил он улыбаясь.

Но Владимир Ильич отнесся к этому опыту очень серьезно. Он долго расспрашивал Фрунзе, какие работы Маркса и Энгельса удалось изучить, были ли на занятиях споры, о чем спорили, принимали ли участие в работе школы женщины, молодежь. Затем сказал:

— Без научных знаний, и особенно без знания революционной теории, нельзя уверенно двигаться вперед. Если мы сумеем вооружить основную массу рабочих пониманием задач революции, мы победим наверняка, в кратчайшие исторические сроки и притом с наименьшими потерями.

Прощаясь с нами, он еще раз вернулся к этому вопросу

и, как бы подзадоривая нас, Артема, Калинина и меня, весело заявил:

— А ведь совсем неплохой пример показали вам иванововознесенцы. Не так ли, товарищ Арсений? — И как-то особенно тепло и сердечно посмотрел при этом на М. В. Фрунзе.— Подумайте об этом.

Завершающие дни работы IV съезда были для В. И. Ленина очень напряженными, и мы видели, что он отдает все свои силы и всю свою энергию на то, чтобы отстоять принципы марксизма от атак меньшевиков, которые, как уже было сказано, обладали на съезде большинством голосов. Однако, несмотря на все усилия Владимира Ильича и его единомышленников, IV съезд не выполнил полностью стоящих перед ним задач. Наряду с важными решениями, направленными на укрепление единства партии, съезд проявил непоследовательность, шатания, уклон в сторону реформистских методов борьбы.

Большой заслугой IV съезда РСДРП явилось утверждение нового Устава партии, в основу которого был положен принцип демократического централизма. Первый параграф Устава, по которому обнаружились серьезные разногласия с меньшевиками еще на II съезде РСДРП, был принят в ленинской формулировке. Очень важным событием для партии было слияние с социал-демократией Польши и Литвы, выработка условий объединения с латышской социал-демократической рабочей партией, с Бундом (съезд решительно высказался при этом против организации пролетариата по национальностям). Это означало победу интернационализма — создание единой рабочей партии в масштабе всей страны — и устраняло последние остатки кружковщины и разобщенности. Положительным результатом съезда было также принятие резолюций о профессиональных союзах и об отношении к крестьянскому движению, в которых была дана правильная оценка кадетской партии, а восстание признавалось единственным средством завоевания свободы.

Вместе с тем многие решения съезда, навязанные ему меньшевистским большинством, были ошибочными, они не облегчали, а затрудняли развертывание революционной борьбы, шли вразрез с коренными интересами и задачами пролетариата, всех трудящихся. Так, например, принятая на съезде меньшевистская резолюция о вооруженном восстании не только не мобилизовала массы на всемерное вооружение рабочих и решительные действия против царизма и

буржуазии, но была проникнута духом неверия в победу революции и в замаскированном виде осуждала Декабрьское вооруженное восстание. И, что было особенно досадно, во вновь избранном на съезде составе Центрального Комитета преобладали меньшевики,— стало быть, справедливо предполагали мы, и в дальнейшей практической работе они будут тащить партию вправо, сбивать ее с истинно марксистского, революционного пути.

На IV съезде РСДРП произошло лишь формальное объединение двух партийных фракций.

Беседуя с нами, большевистской частью делегатов съезда, перед нашим отъездом из Стокгольма, Владимир Ильич говорил, что мы не можем смириться с решениями IV съезда, которые считаем ошибочными, и должны продолжать идейную борьбу, разъяснять массам то, что считаем правильным. Особое внимание при этом Ильич обращал на необходимость подготовки вооруженного восстания, укрепление связей рабочего класса с крестьянством, всемерное укрепление в ходе революционной борьбы подлинно народных органов власти — Советов рабочих депутатов.

В. И. Ленин предвидел, что меньшевики будут по-прежнему держать курс на соглашение с либеральной буржуазией, проводить не революционную, а реформистскую политику. Поэтому он сразу же после съезда написал «Обращение к партии делегатов Объединительного съезда, принадлежавших к бывшей фракции «большевиков»». Наряду с другими большевистскими делегатами съезда это обращение подписал и я. Вскоре В. И. Ленин опубликовал специальный «Доклад об Объединительном съезде РСДРП (Письмо к петербургским рабочим)». В докладе подробно излагался ход работы съезда и проводились те же идеи, что и в «Обращении». В. И. Ленин еще раз со всей определенностью заявил, что большевики будут продолжать открытую, решительную и беспощадную идейную борьбу против правого крыла социал-демократии (то есть меньшевиков).

«Свобода обсуждения, единство действия,— вот чего мы должны добиться...— писал В. И. Ленин.— Но за пределами единства действий — самое широкое и свободное обсуждение и осуждение тех шагов, решений, тенденций, которые мы считаем вредными. Только в таких обсуждениях, резолюциях, протестах может выработаться действительное общественное мнение нашей партии. Только при таком усло-

вии это будет настоящая партия, умеющая *всегда* заявлять свое мнение и находящая правильные пути для превращения определившегося *мнения* в *решения* нового съезда»[1].

Вооруженные этими ленинскими указаниями, мы, возвратившись на места, развернули кипучую деятельность. Нам, как и огромному большинству сознательных рабочих, было ясно, что революция далеко не исчерпала всех своих сил и решающие бои еще впереди. И хотя резолюция IV съезда о вооруженном восстании страдала нерешительностью и половинчатостью, мы помнили о том, что под напором большевиков, и прежде всего В. И. Ленина, в этой резолюции сохранил свой боевой дух первый пункт, о котором еще раз напомнил Владимир Ильич всей партии в своем «Докладе об Объединительном съезде РСДРП».

«Объединительный съезд Российской социал-демократической рабочей партии,— подчеркивал Владимир Ильич,— признал *непосредственной* задачей движения — *вырвать власть* из рук самодержавного правительства. Всякий, кто забудет об этой непосредственной задаче, кто отодвинет ее на задний план,— *нарушит* волю съезда, и мы будем бороться с такими нарушителями самым резким образом»[2].

Так Владимир Ильич сумел использовать в интересах партии даже слабую, меньшевистскую резолюцию съезда — он сосредоточил наше общее внимание на самом главном в ней, что удалось ему отстоять в ожесточенной полемике с Плехановым. Это был курс на дальнейший подъем революционной борьбы, на подготовку вооруженного восстания.

ЛУГАНСКИЙ СОВЕТ

После возвращения из Стокгольма я доложил об итогах IV (Объединительного) съезда РСДРП на заседании Луганского партийного комитета, где присутствовали все районщики и подрайонщики, а затем — на партийных собраниях гартмановского и патронного заводов, железнодорожных мастерских и других крупнейших предприятий города. При этом особенно подробно рассказал о выступлении В. И. Ленина на заключительном совещании большевистской фракции съезда, о его напутствии: продолжая идейную борьбу

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 64, 65.
[2] Там же, стр. 65—66.

с меньшевиками, сохранять единство действий обеих фракций РСДРП, готовить массы к новой решительной схватке с царизмом — к вооруженному восстанию.

После поражения Декабрьского вооруженного восстания 1905 года в Москве и ряде других пролетарских центров по всей России начались жестокие репрессии против рабочих организаций и против крестьянских масс в деревне, поднявшихся на борьбу с помещиками. Почти повсеместно было введено военное положение, многие города и районы крестьянских волнений были наводнены полицией — общевойсковыми и казачьими подразделениями. Не избежал этой участи и Луганск. Однако то обстоятельство, что в городе по ряду причин, о которых уже было сказано, не произошло вооруженного восстания, наложило свой отпечаток на всю обстановку городской жизни. У местных властей и присланных войсковых подразделений и казачьей сотни не было формального повода для массовых репрессий, к тому же оставался в силе царский манифест от 17 октября, «разрешивший» гражданские свободы. Власти вынуждены были терпеть различные выступления трудящихся в «рамках закона».

Революционный Луганск, располагавший крепкой большевистской организацией и сравнительно хорошо вооруженной боевой дружиной, находился как бы во вражеском окружении и в то же время не только не спасовал перед ним, а, используя легальные и нелегальные формы борьбы, продолжал наступать на позиции своих классовых противников — фабрикантов и заводчиков, помещиков и представителей торгового капитала. Влияние большевиков в тот период было в городе настолько сильным, что наш Луганский комитет партии считался общепризнанным вожаком народных масс и направляющей силой всей политической жизни, а работающее под его руководством депутатское собрание представителей заводских коллективов выступало в роли практического организатора и исполнителя воли народных масс.

По существу, наше депутатское собрание, как уже говорилось, являлось подлинным Советом рабочих депутатов, подобным тем, которые возникли тогда в Иваново-Вознесенске, Петрограде, Москве и многих других городах страны, и я, вероятно, не допущу ошибки, если и в дальнейшем буду применять к нему именно такое название. Своей деятельностью он вполне оправдывал ленинскую характеристику Сове-

тов не только как органов народного восстания против царизма, буржуазии и помещиков, но и как зачаточных органов революционной власти. Это было видно и по тому, как относились к депутатскому собранию и его решениям рабочие, члены их семей и даже администрация завода Гартмана. С решениями Совета рабочих депутатов были вынуждены считаться и городская управа, и местная буржуазия, и даже жандармерия и полиция.

В «Докладе о революции 1905 года», прочитанном В. И. Лениным 9 (22) января 1917 года в цюрихском Народном доме на собрании швейцарской рабочей молодежи, указывалось, что Советы рабочих депутатов в нескольких городах все более и более начинали играть роль временного революционного правительства, роль органов и руководителей восстаний.

«Некоторые города России,— говорил Ленин,— переживали в те дни период различных местных маленьких «республик», в которых правительственная власть была смещена и Совет рабочих депутатов действительно функционировал в качестве новой государственной власти»[1].

У нас, в Луганске, до этого дело не дошло. Но город переживал тогда своеобразное состояние. В городе существовала обычная государственная власть, парализованная революционными действиями народных масс, и рядом с нею набирало все большую силу наше рабочее депутатское собрание.

Мы в ту пору не имели представления о двоевластии. Но фактически в Луганске в тот период оно сложилось. В городе нормально функционировали все органы царского самодержавного строя, но они действовали в значительной мере вхолостую, так как их указания большей частью городского населения игнорировались. Решения же Совета рабочих депутатов принимались к исполнению всеми, кого они касались,— трудящимися, заводской администрацией, домовладельцами, хозяевами магазинов. Конечно, это пришло не сразу, но по мере развития революционных событий мы приобретали и опыт руководства массами, и умение правильно ориентироваться в быстро меняющейся обстановке, а главное — на ходу и во все более широких масштабах использовать в революционной борьбе силу и организованность рабочего класса.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 322.

Как уже указывалось, наше депутатское собрание было создано в начале 1905 года, во время февральской забастовки рабочих завода Гартмана, для руководства забастовкой и ведения переговоров с заводской администрацией. В дальнейшем мы сохранили этот орган и использовали его как легальное прикрытие в революционной деятельности Луганского большевистского комитета. В его состав были введены наиболее опытные большевики и рабочие-активисты. В исполнительном комитете депутатского собрания активно работали Д. М. Губский, Д. Н. Гуров (заместитель председателя), Д. А. Волошинов, И. Н. Нагих, И. Д. Литвинов, М. Н. Фридкин. Большую помощь во всей нашей текущей деятельности оказывали члены депутатского собрания И. И. Алексеевский, Д. К. Паранич, П. И. Пузанов, Т. В. Тананко и многие другие. Являясь руководителем Луганского комитета партии, я одновременно возглавлял и депутатское собрание и старался в меру своих сил направлять его работу в нужное русло — на защиту интересов трудового народа и усиление организованности и сплоченности рабочих и всех трудящихся в борьбе против их классовых врагов.

И хотя в целом по стране после поражения Декабрьского вооруженного восстания в Москве и ряде других городов, как я уже отмечал, революция пошла на убыль, своеобразие условий, сложившихся в то время в Луганске, позволяло нам действовать смело и решительно. В 1906 году и в первые три месяца 1907 года депутатское собрание рабочих-луганчан явилось хозяином положения не только на заводе Гартмана, но и в Луганске, и в окружающих его селах.

Начиналось все с малого. Отдельные рабочие обращались ко мне, как председателю, или к другим членам депутатского собрания с различными жалобами: на нарушения заводской администрацией страховых законов, на неправильные расценки, плохой инструмент, нехватку заготовок или по другим вопросам,— и нам приходилось заниматься этими делами, приглашать на свои заседания представителей заводской администрации, требовать от них устранения тех или иных недостатков, принятия срочных мер. И поскольку наши решения, как правило, способствовали улучшению производства и повышению качества продукции, заводоуправление было вынуждено считаться с нашими рекомендациями, выполнять их. Кроме того, оно знало, что в случае необходимости мы всегда можем объявить заба-

стовку и добиться удовлетворения своих требований, как это было в феврале.

На заседаниях депутатского собрания обсуждались и другие заводские вопросы: о жилье для рабочих, неправильных увольнениях, упорядочении заработной платы отдельных категорий рабочих, переустройстве некоторых цехов и расстановке оборудования и даже чисто технические вопросы (плавка стали, обкатка и прогонка паровозов и другие). По нашему настоянию все рабочие, пострадавшие за участие в забастовках, были восстановлены на прежней работе. Таким образом, депутатское собрание, опираясь на волю рабочих, все увереннее выступало как орган рабочего контроля и управления многими заводскими делами.

Именно тогда большевистская газета «Вперед» писала: «В Луганском заводе общества «Гартман» депутатам рабочих удалось приобрести сильное влияние не только на рабочих, но и на заводскую администрацию. Это позволяет проводить желательные частичные улучшения условий труда и время от времени добиваться обратного приема уволенных за «беспокойное» поведение товарищей»[1].

Постепенно в сферу деятельности нашего Совета рабочих депутатов стало входить решение все более широкого круга различных вопросов, причем многие из них были связаны не только с деятельностью рабочих гартмановского завода, но и с положением жителей всего Луганска, а также и близлежащих деревень. Мы решали, в частности, вопросы качества выпечки хлеба и водоснабжения рабочих жилищ, обучения детей рабочих, раздела имущества, наследования, трудоустройства и т. д. Когда однажды купцы уволили группу неугодных им приказчиков, мы заставили купцов отменить решение. Обо всем этом так или иначе узнавали горожане и жители окрестных сел, и это поднимало авторитет депутатского собрания. В нем стали видеть силу и защитника всех обездоленных и несправедливо наказанных.

Однажды во время одной из обычных в то время поездок по селам уезда мне и еще одному члену депутатского собрания (уж не помню, кто это был) пожаловалась группа крестьян на действия казаков из близлежащих донских станиц. Станичники охраняли помещичьи земли и имения, помогали войскам и полиции проводить карательные меры против участников крестьянских волнений.

---

[1] «Вперед» № 11, 7 июня 1906 года.

— Житья от них нет,— говорили хлеборобы.— Они, как цепные псы, защищают помещичью землю, избивают нас. А разве мы виноваты, что нас давит нужда и нам приходится самовольно захватывать излишние запашки помещиков-мироедов? Вот вы бы и помогли нам, ведь у вас на заводе сколько казаков работает! Неужели через них нельзя воздействовать на станичников?

Это была хорошая идея. Вернувшись в Луганск, я поставил на обсуждение партийного комитета вопрос о защите интересов крестьян и об использовании в этих целях работающих в городе казаков (а их только на одном заводе Гартмана работало тогда более тысячи). Решили через членов депутатского собрания разъяснить рабочим-казакам всю неприглядность поведения их станичников. Одновременно были продуманы меры экономического воздействия на казацкое население близлежащих станиц.

В этих беседах с рабочими, выходцами из казацких семей, мы разъясняли, что высший долг рабочего класса — помогать нашим братьям крестьянам, что казачество, выступающее в роли карателей революционного крестьянства, марает честь рабочего человека. Многие рабочие-казаки из бедноты соглашались с нами, говорили, что помещикам сочувствует станичная верхушка, сама владеющая большими наделами земли. Но на заводе было немало и таких, кто поддерживал не крестьян, борющихся против помещиков, а толстосумов-станичников. Нам не оставалось ничего иного, как поставить перед казаками вопрос со всей резкостью.

Мы знали, что Луганск является для казацких станиц постоянным рынком сбыта муки, картофеля, овощей, молока, яиц и другой сельскохозяйственной продукции. Мы решили использовать этот факт в своих целях: если казаки не прекратят помогать помещикам, принять все меры к тому, чтобы не допустить на луганский рынок ни одного станичника.

— Мы выставим заставы на всех дорогах в город,— заявили мы рабочим-казакам,— и не пустим ни одного станичника на городской базар. Призовем население бойкотировать все, что просочится на рынок из казацких станиц. Посмотрим, что вы тогда запоете.

Некоторые казаки, участвовавшие в этих беседах (видимо, в той или иной мере связанные с зажиточными слоями казачества), пытались запугать нас, что население

Луганска будет обречено на голод и что вообще из нашей затеи ничего не выйдет.

— Не стоит идти на этот шаг,— говорили они.— Казаки не из трусливых.

Пришлось еще раз напомнить этим и другим выходцам из станиц, что рабочие никому не позволят мешать революционному движению. И поскольку интересы революции требовали от нас полной солидарности с трудовыми массами крестьянства, мы были вынуждены предупредить всех казаков-рабочих, что вопрос может стоять только так: либо они заставят своих земляков порвать с помещиками, либо сами будут все до одного уволены с завода.

Результат бесед превзошел все наши ожидания. Через несколько недель после того, как работающие на заводе казаки разъехались по своим станицам (а мы установили им определенный срок отпуска), положение в деревнях Луганщины резко изменилось. На помещичьих усадьбах не осталось ни одного стражника-казака, и вскоре крестьяне уже делили помещичьи земли, устанавливали в деревнях свои, крестьянские порядки и законы.

Все это облегчило положение крестьян. Правда, позднее, когда революция пошла на убыль, реакция отомстила наиболее активным крестьянам: многие из них поплатились личной свободой, а некоторые и жизнью. Но в сознание крестьянской массы глубоко запал вывод о том, что в союзе и совместной борьбе с рабочими можно добиться многого, что рабочие подлинные братья крестьян.

О превращении Луганского Совета рабочих депутатов в 1906 году в народный орган управления всеми городскими делами говорило и празднование 1 Мая.

Луганский большевистский комитет и депутатское собрание назначили на 1 Мая демонстрацию трудящихся и предложили прекратить работу на всех предприятиях города, а также торговлю во всех магазинах и лавках. Это требование народных представителей было выполнено всеми заводчиками, торговцами, хозяевами мелких предприятий. Отказались закрыть свои магазины только три наиболее махровых купца-черносотенца: Лузгин, Николаев и Грудинин.

Исполком депутатского собрания постановил оштрафовать их на крупную сумму и предупредить, что если они не внесут в рабочую кассу указанных им сумм, то их магазинам будет объявлен бойкот. Лузгин и Николаев подчини-

лись воле рабочих представителей, а Грудинин наотрез отказался платить штраф.

Он был известным богачом, пользовался в деловых кругах города почетом и уважением, имел тесные связи с жандармерией и полицией. Его роскошный магазин тканей всегда имел лучшие в городе товары. Видимо, торговец-воротила учитывал и свой политический вес: как-никак он был церковным старостой в крупнейшем соборе города и за свои заслуги перед самодержавным строем был назначен на пост попечителя уездной тюрьмы.

«Подумаешь,— наверное, рассуждал он,— какие нашлись командиры-голодранцы. Не мне их бояться, ничего они мне не сделают».

Отказываясь подчиниться требованиям Совета, он, видимо, рассчитывал на свое всесилие. Но ошибся.

Через своих агитаторов мы широко оповестили население города и окрестных деревень, чтобы никто и ничего не покупал в магазине Грудинина, и предупредили, что за нарушение этого распоряжения виновные будут отвечать перед депутатским собранием. И вот начался настоящий бойкот грудининской торговли. Население проходило мимо заваленного товарами магазина. Приказчики бездействовали, и сам хозяин уныло прохаживался у кассы. Дни шли за днями, а положение не менялось. В то же время у конкурентов Грудинина бойко шла торговля. Но богач-купчина держался все еще нагло и самоуверенно.

Тогда мы применили новую тактику. Время от времени в магазин начали заходить покупатели; выбирали нужные им товары, интересовались ценами и просили отрезать то или иное количество приглянувшегося им материала. А потом, как бы опомнившись, они говорили приказчику или самому хозяину:

— Забыл — вы ведь под бойкотом. За покупку у вас и меня не погладят по головке. Как же я пойду против всех? — И уходил, оставив отрезанную от куска материю на прилавке.

Таких «покупок» со временем становилось все больше и больше. Число непроданных отрезов увеличивалось, убытки возрастали. И Грудинин не выдержал. Через три месяца, понеся немалый урон, он обратился с покаянным письмом в наше депутатское собрание, в котором просил принять от него всю сумму штрафа и заявлял, что никогда впредь не пойдет против народа и будет всегда выполнять

требования рабочих организаций. Он даже предлагал деньги на издание специальной листовки, в которой было бы сообщено населению о снятии бойкота с его магазина.

Интересно отметить, что неприятности Грудинина на этом не кончились. При аресте у одного из наших товарищей это письмо обнаружила полиция. На этот раз купцу попало уже от царской полиции и охранки.

Но вернемся к празднованию 1 Мая. В этот день люди пришли к заводу в нарядных одеждах, с красными флагами. На площади у завода состоялся большой митинг, на котором выступили наши партийные ораторы. Еще с утра город увидел на самой высокой заводской трубе огромное красное полотнище. Партийный комитет не давал никому задания о водружении этого флага. Это сделал по своей инициативе кто-то из молодых ребят. Рабочие с гордостью показывали друг другу на знамя, которое развевалось как призыв к борьбе, а у врагов революции оно вызвало растерянность и переполох. Городские власти отдали полиции приказ немедленно покончить с этим «безобразием». Но это оказалось не так-то просто: никто из рабочих не хотел лезть на трубу и снимать красный флаг. Тогда заводской пристав начал понуждать к этому городовых, предлагая довольно крупную сумму денег. Однако и полицейские не хотели рисковать: ведь каждый из них твердо знал, что рабочие никогда не простят этой подлости и рано или поздно придется отвечать за нее перед народом. Поэтому они под разными предлогами отказывались от «лестного» предложения: одни ссылались на недомогание, другие заявляли, что не переносят высоты, а иные прямо говорили своим начальникам, что боятся рабочих.

Флаг продолжал реять над Луганском. Узнали об этом в Екатеринославе и Петербурге. Оттуда последовал категорический приказ — снять флаг во что бы то ни стало. И вот тогда-то на заседание депутатского собрания явился сам пристав и очень любезно попросил снять крамольный стяг. Он откровенно заявил, что иначе ему грозит наказание; и рабочие могут жестоко поплатиться, так как будут вызваны новые сотни казаков, возможны аресты и другие репрессии.

Заседание проходило под моим председательством.

— Господин пристав,— ответил я прикинувшемуся овечкой полицейскому чину,— депутатское собрание является легальной организацией рабочих, и поэтому оно не могло

допустить какие-либо нелегальные действия. К вывешиванию флага мы не имеем никакого отношения. Если его нужно снять, то пусть об этом позаботится администрация завода: ведь флаг-то красуется на заводской трубе.

Так пристав и ушел на этот раз ни с чем. Однако вскоре он явился вновь, но не один, а вместе с директором завода Хржановским. Директор сообщил, что история с флагом «вызвала озабоченность» в правительственных кругах и его предупредили, что если флаг не будет снят, то заводская труба будет разрушена артиллерийскими выстрелами.

— Все это не принесет пользы ни вам, рабочим, ни дирекции предприятия,— сказал он,— разрывы снарядов могут повредить не только трубу, но и заводские сооружения. Остановка предприятия повлечет простои оборудования. Владельцы завода понесут большие убытки, но все это в конечном счете скажется и на заработке мастеровых.

Он замолчал на какое-то время и потом, скрестив руки на груди, просительно добавил:

— Я буду вам очень признателен, если вы спасете завод от разрушения.

Только после этих настойчивых просьб дирекции и полиции мы согласились обдумать сложившуюся ситуацию. Ночью, после того как наш победный флаг почти неделю гордо реял над революционным Луганском, мы его сняли.

Так действовало наше депутатское собрание — Совет рабочих депутатов, орган революционного самоуправления масс, один из ростков революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, временного революционного правительства, к созданию которого призывал тогда В. И. Ленин. «...В политическом отношении Совет рабочих депутатов,— писал он,— следует рассматривать как зародыш *временного революционного правительства*»[1].

Луганский Совет рабочих депутатов, работавший под руководством городского большевистского комитета, был в то время не только органом рабочего самоуправления и контроля над производством. Он все более начинал играть роль организатора и руководителя подготавливаемого всей партией вооруженного восстания. Но мы отлично понимали, что для этого надо хорошо вооружить народные массы. А оружия у нас было крайне мало.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 63.

Д. М. Губский — член Луганского Совета рабочих депутатов, активный участник революции 1905—1907 гг.

И. И. Алексеев (Кум) — бывший рабочий завода Гартмана, активный участник трех революций.

На этом снимке Ф. Р. Якубовский — комиссар одной из частей в годы гражданской войны. Он активный участник революции 1905—1907 гг. в Луганске.

Чугунолитейная мастерская завода Гартмана. Здесь во время июльской забастовки 1905 г. был арестован К. Е. Ворошилов и другие участники забастовки.

Луганская тюрьма. В ней с июля по октябрь 1905 г. находился в заключении К. Е. Ворошилов.

Камера Луганской тюрьмы. Сюда в июле 1905 г. полицейские заточили вожака луганских рабочих К. Е. Ворошилова.

К. Е. Ворошилов. 1905 г.

Народный дом в Стокгольме, где проходил IV (Объединительный) съезд РСДРП.

Церковь Братства в Лондоне, где проходил V (Лондонский) съезд РСДРП.

Выполняя ленинские указания о подготовке вооруженного восстания против царизма, помещиков и буржуазии, наша партия широко развернула работу в массах, энергично готовила рабочий класс и всех трудящихся к решающей схватке со своими классовыми врагами. Однако мы отлично понимали, что выступить в этой борьбе неподготовленными и безоружными — значит заранее обречь революционные силы на поражение. Нужны были не только боевые дружины, но и их высокая организованность и вооруженность. И если боевую подготовку мы с грехом пополам проводили, то оружие продолжало оставаться самым слабым звеном в нашей подготовке к вооруженному восстанию.

Между тем время и обстановка требовали от нас решительных действий. Мы сумели наладить кое-какие связи с солдатской массой, и наша пропаганда революционных идей находила глубокий отклик в сердцах рядовых солдат царской армии. Сумели мы путем добровольных пожертвований рабочих собрать немалые по тем временам суммы для закупки оружия, но самого оружия пока еще не было. Наши попытки достать его в Одессе, Ростове-на-Дону, Севастополе и других городах почти не имели успеха. Мы решили направить одного из наших товарищей в Петроград, где находился тогда Центральный Комитет партии и при нем, как нам было известно, существовала довольно сильная военная большевистская организация. Ехать за оружием поручили мне.

Добраться до Петрограда не составило особой трудности, но в столице меня постигла неудача. Надежда Константиновна Крупская и другие видные работники партии заявили мне, что найти оружие в Петрограде очень трудно, так как оно уже роздано боевым дружинам заводов и фабрик. Единственным выходом из положения была поездка за оружием в Финляндию.

Следует напомнить, что финляндские рабочие приняли активное участие в революции 1905—1907 годов. Во время всеобщей забастовки солидарности с русским пролетариатом в конце октября 1905 года они создали в Гельсингфорсе (Хельсинки) Красную гвардию для поддержания порядка во время этой забастовки. Под натиском революционных событий в Финляндии и под непосредственным влиянием

русской революции царизм был вынужден утвердить тогда принятую финляндским сеймом весьма демократическую конституцию Финляндии. В дальнейшем под ударами реакции Красная гвардия финляндских рабочих была распущена, и оставшееся после нее оружие в значительной мере было раскуплено различными русскими социал-демократическими организациями. Товарищи в Петербурге и советовали мне попытаться приобрести какую-то часть этого оружия.

Помочь мне должны были И. И. Рябков, который уже неоднократно занимался закупкой оружия и перевозкой его в Петроград, а также видный в то время партийный боевик Свиягин.

Ипполиту Ивановичу Рябкову в то время исполнилось 58 лет, и он был известен в среде профессиональных революционеров как активный социал-демократ ленинского направления. Выходец из простой крестьянской семьи, он упорно работал над своим самообразованием, дослужился до чина надворного советника почтового ведомства, но не погряз в чиновничьем болоте. Вступив в партию в 1896 году, он умело маскировал свое участие в нелегальной партийной работе, а затем стал революционером-профессионалом. Особенно яркой полосой в его жизни было издание в Пскове большевистской газеты «Пчела». За свою революционную деятельность он неоднократно подвергался полицейским преследованиям, а за опубликование антиправительственных материалов в «Пчеле» был арестован, но сумел бежать. Название газеты «Пчела» стало его партийной кличкой. И. И. Рябков прожил честную и яркую жизнь революционера и умер в Москве в 1932 году.

В те дни, когда я встретился с ним по рекомендации наших цекистов, Ипполит Иванович работал в книжном складе большевистского издательства «Вперед» на Караванной улице (ныне улица Толмачева) — занимался розничной продажей книг. С окладистой бородой, в очках, широко эрудированный, он напоминал проповедника. Близко знавшие его товарищи называли его Рябков-Пчела или просто Пчела. Имел он и вторую партийную кличку — Лужин (видимо, потому, что родился в Лужском уезде).

Свиягин поражал своей живостью, энергией и очень многое делал для подготовки боевых дружин и снабжения их оружием. Впоследствии он был арестован по делу военной организации в Петербурге, затем бежал в Швейцарию, где

проживал под фамилией Казакова. Рассказывали, что с началом первой мировой войны он поддался шовинистическому угару, поступил на службу во французскую армию и был убит на бельгийском фронте.

Чтобы не вызывать подозрений, мы с И. И. Рябковым решили ехать в Териоки раздельно и там встретиться на явочной квартире — на даче нашего финского друга Они Комулайнена. О его революционной деятельности не сохранилось почти никаких документов. Известно лишь, что он находился на подозрении у царской охранки. В одном из донесений в охранное отделение департамента полиции о нем говорилось: «Имеются указания на то, что сын домовладельца в Териоках (Финляндия) по Андреевскому переулку Они Комулайнен занимается провозом оружия для революционных организаций через Финляндию в Империю».

Для моих товарищей закупка и транспортировка оружия были обычным делом, но для меня, новичка, сама поездка в Финляндию явилась серьезным испытанием и оказалась связанной с рядом опасностей и приключений, вернее, злоключений.

Как сейчас, помню свой первый приезд в Териоки и одну из историй, случившуюся со мной сразу же по прибытии туда. Было раннее утро, и, прежде чем пойти на явочную квартиру, я решил искупаться. Утро было теплым, чуть туманным. На берегу Финского залива никого не было. Я быстро разделся и, положив под небольшим кустом одежду (а в ней были револьвер и деньги на оплату оружия), побежал к заливу. Однако окунуться мне не удалось, так как вода не доходила даже до колен. Пришлось идти все дальше и дальше от берега, но дно было настолько отлогим, что и в двухстах — трехстах метрах от линии прибоя было все еще мелко. В это время, оглянувшись, я увидел трех человек, которые двигались вдоль берега в направлении куста, где лежала моя одежда.

Мысли смешались. Как быть? Бежать к берегу? Все равно не успеешь помешать грабителям, да и что сделаешь один против трех? Призвав себя к благоразумию, я стал незаметно наблюдать за ними и вскоре убедился, что подозреваемые мною люди и не помышляли о воровстве — они спокойно прошли мимо моей одежды, даже не обратив на нее никакого внимания. Позднее я узнал, что в Финляндии со времен раннего феодализма велась жестокая, беспощадная борьба против всех тех, кто посягал на чужую собствен-

ность. Ворам рубили руки и головы, и это возымело свое действие — в дальнейшем воровство было полностью искоренено. Исключительная честность финнов, как традиция, сохранилась и до сих пор.

Отделавшись, что называется, легким испугом, я поскорее оделся и поспешил на дачу Они Комулайнена. Там я застал Рябкова, Свиягина и незнакомого мне человека, который, как я узнал позднее, являлся поставщиком оружия. Сравнительно быстро мы договорились о цене, приобрели маузеры, браунинги, парабеллумы и патроны к ним.

Все это оружие мы должны были незаметно, небольшими партиями переправить в Петербург, а затем в Луганск. Нам предстояло совершить несколько рейсов в Териоки и обратно, и на эти случаи мы имели в столице несколько явок, куда при благоприятных условиях могли сдать оружие на временное хранение.

Переночевав у гостеприимного хозяина, мы наутро поспешили в обратный путь, причем, как и раньше, каждый имел свой маршрут, чтобы избежать общего провала. Не знаю, как моим друзьям, но мне самая первая из этих поездок запомнилась на всю жизнь.

Я не стал запасаться чемоданом или рюкзаком, а сделал специальный пояс, на который прикрепил под рубахой несколько браунингов и маузеров, а также небольшие мешочки с патронами к ним. Вначале это казалось и удобным, и не так-то тяжелым, но, когда я добрался до столицы, груз оказался очень весомым. Ныла поясница, болела голова. Я поспешил в одну из явочных квартир. Однако дежуривший здесь знакомый подпольщик, поравнявшись со мной и как бы нечаянно толкнув в бок, на ходу тихо сообщил:

— Явка провалена, кругом полно шпиков. Опасно идти и в другие известные тебе места. Постарайся переждать ночь на улице, а потом приходи на вокзал — к отходу утренних пригородных поездов. Там мы тебя найдем.

После этого он быстро затерялся в толпе прохожих.

Куда податься? Я стал медленно ходить по улицам и переулкам. Вокруг меня сновали люди всяких званий — богачи и бедняки, мужчины и женщины, взрослые и детвора. Я молча наблюдал за ними, изредка останавливался у витрин, чтобы посмотреть на выставленные в них товары, немного отдохнуть, а заодно по отражению в витрине проверить, не привязался ли ко мне какой-либо шпик.

Все мое тело ныло от усталости, хотелось есть.

У одной из подворотен я обратил внимание на группу девочек-подростков; некоторым из них было не более 10—12 лет. Многие из них как-то странно глядели на проходящих одиноких мужчин. Я не сразу понял, что им надо. Больно кольнуло сердце: вот до чего доводит детей бедность, проклятый строй.

Силы мои таяли, и я не знал, что же мне делать. Больше всего я боялся, что упаду на ходу и окажусь в лапах полиции. В это время я увидел в тупичке заброшенный сараюшко, превращенный, как оказалось, в отхожее место. Я с радостью поспешил туда, чтобы укрыться от глаз людских и хоть на какое-то время освободиться от измучившей меня тяжести.

Быстро захлопнув за собой державшуюся лишь на верхней петле дверь и закрыв ее на ржавый крюк, я немедленно снял пояс со всем содержимым и бережно уложил его в угол, где не было нечистот. Ноги дрожали и подкашивались. Хотелось сесть или лечь, но я отлично понимал, что нельзя расслаблять себя. Вскоре в дверь постучали, я молчал. Через короткий промежуток стук повторился и чей-то грубый голос нетерпеливо произнес:

— Ты что там — заснул?

Отмалчиваться дальше не было смысла, и я жалобным голосом стал объяснять:

— Подождите немного — живот разболелся... Сейчас.

— Ну-ну, поторапливайся.

Сквозь щель я увидел дворника в фартуке и с метлой. Кто-кто, а мы, большевики, знали, что именно эта категория людей в своем огромном большинстве была тогда основными осведомителями околоточных городовых и полицейских участков. Надо было поторапливаться. Закрепив злополучный пояс с оружием, прикрыв его рубахой и пиджаком, я вышел, чуть сгорбившись и держась за живот.

— И сам не знаю, что стряслось,— сказал я, виновато взглянув на поджидавшего меня дворника-подметалу.— Как ножом режет, никогда еще такого не было.

— Ладно, проваливай,— напутствовал меня дворник.

Я направился дальше. Наступал вечер. Я совсем ослабел. Надо было что-то предпринимать, чтобы спасти себя и с таким трудом закупленное оружие. Выручила меня какая-то еще совсем молодая женщина. Она обратилась ко мне:

— Вы очень устали, молодой человек. Пойдемте, передохнете у меня — не пожалеете. Я живу здесь за углом.

У меня не было иного выхода.

Взяв под руку, она повела меня. Я чувствовал безмерную благодарность к этой незнакомой женщине.

Мы завернули за угол. Пройдя немного по переулку, женщина сказала:

— Вот мы и пришли.

Затем она ввела меня в подъезд одного из серых, обветшалых домов, и мы стали подниматься по темной скрипучей лестнице. На втором этаже она остановилась, достала ключ и, открыв дверь, пропустила меня вперед. Я вошел в крохотный коридор и остановился в нерешительности.

— Проходите, проходите,— подбодрила она и, шутя добавила: — Располагайтесь, как вам удобнее, гостем будете, а вина купите — хозяином будете.

Эти слова навели меня на мысль послать ее за вином, чтобы во время ее отсутствия осмотреться и спрятать оружие.

— Спасибо за гостеприимство,— ответил я.— Но таков уж обычай — надо отметить нашу встречу, раз уж она состоялась. Не знаю как вы, а я проголодался и выпить хочется. Как вас зовут?..

— Зовите меня Машей,— сказала она.

Маша согласилась сходить в магазин. Как только она ушла, я снял с себя пояс, оглядел Машино жилье. Это была небольшая квартирка, состоящая из двух крохотных комнат.

Однако и этот мой отдых оказался очень коротким.

Как только Маша пришла с покупками, на лестнице послышались шаги и в комнату без стука вошел высокий молодой мужчина в рабочей блузе. Маша представила мне его как своего близкого знакомого.

Мужчина смотрел на меня недоверчиво.

— Вы не знаете, где нужны хорошие слесари? Я случайно попал в этот город и никак не могу устроиться,— сказал я ему.— Родных и близких здесь нет, даже остановиться негде. Хорошо, хоть добрая душа пригласила передохнуть — видела, что я еле на ногах стою. Но если бы я знал, что она не свободна, я, конечно, не воспользовался этой любезностью и остался на улице.

— В жизни всякое бывает,— заметил мой собеседник несколько миролюбивее.— На вашем месте и я, может быть, не отказался бы.

Он закурил. Мы посидели немного, закусили. А когда Маша и ее друг на время вышли зачем-то в соседнюю ком-

нату, я быстро надел свой пояс и затем распрощался с ними. Кто знает, чем могло кончиться это знакомство?

Выйдя из квартиры и плотно закрыв за собой дверь, я осторожно спустился по лестнице. На улице уже было совсем темно. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что поблизости нет ничего подозрительного, я быстро свернул за угол...

Утром на вокзале меня действительно встретили наши товарищи и переправили на новую явочную квартиру. Там я хорошо отдохнул, а через день вновь направился в Териоки. Ездил я туда несколько раз, и все поездки прошли благополучно.

Когда закупленное оружие было перевезено в Петербург, мы с И. И. Рябковым собрали его с разных явок в одно место и упаковали в дорожные чемоданы. Товарищи достали нам железнодорожные билеты, и вскоре мы отбыли в Луганск.

Ехали в полупустом классном вагоне. Мы имели возможность о многом поговорить. Я восхищался широкой эрудицией Ипполита Ивановича, его зрелыми суждениями по многим политическим вопросам.

Я счел благоразумным сойти с поезда раньше времени — на станции Миллерово, где должна быть пересадка,— и не рисковать ни собой, ни оружием. Я был уверен, что Рябкова встретят и без меня, поскольку о его приезде вместе со мной я заранее известил товарищей. Кроме того, он знал пароль и явочные квартиры. Рябков благополучно довез оружие и сдал его по назначению. Вскоре до Луганска попутным товарным поездом добрался и я.

Мы привезли 60 браунингов, 20 маузеров и большое количество патронов. Принял оружие на хранение наш верный товарищ, член боевой дружины П. И. Пузанов. Несколько позднее мы перенесли часть оружия к другому нашему боевику — Кротову.

Пополнив запасы оружия и патронов, мы усилили обучение дружинников военному делу. Настроение у всех было боевое.

НА ЗАЩИТУ РАБОЧИХ ИНТЕРЕСОВ

Напуганное размахом революционной борьбы и под сильным нажимом рабочего класса страны, царское правительство было вынуждено в начале 1906 года разрешить легальное

существование профессиональных союзов. Однако царизм оказался верен себе: разрешалось создание не профессиональных организаций — крепких объединений рабочих той или иной профессии или отрасли производства,— а профессиональных обществ.

Как известно, IV съезд РСДРП в результате засилья на нем меньшевиков высказался за беспартийные профсоюзы и таким образом стал на точку зрения их нейтральности. Но большевистские организации хорошо помнили указания В. И. Ленина о необходимости тесной связи партийных организаций с профсоюзами и постоянного партийного руководства их деятельностью и поэтому приняли все меры к тому, чтобы повсеместно возглавить всю работу по объединению рабочих в профессиональные союзы. Так было и у нас, в Луганске.

После опубликования закона о профессиональных обществах Луганский большевистский комитет немедленно приступил к созданию боевого профсоюзного объединения прежде всего на крупнейшем предприятии города — на паровозостроительном заводе Гартмана. Мы взяли в свои руки всю подготовительную работу по выработке профсоюзного устава, определению структуры заводской профсоюзной организации, по подбору надежных рабочих — большевиков и беспартийных в руководящие органы общезаводской и цеховых профорганизаций.

Благодаря активной работе большевиков рабочий коллектив завода Гартмана был достаточно сплоченным и не раз уже доказал это своими смелыми и дружными действиями в борьбе против хозяев и царского самодержавия. Создание на заводе профессионального общества открывало нам дополнительные возможности для проведения разносторонней легальной организаторской и особенно политической работы в массах.

Спад революции и аресты многих партийных активистов требовали от нас осторожности и бдительности. В ряды нашего профсоюза, особенно в его руководящие органы, должны были попасть люди надежные, стойкие. Поэтому при обсуждении этого вопроса в партийном комитете мы постарались убедить всех комитетчиков и приглашенных на это заседание районщиков и подрайонщиков, что больше всего вреда нам может принести самотек и спешка в оформлении профсоюзной организации, что наше профессиональное общество должно стать боевым помощником партийной организации

завода, проводником большевистской политики среди всего заводского коллектива.

При выработке устава профсоюзной организации члены Луганского партийного комитета постарались так изложить цели и задачи профсоюза, чтобы, не претендующие внешне на политические требования, они на самом деле были проникнуты политическим смыслом. Помню, мы много спорили, вносили различного рода предложения, но в конце концов сошлись на таких формулировках при определении целей профобщества:

защита интересов своих членов; содействие их умственному, профессиональному развитию; материальная, юридическая и медицинская помощь своим членам.

Надо помнить, что все эти определения должны были укладываться в рамки существующей «законности». В окончательном виде устав заводской профсоюзной организации, определяя ее функции, гласил, что она:

а) нанимает соответственное помещение, приобретает и владеет на основании общих законов движимою и недвижимою собственностью, заключает всякого рода дозволенные законом договоры и сделки, а равно защищает свои интересы через уполномоченных;

б) организует собрания и съезды как по общим, так и специальным вопросам, касающимся данной профессии и отдельных ее отраслей; производит исследование быта, условий труда и нужд рабочих профессии;

в) открывает бюро для оказания юридической помощи, справочное (бюро) для поисков работы и пр.;

г) устраняет путем соглашений, третейских разбирательств и примирительных мер недоразумения, возникающие как между заводом и рабочими, так и между самими рабочими;

д) выясняет уровень заработной платы, продолжительность рабочего дня и другие условия труда;

е) выдает рабочим пособия;

ж) содействует доставлению членам врачебной помощи и лекарств бесплатно или по удешевленной цене;

з) содействует приобретению членами различных предметов потребления и домашнего обихода по удешевленной цене, а также устраивает общежития, дешевые квартиры, столовые, потребительские и производительные товарищества и т. п. вспомогательные (мероприятия) для своих членов.

Проект устава профсоюзной организации мы вынесли на

широкое обсуждение в цехах и мастерских завода, с тем чтобы не только выслушать замечания и советы рабочих, но еще и еще раз разъяснить им, для чего мы создаем профессиональный союз, каким он должен быть и в каком направлении должна проводиться вся его повседневная деятельность по защите рабочих интересов. Мы советовались с участниками собраний и о том, кого из передовых рабочих, на их взгляд, следует выдвинуть в число учредителей заводской профсоюзной организации.

Таким образом нам удалось совершенно легально провести широкую политическую кампанию по созданию заводского профсоюза.

Обсудив в партийном комитете и Совете рабочих депутатов кандидатуры, в качестве учредителей профессионального общества утвердили рабочих-гартмановцев: Моисея Наумовича Фридкина, Василия Яковлевича Пастухова, Даниила Николаевича Гурова, Ивана Николаевича Нагих, Бориса Михайловича Ременникова, Дмитрия Константиновича Паранича и меня. Именно в этом составе мы и выступили с ходатайством перед екатеринославским губернатором о создании профессионального общества рабочих русского общества машиностроительных заводов Гартмана в Луганске. К ходатайству был приложен устав общества.

Разрешение было получено без особых проволочек. Правда, наш профсоюзный устав по указанию губернатора подвергся некоторому «приглаживанию»: так, например, слова «профессиональный союз» были заменены словами «профессиональное общество», вычеркнуты пункты о стачках и стачечном фонде, но в целом устав и после этого оставлял нам широкий простор для борьбы против буржуазии и самодержавия.

Одним из активных деятелей общества стал мой друг рабочий Д. К. Паранич, о котором я уже упоминал как о стойком и отважном революционере. Надо заметить, что организация профсоюзного общества совпала по времени с тяжелым моментом в его жизни. После участия в горловском вооруженном восстании он был арестован. Там его сильно избивали. И лишь случайно он оказался на свободе (выпущен под залог в 200 рублей). Прибыв в Луганск и опасаясь дальнейших репрессий, он просил меня спасти его и, если можно, переправить за границу.

Состояние его было подавленное, он ослабел физически. Я понимал, что Параничу нужна хорошая встряска, и поста-

рался убедить его — строго и в то же время сочувственно,— что уезжать и бросать организацию настоящие ленинцы не имеют права. Да, каждого из нас мог ждать арест, ссылка и даже каторга, но когда арестован ряд наших товарищей, мы должны работать с удвоенной энергией, и в том числе над созданием профсоюзной организации.

Беседа подействовала. Д. К. Паранич сумел преодолеть уныние, увлекся работой, стал одним из учредителей профсоюзного общества, а затем председателем ревизионной комиссии и одновременно председателем следственной комиссии общества [1].

Подав ходатайство екатеринославскому губернатору о регистрации нашего профсоюзного общества, мы стали знакомиться с деятельностью наших агитаторов, посланных в цехи и мастерские завода. И остались довольны: они разъяснили рабочим цели создания профсоюзной организации, учли их пожелания о том, что надо сделать в первую очередь, подобрали нужных людей для руководства цеховыми профсоюзными группами. Было отрадно слышать, что абсолютное большинство рабочих завода выразили готовность немедленно вступить в профессиональное общество и заявили о том, что в его рядах будут еще решительнее бороться за свои права, против хозяев и царского правительства.

Основное ядро нашей профсоюзной организации составили сознательные и стойкие рабочие, активные участники февральской и июльской забастовок. К сентябрю 1906 года в профсоюз записалось более 800 человек. В их числе были и ветераны завода, и заводская молодежь, и недавние выходцы из деревень, и даже один дворянин — выходец из разорившейся дворянской семьи.

---

[1] Интересна дальнейшая судьба Д. К. Паранича. В апреле 1907 года он был вновь арестован. За участие в горловском восстании он был осужден на восемь лет каторжных работ с последующим навечным поселением в Сибири. Отбывая ссылку в Иркутской губернии, он хоть и потерял непосредственные связи с партией, но не прекратил своей революционной деятельности. В сговоре с волостным писарем, потомком ссыльных декабристов, он организовал поджог волостного правления и похищение 50 чистых паспортных бланков. Эти бланки помогли многим политическим ссыльным бежать из Сибири и вновь приобщиться к революционной деятельности.

После свержения царизма Д. К. Паранич был освобожден, но вскоре был опять брошен в тюремный застенок. В первые годы Советской власти он вернулся в Луганск, работал в чугунолитейном цехе бывшего завода Гартмана, в аппарате Луганского облисполкома, в 1931 году он вновь вступил в ряды ленинской партии и состоял в ней до конца своих дней.

1 октября 1906 года, после утверждения профобщества и его устава, Луганский партийный комитет созвал первое общее собрание профсоюзной организации завода Гартмана, чтобы избрать правление, ревизионную комиссию и обсудить насущные вопросы работы профсоюза. Многие сотни рабочих заполнили специально арендованный для этой цели крупнейший зал города — Народную аудиторию. На собрании выступили большевики и учредители профобщества Волошинов, Ременников, Нагих, Пастухов, Фридкин и некоторые беспартийные рабочие. Я тоже выступил по поручению Луганского комитета большевиков и как один из учредителей профсоюза (моя речь в изложении была опубликована в газете «Северный Донец» от 5 и 6 октября 1906 года в отчете о собрании нашего заводского профобщества).

Я говорил о значении рабочей солидарности, о причинах наших неудач в прошлых забастовках, о роли, которую должны сыграть в сплочении рабочих профсоюзы.

Я понимал, что все участники собрания еще помнят глубокий промышленный спад во время экономического кризиса 1901—1903 годов и массовую безработицу той поры. Именно поэтому мне казалось особенно важным подчеркнуть роль нашего профсоюза в оказании помощи рабочим в период безработицы, а заодно разъяснить и природу безработицы, как неизбежного спутника капиталистической эксплуатации.

Я не мог тогда открыто говорить о политическом воспитании рабочих через профсоюз, но обратил внимание на большую роль профсоюзной организации в культурном воспитании рабочих. Но многие поняли, что́ я имел в виду.

Нам, членам Луганского комитета, было очень важно, чтобы опыт создания профсоюзной организации на заводе Гартмана стал достоянием не только всех предприятий Луганска, но и близлежащих рудников и шахт. Среди шахтеров было много выходцев из деревень, забитых горем и нуждой, живущих в жалких лачугах и очень далеких от политической жизни и революционной борьбы. Эти забитые массы надо было разбудить от апатии, призвать к решительным действиям, указать им путь к совместной борьбе за свои экономические и политические права.

В заключение я в тактичной форме покритиковал стремление некоторых групп рабочих, так или иначе связанных с личной собственностью (дом, огород и т. п.), остаться в стороне от профсоюзной организации, отказаться от совместных организованных действий всего рабочего коллектива.

По реакции участников собрания я чувствовал, что мои слова попадают точно в цель.

Собрание завершилось избранием правления профобщества и ревизионной комиссии. Членами правления были избраны Д. Н. Гуров, Д. А. Волошинов, И. Д. Литвинов, И. Н. Нагих, Л. М. Нестеренко, П. И. Пузанов, М. Н. Фридкин и я; кандидатами в члены правления — П. Г. Будехов, Ф. Р. Недзельский и Д. К. Паранич. В состав ревизионной комиссии были избраны: И. И. Буриков, Друзин, Мефодий Зазуля, Попов, Романов, Чеканов (члены); Бондарев, Дыптан, Косманенко, В. Я. Пастухов, М. С. Поплавский, Хоральский и другие (кандидаты). Председателем правления избрали меня, заместителем председателя — Д. Н. Гурова, секретарем — М. Н. Фридкина, казначеем — П. И. Пузанова.

Организационное оформление профорганизации на заводе Гартмана и избрание ее руководящих органов дали нам возможность немедленно приступить к широкому развертыванию профсоюзной работы, начать вовлечение в ряды профсоюза широкой массы заводских рабочих. И если к моменту создания профобщества мы имели в его составе 800 человек, то уже через месяц оно выросло до 1896, а спустя три месяца — до 2137 человек.

Деятельность правления профобщества и актива профсоюзной организации при повседневной поддержке и помощи Луганского большевистского комитета уже на первых порах дала весьма ощутительные результаты. Нам удалось получить от дирекции завода специальное помещение для проведения различных профсоюзных мероприятий. Мы разместили здесь правление профобщества, правление ссудосберегательной кассы, заводскую библиотеку и читальню, выделили комнаты для кружковой работы. Все это давало нам возможность проводить любые партийные мероприятия, осуществлять инструктаж наших агитаторов, обмениваться опытом работы, назначать явки и встречи с приезжавшими из центра партийными профессионалами.

29 октября мы провели второе общее собрание профорганизации, на котором создали ряд комиссий профобщества и укомплектовали их состав наиболее надежными и авторитетными товарищами. В следственную комиссию вошли девять человек. Она должна была расследовать различные конфликты, возникающие между рабочими и администрацией, интересоваться материальным положением членов союза, обращающихся за пособием, и т. п.

Примирительная комиссия была создана из 11 человек. В ее функции входило рассмотрение материалов следственной комиссии по неулаженным конфликтам рабочих с администрацией.

В расценочную комиссию было избрано пять человек. Она рассматривала все недоразумения, связанные с нормированием и оплатой труда, с охраной труда и безопасностью рабочих мест.

Попечительство больницы было поручено трем специально выделенным членам профсоюзной организации. Они наблюдали за состоянием заводской больницы, отношением медперсонала к своим служебным обязанностям и за качеством питания больных.

Кроме того, было создано справочное бюро из трех человек. В задачу этого бюро входило подыскание работы для безработных членов союза, установление в этих целях связи и ведение переписки с другими профсоюзами и заводами. Мы придавали деятельности этого бюро большое значение и поэтому включили в его состав секретаря правления профобщества М. Н. Фридкина, члена правления, одного из наиболее стойких рабочих-большевиков — И. Д. Литвинова и меня.

Каждая комиссия была вполне самостоятельна, но подотчетна правлению профобщества. К работе комиссий привлекался широкий актив рабочих, а к рассмотрению расценок и больничных дел приглашались соответствующие специалисты — работники заводской конторы, инженеры, врачи; однако их участие в работе комиссий носило совещательный характер. Окончательное решение принимали только члены комиссий.

На собрании был рассмотрен также вопрос о создании при заводе двухклассной школы в дополнение к уже существовавшему шестиклассному училищу. Заниматься в ней должны были дети бедняков, освобождавшиеся от платы за обучение.

Для рабочих, желающих научиться читать и писать, была организована вечерняя школа, а для тех, кто хотел повысить свою общеобразовательную и производственную подготовку, — вечерние курсы. Курсы посещало около 300 рабочих. Молодежь охотно шла в драмкружок, для любителей музыки был создан духовой оркестр. По инициативе правления профобщества мы организовали бесплатную юридическую консультацию. Профсоюз добился организации за счет профсоюзной кассы бесплатного лечения рабочих в заводской

больнице и бесплатного отпуска лекарств наиболее нуждающимся рабочим семьям.

Все это, разумеется, было очень важно для рабочих и их семей, но мы были не удовлетворены уровнем политической работы среди членов профобщества. У нас отсутствовали квалифицированные пропагандисты, и мы не могли проводить в профорганизациях лекции и рефераты. Попытки выйти из положения за счет столичных лекторов также не увенчались успехом. Об этом мы вынуждены были сказать в отчете большевистской организации V съезду РСДРП. Но, несмотря на это, влияние профсоюза возрастало не только среди паровозостроителей, но и всего населения Луганска. Дирекция завода, начальники отделов, цехов и мастерских опасались решать какие-либо существенные производственные вопросы без ведома и согласия правления профобщества или его комиссий.

Сведения об этом доходили и до соседних с городом заводов, шахт и рудников. С нашей помощью и там возникли профсоюзные организации — приказчиков торговых заведений, модисток, булочников и кондитеров, рабочих местных типографий и других. Крупный профсоюз, в который вступило 1700 человек из 4700 работающих, был создан на металлургическом заводе ДЮМО в Алчевске. Используя опыт гартмановцев, этот профсоюз развернул среди своих членов политическую и культурно-массовую работу и вскоре тоже приобрел большое влияние в заводской жизни.

Луганский партийный комитет и правление профобщества паровозостроительного завода Гартмана старались помогать новым профсоюзным организациям — посылали на их собрания своих докладчиков или представителей, давали практические советы. Некоторые сведения об этом попадали в печать. Вот что писал в то время журнал «Вестник труда» об одном из собраний профобщества рабочих Донецко-Юрьевского завода: «В начале собрания читались статьи из журнала «Вестник труда»... Затем говорил рабочий, член правления гартмановского профессионального общества. В краткой речи им было обрисовано положение рабочего класса в современном капиталистическом обществе, говорил он также о локаутах, устраиваемых капиталистами для борьбы с их беспокойными наемными рабочими, призывал к солидарности, к борьбе»[1].

[1] «Вестник труда» № 7, 26 ноября 1906 года, стр. 13.

Особое внимание Луганский партийный комитет уделял тогда рабочим местных типографий. Мы очень нуждались в их поддержке, а среди них царила разобщенность. Мы завязали с полиграфистами тесную связь, выявили среди них наиболее близких нам по духу передовых рабочих и помогли им в выработке профсоюзного устава. В октябре 1906 года устав был утвержден, и у нас появилась еще одна профсоюзная организация — профобщество рабочих печатного дела в Луганске. Этот профсоюз охватил большинство рабочих двух расположенных в городе частных типографий.

Мы провели большую работу по политическому воспитанию членов этого профобщества, и это не могло не дать своих результатов. Уже через месяц они предъявили хозяевам типографий ряд требований экономического характера (уменьшение рабочего дня, повышение заработной платы, оплата за отпуск и во время болезни и другие) и, когда предприниматели отказались что-либо сделать, объявили забастовку. Чтобы сломить упорство наборщиков и печатников, владельцы типографий пригрозили им локаутом. Но полиграфисты, несмотря на колебания некоторых своих товарищей, стойко выдержали этот натиск. На третий день забастовки хозяева согласились на переговоры и удовлетворили почти все существенные требования рабочих (девятичасовой рабочий день, повышение на 10—25 процентов зарплаты, ежегодные двухнедельные отпуска с сохранением установленного оклада, оплата за время болезни, увольнение рабочих только с разрешения примирительной комиссии профобщества).

Укрепление связей с типографиями и некоторыми редакционными работниками позволило Луганскому большевистскому комитету улучшить освещение в газете «Северный Донец» жизни фабрично-заводских рабочих. А вскоре мы создали и свой легальный партийный орган — газету «Донецкий колокол». С согласия Луганского комитета ее начал издавать Д. М. Розловский, умеренный по своим взглядам член нашей социал-демократической организации, допускавший некоторые колебания в сторону меньшевизма (печаталась она в типографии Г. С. Житомирского). Мы, большевики-комитетчики, превратили газету в орган подлинно большевистского направления, выделив для ее ведения группу партийных пропагандистов, знавших газетное дело. И хотя газета просуществовала всего три месяца (с 17 октября 1906 года по 17 января 1907 года) и было выпущено всего 20 номеров, она

оказала нашей большевистской организации неоценимую помощь в идейном воспитании и организации трудящихся.

Уже в первом номере «Донецкого колокола» отмечалось, что главной задачей газета ставит «выяснение нужд и интересов рабочего класса, его роли как борющегося класса за политические и социальные идеалы человечества». Следуя этому курсу, газета систематически публиковала сообщения о политической жизни в стране и за границей, материалы о положении рабочих на фабриках и заводах, по аграрным и культурным вопросам. Постоянными отделами в газете были: «Жизнь Донецкого бассейна», «Из жизни партии», «Профессиональное движение в Луганске», «Письма в редакцию», «Нам сообщают», «Городская хроника», «Телеграммы» и другие. Статьи и заметки, публикуемые в газете, показывали тяжелые материальные условия рабочих и крестьян в России, их политическое бесправие. При этом, разумеется, приходилось учитывать условия легального издания газеты и излагать все эзоповским языком, чтобы не давать повода царским властям штрафовать газету, конфисковать отдельные номера и ставить ее под угрозу закрытия за недозволенную деятельность.

Вот, например, как излагала газета «Донецкий колокол» программу-минимум и программу-максимум нашей большевистской партии. Начав с того, что свободы бывают разные, она напомнила о бюрократической, то есть о царско-монархической, свободе, для которой характерны произвол и бесправие, о кадетской свободе, направленной к тому, чтобы буржуазия стала господином свободной от самодержавия России и своей властью сохраняла основы старого мира, затем резко обрушилась на буржуазные партии, обманывающие народ.

«Не они могут быть защитниками целей и стремлений рабочего класса,— писал «Донецкий колокол»,— а партия социал-демократии. Она — партия городских и сельских пролетариев, она выражает интересы, чаяния и желания эксплуатируемых. Социал-демократия — партия социализма. Ее конечная цель — это освобождение рабочего класса от капиталистического гнета, создание на месте мира наживы и эксплуатации мира равенства и братства. Труд должен быть вырван из кабалы капитала. На смену буржуазному миру должен придти мир социалистический. На борьбу за этот мир зовет социал-демократия.

Ее ближайшая цель — это завоевание широких социаль-

ных и политических реформ, необходимых для удовлетворения ближайших нужд рабочего класса. Полная демократизация государства, введение 8-часового рабочего дня и изменение в корне рабочего законодательства — вот ближайшая задача передового авангарда рабочего класса — партии соц.-демократии»[1].

«Донецкий колокол» сыграл значительную роль в разоблачении предательского поведения либеральной буржуазии, тактического и организационного оппортунизма меньшевиков, в пропаганде большевистской платформы в связи с выборами во II Государственную думу.

Четкая большевистская линия «Донецкого колокола» вызывала беспокойство в правящих кругах, и они искали любого повода для его закрытия. Отвечая на один из запросов департамента полиции (по поводу выступления газеты о положении политических заключенных в Луганской тюрьме), екатеринославский губернатор писал:

«Что же касается до направления «Донецкого колокола», то о нем я телеграфировал департаменту 27 декабря минувшего года и теперь вновь утверждаю, что конфискация цензором отдельных номеров без уверенности, что судебные места утвердят этот арест или даже совершенно приостановят выход газеты, цели не достигнет, что уже в настоящее время совершенно ясно обрисовывался характер газеты, крайне вредный и развращающим образом действующий на массы рабочего населения, для которого она предназначена, и что дальнейшая переписка генерал-губернатора с прокурором по этому поводу лишь отдаляет время принятия против газеты решительной меры, каковой единственно в моих глазах является приостановление этого органа печати на все время военного положения в Славяносербском уезде»[2].

В этих словах, как мне думается, заключена вполне справедливая характеристика нашей газеты именно как большевистской; ее ругают враги, стало быть, она делала свое дело по-настоящему. Об этом же свидетельствует и завершающий этап в работе газеты. По распоряжению департамента она была закрыта за статьи «противоправительственного направления и пропагандирующие социал-демократические идеи»[3].

---

[1] «Донецкий колокол» № 17, 11 января 1907 года.

[2] См. *И. Велигура.* Большевистская газета «Донецкий колокол». Луганское областное издательство, 1962, стр. 24.

[3] ЦГИАМ, ф. 102, дело департамента полиции по 4-му делопроизводству за 1907 год, оп. 116, ед. хр. 18, ч. 8, л. 31.

«Донецкий колокол» значительно облегчил нашу работу по созданию профсоюза рабочих-металлистов в луганских мастерских, в котором объединились кузнецы, слесари, литейщики, жестянщики, лудильщики. Используя газету, мы опубликовали на ее страницах «Обращение к рабочим по металлу города Луганска», в котором разъяснили суть капиталистической эксплуатации и призвали рабочих-металлистов к организационным действиям.

«Где же справедливость, товарищи? — говорилось в этом обращении.— Хозяин, весь век ничего не делающий, живет припеваючи, а мы, рабочие, руками своими создающие все в мире, вечно голодаем, вечно живем хуже скотов. Так дальше жить нельзя! Нужно искать справедливость! Но где? У наших хозяев? Нет! У них мы ничего не найдем! Они живут только путем несправедливости, неправды, путем объегоривания нашего брата рабочего. Справедливость мы должны искать в нас самих. В организации и борьбе мы будем черпать новые силы для улучшения нашего быта... Помните, товарищи, в единении наша сила» [1].

Члены профобщества рабочих-металлистов городских мастерских тесно примыкали к профсоюзной организации паровозостроительного завода Гартмана. Эта организация и направила меня в качестве своего делегата в феврале 1907 года в Москву, на первую конференцию профессиональных союзов рабочих по металлу. Я рассказал там о работе луганских рабочих-металлистов и о нашем Совете рабочих депутатов.

Мое сообщение включили в протокол конференции, но по конспиративным соображениям моя фамилия была опущена [2].

НАШИ СИЛЫ РАСТУТ

Вторая половина 1906 года в Луганске ознаменовалась новыми массовыми выступлениями рабочих против самодержавного строя. Несмотря на то что после поражения Декабрьского вооруженного восстания в Москве революция во многих районах страны пошла на убыль, в Луганске продолжался процесс восходящего развития революционной борьбы. Совет приобретал все большее влияние.

[1] «Донецкий колокол» № 8, 15 декабря 1906 года.

[2] См. «Первая конференция профессиональных союзов рабочих по металлу, 1907 г.», стр. 40.

Членам Луганского большевистского партийного комитета приходилось напрягать все силы для объединения клокочущей революционной энергии рабочих и всех трудящихся и направления ее в единое русло организованных действий. Это было нелегко, потому что многие рабочие, особенно молодые, обзаведясь оружием, пытались действовать в одиночку или небольшими группами. Некоторые особенно горячие головы сбивались на явно анархистские методы борьбы, прибегали к террористическим актам, совершали бесчинства и ограбления. Мы терпеливо разъясняли недопустимость подобных действий, а у отдельных членов боевой дружины, позоривших рабочую честь, изымали оружие и исключали их из боевых десяток. Эти крутые меры вызывали недовольство, и кое-кто переметнулся к эсерам и анархистам.

Однако, несмотря на это, Луганскому комитету партии удалось сплотить вокруг себя здоровые силы. Именно в эти дни мы сумели значительно расширить ряды партийных организаций паровозостроительного, патронного и других заводов, привлечь наиболее стойкую часть молодого пополнения, вступившего в партию в 1905—1906 годах, к активной революционной деятельности. Большой опыт организаторской и политической работы в массах в то время приобрели наши активисты Г. К. Иванов, А. В. Медведев, Д. П. Осипенко, А. И. Руденко, И. И. Шмыров и многие другие. В дальнейшем часть из них вошла в руководящее ядро партийной организации.

Авторитет Луганского большевистского партийного комитета чувствовался во всем. Это не могло не тревожить местные власти. Они пытались всячески скомпрометировать руководителей большевистского комитета в глазах населения, осуществить против них в рамках закона жестокие репрессии. Но мы соблюдали все меры предосторожности, чтобы не дать нашим классовым врагам повода для осуществления их коварных замыслов.

Меня, в частности, обвиняли не только в «незаконных действиях» во время июльской забастовки, сопротивлении полиции, но и в совершении уголовного преступления — покушении на жизнь полицейского. Это была явная ложь, поскольку мы, рабочие, проводили мирный митинг, а на нас налетела вооруженная полиция и открыла по забастовщикам ружейный и револьверный огонь. Один из полицейских тогда был действительно ранен, но скорее всего самими же полицейскими, так как никто из рабочих не имел при себе

оружия. Готовя митинг, мы предупредили наших людей, чтобы никто не брал оружия и своими неосторожными действиями не дал полиции и жандармам повода для вооруженной провокации.

Правда была на нашей стороне. Но царский суд мог в любой день начать слушание моего дела и вынести любой угодный властям приговор. Все чаще мы получали от наших доброжелателей сигналы о том, что выездная сессия Харьковской судебной палаты готовится к выезду в Луганск для разбора моего и моих товарищей «уголовного» дела. Мы знали, что за этим последует. Почти ежедневно мне приходилось менять места ночевок, поменьше оставаться одному. С помощью товарищей это удавалось.

Опираясь на силу и сплоченность рабочих коллективов, мы стремились воспитать в массах смелость и решительность, чувство пролетарской солидарности, готовность любой ценой защищать друг друга, общенародное дело, интересы трудящихся. Вот один из примеров того, как это делалось.

Как известно, большевики бойкотировали выборы в I Государственную думу, потому что надо было развеять в массах иллюзии, будто деятельность Думы может что-либо изменить в их положении. Она не могла дать рабочим и крестьянам ни воли, ни земли. Бойкот подорвал авторитет I Думы, но не сорвал ее созыва, и поэтому, как впоследствии отмечал В. И. Ленин, он оказался неудачным, ошибочным. В связи с этим очень важно было извлечь из этого нужные уроки и использовать любой повод в деятельности Думы для революционной пропаганды, разоблачения всякого рода маневров самодержавия. В этих условиях мы старались поддержать критику любых депутатов Думы в адрес царского правительства и тем более любой протест против царского произвола и угнетения.

Когда царское правительство стало ограничивать деятельность Думы, мы использовали это для усиления антиправительственной пропаганды и агитации. При этом мы широко распространили вызванное бесчинствами царизма обращение рабочих депутатов I Государственной думы «Ко всем рабочим России». В этом документе критиковались действия правительства и содержался призыв к передаче власти в руки народа — к созыву Учредительного собрания. Отметив слабую сторону этого обращения — надежду на то, что либералы, господствующие в Думе, могут что-либо сделать в этом направлении, В. И. Ленин вместе с тем приветствовал это

воззвание как «первое прямое обращение депутатов не к правительству, а к народу» [1].

Обращение «Ко всем рабочим России» было опубликовано 18 мая 1906 года и адресовано непосредственно нам — заводским пролетариям. Мы решили немедленно откликнуться на этот призыв. На следующий же день наметили созвать большой митинг на заводе Гартмана.

На митинг явились все рабочие завода и многие служащие заводоуправления. Ораторы-большевики призывали рабочих подниматься на борьбу с царизмом, помещиками и буржуазией, со всеми угнетателями народных масс. В ответ на эти призывы слышались одобрительные возгласы. Предложение послать письмо рабочей группе I Государственной думы было встречено аплодисментами и принято единогласно. Вот что говорилось в этом документе:

«Товарищи, мы, рабочие завода Гартмана, в количестве 4000 человек, обсудив ваше обращение ко всем рабочим России, приветствуем вас за ваши требования, как требования всего обездоленного и угнетенного народа.

Мы предлагаем вам, товарищи, твердо и неуклонно стремиться вырвать власть из рук самодержавного правительства и передать таковую народу. Мы предлагаем настойчиво и решительно требовать:

1) немедленной отмены смертной казни;

2) освобождения из тюрем и сибирских тундр так называемых «политических преступников»;

3) снятия военного положения и чрезвычайной охраны, как причин, разоряющих нашу несчастную родину;

4) немедленного удаления «горемычного» кабинета усердных слуг отжившего строя и предания таковых народному суду.

Далее, принимая во внимание, что теперешняя Дума не в состоянии провести в жизнь требования народа, мы предлагаем товарищам, рабочим депутатам в Государственной думе, требовать назначения срока для созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, без различия пола, веры и национальности» [2].

Под письмом подписались все участники митинга. Каждый рабочий и служащий, ставя свою подпись, укреплялся в сознании, что и он решает судьбу страны, выражал свою готов-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 120.
[2] «Курьер» № 22, 10(23) июня 1906 года.

ность отдать силы и даже жизнь за дело революции, за победу народа.

Давно я не видел такого душевного подъема и такой бодрости, с какой расходились все мы с митинга. Наше настроение передалось и в другие рабочие коллективы города — патронного завода, железнодорожных мастерских и более мелких предприятий Луганска.

Городские власти решили подавить «крамолу». Они задумали организовать в Луганске новую волну еврейских погромов и тем самым отвлечь массы от боевой, революционной деятельности и в обстановке шовинистического угара расправиться с Луганским большевистским комитетом и Советом рабочих депутатов. В городе активизировались черносотенные элементы. Среди обывателей поползли грязные антисемитские и всякого рода контрреволюционные слухи. Но мы уже имели некоторый опыт по борьбе со всем этим. В срочном порядке провели совещания активистов по заводам, привели в готовность боевую дружину, установили круглосуточное дежурство дружинников на заводах и в местах наибольшего скопления населения (вокзал, базар и другие).

Большевики разъясняли рабочим, что их долг — помешать осуществлению подлых замыслов реакции. На заводе Гартмана мы провели с этой целью многолюдный митинг. Конная полиция попыталась сорвать, разогнать его, но рабочие-дружинники держались стойко. Взявшись за руки, они не дали конным и пешим полицейским вклиниться в толпу и расчленить ее. Митинг вынес решение — «подавить всякое насилие над личностью и имуществом граждан всеми мерами».

Разъяренные полицейские решили отомстить участникам митинга. Когда они стали расходиться, на них было совершено два нападения: в конце Луганского переулка и около патронного завода. Рабочие не растерялись и стали отбиваться камнями и палками. Тогда полицейские и прибывшие им на подмогу конные казаки пустили в ход нагайки, а некоторые из них начали стрелять по безоружным рабочим. В результате было ранено два человека.

В ответ на наглую вылазку полиции мы на следующий же день организовали массовую демонстрацию протеста. Вечером после работы на улицы Луганска вышли тысячи рабочих и члены их семей. Они несли плакаты, осуждающие царский произвол и требующие гарантии демократических свобод и созыва Учредительного собрания. Полиция попыталась сорвать это мирное шествие, но встретила дружный отпор

наших дружинников и всех демонстрантов — запасшись камнями и палками, они не подпускали полицейских к колоннам. Вызванные для разгона казаки также не смогли ничего сделать, даже и тогда, когда пустили в ход нагайки и оружие.

Об этой демонстрации жандармский офицер Каминский сообщил в департамент полиции.

Через четыре дня мы организовали новое выступление рабочих — уже в общегородском масштабе. Поводом для него был суд над Петербургским Советом рабочих депутатов. В день суда, 20 июня, в Луганске состоялась всеобщая забастовка солидарности.

Благодаря хорошей подготовке и четким действиям партийных активистов забастовка прошла с большим подъемом. Прекратилась работа на всех предприятиях города, даже на самых мелких и незначительных. По указанию Совета рабочих депутатов были закрыты все магазины. Жизнь в городе замерла. Забастовка еще больше укрепила в рабочих сознание своей силы: никто и ничто не может помешать трудящимся осуществить их волю, когда они действуют сплоченно, организованно. Видимо, понимали это и наши классовые враги — городские власти, полиция и жандармерия.

Вот что доносил тогда ротмистр Каминский в департамент полиции: «...Рабочие Гартманского завода разошлись по квартирам. По той же причине не работали: патронный завод, сборный цех железнодорожных мастерских, все типографии и несколько мелких мастерских. Часов около восьми появились на улицах города молодые люди, именующие себя уполномоченными от рабочих, заходили в лавку и требовали ее закрытия, в противном случае грозили погромом, поэтому лавки целый день были закрыты, несмотря на то что полиция требовала открыть лавки, а в противном случае виновные в неисполнении сего требования будут подвергнуты ответственности по закону. Некоторые торговцы заявили уездному исправнику, что они откроют свои магазины, но пусть исправник даст подписку в том, что он берет на себя ответственность в случае, если магазины их будут разбиты. На это заявление исправник ничего не ответил» [1].

Этот документ весьма характерен. Представителям полиции так и не удалось заставить торговцев открыть магазины. Распоряжение Совета рабочих депутатов оказалось сильнее

[1] Ленинградский исторический революционный архив (ЛИРА). Дело департамента полиции № 4, ч. 17, 4-е делопроизводство. 1906 год, вх. № 18223.

приказа официальной власти. И это вполне понятно. Луганские торговцы хорошо помнили историю с купцом Грудининым.

Вскоре после этого в Луганск прибыл депутат I Государственной думы трудовик С. М. Рыжков. К тому времени наши с ним взгляды разошлись настолько, что из друзей мы превратились в идейных противников. Он объявил о желании встретиться со своими избирателями. С разрешения властей в Народной аудитории было созвано собрание граждан Луганска. Мы постарались обеспечить как можно более полную явку трудящихся, потому что решили использовать это собрание в своих целях. В назначенный час у Народной аудитории собралось около десяти тысяч рабочих и городских обывателей. Помещение аудитории явно не могло вместить всех, поэтому было решено провести встречу на открытом воздухе. Балкон Народной аудитории служил трибуной.

В своем выступлении С. М. Рыжков пытался убедить слушателей в том, что кадетская Государственная дума выражает интересы народа и старается сделать для него все возможное. В бедствиях народа повинны только правительство и его министры. Такая оценка Думы никак не устраивала большевиков, поэтому наши ораторы резко обрушились на эти утверждения Рыжкова и дали свою оценку кадетской Думе.

Особенно яркую речь произнес профессиональный революционер, большевик-подпольщик Никита (его подлинное имя — Агарев Алексей Федорович — знал лишь узкий круг партийных руководителей). Он сказал, что Дума не является представительным учреждением и не выражает воли народа, потому что выборы ее бойкотировали миллионы людей и, кроме того, участвовать в выборах по закону разрешалось лишь лицам не моложе 25 лет.

— Правительство находит, что те, кто имеет менее 25 лет, не имеет права участвовать в выборах,— говорил Никита,— а если нужно идти на войну, на смерть, то достаточно иметь 21 год.

Говорят, что женщина не должна заниматься политикой. Но разве женщина не работает на фабрике, разве ее не гнетет капитал так же, как и рабочего-мужчину? Далее, избирательное право не было всеобщим. Кто не работал на фабрике или заводе шесть месяцев, тот не имел права выбирать.

Эти слова убеждали всех присутствовавших на собрании в лживости заявлений правительства о том, что выборы в

Думу проводились на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Страсти накалялись. Из толпы то и дело слышались возгласы: «Правильно!», «Верно!», «Так оно и есть!» Особенно бурно слушатели встретили следующие слова оратора:

— Разве что-нибудь изменилось со времени созыва Думы? Все осталось по-старому, то же военное положение, те же казни и расстрелы. Дума должна заняться не изданием законов, она должна была обратиться к народу и сказать, что только Учредительное собрание может все сделать.

В конце своего выступления Никита огласил проект резолюции, в котором указывалось на антидемократический характер Думы и выдвигалось требование о созыве Учредительного собрания. Депутат Рыжков в своем заключительном слове, довольно сумбурном и путаном, пытался успокоить собрание и добиться от него одобрения «полезной» деятельности думских депутатов. Однако его почти никто не слушал. «Голосовать!», «Ставьте на голосование резолюцию Никиты!» — неслось из толпы. Рыжков обратился с просьбой не принимать никакой резолюции, чтобы не обострять классовых распрей, но участники собрания настаивали: «Голосовать! Голосовать!»

В поддержку предложения С. М. Рыжкова выступил еще один оратор — член кадетской партии, но и его выступление заглушили требования о голосовании предложенной большевиками резолюции. И несмотря на протесты сторонников кадетов, резолюция была принята с огромным воодушевлением. В ней говорилось:

«Выслушав доклад члена Государственной думы Рыжкова и обсудив деятельность Думы, мы пришли к следующему заключению: теперешняя Государственная дума не является истинным народным представительством. Только всенародное Учредительное собрание, основанное на всеобщем, прямом и тайном избирательном праве, без различия пола, веры и национальности, может удовлетворить требованиям народа.

Все действительно демократические элементы Думы должны порвать связь с правительством, обратиться к народу.

Мы будем поддерживать только тех членов Государственной думы, которые до конца будут бороться за Учредительное собрание, за землю и волю»[1].

---

[1] «Донецкое слово» № 27, 28 июня 1906 года.

Эта резолюция была не совсем четкой, поскольку еще выражала какую-то надежду на то, что кадетская Дума и ее депутаты могут что-то сделать в интересах народа, но она содержала открытое осуждение характера выборов и самого существа деятельности I Государственной думы.

Авторитет нашей партии и ее Луганского комитета после этого собрания еще больше окреп, что вынуждены были признать и наши противники. Характерен в этом отношении комментарий либеральной газеты «Донецкое слово», в которой был опубликован отчет о собрании.

«Резолюция с.-д.,— указывает корреспондент газеты,— была прикрыта громом аплодисментов и поднятием рук была принята абсолютным большинством голосов... После голосования один из рабочих депутатов предложил приветствовать единственную представительницу интересов рабочего класса — Российскую социал-демократическую рабочую партию. Дружное, громовое ура огласило воздух» [1].

[1] «Донецкое слово» № 27, 28 июня 1906 года.

Хочется отметить, что в подготовке резолюции и в разъяснении собравшимся обсуждаемого вопроса большую роль сыграл наш главный оратор на этом митинге, большевик, пропагандист-профессионал Алексей Федорович Агарев (Никита). Не будет лишним сделать небольшое отступление и рассказать хотя бы очень кратко об этом человеке.

А. Ф. Агарев родился в 1878 году в Пензенской губернии в семье сельского священника. В юношеские годы окончил духовную семинарию. Затем учился на медицинском факультете в Томском университете, откуда был исключен за участие в студенческой забастовке. Преследуемый за революционную деятельность, бежит за границу, оканчивает электротехнический институт в Тулузе (Франция), где получает диплом инженера-электротехника. В партию он вступил в 1901 году и сразу же проявил себя талантливым пропагандистом ленинского направления, но в дальнейшем стал все более склоняться на позиции меньшевиков. Был членом социал-демократических комитетов в Иркутске, Уфе, Екатеринбурге, Харькове, выполнял ответственные задания Центрального Комитета партии в Самаре, Твери, Екатеринославе, Константиновке и Юзовке.

В начале 1906 года А. Ф. Агарев по заданию партийного центра прибыл в Луганск и оказал нам, большевикам, большую помощь в налаживании организационной и массово-политической работы. Он был делегатом IV съезда РСДРП от «Донецкого союза» под фамилией Дубравин и V съезда партии от юзовско-петровской организации под фамилией Антрацитов (Огарев). Вёл он себя на съездах очень неровно. Так, на одном из заседаний IV съезда, слушая выступление Плеханова и возмущенный его нападками на В. И. Ленина и большевиков, Никита чуть ли не с кулаками бросился к трибуне. В то же время при голосовании по всем основным, принципиальным вопросам он оказывался в меньшевистском лагере. Поэтому в материалах обоих съездов он справедливо охарактеризован как меньшевик.

За участие в революционной борьбе Никита неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В 1908 году, скрываясь от новых преследований,

Рост влияния большевиков в Луганске сопровождался ростом боевых настроений рабочей массы, ее решимости и готовности с оружием в руках сражаться против самодержавия, помещиков и буржуазии. Разгон царским правительством в

бежал в Париж, где входил в группу содействия социал-демократов (большевиков).

Тяжелая эмигрантская жизнь забросила его в 1912 году в Канаду, где он, имея инженерный диплом, вынужден был работать чернорабочим на прокладке железных дорог и лесозаготовках. Там он встретился с русскими рабочими и крестьянами, прибывшими на заработки за океан, и создал среди них социал-демократическую организацию. В 1913 году перекочевал в США и активно работал там в русском отделе Американской социалистической партии, вел большую агитационную работу среди русской эмиграции в разных городах страны, был соредактором газеты «Новый мир».

Неправильно поняв и оценив Февральскую революцию, А. Ф. Агарев стал выступать за продолжение войны с Германией («ради спасения революции»). Он отрицательно отнесся и к Октябрьской революции, не веря в ее окончательную победу. Все это поставило его вне рядов партии, но он вернулся на родину. Некоторое время работал во Владивостоке. Во время захвата Дальнего Востока японцами бежал в Шанхай, потом вернулся во Владивосток и оттуда, уже по заданию местных органов власти, снова попал в Китай как заместитель председателя миссии Дальневосточной Республики. В 1922 году он был отозван из Китая и постановлением Дальбюро ЦК РКП(б) был назначен членом правления банка Дальневосточной Республики. В 1924 году его опять командировали в Китай для банковской работы, где он и пробыл почти три с половиной года.

Глубоко осознав свои ошибки, А. Ф. Агарев в 1928 году подал заявление о приеме его в ряды нашей большевистской партии, прошел кандидатский стаж и был принят в 1931 году в члены ВКП(б). Зная его прямоту и честность по прошлой работе, я оказал ему тогда содействие во вступлении в партию, и он впоследствии с благодарностью вспоминал об этом.

В автобиографии (она хранится в моем личном архиве) А. Ф. Агарев писал: «Когда я вернулся на свою территорию в 1922 году, Соввласть уже была победительницей на всех фронтах. Я испытал чувство неловкости проситься в партию в такой момент, принимая во внимание, что в 1917 и 1918 годах я был противником Совласти, а в 1919 году хотя и не был по ту сторону баррикад, но во всяком случае в самый тяжелый момент Совласти был вне поля боя. В то время некоторые из бывших эсеров подали заявление о вступлении в партию и их заявления в партийных кругах встретили ироническое отношение. То обстоятельство, что в этот момент были теоретически возможны и посторонние мотивы при вступлении в партию, долго было причиной многих колебаний».

Так сложилась судьба активного участника революции 1905—1907 годов Алексея Федоровича Агарева. Мне было известно, что в 1933 году он прошел проверку в связи с чисткой партии, затем я потерял его из поля зрения и не знаю, что с ним было дальше. Но в памяти моей он сохранился как верный интересам народа революционер, совершивший большую ошибку и искупивший ее своими делами.

начале июля 1906 года I Государственной думы еще более усилил эти настроения. Об этом убедительно свидетельствовал успешно проведенный в те дни общезаводской митинг на заводе Гартмана. На митинге была принята резолюция, призывавшая рабочих Луганска готовиться к решительным схваткам с царизмом ради защиты своей жизни и свободы.

Именно в это время В. И. Ленин, критикуя шатания и растерянность меньшевиков, имевших тогда большинство в Центральном Комитете партии, разъяснял, что объективная причина гибели кадетской Думы не в том, что она не сумела выразить интересы народа, а в том, что кадеты мечтали об освобождении от крепостничества, произвола, самодурства, самодержавия без свержения старой власти. Народ на опыте убедился, что народное представительство есть нуль, если оно не полновластно, если цела старая власть. Вот чему научила кадетская Дума, заключил В. И. Ленин. В качестве неотложной задачи партии В. И. Ленин определял обеспечение власти за народным представительством, устранение, разрушение, свержение самодержавного правительства. Полное осуществление этой цели, подчеркивал Ленин, возможно только путем вооруженного восстания. Он призывал соединить в один поток три ручья борьбы: рабочий взрыв, крестьянское восстание и военный «бунт».

«Давно уже, с лета прошлого года,— писал В. И. Ленин,— со времени знаменитого восстания «Потемкина» наметились вполне определенно эти *три формы* действительно народного, т. е. *массового*, бесконечно далекого от заговора, активного движения, *восстания*, ниспровергающего самодержавие. От слияния этих трех русл восстания зависит, пожалуй, всего более успех всероссийского восстания» [1].

Однако, как известно, преобладающие тогда в ЦК меньшевики отказались идти по этому, единственно верному пути. Они провели решение об участии в кадетском совещании членов распущенной царским правительством I Думы и подписали вместе с ними манифест о пассивном сопротивлении царизму. Луганский комитет партии и вся Луганская большевистская организация, как и другие местные партийные организации, были возмущены подобными действиями меньшевиков и практически игнорировали тактику «пассивного сопротивления». Мы следовали указаниям Ленина и еще более усилили подготовку к вооруженному восстанию.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 318.

Для того чтобы более правильно организовать нашу практическую работу, мы послали тогда в Петербург, к Владимиру Ильичу, одного из членов Луганского комитета партии, профессионального революционера Г. И. Левина (Анатолий. Он впоследствии отошел от партии).

Владимир Ильич тепло принял нашего делегата. Выслушав его подробный доклад, Ленин забросал его вопросами. Владимира Ильича интересовало буквально все связанное с нашей подготовкой к вооруженному восстанию: численность и состав войсковых частей, налаженность связи с ними, влияние организованных ячеек в частях, много ли рабочих среди солдат, участвовали ли воинские части в подавлении рабочих выступлений и крестьянских волнений, откуда могут быть стянуты войска в Луганск в случае неповиновения местного гарнизона. Расспрашивал Ленин и о том, какова наша собственная боевая сила и на чем приходилось испытывать ее, как отразилось на настроении широких рабочих масс подавление горловского восстания, на кого можно было бы возложить руководство боевыми действиями в случае выступлений, и о многом другом.

Ленин посоветовал Луганскому комитету РСДРП поддерживать в массах боевой революционный дух, не допускать изолированных и преждевременных выступлений, ждать общего сигнала к восстанию. Он подчеркнул необходимость всемерного развертывания профсоюзного движения и других форм борьбы рабочего класса.

«Беседа закончилась расспросом Ильича об известных ему товарищах,— вспоминал впоследствии Г. И. Левин.— Он знал тт. Володю и Наташу (К. Е. Ворошилова и К. Н. Самойлову.— *Ред.*). Напутствуемый всяческими пожеланиями, я расстался с т. Лениным.

...По возвращении в Луганск я передал товарищам содержание моей беседы с Ильичем и свои впечатления. Они вполне прониклись серьезностью изложенных мною доводов и всецело присоединились к оценке положения, данной т. Лениным. Совет его был полностью принят нами к руководству, и мы еще энергичнее принялись за работу... Попрежнему она велась под основным нашим лозунгом — через восстание пролетариата к полной победе социальной революции...» [1]

---

[1] *Г. И. Левин.* На путях революции. Изд-во «Прибой», 1930, стр. 112—113.

Нас обрадовали и воодушевили конкретные ленинские советы. Они вдохнули в деятельность Луганской социал-демократической организации новые силы, дали нам ясные перспективы борьбы, мобилизовали нас на неутомимую работу в массах — среди рабочих, крестьян, солдат.

Обо всем этом, по всей вероятности, стало известно в департаменте полиции, и именно этот момент был избран царским правительством для расправы с руководящим ядром луганских рабочих. В ноябре 1906 года в Луганск прибыла выездная сессия Харьковской судебной палаты для проведения суда надо мной, Вольфом, Чемеровским и другими организаторами июльской забастовки 1905 года на заводе Гартмана. Нас это не застало врасплох, и мы смело пошли на суд, чувствуя твердую поддержку всех луганских пролетариев.

В день начала процесса тысячи рабочих завода Гартмана и других луганских предприятий прекратили работу и вышли на улицу. К зданию, где намечено слушание нашего «уголовного» дела, собрались огромные массы народа. Судебная сессия оказалась как бы в западне.

Меня и других подсудимых ввели в зал заседаний суда, и мы увидели тревогу и растерянность у всех, кто находился в этом зале,— и у судебных чиновников, и у охраны, и у тех «именитых» горожан, которые были допущены на процесс. Чувствовалось по всему, что они охвачены паникой и едва скрывают обуявший их страх перед теми тысячами, которые молча ждали на улице начала процесса.

Раздалось: «Встать, суд идет!» Все встали; из боковой комнаты к стоявшему на возвышении столу прошли председатель суда и члены выездной сессии. На них не было лица. Бледные, с бегающими глазами, они с тревогой поглядывали на окна.

Председатель суда, не сказав ни слова, стал перебирать бумаги на столе. Нам показалось даже, что орден на его груди — какая-то серебристая звезда — мелко дрожал. Наконец неуверенным голосом он объявил:

— Судебное заседание объявляю открытым. Прошу членов суда удалиться на совещание.

Через несколько минут судьи вновь заняли свои места, и председатель сообщил, что суд постановил слушание объявленного дела отложить и перенести его рассмотрение на другую сессию.

Это решение стало моментально известно на улице. Там его встретили с ликованием. Нас, подсудимых, приветство-

вали громкими криками. С пением революционных песен мы победителями прошли по улицам Луганска.

Так рабочие Луганска, мои верные товарищи и боевые соратники по революционной борьбе, второй раз избавили меня от царской тюрьмы.

В донесении славяносербского окружного исправника генерал-губернатору Южно-Горно-Заводского района обо всем этом говорилось следующее:

«На 29 сего ноября в г. Луганске было назначено к слушанию выездной сессией Харьковской судебной палаты с участием сословных представителей дело по обвинению рабочих завода Гартмана Ворошилова и других в вооруженном сопротивлении полиции при забастовке 8 июля 1905 года, вследствие чего все рабочие названного завода утром означенного числа прекратили работы, дабы тем выразить протест против суда над товарищами»[1].

На этом рапорте генерал-губернатор начертал: «Полковнику Кузинцеву: следует иметь за заводом Гартмана особое наблюдение, поскольку это уже не первое донесение о не совсем приятном настроении рабочих. Нет ли там особой организации? Какой состав организации?»

Вполне понятно, что мы ничего не знали об этой переписке. Но наша большевистская организация, о существовании которой лишь догадывался царский сатрап, не только успешно действовала, но и все более закалялась в революционной борьбе.

ВТОРАЯ ПОЕЗДКА В ФИНЛЯНДИЮ

Складывавшиеся обстоятельства убеждали нас в необходимости быть готовыми к разного рода провокациям со стороны власти. Мы не чувствовали себя вполне подготовленными к этому: по-прежнему у нас было плохо с оружием. Посоветовались и решили снова отправиться в Финляндию.

Я стал тщательно продумывать план новой поездки. Прежде всего надо было позаботиться о надежной базе в Петербурге, где можно было бы прятать оружие.

По приезде в столицу Г. И. Левин (он в то время работал в Петербурге) свел меня с большевиком Казаковым, членом военной большевистской организации, существовавшей тогда

---

[1] «Донбасс в революции 1905—1907 годов», док. № 134, стр. 169.

при Центральном Комитете (была ли то его настоящая фамилия или партийная кличка, я не знаю до сих пор). Он предложил использовать в качестве базы для хранения оружия особняк одного из петроградских архитекторов, фамилию которого я уже забыл. По его словам, жена архитектора была революционно настроенной женщиной и уже оказала большевикам немало различных услуг.

На следующий день он познакомил меня с моей будущей помощницей. Это была еще молодая, довольно симпатичная женщина. Она обещала помочь нам. Мы договорились, что будем привозить к ней закупаемое оружие. Заручившись ее поддержкой, мы с Левиным поехали в Териоки и там с помощью нашего финского друга Они Комулайнена приобрели довольно крупную партию браунингов и маузеров. Переходили через границу так же, как и в первую мою поездку сюда,— поодиночке. Способ же транспортировки, как и прежде, был довольно примитивным — прикрепляли оружие на специальный пояс.

На этот раз я возвращался в Петербург по маршруту, который мне порекомендовал мой спутник по первой поездке И. И. Рябков: через Шувалово и Новую деревню. Преимущества этого пути были в том, что можно было миновать Финляндский вокзал, где постоянно кишели полицейские и шпики. Поездка прошла благополучно. Она не запомнилась бы ничем особенным, если бы не идея, пришедшая мне на одном из привалов. Я даже удивился, как это раньше я не додумался до этого: к чему все эти контрабандистские вылазки, когда можно спокойно путешествовать с большими и тяжелыми чемоданами, назвавшись представителем известной фирмы «Зингер», снабжавшей чуть ли не всю Европу своими швейными машинами!

Казаков и жена архитектора одобрили мой замысел. Наша добрая помощница, энергичная и заботливая женщина, по собственной инициативе согласилась приобрести для меня соответствующую одежду и подходящие чемоданы. Она же инструктировала меня, как следует вести себя в обществе коммивояжеров, если придется очутиться в их среде. Ей не раз приходилось иметь дело с представителями этой фирмы. Я оказался способным учеником и, облаченный в соответствующий костюм, совсем преобразился.

Очередная моя поездка в Финляндию в новой роли агента фирмы «Зингер» прошла успешно. На обратном пути я нанимал носильщиков и платил им чаевые. Обычно предупреж-

дал их, чтобы несли чемоданы осторожно, не ставили их резко, чтобы не повредить «запасных частей к швейным машинам».

И только один случай заставил меня поволноваться. Это было на станции Белоостров, где производился обычный таможенный досмотр. Два моих роскошных чемодана, поставленные в коридоре у дверей купе, поблескивали никелированными замками и угольниками и не могли не привлечь внимания. Я заранее обдумал, как себя вести, если дело дойдет до распаковки. Расчет мой был прост: не признаваться, что чемоданы мои. Их внесли носильщики, они могли перепутать купе и поставить чемоданы не там, где надо.

Но я хорошо понимал, что если полиция вздумает поинтересоваться и мною, то мне не сдобровать. Она не ограничится проверкой только паспорта. А в одном из моих карманов лежал миниатюрный маузер — вещь, явно непохожая на запасные части зингеровского производства.

С видом скучающего человека я «рассеянно» смотрел на перрон сквозь вагонное окно. Контролеры приближались к нашему купе. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы в это время таможенники не обнаружили контрабанду у одной вполне благопристойной барыни. В вагоне поднялся шум, многие любопытные спешили к купе, где застряли таможенники.

Отправку поезда задержали, но дальнейший осмотр шел быстро и невнимательно. Чемоданов моих не тронули.

Все накопленное в подвале у архитектора оружие пришлось вновь переупаковать, а патроны уложить в большую круглую кожаную коробку, в каких продавались модные шляпы-цилиндры. Багаж выглядел солидно. Я надеялся, что никто мои вещи не будет поднимать, а носильщикам придется приплатить.

Они надсадно крякали при погрузке, а я заботливо при каждом их резком движении предупреждал:

— Ради бога, осторожнее. Это же запасные части к швейным машинам. Их легко сломать или попортить. Благополучно добравшись до Москвы, я пересел здесь на другой поезд, идущий в Ростов.

Других пассажиров в купе не оказалось, и я хотел было прилечь отдохнуть. Но в это время в коридоре послышался топот и раздался веселый смех многолюдной компании. В вагон ввалилось несколько человек в офицерской и гражданской одежде: оказывается, вся эта ватага провожала единст-

венную среди них женщину, хорошо одетую и очень красивую. Она оказалась моей соседкой.

Распрощавшись с провожавшими ее офицерами, женщина сняла шляпку и огляделась.

— А мы в этой суматохе даже не познакомились,— обратилась она ко мне.

Я назвал вымышленное имя и, конечно, представился агентом по распространению и продаже зингеровских швейных машин.

— Приходится бывать в разных городах. Клиенты засыпают фирму заказами. Сейчас я развожу не только машины, но и запасные части к ним.

— Это очень хорошо,— ответила пассажирка.— Машины все больше вытесняют ручной труд. Много ли сделает швея одной иглой?

Мы разговорились. Она рассказывала о семье — муже-полковнике и о двух дочурках, которых она называла «милыми ангелочками», о книгах, театре, музыке, выдающихся артистах. Вряд ли я был интересным собеседником. Хотя и прочитал массу книг, но многое из того, о чем говорила моя спутница, мне было неизвестно, особенно из сферы искусства, и я внимательно ее слушал. Это ей нравилось.

Поезд шел неровно, часто замедляя ход,— ремонтировали пути.

Мне это было явно ни к чему, так как опоздание поезда могло сбить с толку тех, кто должен меня встретить.

Женщина заказала чай, разложила на столике хлеб, свежие овощи, яйца, жареную курицу. Она предложила мне разделить с ней «скромное угощение», но я, сославшись на то, что «плотно позавтракал», с нетерпением ждал какой-нибудь большой станции, где можно перекусить.

Вот за окном промелькнули семафор, водонапорная башня, какие-то строения. Поезд стал замедлять движение. Вроде бы самому себе я сказал:

— Надо хоть немного размяться. Пойду посмотрю, что за станция.

Я вышел на перрон налегке — пиджак мой остался в купе. Стоянка предполагалась довольно продолжительная, и я спокойно мог успеть поесть. Но только я расположился в буфете, как увидел, что наш поезд тронулся. Видимо, из-за опоздания его отправили раньше срока.

Я кинулся за ним. Но состав уже набирал ход. С великим трудом настигнув хвостовой, я уцепился за поручни и повис

над грохочущими колесами. Струя встречного ветра била в лицо, слепила глаза, грозила сбросить на мелькающие внизу шпалы. Неимоверным усилием воли и мускулов мне удалось дотянуться до подножки. В тот же миг надо мной раздался грозный окрик, сдобренный отборной руганью:

— Куда прешь, сигай обратно!

Посмотрев вверх, я увидел над собой громаднейший сапог, готовый вот-вот опуститься на мою голову. Оказалось, что я прицепился к почтовому вагону со специальной стражей.

Еще миг, и я полечу в пропасть. Раздумывать было некогда.

Молящим голосом я стал просить стражника не спихивать меня с подножки, так как я пассажир второго класса из этого же поезда.

— Смотри-ка ты, пассажир какой нашелся. Слазь, говорю,— продолжал ругаться тот, но уже менее сурово.

Время было выиграно. Осмелев и успокоившись, я объяснил, что опоздал на поезд, так как его отправили раньше времени.

Стражник и сам знал о досрочном отходе поезда со станции.

— А ну, покажь билет,— прорычал он.

— Где же мне его взять,— спокойно ответил я,— вот доедем до остановки и я с удовольствием предъявлю вам его — он вместе с моим пиджаком остался в купе. Там же и мои чемоданы. Ведь я агент фирмы «Зингер».

Железнодорожный службист продолжал смотреть на меня недоверчиво.

Путь в тамбур вагона был по-прежнему мне закрыт, и я продолжал висеть на нижней ступеньке.

Так продолжалось до тех пор, пока поезд не подошел к станции. На остановке я спрыгнул на платформу и стал разминать затекшие ноги. Стражник внимательно наблюдал за мной, а затем вдруг соскочил с подножки и угрожающе направился ко мне.

— Нет, голубчик,— прорычал он.— Так я тебя не отпущу. Пойдем-ка к начальству!

Подталкивая меня в спину, он повел меня в направлении к станционному помещению. Вдруг из толпы прогуливающихся пассажиров ко мне кинулась моя соседка по купе.

— А я вас потеряла совсем,— обрадованно защебетала она.— Решила, что вы отстали от поезда, и вот иду заявлять

об этом станционным властям, чтобы сняли ваш багаж. Где же вы пропадали?

Увидев важную даму, мой непрошеный спутник смешался. Дама все поняла.

— Какое безобразие! — возмущенно воскликнула она.— Как вы смели! Это мой попутчик.

Железнодорожный охранник, вытянувшись перед дамой, козырнул ей и попросил извинения...

В Миллерове я должен был сделать еще одну пересадку на поезд, идущий в Луганск. Я любезно попрощался со своей спутницей. Она сказала, как мне показалось, не без сожаления:

— До свиданья... Мне было приятно с вами. Буду рада видеть вас в Ростове.— И сообщила мне свой адрес.

Меня никто не встречал. Опоздание поезда спутало все карты. Поезд на Луганск, на который я должен был пересесть, уже ушел, и ожидавшие меня, чтобы не вызывать подозрений полиции своим бесцельным шатанием по платформе, вынуждены были скрыться. Делать было нечего, и я попросил носильщиков занести мои вещи в помещение вокзала.

Устроившись в углу зала, стал незаметно наблюдать за тем, что происходит вокруг. Здесь было не больше десяти — двенадцати пассажиров.

Степенно прохаживались два полицейских. Буфетчик обменивался с ними незначительными фразами.

Стало смеркаться. Пассажиров становилось все меньше. В зал вошел начальник станции и стал о чем-то разговаривать с полицейскими. Порой они над чем-то громко смеялись и время от времени обращали свои взоры в сторону буфета. Я тоже поспешил к буфетной стойке. Заказав графин вина, закуску, я учтиво обратился к полицейским и начальнику станции:

— Не разделите ли вы со мной компанию: ужасно не люблю одиночества.

Те охотно согласились. Мы выпили и разговорились. Я заказал еще вина.

— А каков ваш город или поселок? Я впервые в этих местах,— сообщил я.— Из-за опоздания поезда не успел пересесть на луганский. Придется ждать следующего. Есть ли тут приличная гостиница?

— Наша гостиница вам не понравится,— ответил за него полицейский с усами,— комфорту нет. Да и далеко она.

— В эту пору и извозчика не всегда найдешь,— добавил другой.— А носильщики в такую даль ни за что не пойдут.

— Так как же мне быть, господа? Посоветуйте, пожалуйста.

— А что тут советовать,— ответил, широко улыбаясь, начальник станции и потянулся к вину.— Располагайтесь здесь, как у себя дома,— вот и весь вам сказ. Отдохнете не хуже, чем в гостинице,— здесь хоть клопов нет.

— Но ведь это не положено,— усомнился я.

— Кому нельзя, а кому льзя,— парировал начальник станции и заплетающимся голосом добавил,— ночуйте на здоровье, я разрешаю.

Мне только это и надо было. Пожелав им всем доброй ночи, я отправился к своим чемоданам. Разумеется, я и не думал спать. Мои знакомые покинули зал. Дежурная закрыла входную дверь изнутри и ушла в свою комнату. Все стихло. Я боялся действительно заснуть.

Но дорожная усталость брала свое — сон одолевал. Я задремал. Проснулся, когда было уже раннее утро. Входная дверь была открыта, пассажиров в зале не было.

Выругав себя за ротозейство, я проверил, на месте ли вещи, и похолодел: исчезла коробка с патронами.

Неужели она в лапах полиции? Или ее «прибрал» жулик, что немногим лучше. Увидев, что добыча не та, он тоже может заявить полиции. Вскочив со скамьи, я растерянно озирался по сторонам. Из дежурки вышла женщина, которая видела все — и как я выпивал с начальником станции и с полицейскими, и как с их разрешения укладывался спать. Она тихо спросила:

— Вы ищете свою коробку?

Вопрос был задан в упор, и надо было немедленно отвечать. Но что это — провокация, ловушка? Я взял себя в руки и как мог спокойнее ответил:

— Действительно, куда-то девалась моя шляпная коробка. Ума не приложу.

— Ее не украли, она у меня в комнате,— сообщила женщина.— Можете ее взять.

В голову снова хлынули всякие мысли. Может быть, дежурная действует заодно с полицейскими или ворами? Они хотят заманить меня в детскую комнату и, пока там никого нет, расправиться со мной или нажиться на моем несчастье. Да и как могла эта женщина поднять и перенести такую тяжесть, ведь коробку и носильщик едва поднимал.

— Зачем вы это сделали? — спросил я ее, едва сдерживая обуревавшее меня волнение.— Кто вас об этом просил?

— Да никто меня не просил,— поспешила ответить она, видимо, уловив в моем голосе тревогу и подозрение.— Сама я. Вижу, заснул молодой человек, рука и ноги на чемоданах, а коробка-то на виду, безо всякого присмотра. А утром всякое может быть,— глядишь, и позарится кто-нибудь на чужое добро. Вот я и решила забрать ее к себе. Да уж больно тяжела она, идите возьмите сами.

Снова взметнулось чувство подозрительности. Но во всей фигуре женщины, в ее лице и глазах было столько теплоты и доброжелательности, что я упрекнул себя за подозрительность.

Коробка была цела и невредима, лишь сверху прикрыта женским головным платком. От сердца отлегло, стало легко и радостно. Взяв коробку, я поблагодарил женщину за внимание и хотел дать ей хоть немного денег.

Лицо женщины вспыхнуло, и она решительно отстранила мою руку.

— Не надо,— сказала она.— Неужели вы думаете, что я поступила так ради денег? Я мать. Может быть, где-нибудь и мой сын вот так же мается с сумками.

Да, это была настоящая мать, каких мне немало пришлось встретить на моем долгом жизненном пути,— их доброта не вознаграждается деньгами...

Так закончилась моя вторая поездка за оружием. Теперь почти каждый член нашей боевой дружины был обеспечен маузером или браунингом. Наш боевой дух еще более окреп, и мы с еще большей уверенностью смотрели вперед.

Приближались новые решительные схватки с нашими классовыми врагами — самодержавием, помещиками и буржуазией. И мы были полны решимости отдать этой борьбе все свои силы. Мы твердо верили в нашу победу.

ВРАГ НАСТУПАЕТ

Как и предполагал В. И. Ленин, меньшевистское большинство Центрального Комитета, избранного на IV (Объединительном) съезде РСДРП в Стокгольме, продолжало проводить оппортунистическую линию в руководстве революционным движением, проводило соглашательскую политику. Меньшевики все больше сползали вправо, все дальше отхо-

дили от самостоятельной пролетарской политики, все больше приспосабливались к чуждой пролетариату линии — лозунгам и политике либеральной буржуазии. Все это диктовало необходимость быстрейшего исправления положения и отсюда, как самая неотложная, вытекала задача созыва нового, V съезда партии.

С требованием проведения нового партийного съезда выступил Петербургский комитет и многие другие партийные организации, где преобладали большевики. Вскоре это стало всеобщим мнением партии, в том числе и нашего Луганского большевистского комитета, который горячо включился в развернувшуюся по всей стране непосредственную подготовку к съезду. Эту работу нам приходилось вести в очень сложных условиях и в неустанной борьбе против меньшевистской части нашей организации, которая пыталась навязать рабочим свои оппортунистические установки. В борьбе с меньшевиками мы стремились повысить боеспособность нашей партийной организации, пополнить ее новыми передовыми рабочими, укрепить все звенья нашего большевистского подполья.

Большое значение мы придавали кампании по выборам во II Государственную думу, разоблачению уловок царского самодержавия, пытавшегося спрятать за Думу, как за ширму, свою преступную внутреннюю и внешнюю политику. В условиях спада революции большевики внесли существенную поправку в свою избирательную тактику. «Теперь как раз наступило время,— отмечал В. И. Ленин,— когда революционные с.-д. должны перестать быть бойкотистами. Мы не откажемся пойти во вторую Думу, когда (или: «если») она будет созываться. Мы не откажемся использовать эту арену борьбы, отнюдь не преувеличивая ее скромного значения, а, напротив, всецело подчиняя ее, на основании данного уже историей опыта, другого рода борьбе — посредством стачки, восстания и т. п.» [1]

Нам в Луганске было известно, что на Всероссийской партийной конференции в Таммерфорсе (ноябрь 1906 года) меньшевики с помощью бундовцев провели решение о допустимости блоков с кадетами. Это был явный отход от установки IV партийного съезда. Нас возмущал этот новый оппортунистический шаг меньшевиков, но мы знали, что Ленин и его единомышленники от имени большевистской части кон-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 343.

ференции выразили «особое мнение», которое явилось по существу избирательной платформой большевиков. Именно этим документом мы и руководствовались в своей работе на местах.

«Особое мнение» большевиков, или как его называли иногда, «заявление четырнадцати» (по числу большевистских делегатов конференции) было написано В. И. Лениным и исключительно четко определяло обстановку и задачи партии в тот период. В нем говорилось: «Основными задачами социал-демократической избирательной и думской кампании являются, во-первых, выяснение народу полной непригодности Думы, как средства осуществить требования пролетариата и революционной мелкой буржуазии, в особенности крестьянства. Во-вторых, выяснение народу невозможности осуществить политическую свободу парламентским путем, пока реальная власть остается в руках царского правительства, выяснение необходимости вооруженного восстания, временного революционного правительства и учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. В-третьих, критика I Думы и выяснение банкротства российского либерализма, в особенности же выяснение того, насколько опасна и гибельна для дела революции была бы первенствующая и руководящая роль в освободительном движении либерально-монархической партии к-д» [1].

Что такое кадеты, мы хорошо знали по собственному опыту. Поэтому нам было понятно и близко определение, данное им В. И. Лениным. «Кадет,— писал В. И. Ленин в газете «Пролетарий»,— типичный буржуазный интеллигент и частью даже либеральный помещик. Сделка с монархией, прекращение революции — его основное стремление. Неспособный совершенно к борьбе, кадет — настоящий маклер. Его идеал — увековечение буржуазной эксплуатации в упорядоченных, цивилизованных, парламентарных формах» [2].

Разве могли мы допустить, чтобы кадеты и их партия оттеснили нас от руководства массами и подчинили революционное движение своему влиянию? Конечно, нет. Поэтому мы сделали все возможное, чтобы не допустить никаких соглашений с кадетами, разоблачить меньшевистскую линию на объединение с кадетами в избирательной борьбе как

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, изд. 7, стр. 140.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 25.

отступничество от революционных идеалов и прямое предательство интересов рабочего класса и всех трудящихся. Это было особенно важно для укрепления союза рабочего класса с крестьянством и высвобождения его из-под влияния либеральной буржуазии.

Мы неуклонно следовали ленинским указаниям о том, чтобы пролетарская партия выступала на выборах как самостоятельная классовая сила и что допустимы лишь частичные соглашения на высших ступенях избирательной кампании с революционно-демократическими партиями (трудовиками, эсерами) в целях разоблачения и поражения правых партий, кандидатов либеральной буржуазии. Тактика «левого блока» должна была содействовать укреплению позиций рабочего класса и сплочению под его руководством всех демократических сил страны. В результате ее осуществления мы сумели обеспечить в Луганске внушительную победу левых сил как на первом, так и на втором этапе избирательной кампании.

Выборы в Думу были двухстепенными. Вначале избирались выборщики, и лишь они из своей среды избирали депутатов Государственной думы. В число выборщиков мы старались провести надежных большевиков, им поручалось проведение агитационной работы в массах. Думали мы и о кандидатурах для избрания в состав Думы. В числе других называлась и моя кандидатура, но я не подходил по возрасту. После тщательного отбора остановились на кандидатурах весьма популярных в рабочей среде Ивана Николаевича Нагих и Моисея Наумовича Фридкина. Надо было позаботиться о том, чтобы обеспечить нашим кандидатам необходимую поддержку на всех стадиях избирательной кампании.

В созданную нами избирательную комиссию мы выделили своих пропагандистов и агитаторов. Луганский комитет выпустил ряд листовок и других избирательных материалов. В близлежащие населенные пункты — села и рудники — были посланы наши лучшие товарищи для агитации за список кандидатов социал-демократической партии. Накануне выборов мы провели специальные митинги почти на всех предприятиях Луганска. В день выборов все наши партийцы и наиболее сознательные беспартийные рабочие вышли на улицы для встреч с избирателями, раздавали им социал-демократические списки и агитировали голосовать именно за этот список, за своих братьев-рабочих. Наши труды не пропали даром — на первой стадии нам удалось добиться настолько удовлетворительных результатов, что по Луганску и прилегаю-

щему к нему району мы обеспечили почти полную победу социал-демократического списка (не прошли лишь два наших товарища и то из-за формальных придирок).

В числе выборщиков по Луганску оказались: от гартмановского завода социал-демократы, большевики Гуров, Волошинов, Нагих, Недзельский и Фридкин, от патронного завода — социал-демократ, большевик Иванов и лишь от коллектива железнодорожных мастерских был избран беспартийный рабочий Зарченко, придерживавшийся правых взглядов. По Луганскому району заводов и шахт, в пределах Славяносербского уезда, были избраны 21 социал-демократ и два сочувствующих социал-демократии, три эсера и лишь один черносотенец. Однако выборы черносотенца были кассированы; так как мы сумели доказать, что они проводились под нажимом полиции [1]. В этом также сказалось влияние нашей социал-демократической организации.

Результаты первичных выборов в избирательной кампании еще больше укрепили авторитет Луганского партийного комитета. Нас успех радовал еще и потому, что он был достигнут в результате проведения большевиками открытой, честной политики, тогда как все другие организации «Донецкого союза», где преобладали меньшевики, действовали путем различных сговоров с кадетами. В отчете избирательной комиссии говорилось:

«Своей агитацией луг. с.-д. (луганские социал-демократы.— *Ред.*) всколыхнули весь город. Значение с.-д. организации возросло. Это было выступление рабочей партии, и население принимало список как список рабочих. Итак, пролетариат выступал на городских выборах; пролетариат выдвинул открыто свои революционные лозунги; пролетариат боролся с кадетами и черносотенцами. Нигде в Екат. губ., кроме Луганска, не было выступлений пролетариата, руководимого с.-д. Были лишь выступления с.-д. оппозиции, что фактически сводилось к пособничеству кадетам» [2].

Это было существенным достижением нашей социал-демократической организации, но впереди были еще самые напряженные дни избирательной борьбы. Необходимо было закрепить успех и обеспечить избрание в Думу наших рабочих представителей. Там надо было объединить усилия социал-демократических организаций в масштабе всей губер-

[1] См. «Русская жизнь» № 38, 14 февраля 1907 года.

[2] «Красная летопись», 1923, № 8.

нии. По инициативе губернского избирательного комитета, созданного «Донецким союзом», для предварительного согласования кандидатур в конце января на одном из рудников Юзовского района была созвана губернская конференция уполномоченных и представителей партийных организаций. Мы имели на ней семь представителей.

На конференции разгорелась напряженная борьба мнений. Нам хотелось выдвинуть представителем в Думу рабочего-электрика Моисея Наумовича Фридкина. Он был активным большевиком, членом Луганского партийного комитета, одним из организаторов профессионального общества рабочих завода Гартмана. Однако против него ополчились меньшевики и эсеры.

Не считаться с ними мы не могли, особенно на последней стадии выборов, когда губернскому социал-демократическому избирательному комитету в борьбе против правых пришлось пойти на временное соглашение с кадетами и крестьянами-трудовиками. Соглашение с кадетами и группой крестьян предусматривало, что из восьми депутатских мест от губернии два места предоставляется социал-демократам, три — кадетам и три — крестьянам-трудовикам. Кадеты тоже возражали против кандидатуры М. Н. Фридкина. Пришлось выдвинуть кандидатуру Ивана Николаевича Нагих. Мы явно сожалели при этом, что поступаем таким образом, так как кандидатура Фридкина была во всех отношениях более предпочтительна: он был более твердым и принципиальным в своих убеждениях [1].

Договорившись о кандидатуре, мы не ослабили разъяснительной работы и вели ее вплоть до дня выборов. Большую роль при этом сыграла наша легальная партийная газета «Донецкий колокол», на страницах которой мы развернули агитацию за избирательную платформу социал-демократической партии, за список рабочей партии. Газета подвергала резкой критике кадетов и разоблачала правые партии как злейших врагов народа (статьи «Близятся выборы», «Кого и как выбирать?» и другие). Единственной партией, которая наиболее полно и последовательно защищает интересы народа, подчеркивала газета, является партия социал-демокра-

---

[1] Как оказалось в дальнейшем, Нагих не оценил оказанное ему доверие, проявил колебания и нестойкость в своих убеждениях, переметнулся на сторону меньшевиков. После Октябрьской революции он осознал свою ошибку и вновь вступил в ряды большевистской партии.

тов, поэтому нужнс голосовать за кандидатов, выставленных социал-демократической партией [1].

На выборах, состоявшихся 6 февраля 1907 года, крайние правые партии — октябристы и черносотенцы — потерпели полное поражение. Депутатами II Государственной думы по рабочей курии оказались избранными социал-демократы — рабочий паровозостроительного завода И. Н. Нагих и рабочий из Константиновки Г. Е. Белоусов. Это был крупный успех социал-демократической организации Донбасса.

Завершив избирательную кампанию по выборам во II Думу, мы начали готовиться к V съезду РСДРП (к этому времени нам стал известен порядок дня съезда).

В листовке Луганский партийный комитет обратился ко всем социал-демократам и рабочей массе с призывом принять участие в обсуждении тех вопросов, которые были вынесены на съезд. В партийных организациях шли предсъездовские дискуссии. Особенно жаркие споры шли вокруг вопроса о так называемом «рабочем съезде».

В основе меньшевистской затеи с «рабочим съездом» лежало стремление ликвидировать революционную партию рабочего класса. И несмотря на то что меньшевики с пеной у рта доказывали, что идея «рабочего съезда» дает трудящимся возможность широко использовать легальные возможности и сулит им иные блага, рабочие сравнительно быстро поняли ее ликвидаторскую сущность. Именно поэтому все наши организации высказались против «рабочего съезда» и осудили тех, кто высказывается за созыв этого съезда, как своих идейных противников.

Для широкого разъяснения большевистской платформы и критики идейных позиций меньшевиков Луганский партийный комитет провел в Луганске и близлежащих рудниках и шахтах ряд массовок и собраний, на которых большевистские и меньшевистские ораторы имели возможность изложить свои взгляды. И повсеместно меньшевики терпели поражение. Не помогли им и приглашенные из центра представители. Меньшевистские лидеры, приезжавшие на подмогу своим местным единомышленникам, уезжали из Луганска ничего не добившись и к тому же основательно потрепанными в дискуссионных сражениях.

Большую помощь в борьбе с меньшевиками оказал нам большевистский центр в Петрограде, прислав в Луганск профессиональных революционеров Наташу (Конкордию

[1] См. «Донецкий колокол» № 16, 6 января 1907 года.

Николаевну Самойлову) и Антона (Аркадия Александровича Самойлова). Оба они были хорошо подготовленными марксистами. С их помощью мы усилили пропагандистскую работу в районах, широко организовали распространение нелегальных изданий — газет, брошюр, листовок.

Несмотря на неблагоприятные условия, у нас действовало около 15 марксистских кружков, в каждом из которых занималось по 10—18 человек. Они изучали доклад В. И. Ленина об Объединительном съезде РСДРП. В качестве пропагандистов мы использовали товарищей из своей среды, но наибольшей популярностью среди рабочих и слушателей наших кружков пользовалась Конкордия Николаевна Самойлова.

Будучи опытным профессиональным революционером, она живо откликалась на все наши нужды и запросы, не считалась со временем и трудностями условий подпольной работы, вместе с мужем постоянно была в гуще рабочих, печатала и часто сама же распространяла листовки и прокламации.

Мы провели большую организационную и политическую подготовку не только среди большевиков, но и среди всех луганских рабочих.

Большое значение в жизни Луганской большевистской организации в этот период сыграло районное социал-демократическое собрание, состоявшееся 8 февраля 1907 года в заречной части Луганска — Каменном Броде. На этом собрании я подробно доложил о предстоящем партийном съезде. Развернулись широкие прения — обсуждался вопрос о характере дальнейшей работы организации, проект наказа нашему депутату II Государственной думы, меры против усиления безработицы и массового увольнения рабочих. Мы не знали, что на собрании присутствовал полицейский шпик (все это нам стало известно лишь при Советской власти, когда в наши руки попали кое-какие документы из полицейских архивов).

Полицейский агент доносил: «Из сообщения представителей собрания усматривается, что дела организации идут довольно успешно, что видно из того, что требования, предъявленные ими администрации, понемногу удовлетворяются. Так вопрос о расчете 847 рабочих паровозного завода отсрочен до 1-го апреля. Организация считает необходимым обеспечить себя запасом оружия, и, по имеющимся сведениям, ею сделан в Севастополе заказ такового на сумму 1500 р.»[1]

[1] ЛИРА. Дело департамента полиции № 5, ч. 15, 1907 год, донесение Юзовского охранного отделения за № 177.

Организация наша набирала новые силы. К V съезду РСДРП она насчитывала в своих рядах 1070 человек. По условиям представительства мы имели право избрать от нашей организации на съезд двух делегатов. Избраны были К. Н. Самойлова (Наташа) и я. Чтобы как-то яснее подчеркнуть свои идейные позиции, я поехал на съезд под фамилией Антимекова («меками» мы называли меньшевиков), а Наташа назвалась Большевиковой. Помнится, В. И. Ленин, узнав об этом, заразительно смеялся и похвалил нас за эту выдумку.

Не могу не привести отчета о работе, проделанной нашей социал-демократической организацией, подготовленного к V съезду партии. Над ним работали все наши районщики и подрайонщики, все партийные организации города. Составление и обсуждение отчета потребовало несколько специальных заседаний Луганского комитета.

Впервые он был опубликован в газете «Пролетарий» № 16 за 1907 год и с тех пор был воспроизведен полностью лишь однажды в статье Т. Харечко «Из истории РСДРП в Донбассе (1906—1908 гг.)», в журнале «Летопись революции» № 1 за 1927 год [1].

Вот как выглядел этот документ, который очень дорог мне и всем, кто имел хоть какое-то отношение к нашей деятельности.

«Состав луганской организации

В состав луганской организации входит тысяча с лишним организованных рабочих крупных и мелких предприятий. Организация разбита на 4 района: гартманский, патронный, железнодорожный и городской, состоящих из представителей всех цехов каждого завода, а в городском районе — от ремесленных цехов. В более крупных предприятиях (напр., на заводе Гартмана) есть еще подрайоны или цеховые комитеты, организованные в каждом цехе.

Совокупность всех районов составляет руководящий коллектив, созываемый для совместного обсуждения важнейших вопросов как общепартийной, так и местной жизни. Во всех случаях, требующих мобилизации всех организованных рабочих (напр., для выборов уполномоченных, перед забастовкой и т. п.), кроме районного коллектива созывается коллек-

[1] В сокращенном виде отчетный доклад луганской организации РСДРП V съезду был опубликован также в книге Г. Я. Емченко, В. И. Калашникова, П. Н. Шморгуна «Так начинались битвы. Большевики Луганщины накануне и в период первой русской революции (1900—1907)», стр. 120—124.

тив всех подрайонов. Каждый район выбирает своих представителей и общегородской комитет, являющийся идейным и практическим руководителем луганской организации.

В Луганске имеется несколько профессиональных союзов (профсоюз завода Гартмана, союзы типографщиков, булочных, портных и приказчиков. Самый крупный и влиятельный из них — союз рабочих завода Гартмана — включает половину всех рабочих завода (около двух тысяч) и существует всего полгода, остальные союзы образовались лишь в самое последнее время. Влияние с.-д. организации на эти союзы не сказалось в должной степени отчасти потому, что союзы эти еще не успели окрепнуть, отчасти вследствие недостатка сил для идейного руководства. Так, союз рабочих завода Гартмана и союз приказчиков обращались за лекторами в столицу, но все попытки в этом направлении оказались безуспешными. В таких случаях особенно чувствуется необходимость для нашей партии в разъездных лекторах для обслуживания профсоюзов, представляющих благоприятную почву для распространения с.-д. идей путем лекций и рефератов.

Идейная работа луганской организации выразилась прежде всего в пропаганде и агитации устной и письменной. Пропаганда особенно широко велась весной и летом благодаря возможности собираться под открытым небом. Зимой, вследствие неблагоприятных квартирных условий, пропагандистская работа значительно сократилась; могло функционировать от 10—15 кружков по 10—15 человек (в каждом). Но зато пропаганда выиграла в качестве, так как занятия в кружках велись систематически по программе, принятой пропагандистской коллегией. Особенный интерес рабочие выявили к аграрному вопросу и к вопросу об отношении с.-д. к другим партиям: к эсерам, анархистам и кадетам. При занятиях лекции пропагандистов сопровождались беседой, и эта последняя система занятий особенно нравилась рабочим. Пропагандистская коллегия за последнее время перестала собираться вследствие малочисленности пропагандистов, что вызвало ослабление пропагандистской работы в железнодорожном и городском районах.

Агитация. По поводу различных вопросов общеполитической жизни устраивались возле заводов массовки и митинги (особенно по поводу рекрутского набора и по поводу Гос. думы). Наиболее многолюдные митинги происходили возле завода Гартмана. Луг. комитетом был выпущен целый ряд листков по наиболее важным вопросам текущей жизни.

За последнее полугодие были выпущены листки следующего содержания:

1) об экспроприациях; 2) о черной сотне; 3) о предстоящем расчете на заводе Гартмана; 4) два листка к рабочим патронного завода; 5) листки к рабочим суконной фабрики и винного склада с призывом к организации; 6) листок ко всем рабочим по поводу V партсъезда. С началом предстоящей избирательной кампании вся письменная агитация сосредоточилась вокруг предстоящих выборов. Были выпущены следующие листки: 1) два листка «Ко всем гражданам» (о предстоящих выборах в Думу); 2) ко всем рабочим города Луганска (о выборах уполномоченных на заводах); 3) ко всем приказчикам города Луганска; 4) плакаты в день выборов с призывом голосовать за с.-д.; 5) листок о результатах выборов в Луганске. Всех листков было издано около 30 тысяч. Кроме своих листков Л. к-м (Луганским комитетом.— *Ред.)* были переизданы: листок ПК под заглавием «Три партии» и платформа ЦК с поправками, принятыми на общерусской конференции. Было переиздано также «Письмо крестьянина к Николаю II». Всего перепечатанных изданий за полгода было около 20 тысяч.

В декабре — январе месяцах удалось взять в свои руки местную газету «Донецкий колокол», в которой были помещены статьи по вопросам программы и тактики. Газета просуществовала непродолжительное время, так как была закрыта по распоряжению генерал-губернатора. В ближайшем будущем есть надежда возобновить издание своей газеты. Кроме местной газеты Л. к-т распространял периодические партийные издания, как-то: «Пролетарий», «Вперед», «Новый луч», «Социал-демократ» и др., а также легальную литературу партийных издательств, которая имела наиболее широкое распространение среди рабочих завода Гартмана.

До последнего времени б ю д ж е т луганской организации составлялся из взносов самих рабочих; но вследствие общего кризиса, отразившегося на положении местных рабочих, заработки их настолько понизились, что организации пришлось прибегнуть к сборам среди буржуазии. Повседневная работа луганской организации приняла несколько иной характер с наступлением избирательной кампании, которая потребовала от организации напряжения всех сил. Для проведения избирательной кампании при Луганском комитете была организована избирательная комиссия. Прежде всего перед организацией ребром встал вопрос, вести ли избира-

тельную кампанию самостоятельно и проводить свой список или же вступать в соглашение с кадетами. По этому вопросу обнаружились резкие разногласия, вследствие чего местный коллектив трижды пересматривал этот вопрос. Два раза коллектив высказался против соглашения с кадетами, но под давлением м-ков (меньшевиков.— *Ред.*) — членов избирательной комиссии, ссылавшихся на призрак черносотенной опасности и отказавшихся работать в избирательной комиссии без соглашения с кадетами, коллектив разрешил лишь условно вступить в соглашение с кадетами, т. е. лишь перед самыми выборами, в случае, если все усилия провести самостоятельный список окажутся бесплодными. Приняв такое решение, организация направила все усилия на проведение самостоятельного списка. Предложение местных кадетов вступить с ними в соглашение было отвергнуто луганской организацией, и лишь за неимением кандидатов социал-демократов избирательной комиссии пришлось включить в список кандидатов 3-х сторонников трудовиков. Для проведения избирательной кампании были использованы все наличные силы организации. Были устроены поездки по уезду с целью агитации за с.-д. список.

Был выпущен целый ряд листков («Ко всем гражданам», «Ко всем рабочим», «О выборах уполномоченных», «Ко всем приказчикам» и др.), для чего весь город был разбит на избирательные участки. Открытая агитация была сильно стеснена невозможностью устраивать предвыборные собрания. Единственное предвыборное собрание, устроенное октябристами, было широко использовано с.-д. Выступил целый ряд ораторов с.-д., которым удалось завладеть аудиторией, и, несмотря на то что черносотенцы мобилизовали на это собрание все свои силы, победа осталась за с.-д.

В день выборов большинство организованных рабочих оставило работу на заводе, чтобы вести агитацию среди избирателей и раздавать им с.-д. списки. Накануне выборов возле заводов были устроены митинги. В результате всей кампании с.-д. список прошел почти целиком, за исключением двух кандидатов, не прошедших по чисто случайной причине (благодаря формальным придиркам было забраковано много с.-д. списков). Покончив с выборами в Луганске, организация приняла участие в общегубернской конференции с.-д. уполномоченных и выборщиков с участием представителей от организации.

Конференция была созвана, чтобы столковаться о выбо-

рах делегатов на последней стадии. Луганский комитет делегировал своих представителей в губернский избирательный комитет, который и руководил выборами депутатов в Гос. думу. Из двух депутатов с.-д. от Екатер. губ. один — член луганской с.-д. организации, рабочий завода Гартмана. Непосредственно за думской кампанией началась подготовительная работа к V партийному съезду. Был выпущен листок к рабочим по поводу предстоящего партийного съезда, с кратким разъяснением порядка дня съезда и с призывом всех членов организации принять участие в обсуждении вопросов, предложенных ЦК. Ввиду невозможности устраивать общие избират. собрания всех избирателей коллективом была принята двухстепенная система выборов: от каждых 10 членов партии выбиралось по одному выборщику, собрание выборщиков выбирало делегатов на съезд.

По подсчету, на коллективе число членов партии определилось свыше 1000 членов, благодаря чему решено было послать 2-х делегатов. На собраниях выборщиков происходили предварительные дискуссии между представителями обоих течений по важнейшим вопросам порядка дня съезда (например, о ближайших политических задачах пролетариата, об отношении к Гос. думе, о рабочем съезде и др.). Дискуссии проводились основательно: в каждой группе выборщиков было по два собрания [1].

По мнению самих рабочих, съездовская кампания ближе познакомила их с вопросами партийной жизни и помогла им разобраться в разногласиях, существующих в нашей партии. Особенно оживленный обмен мнений со стороны самих рабочих вызывал на дискуссиях вопрос о рабочем съезде, причем огромное большинство рабочих высказалось против беспартийного рабочего съезда.

Общий экономический кризис, переживаемый пролетариатом России, дал себя почувствовать за последнее время и луганским рабочим. Сокращение производства и угроза расчета держали рабочих все время в каком-то напряженном состоянии. Угроза расчета была приведена в исполнение, когда, воспользовавшись первым поводом (вывозом начальника на тачке), администрация закрыла завод Гартмана, рас-

[1] «Подробный доклад о ходе избирательной кампании представлен в ЦК контрольной комиссией». Настоящая сноска имеется в тексте отчетного доклада. Очевидно, при ЦК была создана временная контрольная комиссия для наблюдения за правильностью проведения избирательной кампании на V (Лондонский) съезд.

считала всех рабочих и при обратном приеме оставила за бортом наиболее сознательных рабочих. Этот расчет ослабит на время луганскую организацию, лишив ее многих передовых рабочих. Перед организацией теперь стоит задача — восстановить работу в гартманском районе, самом влиятельном из всех районов луганской организации. Кризис отразился и на других предприятиях (на патронном заводе и в железнодорожных мастерских) сокращением рабочих дней в неделю и числа рабочих часов. Нужно отметить, что под влиянием кризиса и растущей безработицы в рабочей массе стали проявляться анархические тенденции, выразившиеся в целом ряде экспроприаций и в экономическом терроре. С этого рода стремлениями приходилось бороться посредством устной и письменной агитации.

Одной из неотложных задач, стоящих перед Луганским комитетом, является создание окружной организации, объединяющей работу на многочисленных рудниках, тяготеющих к Луганску, как к партийному центру.

В этом направлении были сделаны луганской организацией некоторые подготовительные шаги, были завязаны связи с наиболее крупными рудниками, которые Луганский комитет снабжал партийной литературой и листовками... Чтобы окончательно закрепить связи и оформить окружную организацию, было решено созвать окружную конференцию из представителей от всех рудников, но провал работников[1] в Луганске помешал осуществить эту задачу. Создание окружной организации теперь потребует значительного количества работников, в которых луганская организация всегда чувствовала большой недостаток»[2].

Избрав делегатов на V съезд РСДРП и утвердив отчетный доклад луганской партийной организации съезду, мы, участники того памятного для нас собрания, хорошо понимали, какое важное дело было только что завершено. Настроение у всех было приподнятое. Расходиться не хотелось. Кто-то из членов Луганского комитета запел «Интернационал», и мы, стоя, исполнили пролетарский гимн до конца. Убедившись, что на улице и по соседству с ней все спокойно, мы по одному начали расходиться. Прощаясь, желали друг другу быть в боевой готовности.

[1] Имеется в виду арест большой группы партийных товарищей в феврале 1907 года, о котором рассказ ниже. Этот абзац отчета дописан уже после его утверждения на собрании.

[2] «Пролетарий», 1907, № 16.

Но вскоре наше настроение омрачилось. Пробравшийся в наши ряды хорошо замаскированный провокатор выдал полиции все тайны нашего районного партийного собрания. Начались провалы.

23 февраля 1907 года в Луганске было арестовано 19 наших товарищей. На квартире Наташи (К. Н. Самойловой) и Антона (А. А. Самойлова) им удалось обнаружить гектограф для печатания прокламаций, печать Луганского комитета партии, два экземпляра особенно важной для нас брошюры В. И. Ленина — «Доклад об Объединительном съезде РСДРП», два экземпляра газеты «Пролетарий», десять экземпляров отчета Луганского комитета и социал-демократической организации патронного завода, 22 листовки «Чего хочет черная сотня» и другое [1]. Конкордии Николаевне и Аркадию Александровичу удалось скрыться.

Начались тяжелые дни. Мы отлично понимали, что на этом дело не остановится. Надо было уходить в глубокое подполье, и мы, оставшиеся на свободе члены Луганского комитета, начали действовать весьма осторожно, соблюдая строжайшую конспирацию. Мне, руководителю организации, было особенно тяжко в это время, предстояло еще очень многое сделать, скрыться я не мог.

В ГЛУБОКОМ ПОДПОЛЬЕ

Все оставшиеся на свободе члены Луганского комитета ушли в глубокое подполье. Легальным продолжало оставаться лишь Правление профессионального общества рабочих завода Гартмана. Для нас это была единственная возможность сохранять связи с массами. Это дало некоторым участникам революционного движения той поры повод говорить о свертывании деятельности партийной организации и чуть ли не подмене ее работой профессионального общества. Именно так оценивает состояние партийной работы в тот период И. И. Шмыров («Летопись революции» № 3 за 1924 год).

Я не могу согласиться с подобным утверждением и полагаю, что оно является результатом неосведомленности И. И. Шмырова в подлинных масштабах подпольной работы Луганского партийного комитета и его членов в то очень тяжелое и сложное время. Он тогда был еще сравнительно

[1] ЦГИА УССР, ф. 313, 1907, д. 1755, л. 9—10.

молодым рабочим и молодым членом партии, и хотя некоторое время был районщиком в меднокотельном отделе завода Гартмана и членом партийного комитета завода, но, видимо, не знал всего, что делается в городской партийной организации.

Этим я вовсе не хочу бросить даже малейшую тень на И. И. Шмырова, которого я хорошо знал на протяжении ряда лет как верного ленинца. После поражения революции 1905—1907 годов он до его ареста в мае 1908 года возглавлял местную партийную организацию, а затем после трехмесячного тюремного заключения и работы в разных местах в 1913 году вновь поступил на Луганский паровозостроительный завод Гартмана, где в 1916 году за выступление против империалистической войны был вторично арестован и выслан в Иркутскую губернию. После Февральской революции он снова вернулся в Луганск и активно участвовал в восстановлении здесь основательно поредевшей партийной организации, был членом Луганского Совета, возглавлял профсоюзный комитет на заводе Гартмана, а вскоре, уже после Октябрьской революции и национализации завода, стал первым его рабочим директором. В дальнейшем И. И. Шмыров занимал ряд крупных хозяйственных постов и в последнее время, как пенсионер союзного значения, находился на почетном и заслуженном отдыхе. Его революционные заслуги отмечены орденом Ленина. Умер И. И. Шмыров в 1967 году.

Однако в то время, о котором идет речь, на первый взгляд действительно могло казаться, что работает в какой-то мере лишь одно профобщество завода Гартмана. Но на самом же деле под маркой профобщества скрытно от глаз даже многих партийных активистов осуществлялась очень напряженная практическая деятельность оставшихся на свободе членов Луганского комитета, и она давала весьма ощутимые результаты.

Учитывая создавшуюся тяжелую обстановку, мы сосредоточили тогда главное внимание в основном рабочем массиве города — на паровозостроительном заводе Гартмана. Не забывали при этом, разумеется, и второй по численности рабочий коллектив — патронный завод, а также железнодорожные мастерские и другие промышленные предприятия. Надо было укрепить подпольные явки, продолжать нашу агитационную деятельность, усилить двухстороннюю информацию — постоянно держать партийные организации в курсе политических событий и мероприятий, намечаемых партийным комитетом, самим знать о событиях на местах, о настроениях ра-

бочих. Все это нам более или менее удавалось, и, несмотря на то что приходилось в день два и три раза менять место пребывания, мы не теряли связи с активистами и членами комитета.

Но тучи сгущались, круг полицейских облав сужался. Товарищи не раз предлагали мне покинуть Луганск, чтобы избежать почти неминуемого ареста. Но я не мог бросить порученный мне участок: в моих руках были все связи внутри организации и я не мог уйти со своего поста, не передав их в другие надежные руки. Кроме того, мне предстояло проделать все то, что было намечено районным собранием в практической части нашего отчетного доклада V съезду РСДРП, да и доклад этот был у меня на руках, и я не знал, где тогда находилась К. Н. Самойлова — второй делегат нашей партийной организации на съезд.

Задерживало и еще одно обстоятельство — я все еще подлежал суду по обвинению в попытке к убийству полицейского во время июльской забастовки 1905 года. И хотя разбор дела был отложен, суд должен был вскоре состояться, и я считал делом своей чести защитить на суде не только себя, но и нашу социал-демократическую организацию, использовать трибуну суда для разоблачения правительственной политики подавления революционного движения. Ради этого, думалось мне, стоило рисковать.

А события тем временем развивались в Луганске следующим образом.

Ушедший в подполье Луганский комитет партии через различные звенья профессионального общества продолжал влиять на повседневные дела как на гартмановском заводе, так и в городе. С волей рабочих пока что вынуждены были считаться заводское начальство и городские власти. Однако увольнения с завода передовых рабочих продолжались, и нам приходилось защищать их. Полиция усиливала репрессии против наших социал-демократических организаций. В город прибывали войска и казачьи сотни. Их часто сменяли, потому что мы старались связаться с рядовыми солдатами и казаками и разъяснить им всю их позорную роль — душителей народа и революции. Под влиянием большевистской агитации многие из них отказывались выступать против рабочих.

К этому времени на завод Гартмана был назначен новый пристав — Григорьев, цепной пес самодержавия, известный своими зверскими жестокостями при подавлении крестьянских беспорядков в Макаро-Яровской волости. Желая выслу-

житься перед жандармерией и хозяевами завода, он установил на заводе повсеместную слежку, усилил посты на проходных, не раз открыто заявлял, что покончит на заводе с большевистской заразой.

Разнузданный держиморда не раз пускал в ход кулаки, и не только против рабочих, но и против подчиненных ему полицейских. Рабочие давали ему отпор, а рядовые чины заводской полиции были вынуждены терпеть эти унижения и издевательства. Это обстоятельство в дальнейшем имело очень важное для нас значение, о чем я скажу несколько ниже.

Меня и других большевистских комитетчиков знали в лицо полицейские, и в частности полицейский по фамилии Дубина. Хорошо зная о силе рабочей организации и побаиваясь этой силы, они старались многое не замечать; до нас доходили сведения о том, что они скрывали от своих начальников многие известные им факты. Кто знает: может, они готовили себе оправдание на всякий случай. Дубина, встречаясь со мной, называл меня по имени-отчеству, а иногда, наедине, и информировал о тех или иных событиях.

В тот период производственное напряжение на заводе Гартмана значительно снизилось, выпуск паровозов сократился и прием на завод новых рабочих был затруднен. Оставшийся без работы муж моей старшей сестры Иван Иванович Щербина просил помочь ему устроиться именно на наш завод. (Здесь рабочие зарабатывали больше, чем на других предприятиях.) Надо заметить, что к тому времени И. И. Щербина сильно пристрастился к вину и стал хроническим алкоголиком. Иногда, в пору запоев, он терял человеческий облик и тянул в кабак последние вещи из дому, где и без того царила ужасная нужда. Я не раз говорил Ивану Ивановичу, что поручусь за него только тогда, когда он бросит пить. Все это вызывало у него злость против меня. В один из запоев в его затуманенном мозгу вновь вспыхнула ненависть ко мне, и он совершил такой поступок, который едва не стоил жизни мне, да и ему самому. Вот в этой истории я и столкнулся с городовым Дубиной.

Как-то, возвращаясь с работы после дневной смены, часов в восемь вечера, я повстречался с ним у проходных ворот. Оглянувшись по сторонам, он сказал мне вполголоса:

— Будьте добры, зайдите ко мне в полицейский участок.

Меня это насторожило, и я как мог спокойнее ответил:

— Мне нечего там делать, господин Дубина.

Но полицейский, продолжая оглядываться по сторонам, настаивал на своей просьбе.

Чтобы не препираться с ним дальше и не вызвать подозрений случайных прохожих, я решил пойти с Дубиной. В полицейской будке на небольшом столике в углу лежал какой-то сверток в плотном женском головном платке.

— Это ваше,— указывая на сверток, сказал Дубина.

Я недоуменно повел плечами и вопросительно посмотрел на полицейского. Дубина развязал сверток, и передо мной открылось его содержимое — несколько револьверов разных систем, множество запасных частей к ним и несколько десятков патронов. Да, это было действительно мое имущество, хранимое в лишь мне известном тайнике. Я был огорошен: как все это попало сюда и почему Дубина меня не арестует?

— Узнаете? — спросил он.

Я ответил, что впервые вижу все это и совершенно не понимаю, зачем он все это показывает мне. И тогда Дубина сообщил, что все это принес в полицейскую будку мой пьяный зять Щербина. Гнев захлестнул мне душу. Неужели он не понимал, чем все это грозит мне? Или алкоголь совсем затуманил ему разум? По счастливой случайности он попал к Дубине, который сыграл тут, иначе не скажешь, благородную роль. Он не заявил об этом факте своему начальству, а Щербине дал по шее и выпроводил вон. Теперь он добродушно говорил мне:

— Возьмите все это, я ничего не бачив. Тильки не забудьте об этом случае,— может, и мне когда-нибудь вы пригодитесь.

Мне ничего не оставалось, как поблагодарить Дубину. Я вышел из полицейской будки и поспешил на квартиру своей сестры, чтобы рассчитаться с Щербиной. Матери и сестре я ничего не сказал, и они не могли понять причины моей возбужденности. Ивана Ивановича не было дома, но когда он пришел, то, увидев меня, как ни в чем не бывало поздоровался со мной, нисколько не удивившись моему присутствию у них в столь необычный час (я появлялся, как правило, лишь поздней ночью).

Щербина был высок и могуч и, судя по всему, значительно сильнее меня физически. Но я не думал об этом: во мне бушевала ярость, которую не могло сдержать ничто. Выхватив из кармана пистолет, с которым я в последнее время не расставался, я со всего маху ударил Ивана Ивановича в висок. Чуть вскрикнув, он мешком повалился на пол, а я кинулся

к нему, собираясь, видимо, проучить его как следует. Прижав его голову к полу, я разъяренно допытывался:

— Как же ты, пьяная рожа, дошел до такой жизни — стал своих предавать? Ты знаешь, что полагается мне за все то, что ты отнес в полицию? Где ты все это взял?

Иван Иванович отрезвел, наверное только сейчас поняв всю глубину своего падения. Он начал просить прощения за совершенную им по пьянке «глупость». Объяснил, что перевернул весь дом в поисках каких-либо ценных вещей, чтобы снести их в кабак, и в это время наткнулся на мой тайник.

— Убить тебя мало,— сказал я ему уже более спокойно, но ярость еще кипела во мне, и это хорошо понимали невольные свидетели этой сцены — моя матушка и сестра Катя. Они хорошо знали мою вспыльчивость и понимали, что, если Иван начнет препираться или вырываться, я могу совершить непоправимое. Поэтому они стали ругать его и упрашивать меня, чтобы я пожалел семью и детей, которые — мал мала меньше — жались в испуге по углам.

Это меня окончательно образумило. Но я не мог оставаться здесь ни минуты, потому что все так и кипело во мне.

— Ну, счастье твое, Иван Иванович,— сказал я ему,— что мать и сестра, да и дети здесь, а то бы пришел твой конец и расстался бы ты навсегда со своим пьянством. Попомни это.

Я ушел, а Ивана Ивановича Щербину с тех пор как подменили. И хотя он и дальше продолжал пить, но, как передавали мне мать и сестра, никогда не сказал и не сделал ничего худого.

Запомнился из той поры еще один необычный случай. Намечая контрмеры против предполагаемого увольнения рабочих, мы начали готовить забастовку, чтобы предъявить хозяевам завода свои требования по улаживанию конфликта. В отделах завода и в мастерских провели собрания, усилили разъяснительную работу среди рабочих и членов их семей. В ответ на это полицейский пристав Григорьев усилил репрессии, вновь допустил рукоприкладство. Все это вызвало новую волну рабочих возмущений против этого сатрапа, и до нас, членов Луганского комитета, стали доходить сведения о том, что кое-кто из молодых рабочих хочет разделаться с приставом по-своему.

Мы не придали этому особого значения, так как подобные разговоры велись и раньше и, кроме того, мы хорошо знали всех своих членов партии и были уверены, что никто из них не допустит никаких террористических актов. Однако жизнь

оказалась сложнее, и мы, видимо, еще слабо знали свое молодое пополнение.

Как-то поздно ночью я возвращался на квартиру и неожиданно встретил одного заводского городового. Было похоже, что он специально дежурил у моста. Как бы обрадовавшись моему появлению, он подошел ко мне и заговорил:

— Здравствуйте, господин Ворошилов, здравствуйте. Поздравляю вас. Это очень хорошо, очень правильно... Спасибо вам.

Я ничего не понял и ответил довольно грубо:

— Вы что, навеселе сегодня?

— Есть малость,— признался он.— По этому поводу и выпил. Да вы не бойтесь, все хорошо, и мы об этом ничего не знаем... Бывайте здоровы! — и он, засмеявшись, исчез.

Я пошел своей дорогой, но в душе нарастала тревога. Что за странная встреча и странный разговор? Ведь он явно подкараулил меня. К чему?

Так и не найдя ответа на эти вопросы, я дошел до квартиры и вскоре заснул. А утром уже весь город знал, что в городском саду был убит пристав гартмановского завода Григорьев. Эта весть передавалась из уст в уста и всячески комментировалась. Говорили, что вся полиция поставлена на ноги и ищут убийцу, что пристав был подлец из подлецов — так ему и надо. Во всяком случае, как мне помнится, никто не жалел о случившемся. Говорили еще, что в этой истории замешана женщина и что убийство произошло, возможно, на почве ревности. Нас это не касалось, и не нам было жалеть об этом человеке.

Кто убил Григорьева, мы тогда так и не узнали, да и не хотели вникать в это дело. Лишь много лет спустя, уже после революции, об этом рассказал в своих воспоминаниях уже упоминавшийся мной И. И. Шмыров. Он писал:

«В скором времени после локаута нам стало известно, что жандармерия решила очистить гартмановский завод от большевистской заразы, для чего на должность пристава назначен был некий Григорьев, прославившийся зверской жестокостью при подавлении крестьянских беспорядков в Макаро-Яровской волости. С занятием должности, новый пристав составил список подлежащих аресту. Список начинался Ворошиловым и кончался рядовыми районщиками: нужно было принимать меры. Это дело поручили охотникам, каковые немедленно нашлись: Рыжов-младший, Кокарев и Стояновский»[1].

[1] «Летопись революции», 1924, № 3, стр. 102.

Как описывается далее, эта группа и покончила с Григорьевым, при этом Рыжов был ранен приставом. Однако все они успели бежать из сада через забор, добрались до реки, где у них была приготовлена лодка, и скрылись, никем не замеченные.

Хотя И. И. Шмыров и указывает, что группа действовала по чьему-то поручению, я должен категорически заявить, что такого поручения Луганский партийный комитет тогда никому не давал и это, по всей вероятности, было делом какой-то группы, примыкавшей к эсерам или анархистам. А мы, большевики, не только не разрешали ничего подобного, но и всемерно боролись против всякого рода выходок, и когда нам становились известны участники всякого рода анархистских «операций», мы строго наказывали их.

Это было крайне необходимо, потому что индивидуальный террор не только был чужд большевистской идеологии, но и угрожал разложением наших рядов и отходом наиболее горячих голов в болото анархизма, скатыванием отдельных разложившихся рабочих, имеющих оружие, на путь экспроприации, бандитизма. Так, между прочим, и случилось с одним из участников убийства пристава Григорьева. Рыжов-младший, поправившись после ранения, примкнул к одной из групп разложившихся «боевиков», участвовал в ограблении кассира Павловского рудника, а затем был захвачен в пьяном виде на станции Юрьевка и расстрелян в Екатеринославе по приговору военно-полевого суда.

Однако сам по себе факт убийства ненавистного трудящимся царского сатрапа произвел в Луганске огромное впечатление. Большинство горожан связывало убийство с политическими мотивами и было радо тому, что возмездие за жестокости и злодеяния все же совершилось. Это заставляло задуматься всех тех, кто обладал властью и был причастен к чинившимся против народа репрессиям.

Как ни странно, но особенно рады были расправе с Григорьевым его подчиненные, младшие чины заводской полиции — городовые. Смерть Григорьева избавила их от многих унижений и зуботычин, и они считали, что убийство совершено не иначе как по приговору Луганского партийного комитета. Именно поэтому и поздравлял меня городовой той памятной ночью...

Готовя забастовку, мы остро ощущали последствия провалов и арестов многих наиболее стойких большевиков. Несмотря на то, что обстановка на заводе и в городе начала

складываться не в нашу пользу, и на строжайшее требование партийного комитета не давать заводской администрации никаких поводов для массовых увольнений и других репрессий, отдельные группы неорганизованных рабочих продолжали действовать «по-своему», не считаясь ни с чем. Кое-где на поводу у них оказалась и отсталая заводская масса. Это привело к весьма печальным последствиям.

Действуя по наущению некоторых анархиствующих крикунов, рабочие механической мастерской 28 февраля 1907 года вывезли на тачке сверловщика Ивана Корсакова, обвинив его в том, что он шел против всех и добивался снижения расценок работы в целях повышения личного заработка. 2 марта такой случай повторился в железнодорожном отделе завода, где за грубое обращение с рабочими был вывезен на тачке весовщик Иван Дальнев. Через три дня после этого рабочие паровозной кузницы вывезли на тачке начальника кузницы инженера Туника. Все это дало администрации давно подыскиваемый ею повод для расправы с рабочими, и она объявила локаут, закрыла завод, оставив без работы и заработка всех рабочих.

Как выяснилось много позднее, этот шаг заводская администрация предприняла по прямому указанию Правления Российского общества машиностроительных заводов Гартмана (РОМЗГ), находившегося в Петербурге. В конфиденциальном письме на имя директора гартмановского завода К. К. Хржановского Правление писало: «Было бы очень хорошо воспользоваться настоящим случаем для удаления из завода по возможности всего самого беспокойного элемента, для приведения в норму расценок, а также удаления из завода излишка рабочих»[1]. По этой директиве с паровозостроительного завода было уволено тогда 3810 человек.

Мы не могли оставить без ответа это наступление хозяев завода на рабочих и развернули мобилизацию всех сил партийной организации и профессионального общества на защиту интересов трудящихся. На одном из собраний М. Н. Фридкин и я убеждали рабочих, что мы не должны отступать от своих требований, предъявленных заводской администрации, что нужно держаться дружно и организованно, расчетов на заводе не брать. Выступившие после нас рабочие поддержали эту линию и заявили, что будут требовать возобновления работы завода и ни в коем случае

[1] ЛОГА, ф. 2, св. 5, ед. хр. 42, стр. 14—15.

не соглашаться с увольнением рабочих, участвовавших в вывозе на тачке хозяйских холуев.

— Если администрация не согласится с этим,— сказал рабочий Трофим Кратинов,— то мы должны добиваться выполнения этих требований силой, которой у нас вполне достаточно. Мы заставим капиталистов подчиниться нашей воле.

13 марта 1907 года в 11 часов дня мы собрали в Народной аудитории расширенное собрание рабочих завода Гартмана. Будучи председателем на этом собрании, я разъяснил рабочим создавшуюся обстановку и наши задачи. В связи с локаутом, заявил я, завод закрыт и кое-кто из рабочих уже получил расчет. Положение уволенных сейчас очень тяжелое, и поэтому с них не были взысканы выданные им суммы из ссудосберегательной кассы нашего профессионального общества. Это справедливо, и сейчас не надо удерживать взятых ссуд, а когда завод снова начнет работать, за тех, кто будет принят на завод, погасит взятую ими ссуду, а за тех, кто будет уволен, мы должны уплатить взятые ими деньги сообща. Собрание с этим согласилось.

Мы договорились также и о том, что, как только завод Гартмана будет пущен, старые рабочие не должны допускать приема мастеровых, которые не работали прежде на заводе, то есть штрейкбрехеров. Рабочие должны предъявить администрации требование о принятии на работу всех остальных товарищей, уволенных при локауте.

— Если это требование не будет удовлетворено,— сказал я,— то мы вновь проведем забастовку, остановим завод, объявим администрации бойкот и не допустим ни одного штрейкбрехера.

Это предложение было принято единогласно.

Завод Гартмана простоял 22 дня. Революция шла уже на убыль, полиция все чаще и чаще обрушивала на рабочих удары, вырывая из наших рядов наиболее стойких товарищей.

Ослабление из-за строгой конспирации связей Луганского комитета с рабочей массой привело к тому, что боевой дух у многих рабочих снизился, появились настроения уныния. Часть рабочих, особенно одиноких, начала брать расчет и уезжать из Луганска в другие города — Харьков, Ростов, Таганрог, Херсон, Николаев, Одессу, Екатеринослав. Все это подтачивало наши силы.

В этих и без того тяжелых условиях на мою голову обрушилось еще одно испытание. Мне пришлось вместе с Воль-

фом, Чемеровским и некоторыми другими нашими партийными активистами предстать в качестве обвиняемого перед Екатеринославской судебной палатой. На этот раз мы были привезены в губернский центр и посажены на скамью подсудимых. Нам было предъявлено все то же обвинение в уголовном преступлении — умышленном покушении на жизнь полицейского во время июльской забастовки 1905 года. Эта судебная комедия и была, по сути, попыткой жестоко расправиться со всеми нами, и в частности со мной, как одним из главных руководителей заводского коллектива. Однако этот заранее подготовленный спектакль был сорван, и решающую роль в этом сыграли не только мои показания на допросе и показания свидетелей защиты, но главным образом... показания свидетелей обвинения — двадцати шести городовых гартмановского завода, вызванных в Екатеринослав по этому делу.

Почувствовав себя в безопасности от преследований и расправ Григорьева, свидетели-полицейские все, как один, заявили, что рабочие проводили забастовку спокойно и организованно, без оружия и что полиция сама открыла стрельбу. При этом все полицейские заявляли также и о том, что я являюсь одним из наиболее дисциплинированных рабочих завода и не только не допускал каких-либо «безобразий», но всегда выступал против беспорядков и что вообще, если бы не мое положительное влияние на рабочих, то они, наверное, разнесли бы завод.

Не знаю, что вынуждало полицейских говорить обо мне в таком тоне, от которого меня всего коробило, но, так или иначе, их показания, как единственные аргументы обвинения, рассыпались в прах и привели к тому, что вместо ожидаемой многолетней каторги я получил полное оправдание.

Эту радость решили отпраздновать. Группа рабочих, присутствовавших на суде, получила приглашение на обед от местных большевиков. Собрались дружной компанией у одного из них.

В разгар веселья я внезапно почувствовал какую-то непреодолимую тревогу. Безотчетно сильно потянуло домой. Товарищи, решив, что сказалось нервное перенапряжение, не стали меня задерживать.

Подъезжая к станции Алчевская, я издали увидел на перроне мать и сестру Анюту. Они сообщили мне печальную весть: в Луганске умирал мой отец, и теперь они ждали поезда, чтобы ехать туда.

Накануне отец со своим товарищем пошли по железнодорожной ветке со станции Алчевск на Жиловский рудник. Ночь была темная, дул сильный ветер, и они не слышали шума настигшего их поезда. Отца сбило. Упав, он зацепился за решетку под паровозом. Когда состав остановился, отец был еще жив. Его тут же отправили в Луганск в больницу. Мы застали его живым, но он был в тяжелом состоянии. При виде нас в его единственном уцелевшем глазу мелькнула радость. Вскоре при нас отец скончался.

Это горе мы тяжело переживали. Я с благодарностью вспоминаю товарищей, которые близко к сердцу приняли наше несчастье и помогли нам организовать похороны. Отец захоронен в Луганске на городском кладбище.

Проводив мать и сестру в Алчевск, я, соблюдая все предосторожности, снова включился в революционную деятельность. Товарищи рассказали мне, как идут дела, и мы договорились о неотложных мерах на ближайшее будущее. Предстояли напряженные дни по собиранию сил и налаживанию подпольной работы, восстановлению многих нарушенных связей. Необходимо было заняться созданием новой типографии. Требовала оживления работа профессионального общества, через которое можно было помочь товарищам, пострадавшим от локаута, и их семьям.

Непрерывно меняя явки и места ночевок, я упорно искал связи с К. Н. Самойловой. Нам предстояло вместе ехать на V съезд РСДРП. Только в Москве, куда я был делегирован на первую Всероссийскую конференцию профсоюза металлистов, мне удалось узнать место пребывания К. Н. Самойловой и ее мужа.

НА V СЪЕЗДЕ РСДРП

V (Лондонский) съезд РСДРП во время его работы иногда называли «путешествующим» съездом. И это было близко к истине.

Первоначально все мы, делегаты V съезда РСДРП, разными путями «накопились» в Финляндии и оттуда на пароходе переправились в Швецию. Из Стокгольма на поезде поехали в Мальме, где нас прямо в вагонах поместили на паром и таким образом доставили в Копенгаген — столицу Дании, где и должна была начаться работа нашего партийного съезда. Здесь в одном из залов, предоставленных в наше распоряжение местными социал-демократами, в тот же день

состоялась встреча большевистских делегатов с В. И. Лениным.

Владимир Ильич выступил тогда с яркой речью, в которой говорил о необходимости мобилизовать все силы рабочего класса на активное участие в революционной борьбе. Особое внимание он уделил при этом укреплению и вооружению рабочих боевых дружин. Мы, рабочие-делегаты, горячо аплодировали В. И. Ленину, потому что многие из нас были или руководителями, или членами боевых дружин и хорошо понимали, что победить в революционной борьбе можно лишь тогда, когда на вооруженное нападение самодержавия сумеем ответить не только беззаветной смелостью и решимостью стоять до конца, но и ответной силой оружия. Окружив Владимира Ильича, мы еще долго разговаривали с ним.

Расходились в отличном настроении. Однако утром, когда мы вновь явились, нас даже не впустили в здание. Дежурившие у помещения товарищи посоветовали нам быстро забрать вещи и идти в порт — там нас уже ждал пароход. Оказалось, что датское правительство в самый последний момент отказалось от ранее данного им разрешения на работу в Дании V съезда РСДРП.

Сев на пароход, мы вновь направились в шведский город Мальме, через который уже проезжали, следуя из Швеции в Копенгаген. Но и тут нас ожидала неудача: договориться со шведским правительством о проведении нашего съезда в Швеции не удалось. Отказало нам в гостеприимстве и норвежское правительство. Меньшевики, воспользовавшись этими трудностями, пытались вообще сорвать работу съезда, но благодаря настойчивости большевистских руководителей удалось договориться с правительством Англии о проведении V съезда РСДРП в Лондоне.

И вот мы в третий раз пересекаем горловину Балтийского моря — пролив Эресунн (Зунд), на этот раз, как и в первый, в железнодорожных вагонах на пароме, чтобы проследовать транзитом через территорию Дании до Эсбьерга, откуда на пароходе мы должны были выехать в Лондон. Из окон вагонов мы видели чистенькие города, поселки, железнодорожные станции.

Но не это оставило у нас самые яркие воспоминания о Дании. Больше всего нас порадовало то, что почти на каждой станции наш поезд встречали делегации рабочих с красными знаменами и плакатами, приветствовавшие русских революционеров. Так выражали нам свои теплые чувства

простые люди, рабочие, крестьяне, ремесленники, которым не было никакого дела до официальной политики датского «демократического» правительства. Им было стыдно, как они иногда говорили нам, за то вероломство, которое проявили к участникам нашего съезда официальные власти. Нас до глубины души трогало это чувство ярко выраженной пролетарской солидарности.

Рейс Эсбьерг — Лондон прошел без каких-либо происшествий. Туманная столица Англии встретила нас более или менее приветливо, но и здесь чувствовалось стремление русского самодержавия помешать работе нашего съезда, сорвать его проведение. Однако добиться этого ему не удалось, хотя и в Лондоне мы не раз замечали слежку «расейских» сыщиков,— видимо, они прибыли в Англию по специальному заданию царского жандармского корпуса. Так или иначе, но делегаты съезда оказались вне досягаемости «пашей» царизма, вдали от их «всевидящего глаза», от их «всеслышащих ушей», как сказал в свое время об этой злобной силе М. Ю. Лермонтов.

Мы собрались в помещении одной из принадлежавших обществу реформистов-фабианцев церквей (церковь Братства) на Саутгейт-Род. Именно здесь с 30 апреля по 19 мая 1907 года и проходили заседания V съезда РСДРП. Однако съезд работал лишь в будние дни, а по воскресеньям в церкви шла служба. В день отдыха мы старались познакомиться с Лондоном, с его достопримечательностями.

Вся работа V съезда РСДРП проходила в атмосфере непримиримой идейной борьбы между большевиками и меньшевиками. Борьба была столь ожесточенной, что только на рассмотрение и утверждение повестки дня съезда было затрачено шесть заседаний. И это при явном недостатке финансов — они таяли с катастрофической быстротой, их следовало всячески экономить, но фракционные страсти заставляли забывать и об этом обстоятельстве.

V съезд РСДРП был наиболее представительным съездом нашей партии: на нем присутствовало 303 делегата с решающим и 39 делегатов с совещательным голосом из 145 партийных организаций с общим числом 150 тысяч членов партии. В числе делегатов было 89 большевиков, 88 меньшевиков, 45 представителей социал-демократии Польши и Литвы, 26 представителей социал-демократии Латышского края и 55 бундовцев.

Меньшевики чаще всего блокировались с представите-

лями Бунда. Большевиков по основным вопросам поддерживала наиболее стойкая часть социал-демократических организаций Польши и Литвы, а также Латышского края. Троцкий и отдельные делегаты, не примыкавшие официально ни к одной из фракций, составляли центр, но они были явными сообщниками меньшевиков.

Большевики в ходе работы съезда все более активно наступали на ошибочную линию меньшевиков и, по существу, разгромили их, но организационно успех не всегда удавалось закрепить из-за колебаний и поддержки меньшевиков центристами. Именно такая расстановка сил позволила меньшевикам добиться снятия с обсуждения очень важного пункта повестки дня — об оценке текущего момента. Но мы все более убеждались, что благодаря зоркости и твердой принципиальной политике В. И. Ленина меньшевики терпят одно поражение за другим и большинство делегатов съезда все более твердо становится на ленинские позиции.

Особенно заметно превосходство идейных взглядов, тактической и организационной линии большевиков-ленинцев проявилось при обсуждении отчета ЦК РСДРП, а также вопросов об отношении к буржуазным партиям, рабочем съезде и беспартийных рабочих организациях. В ходе прений по этим вопросам, как в фокусе, проявились истинные взгляды большевиков и меньшевиков в оценке движущих сил и характера первой русской революции.

Сама жизнь, весь опыт нашей борьбы убедительно показывали, что только пролетариат способен довести революционную борьбу до победного конца. Однако меньшевики продолжали цепляться за свои обанкротившиеся установки, хотя всей партии и большинству трудящихся уже отчетливо было видно, что либеральная буржуазия, за чье руководство в революционной борьбе ратовали меньшевики, все более скатывалась на контрреволюционный путь.

Резко критикуя отчет меньшевистского ЦК V съезду партии, В. И. Ленин убедительно доказал, что ЦК не обеспечил выполнения решений IV партийного съезда, все более отходил от пролетарской политики, все более скатывался на путь соглашательства с либерально-монархической буржуазией, обезоруживая партию, толкая ее на путь лишь парламентской деятельности, оставляя в стороне все многообразие самых широких и действенных внепарламентских форм борьбы.

Не понимая ни роли, ни значения глубоко революционных действий крестьянства по самовольному захвату помещичьих

земель, меньшевистский ЦК дошел до того, что вопреки программным требованиям о конфискации помещичьих земель предложил думской социал-демократической фракции голосовать за кадетский проект отчуждения помещичьих земель, даже не выдвигая при этом оговорки о недопустимости выкупа.

Все это было неопровержимым свидетельством оппортунизма меньшевиков, их отхода от революционной стратегии и тактики. В. И. Ленин характеризовал все это как банкротство меньшевистской политики заигрывания и соглашательства с силами контрреволюции.

«Банкротство нашего ЦК,— говорил В. И. Ленин на съезде,— было прежде всего и больше всего банкротством этой политики оппортунизма»[1].

Осуждая оппортунистическую линию меньшевистского ЦК, большевики предлагали указать в своей резолюции по отчету ЦК, что эта линия не соответствует классовым интересам пролетариата. Это было бы настоящей оценкой деятельности меньшевиков, окопавшихся после IV съезда в ЦК РСДРП, но Троцкий и другие центристы выступили в поддержку меньшевиков. Вследствие этого меньшевикам удалось протащить на съезде резолюцию, внесенную бундовцами и социал-демократами Латышского края, в которой не давалось никакой оценки деятельности ЦК и предлагалось просто перейти к очередным делам.

Надо сказать, что такую же позорную роль сыграл Троцкий и при обсуждении отчета социал-демократической фракции II Государственной думы, допустившей в своей деятельности ряд ошибок. Вопреки требованиям меньшевиков о безоговорочном одобрении деятельности фракции, большевики настаивали на том, чтобы съезд в интересах правильного воспитания членов партии указал на ошибки фракции и выработал директивы, которыми ей предстояло руководствоваться во всей ее дальнейшей деятельности. Троцкий от имени всех центристов пугал съезд, что такая резкая постановка вопроса нанесет якобы оскорбление членам думской фракции и грозит расколом. Воспользовавшись поддержкой Троцкого, меньшевики добились того, что съезд, как и при обсуждении отчетного доклада ЦК, уклонился от оценки работы думской фракции и лишь отметил, что фракция

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 321.

«в общем и целом стояла на страже интересов пролетариата и революции...» [1].

В дальнейшем острота борьбы привела к распаду «центра», и это резко ослабило позиции меньшевиков. В итоге съезд принял большевистскую резолюцию о Государственной думе.

В резолюции подчеркивалось, что думскую деятельность необходимо подчинять внедумской борьбе пролетариата. Отстаивая эту точку зрения, В. И. Ленин говорил: «Для нас есть только одно, единое и нераздельное, рабочее движение, классовая борьба пролетариата. Этой борьбе мы должны подчинить всецело все отдельные частные формы ее, в том числе и парламентскую. Внедумская борьба пролетариата является для нас определяющей» [2].

Мы, делегаты-большевики, гордились В. И. Лениным, кристальной ясностью и четкостью его революционных оценок и выводов. Несмотря на всю сравнительную слабость своей идейной подготовки в то время, я чувствовал всю широту и глубину ленинских воззрений, и мне было даже неловко за меньшевиков — как же это они, интеллигентные и образованные люди, не могут понять таких простых вещей, что, пока власть в руках царизма и буржуазии, парламент был и будет орудием правящих классов, а наша задача — мобилизовать все силы революции и направлять их к свержению самодержавия и установлению подлинно народной власти. Пока этого нет, думал я, как же можно сводить все многообразие нашей борьбы лишь к заседательской деятельности кучки наших людей в Думе? Даже если они будут действовать безупречно, то и тогда ведь это всего лишь горстка наших представителей во вражьей крепости. Да разве можно при этом забывать об океане народных сил, который бушует в стране и рано или поздно разрушит прогнившие устои самодержавия?

Особенно яростная борьба на съезде развернулась по вопросу об отношении к буржуазным партиям. По этому вопросу было заслушано четыре доклада: Ленина (от большевиков), Мартынова (от меньшевиков), Розы Люксембург (от социал-демократии Польши и Литвы) и Абрамовича (от Бунда). Но в связи с тем, что точка зрения польских и

[1] «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП». Протоколы. Госполитиздат, 1963, стр. 614.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 361.

литовских товарищей в главных чертах совпадала с ленинской, а бундовцы, по существу, перепевали меньшевистские взгляды, основная линия борьбы проходила между большевиками и меньшевиками. В основе расхождений лежали коренные вопросы — совершенно разный подход к непролетарским партиям, диаметрально противоположная оценка роли либеральной буржуазии и мелкобуржуазных масс крестьянства в демократической революции.

Слушая доклады и прения по этому вопросу, мы еще раз убедились в том, как глубоко анализирует Владимир Ильич обстановку в стране и расстановку классовых сил, как ясно и четко, с подлинно марксистской прозорливостью определяет союзников и врагов пролетариата, видит сильные и слабые стороны революционного движения.

Отстаивая те же взгляды, которые он высказывал еще на IV съезде РСДРП, В. И. Ленин в своем докладе убедительно показал, что сама жизнь подтверждает перспективы развития революционной борьбы, намеченные большевиками.

Установки и выводы Ленина были предельно ясны и глубоко аргументированы. Углубление революции и обострение классовых битв привело к тому, что пролетариат все более осознает свою руководящую роль в революционной борьбе, все теснее сплачивается в самостоятельную классовую организацию и все более противопоставляет ее своему классовому врагу — буржуазии. Для этого он использует все завоевания революции. Буржуазия видит это и стремится любыми путями притупить остроту революционной борьбы, всячески мешает доведению революции до конца, все более склоняется на сторону реакции и все заметнее обнаруживает свою непримиримую враждебность интересам народных масс. В этих условиях продолжает нарастать острота аграрного вопроса в России: многочисленные остатки крепостничества давят и душат крестьянство и неизбежно толкают его на самую ожесточенную борьбу с самодержавием, со своими исконными врагами — помещиками. Эту борьбу крестьянства может поддержать и действительно поддерживает только пролетариат, а буржуазия идет на сговор с самодержавием и помещиками в их борьбе против революционных действий крестьянства. Из всего этого следует лишь один вывод: вождем, гегемоном, движущей силой революции может быть только рабочий класс, пролетариат, кровно заинтересованный в доведении революции до полной ее победы. И эта победа может быть достигнута лишь при условии, когда с ее пути будет

устранена либеральная буржуазия, не способная быть ни движущей силой, ни вождем революции, и тогда пролетариату удастся повести за собой крестьянские массы.

Эта большевистская линия в буржуазно-демократической революции, намеченная еще весной 1905 года, целиком и полностью себя оправдала. Революция становилась все более революцией крестьянских масс, выступающих вместе с рабочим классом и под его руководством, а либеральная буржуазия, которая в начале революции выступала как оппозиция самодержавному строю, все больше проявляла свою антинародную сущность и все определеннее скатывалась на позиции сговора, сделки с самодержавием за счет коренных интересов народа, трудящихся. Это отлично видел В. И. Ленин, но это было все еще неясно меньшевикам.

«Необходимо со всей определенностью признать,— говорил Ленин на съезде,— что либеральная буржуазия стала на контрреволюционный путь, и вести борьбу против нее. Только тогда политика рабочей партии станет самостоятельной и не на словах только революционной политикой. Только тогда мы будем систематически воздействовать и на мелкую буржуазию и на крестьянство, которые колеблются между либерализмом и революционной борьбой»[1].

Убедительная аргументация В. И. Ленина по этому вопросу и четкие, ясные установки, содержащиеся в большевистской резолюции, привлекли к себе внимание всей наиболее революционной части V съезда РСДРП, и ленинский проект был принят за основу, а меньшевистский — отвергнут. Все это вызвало новые яростные выпады меньшевиков против Ленина, и они решили поправками ослабить революционную направленность ленинского проекта резолюции об отношении к буржуазным партиям. Более 70 поправок и замечаний внесли меньшевики, бундовцы и троцкисты, и все они были направлены к тому, чтобы выхолостить революционную сущность проекта. Они настаивали на том, чтобы в резолюции осталось хоть упоминание о возможности «технических соглашений» с кадетами. Однако все эти уловки были разгаданы, и съезд утвердил ленинский проект резолюции. Это была большая победа большевиков.

Принятая съездом ленинская резолюция по вопросу об отношении к буржуазным партиям давала исчерпывающую характеристику и оценку непролетарских партий и четко

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 347—348.

определяла отношение к ним революционной социал-демократии. Все непролетарские партии были разделены на четыре группы. В первую группу съезд отнес реакционные, черносотенные партии, являвшиеся классовыми организациями крепостников-помещиков, тесно связанных с царизмом («Союз русского народа», монархисты, «Совет объединенного дворянства»). Во вторую вошли организации крупных помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии, открыто поддерживавшие царское самодержавие — «Союз 17 октября» (октябристы), и торгово-промышленная партия. В третью группу были включены партии либерально-монархической буржуазии, и главная из них — конституционно-демократическая партия (кадеты); ее социальной базой были экономически более прогрессивные слои буржуазии, буржуазная интеллигенция. Все эти партии к моменту съезда уже отвернулись от революции и ставили своей задачей прекращение ее любыми средствами. В четвертую группу съезд выделил мелкобуржуазные партии — «народных социалистов», трудовую группу, социалистов-революционеров (эсеров),— они более или менее близко выражали интересы широких масс деревенской и городской мелкой буржуазии. Они колебались между либерализмом и решительной борьбой против помещичьего землевладения и крепостнического государства, но в той или иной мере выражали интересы непролетарских трудовых масс, глубоко заинтересованных в победоносном исходе революции и поэтому являвшихся надежным союзником пролетариата в его борьбе против царского самодержавия.

Учитывая все это, V съезд РСДРП определил и свое отношение к этим непролетарским организациям. Он нацелил нашу партию на беспощадную борьбу с черносотенцами и правыми партиями, обязал социал-демократические организации разоблачать конституционные иллюзии, которые сеяли либералы в народных массах, противопоставлять либеральному лицемерному демократизму на словах подлинный демократизм пролетариата, всемерно и активно противодействовать попыткам кадетов подчинить своему влиянию и повести за собой крестьянские массы и другие слои мелкой буржуазии.

Совсем иная тактика была определена съездом в отношении трудовиков, представлявших революционную буржуазную демократию. Несмотря на свою мелкобуржуазную ограниченность, эти партии в той или иной мере отражали корен-

ные интересы крестьянства, его непримиримую борьбу против крепостнических пережитков, помещичьего землевладения. В связи с этим съезд считал необходимым, чтобы социал-демократы вырывали мелкобуржуазные, и прежде всего крестьянские, демократические, партии из-под влияния и руководства либеральной буржуазии, привлекали их на свою сторону в борьбе за доведение демократической революции до конца и в то же время подвергали критике их ошибки и заблуждения, раскрывали их псевдосоциалистический характер. Съезд особо подчеркнул, что совместные действия социал-демократов с этими партиями должны не ослаблять, а укреплять наши ряды, исключать возможность любых отступлений от социал-демократической программы и тактики, служить усилению натиска как против реакции, так и против предательской либеральной буржуазии [1].

Приняв эту резолюцию, V съезд РСДРП нанес тем самым серьезное поражение меньшевизму и вооружил нашу партию четкой и определенной тактической линией в отношении к буржуазным партиям. Решения съезда и ленинские указания явились серьезным вкладом в теорию и практику международного рабочего движения, показывая, что оценивать любые буржуазные партии и вырабатывать свое отношение к ним следует, исходя из их классовой сущности и отношения их к коренным интересам народных масс.

Позорно провалилась и была полностью разгромлена на съезде реакционная меньшевистская идея так называемого «рабочего съезда», а по существу идея создания новой, беспрограммной, разношерстной «широкой рабочей партии». Меньшевики давно уже носились с этой идеей, пытаясь прикрыть ее подлинное значение рассуждениями об укреплении связей с пролетарскими массами. Однако по своей сути это было стремление ликвидировать партию, растворить ее в широких беспартийных массах, заменить ее беспартийным либеральным союзом, который будто бы мог в любых условиях существовать и работать легально.

В стремлении добиться своего меньшевики пытались даже клеветать на нашу партию, характеризуя ее не как авангард рабочего класса, а как некое объединение представителей интеллигенции. Так, например, Аксельрод заявил следующее: «Я утверждаю, что партия наша по происхождению своему и до сих пор остается еще революционной организацией не

---

[1] См. «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП». Протоколы, стр. 636.

рабочего класса, а мелкобуржуазной интеллигенции...»[1] Взамен РСДРП, хотя он и не говорил этого прямо, он предлагал создать «широкую рабочую партию», куда бы входили не только социал-демократы, но и эсеры, анархисты, беспартийные и всякие иные представители рабочего люда, не связанные между собой никакими идейными убеждениями и никакими организационными принципами.

Это была явная клевета на нашу партию и явное стремление ликвидировать ее. Мы, рабочие — делегаты съезда, не могли терпеть эти наскоки на партию. Нам лучше, чем кому-либо из меньшевиков, было известно, что́ представляет собой наша партия и из кого она состоит. Мы знали это потому, что сами работали в низовых организациях партии и сами в какой-то мере формировали ее состав из передовых рабочих, безгранично преданных делу народа, идеалам революции. Мы не могли спокойно слушать и наблюдать прения, так как речь шла, по существу, о судьбе нашей партии, о том, быть ей или не быть, ставилось на карту все, что мы связывали с победой революции,— наша свобода, улучшение нашей жизни, будущее нас самих, наших детей, внуков и правнуков, будущее всей страны и всего нашего народа.

Вместе со своим учителем и вождем В. И. Лениным мы, рабочие-большевики, требовали не ослабления, а укрепления рядов нашей социал-демократической рабочей партии. Был выдвинут и поддержан лозунг — увеличить впятеро и вдесятеро нашу партию, но главным образом и почти исключительно за счет чисто пролетарских элементов, твердо стоявших на позициях революционного марксизма. Съезд поддержал это требование и в принятой резолюции осудил агитацию за беспартийный «рабочий съезд», еще раз подчеркнув роль РСДРП как политического вождя, боевого авангарда рабочего класса. Были намечены меры, направленные на усиление влияния партии в массовых беспартийных рабочих организациях.

Важное значение имело решение съезда об отношении к профсоюзам. В резолюции подчеркивалось особое значение профсоюзов в революционном движении и повседневной деятельности трудящихся. Съезд отверг меньшевистскую теорию «нейтральности» профсоюзов по отношению к пролетарской партии и четко определил взаимоотношения между партией и профсоюзами. В основе этих взаимоотношений лежит признание профессиональными союзами идейного ру-

[1] «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП». Протоколы, стр. 505.

ководства пролетарской, коммунистической партии и тесных организационных связей с ней. Твердое и неуклонное соблюдение этих принципов закалило профсоюзы и небывало укрепило их влияние в массах.

Эти принципы и сейчас являются залогом силы и мощи профессионального движения в нашей стране, да и во многих других странах. А где этого нет, там профсоюзы давно уже потеряли роль самоотверженных борцов за экономические и политические интересы рабочего класса, подпали под влияние буржуазии и во главе их чаще всего стоят реформистские деятели, верные слуги монополистического капитала.

Последние дни работы съезда прошли в заметной спешке, вызванной нехваткой средств на его проведение. Меньшевики попытались воспользоваться этим, чтобы не допустить преобладания в новом составе Центрального Комитета большевиков. Еще в середине работы съезда они, ссылаясь на недостаток средств, предлагали немедленно закрыть съезд.

Вопрос о нехватке средств и о дне окончания работы съезда обсуждался на 25-м (закрытом) заседании. Меньшевики предлагали тогда прекратить работу съезда без принятия каких-либо решений и при этом старались показать видимость заботы о рабочих — делегатах съезда (они, мол, имеют ограниченный отпуск и в связи с затяжкой работы съезда по приезде в Россию могут лишиться своих рабочих мест, останутся безработными). Мы, рабочие, не могли согласиться с этим фальшивым доводом.

Как и другие делегаты от рабочих организаций, я хотел дать отповедь этой меньшевистской болтовне. Попросил слова. Волнуясь и чувствуя высокую ответственность за все, что скажу, я произнес тогда первую свою речь на высшем форуме нашей партии — партийном съезде. Она уместилась в несколько строк протокольной записи:

«Говорили о рабочих. Хочу указать на одну сторону, о которой говорили здесь. Мы имеем дело не с простыми рабочими, а с.-д., которые рисковали утонуть в океане. Елкин говорил, что сама идея съезда будет дискредитирована. Мы ничего еще не сделали. Те, которые предлагают уехать, хотят дискредитировать съезд» [1].

Кстати, стоит сказать, что во всех злоключениях, связанных с переездами делегатов V съезда из страны в страну перед началом работы съезда, на что была бесцельно истра-

[1] «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП». Протоколы, стр. 695.

чена значительная сумма партийных средств, в большой мере был повинен меньшевистский состав ЦК. Это они, меньшевики, без должной твердости и гарантий вели переговоры с датскими социал-демократами и не учли всех возможных противодействий датских властей, вытекающих из их связей с русским самодержавием. Большевикам, и особенно В. И. Ленину, пришлось в то время многое сделать, чтобы исправить промахи меньшевиков и изыскать дополнительные средства на продолжение работы съезда. Большое содействие Владимиру Ильичу в решении этого вопроса оказал Алексей Максимович Горький, присутствовавший на съезде в качестве гостя вместе со своей женой и другом Марией Федоровной Андреевой.

Достать нужное количество средств за границей в спешном порядке было тогда очень трудно. Английские либералы только сочувствовали нам, но палец о палец не ударили для того, чтобы практически помочь нам. Лишь при активном содействии Горького был найден один человек, который, будучи страстным собирателем автографов, согласился дать взаймы русским социал-демократам 1700 фунтов стерлингов (по тогдашнему валютному курсу 17 000 рублей золотом) при условии, чтобы на заемном письме расписались все делегаты.

Этим человеком был лондонский либеральный буржуа, мыловар Джозеф Фэлз. При выдаче займа он не потребовал каких-либо процентов по этой сумме, и это ускорило договоренность. Конечно, мистер Фэлз в какой-то мере рисковал своим капиталом, но, думается, он рассчитывал и на то, что в крайнем случае сумеет кое-что заработать на распродаже автографов многих известных русских революционеров. Английский мыловар не просчитался: сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции взятая у него сумма была полностью возвращена ему Советским правительством.

Заем Фэлза русским социал-демократам сыграл в то время свою положительную роль. Однако размер его был все же недостаточен, и, чтобы уложиться в объем наличных средств, пришлось пойти тогда на самые крайние меры. Срок договора с церковью Братства истекал, а для завершения работы съезда требовалось еще время. По предложению В. И. Ленина было решено начать немедленную отправку делегатов в Россию, а для избрания ЦК и решения других, главным образом организационных, вопросов выделить от каждых четырех делегатов фракции по представителю.

Это предложение было принято, и последние заседания съезда проходили уже в другом месте, где и была успешно завершена работа съезда. Был при этом один комичный случай, свидетельствующий о крайней растерянности и беспринципности меньшевиков. При выборах состава ЦК кроме прошедших по большинству голосов оказалось пять человек, и в том числе один меньшевик, получивших равное количество голосов. Из них надо было путем перебаллотировки избрать лишь трех. И вот тогда меньшевики, не надеясь на избрание своего представителя, предложили бросить жребий (терять-то им все равно было нечего). Однако, несмотря на то что была уже глубокая ночь и надо было кончать работу, Ленин, будучи председателем на этом заседании, настоял все же на перебаллотировке, и она состоялась. Как и следовало ожидать, меньшевик остался за бортом состава ЦК.

На что только не шли наши идейные противники!

Хочется еще подчеркнуть трогательную дружбу Владимира Ильича и Максима Горького. Владимир Ильич часто беседовал с Горьким в перерывах между заседаниями, вместе с ним осматривал в свободное время достопримечательности Лондона, организовал его выступление перед нами, делегатами съезда, с докладом о перспективах развития русской художественной литературы. Я впервые видел тогда Горького и с гордостью думал о том, что вот такой большой писатель (а мне уже удалось к тому времени прочитать многие его рассказы) сочувствует нашему партийному делу, выступает вместе с нами за победоносное завершение революционной борьбы.

Держался Алексей Максимович исключительно просто и скромно, и казалось, что его даже в какой-то мере смущает такое внимание к нему В. И. Ленина, всех делегатов.

Зная о том, что рабочие — делегаты съезда получают на питание и другие личные нужды очень скромную сумму — два шиллинга в день — и не имеют никаких собственных средств, как это было у более обеспеченных наших товарищей из среды партийной интеллигенции, Алексей Максимович и Мария Федоровна создали для нас буфет, в котором мы имели возможность бесплатно съесть бутерброд и выпить кружку пива. Проникали в буфет и меньшевики, к досаде М. Горького. Я слышал, как он улыбаясь говорил:

— Как-то нехорошо получается, Мария Федоровна, сочувствуем мы большевикам, а подкармливаем и их идейных противников...

Как и на IV съезде, В. И. Ленин почти каждодневно встречался с большевистской частью делегатов на фракционных собраниях. Эти сборы не имели официальной повестки и специального председателя, а скорее всего походили на товарищеские беседы единомышленников. Как всегда, Ленин старался ничем не выделиться из общей массы, и чаще всего руководил этими собраниями не он, а кто-либо другой. Однако, несмотря на это, как-то получалось так, что Владимир Ильич всегда был в центре внимания, и мы всей душой тянулись к нему. Он внимательно слушал нас, интересовался многими вопросами, подбадривал, давал свои, казалось, весьма простые, но исключительно четкие и очень мудрые советы.

Вспоминается первый такой сбор нашей большевистской фракции в Лондоне перед началом работы V съезда. Владимир Ильич попросил нас, делегатов с мест, сообщить о настроениях в местных партийных организациях, о наказах, данных ими своим делегатам, и высказать свои соображения о том, как распределяются голоса большевиков и меньшевиков в составе делегаций от различных районов страны. Сообщения сделали представители из Петербурга, Москвы, Урала, Кавказа; я очень коротко доложил о представителях Донбасса. Владимир Ильич внимательно слушал нас и делал какие-то записи в свой блокнот. Иногда он выражал сомнение в оценке того или иного товарища.

— Мы должны твердо знать,— сказал он,— кто будет поддерживать подлинно революционные требования, кто выступит против них и кто проявит колебания, примкнет к центристам, «болоту». По мере возможности мы будем переубеждать их, перетягивать на свою сторону.

На этом собрании я вновь встретился с Ивановичем (Иосифом Джугашвили — И. В. Сталиным), который участвовал в работе съезда с совещательным голосом. Мы сидели с ним в разных местах, но он узнал меня и приветливо кивнул. А когда начался подсчет голосов в группе кавказских делегатов, он внес свою поправку в сообщение М. Г. Цхакая, сообщив, что двое из делегатов, отнесенных им к меньшевикам, на самом деле еще не определили четко своих позиций и вполне возможно, что один из них будет примыкать к «болоту», а другого есть вероятность склонить на сторону большевиков. Чувствовалось, что Иванович хорошо знает близких ему людей, разбирается в их настроении и со знанием дела определяет свое мнение о том или

ином человеке. В ходе работы съезда он твердо стоял на ленинских позициях.

На V съезде я встретился также с рядом замечательных товарищей, с которыми близко сошелся еще на IV съезде партии,— с Ф. Э. Дзержинским, И. И. Скворцовым-Степановым, С. Г. Шаумяном, Е. М. Ярославским. Посчастливилось мне познакомиться и со многими другими видными большевиками и очень интересными людьми, в их числе были Л. Б. Красин, В. П. Ногин, Б. К. Слуцкая, М. М. Литвинов, Юлиан Мархлевский, И. С. Уншлихт и другие.

В. И. Ленин постоянно советовался со своими единомышленниками, делегатами съезда. Когда на съезде обсуждался вопрос о так называемом «рабочем съезде», он долго и очень глубоко разъяснял нам на фракционном совещании, на какой гибельный путь толкают нашу партию оппортунисты-меньшевики. В связи с этим он высказал мнение о возможном укреплении состава ЦК рабочими непосредственно с фабрично-заводских предприятий, хорошо знающими условия местной работы и настроения масс. В качестве возможных кандидатур для обсуждения он назвал фамилии нескольких рабочих-большевиков, в том числе и мою. При этом он пояснил, что рабочие в составе ЦК были бы своеобразными мостиками или балками, которые еще теснее связывали руководящий орган партии с рабочим классом и всеми трудящимися.

Не помню уж, как начался обмен мнениями по этому ленинскому высказыванию, но я в силу своей горячности и недостаточной зрелости в то время сразу же попросил слова и отвел свою кандидатуру. К тому же попытался бестактно иронизировать, заявив, что я никак не думал, будто нашей партии, являющейся сердцевиной и авангардом рабочего класса, для связи ЦК с рабочими нужны какие-то балки.

Владимир Ильич терпеливо слушал этот мой детский лепет, но наконец не выдержал и заразительно рассмеялся. Смеясь и в шутку грозя мне обоими кулаками, он как бы говорил: «Ну и зарываешься же ты, молодой человек». Но вслух он после моего выступления произнес самые безобидные слова:

— Ведь это же только предположение...

Мне долго после этого было стыдно смотреть в глаза Владимиру Ильичу. Но он ни тогда, ни в какое другое время, хотя мне впоследствии довольно часто приходилось

встречаться с ним, ни разу не напомнил мне об этом моем промахе. И в этом проявилась величайшая гуманность и тактичность великого человека.

Наши фракционные собрания были для нас школой идейного воспитания и в то же время таким местом, где мы решали любые возникающие у нас вопросы. Характерен в этом отношении следующий случай.

В числе приглашенных на съезд был и идейный руководитель русского анархизма князь Кропоткин. Он живо интересовался ходом прений, пытливо присматривался к его делегатам и вот однажды, подойдя к нам, изъявил желание встретиться с нами, рабочими, у него на квартире за чашкой чая. Этот вопрос мы подняли на одном из наших фракционных совещаний, спрашивали, как нам быть. Помню, Владимир Ильич с улыбкой напутствовал нас:

— А что ж тут плохого — попейте чайку с князем Кропоткиным, поговорите с ним по душам. Не знаю, как вам, а ему, уверен, будет от этого большая польза.

И вот мы, группа рабочих — большевиков, уральцы, петроградцы, донбассовцы, восемь — десять человек, пошли к Кропоткину. Он встретил нас приветливо. На столе «под парами» стоял такой привычный и родной русский самовар. Нас радушно рассадила и угощала чаем не то дочь, не то родственница хозяина — молодая красивая женщина. Кропоткин, худощавый, с бородкой клинышком, какой-то очень легкий и игривый в своих сапожках с высокими каблучками, помогал ей. Нам никаких вопросов не задавал. Мы тоже молчали. Пауза становилась неловкой. Кто-то из нас спросил князя:

— Вот вы бываете у нас на съезде каждый день и, как видно, глубоко интересуетесь нашей работой, сочувствуете русской революции. Почему же вы не принимаете сейчас активного участия в революционной деятельности?

Кропоткин, мило улыбаясь, попытался отшутиться:

— Годы мои уже не те, и потом вы, наверное, знаете, что я стою за свободу личности: хочешь что-либо делать — делай, не хочешь — стой в стороне, никто и никого не должен понуждать. Человек сам несет за себя ответственность.

Разговор завязался, нам только этого и надо было. Мы стали засыпать князя вопросами, примерами, фактами.

— Человек действительно сам выбирает, что ему делать, сам несет ответственность за свои поступки,— говорили мы.— Но как все это согласуется с практикой анар-

хизма? Анархисты выступают против организованных действий рабочих, совершают грабежи и убийства, во время забастовок действуют как штрейкбрехеры.

Кропоткин уклонился от ответа и на этот вопрос.

— Каждый человек вправе поступать по своему разумению: как хочу, так себя и веду.

— Ну, а если он грабитель и вор, убил банковского служащего, отнял у него деньги, оставил вдовой его жену и сиротами его детей, тогда как? — наседали мы.

Кропоткин скорбно сморщился и пожал плечами:

— Ну, что ж, лес рубят — щепки летят.

Нам стало предельно ясно, что мы говорим на совершенно разных языках...

Запомнилось мне тогда в Лондоне многое. Делегаты съезда посетили могилу великого учителя пролетариата и основоположника революционного мировоззрения Карла Маркса. Мы постояли минуту в скорбном молчании. Ходили на экскурсию в Британский музей, где собраны сокровища почти со всего света — из многочисленных мест обширнейшей в то время английской колониальной империи. Побывали в лондонском Гайд-парке — месте постоянных прогулок горожан, массовых народных гуляний и всякого рода митингов и выступлений ораторов. Посетили один металлургический завод. Меня удивило, что основное его оборудование было более старым, чем даже на наших русских однотипных заводах. Большое впечатление произвела на меня встреча с моряками и береговыми рабочими в лондонском порту.

Лондонский морской док в устье Темзы представлял собой огромный людской муравейник, скопище судов и механизмов, место не только упорного и тяжелого труда многих тысяч людей, но и подлинную клоаку, дно капиталистического мира. Тут можно было увидеть и валяющихся пьяных докеров, и пристающих к любому прохожему женщин, и открыто орудующих карманщиков.

Все это произвело на меня тяжелое впечатление. Поэтому можно легко представить себе, с каким чувством я покидал в то время эту богатейшую страну — страну, глубоко поразившую меня своими социальными контрастами.

В завершение рассказа о V съезде РСДРП хочется еще сказать о том, что В. И. Ленин не верил в готовность меньшевиков к дружной и согласованной работе с большевиками как на местах, так и, в особенности, в довольно пест-

ром новом составе Центрального Комитета, где имелось 4 меньшевистских представителя из 12 избранных съездом членов ЦК. Об этом напоминали нам и уроки недавнего прошлого, когда после IV (Объединительного) съезда РСДРП меньшевики различными махинациями превратили ЦК в свой фракционный центр. Именно поэтому большевики на своем совещании сочли необходимым создать Большевистский центр во главе с В. И. Лениным. Жизнь подтвердила впоследствии, насколько мудрой и своевременной была эта мера нашей партийной предосторожности.

Перед тем как уехать, мы, большевики, собрались на свое последнее фракционное совещание — на этот раз не в церкви, а в одном из залов небольшого ресторана. По нашей просьбе Владимир Ильич сделал краткий обзор работы съезда и подвел наиболее важные ее итоги. Он особо подчеркнул наше главное достижение — победу большевиков над меньшевиками по всем принципиальным вопросам.

— Ход работы и решения V съезда партии,— сказал Владимир Ильич,— дают нам твердую уверенность в том, что мы идем по правильному пути. Но это только начало нового этапа в нашей работе. Надо довершить на местах разгром оппортунистов-меньшевиков, всемерно повышать сплоченность и руководящую роль рабочего класса в революционной борьбе, усиливать наше влияние на массы рабочих и крестьян, разоблачать все происки либеральной буржуазии, которая все более скатывается на путь контрреволюции. Мы победили, но не должны зазнаваться. Наш долг и обязанность — спокойно и уверенно вести массы по избранному пути с упорством и последовательностью, достойными наших великих учителей Маркса и Энгельса.

Закончилась трехнедельная работа V съезда РСДРП. Но перед нами был непочатый край дел, и мы всей душой рвались в родные места, чтобы вооружить своих товарищей, всю партию решениями съезда и обеспечить быстрейшее претворение их в жизнь.

Провожая нас, Владимир Ильич нашел для каждого теплое слово привета и напутствия, был весел и жизнерадостен, много шутил. Ему было в то время 37 лет, но он был уже общепризнанным авторитетом и испытанным руководителем партии.

РЕВОЛЮЦИЯ ПОТЕРПЕЛА ПОРАЖЕНИЕ — БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Мое возвращение из Лондона в Россию прошло без каких-либо приключений, хотя и было сопряжено с большим риском: по поручению В. И. Ленина я вез в Петроград какие-то, как мне сказали, очень важные партийные документы (содержания их я не знал). Сдав их, согласно договоренности, в издательство «Вперед», я поспешил в Луганск, в родные края, где меня с нетерпением ждали товарищи. Мне и самому хотелось поскорее попасть домой, чтобы доложить о съезде, встречах с Владимиром Ильичем, еще теснее сплотить трудящихся города и близлежащих шахт и рудников вокруг нашего партийного комитета.

В это время в стране произошли очень важные события. Реакция пошла в решительное наступление. 3 июня 1907 года была разогнана II Государственная дума. Социал-демократическую фракцию арестовали. И без того куцые «демократические свободы», объявленные в манифесте 17 октября, были сведены на нет. Избирательный закон, изданный в обход Думы, ставил новые рогатки против участия рабочих и крестьян в избирательной кампании и обеспечивал безраздельное господство в Думе ярых черносотенцев — помещиков и крупной буржуазии.

Разгон II Думы называли тогда «третьеиюньским государственным переворотом», и это выражение вполне соответствовало подлинному значению того, что произошло. Жестокие расправы царского самодержавия с участниками революционного движения свидетельствовали о поражении первой русской революции, о наступлении в стране нового периода — безраздельного господства самой черной реакции.

18 июня 1907 года я возвратился в Луганск. Представлявшая вместе со мной на V съезде РСДРП луганских большевиков К. Н. Самойлова (Наташа) по конспиративным соображениям вынуждена была остаться в Харькове. Однако она вскоре из-за угрозы ареста покинула этот город и участвовала в партийной работе в Баку, Петербурге, работала ответственным секретарем газеты «Правда», принимала участие в издании журнала «Работница», отдала

много сил организации женщин-работниц после победы Октября. И всюду она оставила по себе добрую память как верный товарищ и чуткий друг не только женщин, но и всех трудящихся.

К. Н. Самойлова погибла в 1921 году в расцвете своих творческих сил, заразившись холерой во время одной из своих поездок. Все, кто знал ее, всегда вспоминают ее имя с глубоким уважением — она была верной дочерью партии и народа до самого своего последнего часа. Это была скромная и упорная труженица, высокообразованный марксист, остроумный и жизнерадостный человек, надежный и верный борец за дело партии, за торжество революционных идеалов. К. Н. Самойлова не раз говорила, что самым ярким событием в своей жизни она считает участие в работе V съезда партии и встречи с В. И. Лениным.

Прибыв в Луганск, я не заметил среди своих заводских товарищей настроений уныния и хныканья.

Я радовался их энтузиазму и бодрому настроению. Да и как было не радоваться! В тяжелых условиях засилья в городе полицейских и конных казаков Луганский партийный комитет накануне 1 Мая выпустил боевую прокламацию и призвал рабочих к забастовке в день пролетарского праздника. В листовке говорилось, что у пролетариата есть один общий враг — капиталисты, которые во всех странах, во всех государствах льют кровь пролетариата, иссушают его тело и душу, тысячами выбрасывают на улицу. Сравнивая рабочее движение с молодыми ростками новой жизни, листовка утверждала, что нет таких сил, которые могли бы остановить молодую жизнь, победоносное шествие пролетариата, совершающееся с «такой же неизбежностью и с такой же побеждающей силой, как движение весны».

Меня в листовке особенно тронули такие слова:

«Тогда как наши западные товарищи, добившиеся политической свободы, могут отпраздновать этот день мирно и торжественно, мы, русские рабочие, должны его праздновать в то время, когда идет наша острая борьба с самодержавием и всеми союзными ему паразитами, дворянами — помещиками и капиталистами. Уничтожение власти этих привилегированных паразитов и замена ее властью народа — вот та великая цель, которую ставит себе пролетариат России. И он неуклонно пойдет к этой цели, веря в свою миссию освободителя, поведет к ней своего союзника — 100-миллионное крестьянство, которому так же, как ему,

нужно низвергнуть самодержавие, чтобы добыть землю и волю. Учредительное собрание и демократическая республика — вот наши лозунги в русской революции, и их мы провозглашаем в наш пролетарский праздник, в день 1 Мая»[1].

Этот призыв возымел свое действие, хотя условия, сложившиеся к тому времени в Луганске, совершенно не способствовали открытому выступлению. Несмотря на это, рабочие сумели все же показать свою волю и решимость: 1 Мая на заводе Гартмана не вышло на работу 889 человек, а после обеденного перерыва — уже 1149 человек. Однако вся обстановка в городе свидетельствовала о том, что надо незамедлительно перестраивать нашу тактику, делать крен на нелегальную работу.

Новые условия требовали настойчивых и в то же время осторожных и умелых действий. Партийный комитет решил как можно скорее заслушать мой отчет о работе Лондонского съезда перед массовым партийным собранием. Для успешного проведения этой партийной сходки мы развернули широкую подготовку во всех районных организациях. Надо было не только четко и организованно провести собрание под носом у полиции, обеспечить его охрану и не допустить провала, но и дать на собрании еще один бой меньшевикам, а главное — наметить четкий и конкретный план претворения в жизнь решений V съезда.

Это большое собрание состоялось в ночь на 24 июня 1907 года в Вергунской балке. На нем присутствовало около 2000 социал-демократов и передовых рабочих. В своем докладе я постарался обстоятельно раскрыть историческое значение решений V съезда РСДРП, роль В. И. Ленина, определить важнейшие задачи, вытекающие из ленинских указаний для наших конкретных условий. При этом, вполне естественно, особый упор был сделан на изменение обстановки, вызванное «третьеиюньским переворотом». Говорилось о необходимости обеспечить быстрейший переход в подполье всех партийных организаций и их руководителей, об усилении конспирации, укреплении руководства всеми легальными организациями и умелом использовании этих организаций в революционной борьбе.

---

[1] «Листовки большевиков Украины периода первой русской революции (1905—1907 гг.)», док. № 237, стр. 599.

Участники собрания горячо поддержали решения V партийного съезда, осуждали раскольнические действия местных меньшевиков, требовали усилить вооружение рабочих. Было выдвинуто много практических предложений, направленных на улучшение деятельности правления и комиссий профессионального общества, усиление работы с молодежью и женщинами, дальнейшее налаживание агитационно-массовой работы на производстве и среди членов семей.

— Теперь,— сказал один из выступающих,— самое главное — не дать отнять у нас того, что уже завоевано, сохранить нашу организацию и умело продолжать борьбу в новых условиях. Сумеем обеспечить это — сохраним силы для нового натиска на царизм и непременно победим, растеряемся — нас сомнут. Будем учиться у Ленина революционной стойкости и умению поднимать массы на борьбу в любых условиях.

Как уже говорилось, в отчете луганской социал-демократической организации V партийному съезду мы сообщали, что одной из неотложных наших задач являлось создание окружной организации, которая объединила бы работу на многочисленных шахтах, рудниках и других предприятиях, тяготеющих к Луганску. В этом направлении было многое уже сделано, но массовые провалы в феврале 1907 года резко затормозили этот процесс. Во время моего пребывания на съезде члены Луганского комитета и партийные руководители на местах, избежавшие ареста, продолжали эту работу. Теперь мы должны были ее завершить.

В тесном контакте с нашим Луганским партийным комитетом осуществляли всю деятельность партийные группы на Кадиевском металлургическом заводе и металлургическом заводе ДЮМО в Алчевске, на близлежащих шахтах и рудниках, а также на ряде железнодорожных станций (Алмазная и др.). Все они входили в состав алмазно-юрьевской социал-демократической организации. Выборный комитет этой организации включал в себя представителей от низовых ячеек и регулярно, примерно раз в неделю, собирался для решения текущих вопросов и выработки общего плана действий.

Не имея возможности провести общее собрание всех членов организации, а их было более 1000 человек, комитет время от времени созывал совещания актива или районные

партийные конференции. (На одной из них, в марте 1907 года, при участии 25 представителей от 17 рудников были проведены выборы двух делегатов на V съезд, однако в связи с их арестом они в работе съезда не участвовали.)

Донецкий бассейн в то время был молодым промышленным районом, где рядом с кадровыми пролетариями работало много выходцев из деревень, из среды городского мещанства, пришельцы из других губерний, особенно на сезонных работах на шахтах и рудниках. Эта непролетарская прослойка была питательной средой для всякого рода мелкобуржуазных течений в рабочем движении. Поэтому здесь было засилье меньшевиков. В связи с арестами многих большевиков и поддерживающих их передовых рабочих влияние меньшевиков еще более выросло. (Это сказалось и при выборах делегатов на V съезд. Константино-Горловская организация по своему составу имела право выбрать на съезд двух делегатов, юзовская — трех, авдеевская, бурозовско-ясиноватская, карповская и петровская — по одному. И во всех этих организациях делегатами съезда оказались меньшевики.)

Работа в Луганске в послесъездовские дни показала, что местные организации стремились укрепить связи между собой и с Луганским комитетом. Было радостно и то, что во многих местах к руководству выдвигаются новые надежные руководители, способная и закаленная молодежь. Среди них в Луганске был большевик А. В. Медведев; хорошо проявили себя избранные в состав партийного комитета И. И. Шмыров и П. А. Чижиков, рабочие-большевики А. И. Руденко, З. Ф. Ляпин, Василий Афонин, Федор Чекмарев, Андрей Чеканов и другие. На металлургическом заводе ДЮМО в Алчевске способным организатором рабочих показал себя только что вступивший в партию С. В. Косиор. Эти партийные активисты стали нашими боевыми помощниками.

Как я уже отмечал, особое внимание мы стали уделять деятельности профессионального общества. Это и понятно: оно стало главным легальным прикрытием для нашей партийной работы в массах.

Жизнь показала, что мы поступили весьма предусмотрительно, когда еще перед моим выездом из Луганска на V партийный съезд провели перевыборы правления профессионального общества и осуществили замену в нем наиболее видных большевиков другими товарищами, так же пре-

данными нашему общему делу, но еще не попавшими в поле зрения полицейских ищеек. Однако провалы ряда партийных и профсоюзных руководителей и некоторая растерянность правления профобщества в связи с этим не могли не сказаться на состоянии профсоюзной работы — она стала не такой четкой и организованной, как прежде, да и размах ее заметно ослабел.

Вместо того чтобы в ответ на массовое увольнение рабочих с завода Гартмана организовать мощное выступление всех луганских рабочих и трудящихся города с протестами против произвола хозяев, профобщество решило послать группу рабочих-депутатов к генерал-губернатору с просьбой о содействии. Это была явная ошибка, потому что заранее можно было предположить, что губернские власти поддержат капиталистов, а не рабочих, и не у них надо было искать сочувствия и поддержки. Были и другие промахи: правление выпустило из своих рук руководство, рабочие оказались разрозненными.

Все это серьезно ослабило общий фронт борьбы рабочих за свои права, и об этом правильно сообщалось в одной из корреспонденций из Луганска в большевистской газете «Наше эхо» (№ 4 от 29 марта 1907 года). Однако при верной оценке положения в корреспонденции содержался неправильный вывод. Корреспондент утверждал, что «при первом серьезном столкновении рабочих с капиталом резко проявилась неспособность луганских рабочих к серьезной борьбе, недисциплинированность и боязнь лишиться условий, в которых жил гартмановский рабочий». Это, мягко выражаясь, совершенно не соответствовало действительности, так как луганские пролетарии (а рабочие-гартмановцы были лучшей их частью) много раз и до этого, и после этого показывали свою боеспособность и, несмотря на все репрессии столыпинской реакции, сохранили свои силы для активного участия в Февральской и Октябрьской революциях, а также и в гражданской войне.

Ошибка корреспондента, мне думается, объясняется тем, что он плохо знал местную партийную организацию. Скорее всего это был кто-либо из тех, кто наездом попал в то время в Луганск, а таких мы встречали тогда немало — они приезжали к нам на какой-то срок, глубоко не вникали в нашу работу и при малейшей опасности покидали наш город. Во всяком случае, я уверен, что ни один наш партийный активист той поры, да и любой простой рабочий не мог

писать о луганских пролетариях с таким пренебрежением и с таким неверием в их революционные силы [1].

Неверным является и другое утверждение автора данной статьи: «Какие бы причины ни сорвали стачки, одно необходимо констатировать — мартовский локаут гартмановского завода разрушил цитадель луганской большевистской организации и открыл все пути для разнузданной реакции». Здесь все поставлено с ног на голову. Не локаут, проведенный хозяевами завода Гартмана, открыл пути для расправы с рабочими. Это произошло потому, что начался спад революции, усилилось наступление реакции. В условиях подъема революции, когда Совет рабочих депутатов был фактическим хозяином положения в Луганске, заводская администрация никогда не посмела бы объявить локаут, и в ту пору она вынуждена была лавировать и шла на уступки. Изменились условия, перевес в силах оказался на стороне правящих кругов, помещиков и буржуазии — совсем иными стали и действия заводской администрации.

Да, луганские большевики в то время понесли огромный урон, исключительно усложнилась их деятельность в условиях подполья, не обошлось и без дезертирства из партийных рядов. Но уничтожить до конца большевистскую орга-

---

[1] К сожалению, в отдельных научных исследованиях о деятельности луганской партийной организации в тот период субъективные суждения берутся на веру, без критического осмысливания. Так случилось с Т. Харечко, который в своей в целом интересной и содержательной статье «Из истории РСДРП в Донбассе (1906—1908 гг.)», опубликованной в журнале «Летопись революции» № 1 за 1927 год, основываясь на сообщении упомянутого выше корреспондента, утверждал, что профессиональное общество рабочих Гартмана, или, как он его называл, гартмановский союз, «все время вело примирительную, улаживающую политику; администрации оно было не менее полезно, чем рабочим. Но как только союз вступил в столкновение с ней, она тотчас же выпустила свои скрытые когти».

Несомненно, что в работе правления и всего состава профессионального общества рабочих завода Гартмана были серьезные недостатки и ошибки, но не они определяли существо их деятельности. Правление и все рабочие, объединенные в профессиональное общество, много сделали для отстаивания интересов трудящихся и были боевыми помощниками луганской большевистской организации. И отношение заводской администрации к нашему профсоюзу было разным в разное время не потому, что он вел «улаживающую политику», а прежде всего в зависимости от соотношения классовых сил в стране, от размаха революции. Администрация вынуждена была считаться с рабочими и удовлетворять их требования, когда революция была на подъеме. По-иному она стала действовать, когда обстановка изменилась и революция пошла на убыль. В этих условиях, вполне естественно, администрация стала выпускать «свои скрытые когти».

низацию в Луганске в то время царской полиции и жандармерии не удалось. Луганские большевики стойко вынесли все испытания и вышли из них еще более окрепшими и закаленными. Об этом свидетельствует весь боевой путь славной луганской партийной организации [1].

Массовое увольнение рабочих во время локаута на заводе Гартмана привело к росту рядов безработных и резко ухудшило и без того тяжелое положение многих рабочих семей. Все это порождало у отдельных рабочих упадочнические настроения, и надо было как-то повлиять на них, разъяснить им создавшуюся обстановку, вселить уверенность в то, что, как бы ни злобствовала реакция, мы еще увидим и такое время, когда шквал новой революции сметет с лица земли господство самодержавия, помещиков и капиталистов. В этих целях Луганский большевистский комитет решил провести в Ботаническом саду сходку луганских безработных и поручил мне выступить на ней с политическим докладом.

Чтобы обмануть бдительность полиции, мы собрали сходку 2 июля 1907 года на рассвете. На ней присутствовало около 120 безработных — представителей от разных районов. Все они внимательно слушали мое сообщение об изменившейся обстановке в революционной борьбе, о наступлении реакции, о Ленине и его несокрушимой вере в силу и непобедимость народных масс, о необходимости организованного отступления под натиском превосходящих сил контрреволюции.

— Вся наша сила в сплоченности и организованности,— убеждал я наших безработных товарищей,— и если мы будем взаимно поддерживать друг друга и действовать не в одиночку, а всей массой, то мы всегда и везде сумеем отстаивать наши интересы. Когда же наступят более благоприятные обстоятельства, произойдет новый подъем революции — а в этом не может быть никакого сомнения,— мы будем действовать еще более решительно, чем в 1905 году, и обязательно одержим победу. Поэтому нельзя унывать и опускать руки, надо действовать, и даже сейчас, когда условия нашей борьбы очень сильно осложнились, мы должны не просить, а требовать от властей, чтобы все безработные

[1] Кстати сказать, тот же автор, Т. Харечко, в другой своей статье более объективно характеризует луганскую социал-демократическую организацию, называя ее «единственной в прошлом крепостью большевизма в Донецком бассейне» («Летопись революции», 1926, № 6).

получили работу и могли обеспечить своим семьям хотя бы минимальные возможности для существования.

Рабочий класс,— сказал я в заключение,— такая сила, без которой не смогут действовать ни фабрики, ни заводы, ни шахты, ни рудники. Мы даем обществу уголь, металл и другую разнообразную продукцию, поэтому будущее должно принадлежать нам, а не тем, кто сидит на нашей шее и богатеет за счет эксплуатации нашего труда.

Участники сходки оживились, поддерживали доклад своими репликами, и я чувствовал, что настроение их резко переменилось. По моему предложению они решили избрать из своей среды делегацию и направить ее к исправнику и в городскую управу с требованием о предоставлении работы всем безработным.

Это предложение было принято единогласно. Я советовал участникам сходки держаться твердо и в случае отказа заявить властям, что ввиду безвыходности положения безработных они, чтобы не умереть с голоду, будут вынуждены сами позаботиться о своих нуждах за счет тех, у кого имеются излишки средств и продовольствия. И хотя это было всего лишь средство нажима на исправника и городскую управу, многие участники сходки выступили против этого, опасаясь арестов и других репрессий.

После ухода делегатов я вкратце познакомил участников сходки с Программой и Уставом нашей партии, с решениями V съезда РСДРП и призвал наиболее сознательных рабочих к вступлению в наши ряды. Правда, к партии примкнули лишь немногие — уж больно опасным и трудным был тогда путь любого партийца, и не всякий мог пойти на этот шаг в условиях наступления реакции.

Нашим делегатам не удалось найти исправника, а в городской управе им заявили, что этот вопрос нельзя решить сразу, но власти примут все меры, чтобы облегчить положение безработных. Разумеется, это была уловка, но мы были довольны и тем, что сумели и в этих очень сложных и опасных условиях провести сходку, продемонстрировать свою организованность и еще раз напомнить властям, что наша организация живет и действует.

Однако обстановка в Луганске и его окрестностях все более накалялась. Репрессии царизма усиливались. Всюду рыскали полицейские, жандармы, конные казаки, шпионская агентура. Распоясались черносотенцы из «Союза русского народа» и анархисты. Они бесчинствовали на улицах

и в общественных местах, избивали рабочих, совершали бандитские налеты на рабочие окраины. В ответ на это некоторые рабочие, доведенные до отчаяния, совершали террористические акты — убийства полицейских и казаков. Это вызывало еще более жестокие репрессии со стороны карательных органов.

Разгул реакции и непрерывные аресты порождали у недостаточно закаленных рабочих уныние и даже панику. Среди наиболее отсталых из них началось пьянство, а кое-кто вступил на путь предательства интересов своего класса: стал выдавать полиции партийных и профсоюзных активистов. Отдельные наши недостаточно организованные дружинники, не понимая обстановки, требовали ответить репрессиями на репрессии, а когда мы их пытались призвать к благоразумию, уйти в подполье и строго законспирироваться — начинали действовать в одиночку, становились жертвами своей горячности и необузданности в неравной борьбе. Все это, конечно, усложняло и без того тяжелые условия нашей деятельности, но надо было со всем упорством и настойчивостью продолжать начатое дело.

За нами, руководителями партийного комитета и членами правления профессионального общества, днем и ночью охотились полицейские ищейки. Приходилось использовать все средства конспирации.

Мы старались использовать каждый час. Надо было передать в надежные руки и хорошо упрятать оружие, партийные документы, денежные средства, печать Луганского комитета, конспиративный шифр, подобрать опытных и верных людей для связи с соседними партийными организациями и большевистским центром. В это время мы работали без отдыха и передышки, спали 3—4 часа в сутки, соблюдали величайшую осторожность, часто были вынуждены гримировать свою внешность. Но дни нашей свободы уже были сочтены. В ночь на 31 июля 1907 года меня арестовали.

Дорога в Луганскую тюрьму была для меня не новой. Но тогда меня вырвали из тюремного застенка тысячи луганских пролетариев, поднявшихся на борьбу с самодержавием. Сейчас наступали иные времена.

Но могу твердо сказать, что и в те тяжкие дни у меня, как и у многих тысяч рядовых революционеров, ставших жертвами столыпинской реакции, не было и мысли о капитуляции. Я твердо верил, что для нашей партии и всего рабочего класса настанут лучшие времена и мы еще сумеем

показать всю свою силу и перед этой силой не устоит прогнивший самодержавный строй.

Находясь в тюремной одиночке в ожидании допросов и суда, я много думал о нашей революционной борьбе и с гордостью сознавал, что мы, большевики-ленинцы, действовали смело и решительно, были душой революции, подлинными ее вожаками. Конечно, мы не избежали многих ошибок. Но борьба закалила нас.

Сейчас, обозревая прожитые годы, яснее видны причины поражения революции 1905—1907 годов. Но и тогда я более или менее верно представлял, в чем заключались наши основные недостатки и слабости: нам не удалось создать повсеместно прочного союза с крестьянством; слабо мы работали в армии и не обеспечили широкий переход на сторону революции солдат и матросов; не имели в достатке оружия, слабо и нерешительно использовали его в революционной борьбе против самодержавия; не сумели мы до конца и повсеместно разоблачить оппортунистическую, соглашательскую политику меньшевиков, сеявших в массах вредные иллюзии, будто либеральная буржуазия заинтересована в победе революции и призвана ею руководить, лживо утверждавших, что свободу и лучшую жизнь можно якобы добыть мирным, конституционным путем. Открытое соглашательство либеральной буржуазии с царизмом, думал я, должно до конца рассеять у народа эти иллюзии и еще яснее показать подлую роль меньшевиков, пресмыкавшихся перед классовыми врагами пролетариата.

Я вновь и вновь вспоминал В. И. Ленина, беседы с ним, его напутствия нам, делегатам-большевикам, после закрытия V съезда РСДРП. Хотелось поделиться с товарищами своими мыслями, но я был в одиночной камере и немыми свидетелями моих раздумий были только тюремные стены.

Революция побеждена, рассуждал я, но она потрясла основы самодержавия, о ней узнал весь мир, и она многому научила нас, явилась суровой проверкой подлинной роли, стремлений и целей всех классов и политических партий, принимавших в ней участие. Мы, передовые пролетарии, можем гордиться своим рабочим классом и нашей рабочей ленинской партией: они всегда и везде были на передовой линии борьбы, вели за собой массы и поэтому по праву завоевали всенародное признание. Правда, мы понесли самые большие потери, но все это не пройдет бесследно, разбудит дремлющие силы во многих странах.

Эти нестройные и отрывочные мысли, конечно, не охватывали событий в целом. Позднее, будучи уже в ссылке, я много думал о революции 1905—1907 годов, связывал с нею подъем стачечного движения в Германии, Австро-Венгрии, Франции, странах Балканского полуострова, рост национально-освободительного движения в Турции, Персии, Китае, Индии, Афганистане, революционное брожение в странах Латинской Америки. Было радостно сознавать, что наши жертвы не пропали даром, и крепла уверенность в том, что мы скоро покажем, на что способен русский рабочий класс, идущий в авангарде всех угнетенных народных масс Российской империи.

Мне была известна ленинская оценка исторической роли нашего рабочего класса в те годы и того опыта, в приобретении которого и мне выпало счастье принимать непосредственное участие.

В статье «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России» В. И. Ленин писал: «...своей геройской борьбой в течение трех лет (1905—1907) русский пролетариат завоевал себе и русскому народу то, на завоевание чего другие народы потратили десятилетия. Он завоевал *освобождение* рабочих масс *из-под влияния* предательского и презренно-бессильного *либерализма*. Он завоевал *себе* роль *гегемона* в борьбе за свободу, за демократию, как условие для борьбы за социализм. Он завоевал всем угнетенным и эксплуатируемым классам России *уменье* вести революционную массовую борьбу, без которой нигде на свете не достигалось ничего серьезного в прогрессе человечества.

Этих завоеваний не отнимет у русского пролетариата никакая реакция, никакая ненависть, брань и злобствование либералов, никакие шатания, близорукость и маловерие социалистических оппортунистов»[1].

Эти ленинские слова запомнились мне на всю жизнь. Они наполняли меня гордостью за нашу партию, за братьев по классу — рабочих-пролетариев, принявших на себя главную тяжесть революционной борьбы и оправдавших доверие и надежды трудящихся. Позднее, уже в годы Советской власти, В. И. Ленин скажет о революции 1905—1907 годов слова, ставшие крылатыми: «Без такой «генеральной репетиции», как в 1905 году, революция в 1917 как буржуазная,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, стр. 371.

февральская, так и пролетарская, Октябрьская, были бы невозможны»[1].

Мне выпало счастье активно участвовать во всех трех революциях. И я всегда с особым чувством вспоминаю свои молодые годы и все то, что довелось пережить и совершить в первую революционную бурю, нанесшую удары по самодержавному строю, подточившую его устои, подготовившую его полное крушение.

Находясь в тюрьме, я еще не знал, как сложится дальше моя судьба, какие мне будут предъявлены конкретные обвинения и что последует за этим. Было грустно от одиночества, жаль своей молодости: ведь мне шел тогда всего лишь 27-й год, тоскливо от неизвестности и неопределенности будущего. Но годы борьбы и перенесенные испытания уже достаточно закалили меня, и моя вера в неизбежность новой, победной революции была непоколебима.

Что бы ни случилось со мной, думал я, это ни в какой мере не изменит общего течения жизни, ее законов, процессов общественного развития. Условия, породившие революцию, продолжают существовать, и в этом залог неизбежности новой революции. Я не одинок, потому что существует партия; вместе с партией и своим классом я вынесу любые трудности. Мы не остановимся на полпути. «Мы наш, мы новый мир построим: кто был ничем, тот станет всем». Эти слова я часто напевал в своей одиночке.

— Прекратить пение! — грозно рявкал в «глазок» наблюдатель...

Может быть, это удел каждого человека в преклонном возрасте — вспоминать молодость, лучшую пору своей жизни. Но, честное слово, мне всего дороже именно эти годы. Годы борьбы, успехов и поражений, возмужания и накопления революционного опыта. Ради них стоило жертвовать всем: молодостью и самой жизнью...

Я никак не мог предполагать, что тюремные отсидки и отбывание ссылок вместе с побегом и редкими перерывами между ними продлятся чуть ли не семь долгих лет и составят целую полосу в моей жизни.

Я прерываю воспоминания, чтобы продолжить свой рассказ о пребывании в тюрьмах и ссылках, о других событиях моей жизни — как в дооктябрьский период, так и в годы Советской власти — в новой книге.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 306.

ОГЛАВЛЕНИЕ

